

К 200-летию

Института востоковедения РАН

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

**БЛИЖНИЙ ВОСТОК
В ПОИСКАХ
ПОЛИТИЧЕСКОГО БУДУЩЕГО**

Коллективная монография

Москва
ИВ РАН
2019

ББК 65.103.5(533)

Б 69

*Монография на 2019 г. по проекту РНФ 17-18-01614 «Проблемы и перспективы
международно-политической трансформации Ближнего Востока
в условиях региональных и глобальных угроз»*

Научные редакторы *В. Г. Барановский и В. В. Наумкин*

Ответственный редактор *А. В. Сарабьев*

Б 69 **Ближний Восток в поисках политического будущего:** (Коллективная монография) / Науч. ред. В.Г. Барановский и В.В. Наумкин, отв. ред. А.В. Сарабьев; Ин-т востоковедения РАН. – М.: ИВ РАН, 2019. – 484 с.

ISBN 978-5-89282-910-6

Вторая коллективная монография по проекту Российского научного фонда (первая была издана в 2018 г. – «Ближний Восток в меняющемся глобальном контексте») продолжает тему социально-политических изменений в Ближневосточном регионе. Авторы акцентируют внимание на общетеоретических вопросах и в своих оценках политических реалий еще дальше отходят от популярного некогда экономического детерминизма: во главу угла ставятся мотивации духовной жизни человека, вопросы идентичности, традиции и исторической памяти. Конкретные общественные процессы и военно-политические инициативы анализируются, в том числе с опорой на указанные основания. Многие главы содержат подробные отсылки к историческим событиям, отзывающимся эхом в современных реалиях.

Книга адресована востоковедам, политологам и всем, интересующимся сложнейшими мировыми процессами, средоточием которых остается Ближний Восток.

Фото на обложку предоставлено А.В. Сарабьевым (Йемен, 2010 г.)

ББК 65.103.5(533)

ISBN 978-5-89282-910-6

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ (<i>Барановский В.Г., Наумкин В.В.</i>)	7
БЛИЖНЕВОСТОЧНАЯ МОЗАИКА: ЦЕННОСТНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ	13
Глава 1. СИМВОЛЫ И ЦЕННОСТИ В МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЯХ НА БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ (<i>Звягельская И.Д.</i>)	17
Глава 2. ОТ ОКЕАНА ДО ЗАЛИВА: ИДЕНТИЧНОСТЬ ОДНОГО РЕГИОНА В УСЛОВИЯХ НЕОМОДЕРНА (<i>Кузнецов В.А.</i>).....	44
Глава 3. «МИР ВЕРЫ» VERSUS «МИР НЕВЕРИЯ»: МИФЫ И РЕАЛЬНЫЕ ТРЕНДЫ (<i>Барановский В.Г., Наумкин В.В.</i>)	69
ПОЛИТИЧЕСКИЕ СИСТЕМЫ: ОБЩИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ И СТРАНОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ	103
Глава 4. ПАРАДОКСЫ РАЗВИТИЯ АРАБСКИХ ПОЛИТИЧЕСКИХ СИСТЕМ (<i>Кузнецов В.А.</i>).....	107
Глава 5. ЛИВАНСКИЙ ВАРИАНТ БЛИЖНЕВОСТОЧНОЙ ДЕМОКРАТИИ (<i>Сарабьев А.В.</i>).....	136
Глава 6. «ТУРЕЦКАЯ МОДЕЛЬ» В КОНТЕКСТЕ РЕГИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ АНКАРЫ (<i>Шлык П.В.</i>)	167
Глава 7. ЭВОЛЮЦИЯ ПОЛИТИЧЕСКОГО РЕЖИМА ИЗРАИЛЯ (<i>Карасова Т.А., Марьясис Д.А.</i>).....	196

**ОБЩЕСТВО И ГОСУДАРСТВО:
ВЫЗОВЫ СОВРЕМЕННОГО РАЗВИТИЯ 221**

Глава 8. ФАКТОР ИГИЛ В РАЗВИТИИ
САЛАФИТСКО-ДЖИХАДИСТСКОГО
ДВИЖЕНИЯ В СЕКТОРЕ ГАЗА
(*Демченко А.В.*) 225

Глава 9. ВОЕННЫЙ КОНФЛИКТ
И ИДЕОЛОГИЧЕСКАЯ БОРЬБА В ЙЕМЕНЕ
(*Серебров С.Н.*) 272

Глава 10. КУРДСКАЯ ГОЛОВОЛОМКА
БЛИЖНЕГО ВОСТОКА
(НА ПРИМЕРЕ ИРАКА)
(*Наумкин В.В.*) 319

**СОВРЕМЕННОСТЬ,
ОПРОКИНУТАЯ В ИСТОРИЮ 345**

Глава 11. НАЦИОНАЛИЗМ И «НОВАЯ ДИПЛОМАТИЯ»
КАК ФАКТОРЫ ПОЯВЛЕНИЯ
ПОДМАНДАТНОЙ ПАЛЕСТИНЫ
(*Самарская Л.М.*) 349

Глава 12. ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ РАЗВИТИЯ
ДЕМОКРАТИИ В ТУРЦИИ
(*Жигульская Д.В.*) 372

Глава 13. САУДОВСКАЯ АРАВИЯ: ЭВОЛЮЦИЯ
ГОСУДАРСТВА И ОБЩЕСТВА
(*Косач Г.Г.*) 427

Глава 14. ОПЫТ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ
РЕФОРМ ИРАНА В УСЛОВИЯХ
ИСЛАМСКОГО ПРАВЛЕНИЯ
(*Мамедова Н.М.*) 457

ПРЕДИСЛОВИЕ НАУЧНЫХ РЕДАКТОРОВ

Представляемая читателю монография является вторым трудом коллектива авторов, который в 2016–2019 гг. работал над проектом РНФ «Проблемы и перспективы международно-политической трансформации Ближнего Востока в условиях региональных и глобальных угроз». Результаты первого этапа работы над проектом были изложены в монографии «Ближний Восток в меняющемся глобальном контексте», вышедшей в свет в 2018 г. Исследование проводилось на стыке исторического и политологического подходов, с учетом крайне противоречивого взаимодействия тенденций, развивающихся на глобальном уровне и в региональном контексте. Поскольку идущие в регионе бурные пертурбации рассматриваются нами как катарсис всего предыдущего многовекового развития, во всех главах упомянутой книги так или иначе возникали реминисценция столетней эпохи. Тем самым мы стремились показать, как нынешняя трансформация региона, которая зачастую кажется хаотичной, вызревала на фундаменте реалий отдаленного или даже относительно недавнего прошлого.

В публикуемой второй монографии авторы сохраняют интерес к выработке общетеоретических обобщений, во многом органично связанных с положениями первого труда. Однако более существенный акцент сделан на страновом аспекте развивающихся в регионе процессов, не только не теряющих динамизма, но, напротив, приобретающих еще более высокий темп. При этом страновая специфика рассматривается через призму присущих региону в целом проблемных особенностей, каждая из которых анализируется на примере избранной для case-study страны. В соответствии с таким подходом главы монографии объединены в четыре блока: «Ближневосточная мозаика: ценностное изменение», «Политические системы: общие характеристики и страновые особенности», «Общество и государство: вызовы современного развития» и «Современность, опрокинутая в историю». Каждому из блоков предпосланы вводные замечания с целью обозначить ту общую нить, которая связывает воедино вошедшие в него главы.

Исследование тех же по сути проблем, что были поставлены в первой монографии, но преимущественно в страновом ракурсе,

---

обогащает наше представление о регионе, придает научному анализу более конкретный, многоплановый, стереоскопический характер. Вместе с тем, авторы не ставили перед собой задачу разобраться в опыте всех или даже большинства стран Ближнего Востока. Это оказалось бы непосильным уже в силу неохватности материала. По данной причине за рамками нашего коллективного труда фактически остались некоторые крупные государства (такие как Египет, Сирия или Алжир) – что ни в коей мере не означает непризнания их значимости в трансформационных процессах, идущих в Ближневосточном регионе. Напротив, с учетом слишком пестрого калейдоскопа быстро развивающихся событий в этих странах и на фоне обилия поспешных попыток концептуализации со стороны многих аналитиков и ученых, авторы сочли необходимым глубже и детальнее в них разобраться, для чего требуется время, и представить свои констатации и заключения в следующей монографии, которая, как они надеются, последует за этой, представляемой на суд читателя.

В настоящей книге авторы еще дальше отходят от экономического детерминизма, следы которого обнаруживаются в ряде глав предыдущей работы. В этом контексте уместно сослаться на резонирующие с нашим исследованием некоторые мысли Фрэнсиса Фукуямы из недавно опубликованной на русском языке его книги «Идентичность. Стремление к признанию и политика неприятия».

Он обращает внимание на некоторые важные изменения в том, что касается ключевых драйверов общественного развития. Политические перипетии XX века произрастали из противостояния левых и правых, разворачивающегося в том числе вокруг экономических вопросов. Во втором десятилетии XXI в. на место указанного противостояния выходит конфликт, связанный с определением идентичности. В результате, полагает Фукуяма, возникает феномен «ресентимента», в основе которого – требование публичного восстановления поправленного достоинства, что становится мощной движущей силой и инструментом политической мобилизации¹. Именно такой взгляд на вещи, по мнению этого гуру современной политической науки, позволяет лучше объяснить «сегодняшний хаос».

---

¹ Цит. по статье, представляющей собой отрывок из указанной книги: Фукуяма Ф. Политика достоинства и судьба либерального порядка // *Россия в глобальной политике*, № 4, июль – август 2019. С. 43–44.

Достаточно бегло взглянуть на главы первого блока нашей книги, чтобы понять, что мы тоже фокусируем внимание на мотивах, исходящих от духовной жизни человека, ставя их на первое место в сравнении с его экономическими интересами. Этот тезис продвигается и в ранее опубликованных трудах некоторых авторов из нашего коллектива.

И отечественные, и зарубежные аналитики, исследуя развернувшиеся в регионе процессы, стремятся учитывать их вписанность в контекст глобального развития. При этом в оценке общей направленности исследуемой динамики можно выделить две основные модели.

Одна из них носит отчетливо выраженный алармистский характер: идет разрушение прежней системы организации международных отношений, которая сменяется неуправляемостью и хаосом. Авторы доклада дискуссионного клуба «Валдай», опубликованного в 2018 г. под красноречивым названием «Жизнь в осыпающемся мире», высказывали сомнение в возможности построения нового мирового порядка в условиях, когда нет оснований полагать, что государства будут руководствоваться менее эгоистичными интересами. В докладе следующего года их обобщения приобрели еще более радикальный характер: «исторический опыт человечества позволяет предположить, что более естественным состоянием международных отношений (по сравнению с состоянием управляемости. – В. Б., В. Н.) является анархия, а относительный порядок XX века был результатом специфического стечения обстоятельств именно того периода»². «Инстинкт самосохранения государств», по этой логике, превалирует над императивами международной упорядоченности.

Другая модель предлагает менее драматическую трактовку происходящего: замещение существовавшего (а во многом существующего и сегодня) способа организации международной жизни действительно происходит, – но не хаосом, а совокупностью новых формальных и неформальных правил, которые после этапа «хаотичной трансформации» приведут к установлению относительно устойчивой архитектуры глобального социума. Сегодня мир

---

² Барабанов О., Бордачёв Т., Лисоволик Я., Лукьянов Ф., Сушенцов А., Тимофеев И. Время взрослеть, или оправдание анархии. Как отсутствие мирового порядка может способствовать ответственному поведению государств / Доклад Международного дискуссионного клуба «Валдай». Сентябрь, 2019. С. 4, 6.

переживает период реструктуризации, когда во многих странах, территориальных ареалах, этно-культурных и цивилизационных сообществах идет формирование нового баланса сил, новых взаимоотношений между акторами, новых многосторонних конфигураций. Эта новая реальность будет отличаться от современной, но отнюдь не обязательно отрицать ее полностью.

На Ближнем Востоке указанные процессы идут не просто с нарастающей динамикой, обусловленной присущей ему спецификой. Уникальность региона в том, что при этом выявляются возможности и применимость социального конструирования, уже апробированного в иных временных и территориальных рамках, а также тестируются новые (зачастую конкурирующие) стратегии и практики, предлагаемые региональными и глобальными акторами. Ряд участников настоящего исследования высказали свою точку зрения по данному вопросу в еще одном «валдайском» докладе, специально посвященном Ближнему Востоку. В нем подчеркивалось, что «нынешняя роль региона продиктована сложным и болезненным периодом складывания нового мирового порядка, преодоления асимметрии, создающей крайне неустойчивый баланс сил мире»³. Этот тезис получает более основательное развитие в предлагаемой читателям монографии.

Надеемся, что она побудит к еще более серьезному осмыслению возникающих на Большом Ближнем Востоке проблем и процессов и их значения в контексте глобальных изменений на международной арене.

В.Г. Барановский, В.В. Наумкин

---

³ Звягельская И., Кузнецов В., Наумкин В. Россия на Ближнем Востоке / Доклад Международного дискуссионного клуба «Валдай». Май, 2018. С. 3.

**БЛИЖНЕВОСТОЧНАЯ МОЗАИКА:
ЦЕННОСТНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ**

БЛИЖНЕВОСТОЧНАЯ МОЗАИКА: ЦЕННОСТНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ

Международно-политическая динамика в таком регионе, как Ближний Восток, — с его обширным территориальным ареалом, культурно-демографическим разнообразием, богатой и противоречивой историей, важным стратегическим значением для крупных игроков на мировой арене — определяется широким кругом параметров и является результирующей многих эндогенных и экзогенных факторов. Среди них если не центральное, то во всяком случае одно из ключевых мест занимают те, которые относятся к важнейшим исходным характеристикам мироощущения и самоидентификации населения. Речь идет о ценностях, которых оно придерживается, значимых символах, цивилизационных приоритетах, конфессиональных предпочтениях и размежеваниях — обо всех тех многочисленных факторах преимущественно нематериального порядка, которые не только составляют важный компонент общего фона международных отношений в регионе, но в немалой степени обуславливают их содержание и сущность.

В главе, написанной Ириной Звягельской, эта проблематика проанализирована как важный аспект внешнеполитического поведения ближневосточных стран. На многочисленных примерах, относящихся к современности и к недавнему прошлому, показана роль нематериальных императивов в формировании как стратегических ориентиров, так и стимулов для тактического маневрирования. Без учета этой роли невозможно адекватное понимание многих проблемных ситуаций

в регионе, а также политики стран региона в отношении вне-региональных партнеров.

Автор выделяет несколько направлений, по которым отчетливо прослеживается указанное влияние. Это, во-первых, мотивы статусного характера, которые нередко так или иначе сочетаются с интересами безопасности, влияния, материальной выгоды. Во-вторых, это историческая память как фактор формирования общественных представлений на уровне элит и/или массового сознания, но и как фактор принятия конкретных внешнеполитических решений. В-третьих, это насыщенность внешнеполитического дискурса и поведения ценностным содержанием, наличие механизмов трансляции последнего (включая символику, ритуалы, обычаи, культурно-цивилизационные характеристики и т. п.) в сферу взаимоотношений с внешним миром. Сформулированные автором суждения, гипотезы и выводы значимы не только для Ближнего Востока (применительно к которому глава насыщена богатым иллюстративным материалом), но могут также представлять интерес и для анализа международных отношений в более широком плане.

Похожие задачи решаются в главе Василия Кузнецова, руководствующегося концепцией неомодерна в её международно-политическом проецировании как «нового мирового порядка». Рассмотрение двух моделей подсистемы международных отношений — Ближнего Востока и Исламского мира — через призму теории четырех исторических эпох, которой привержен автор (домодерна, модерна, постмодерна и неомодерна), позволяет проанализировать современную трансформацию в регионе как в плане изменений, происходящих внутри него, так и одновременно в более широком контексте мировой системы международных отношений. Волатильность процесса формирования нового мирового порядка рассматривается как его главный «неомодерный» детерминант.

Обращение к историческому прошлому и глубокий анализ трудов широкого круга авторов для обоснования выдвигаемого в главе тезиса о сосуществовании двух проектных

моделей организации международных отношений в регионе — ближневосточной и исламской — делает его более убедительным, несмотря на необычность подхода. Оригинальность суждений автора проявляется и в его размышлениях о соотношении внутренних и внешних факторов в эволюции региона, о соперничестве претендентов на региональное лидерство, о сочетании прагматизма и реализма с ценностно-ориентированными внешнеполитическими стратегиями. Стремление к концептуализации и четкой структуризации во всех изгибах зачастую непривычного авторского дискурса может на первый взгляд показаться несколько избыточным, но именно оно определяет самобытность этой главы.

Сделанные в ней констатации, обобщения и гипотезы во многом перекликаются с содержанием главы Виталия Наумкина и Владимира Барановского. В ней рассматриваются рост религиозности и наступательное движение секуляризма как две параллельные и вместе с тем противостоящие друг другу тенденции современного мирового развития. Наряду с расширением «зон неверия», а также эрозией ценностей и их десакрализацией в религиозном мире, идет процесс религиозного ренессанса, связанный с характерным для высокотехнологичной эпохи запросом на переосмысление социально-духовных ценностей и поведенческих стереотипов, с поиском духовности.

Одним из его направлений становится обращение к традиционным религиям или формирование новых религиозных течений. На этой почве, особенно в сочетании с обострением иных проблемных обстоятельств развития социума, возможны разнообразные сотрясающие его «выбросы». На Ближнем Востоке мощный импульс получает религиозный радикализм — с весьма драматичными и широкими по масштабам последствиями.

Противоречивые тенденции, связанные с фактором религиозности, вписаны в не менее противоречивый контекст глобализации. Последняя создает предпосылки для диалога религий и одновременно оттеняет их консервирующую, идентифицирующую функцию. Одновременно получает

свои проявления резистентная реакция социума, в том числе в форме партикуляристских и изоляционистских тенденций. Причины и перспективы пертурбаций на Ближнем Востоке надо рассматривать в контексте более фундаментальных долговременных процессов в регионе и в мире. И обязательно с учетом как мощных, хотя и противоречивых глобализационных трендов, так и очевидной неисчерпанности религиозных факторов в эволюции социума.

Глава I

СИМВОЛЫ И ЦЕННОСТИ В МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЯХ НА БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ

Внешняя политика как многоаспектный феномен

Методы символической политики, ориентированные на поиск и укрепление идентичности, мобилизацию масс, усиление власти формируют в настоящее время важную часть научного дискурса. Ритуалы и мифы способствуют складыванию и закреплению представлений об особой миссии той или иной нации, росту ее самоуважения. Создание новых или возвращение старых символов становятся в нынешнюю информационную эпоху важнейшими инструментами в ходе реализации внутренней политики.

Символизм также стал достаточно органичным инструментом внешней политики, которая, как известно, формируется под воздействием ряда безальтернативных¹ элементов мировой политики. К ним можно отнести суверенитет, взаимозависимость государств и процессов их внутреннего развития, а также их международный статус. Соответственно, в задачи внешней политики входит обеспечение территориальной целостности государства, поддержание отношений с государственными и негосударственными акторами в условиях острой

Автор главы – Звягельская Ирина Доновна

¹ Речь идет о факторах символизации безальтернативности, к которым автор относит стабильность, суверенитет, сплочение нации. См.: Дубин Б. Симулятивная власть и церемониальная политика. О политической культуре современной России // *Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии.* № 1, 2006. С. 18.

конкуренции, завоевание сильных региональных или глобальных позиций. В целом реализация этих задач должна способствовать обеспечению безопасности государства, созданию благоприятных внешних условий для его развития и предотвращению (или сдерживанию) угроз.

Параллельно с безальтернативными и базовыми ориентирами внешняя политика несет на себе ряд не столь очевидных функций, обращенных в том числе к ситуации внутри государства. Внешнеполитическая успешность режима может рассматриваться как компенсация накапливающихся внутривнутриполитических и социально-экономических проблем, обеспечивающая мобилизацию масс и порождающая у них готовность поступиться материальными благами во имя высокой миссии государства. В этом смысле достаточно показательным был пример Ирана. Развивая собственную ядерную программу, он по-новому позиционировал себя на региональной арене. С одной стороны, взятый курс подкреплял претензии Тегерана на лидерство и угрожал нарушением монополии Израиля на ядерное оружие, а с другой — мог обеспечивать для себя в перспективе высокий уровень безопасности. Жесткие санкции подтолкнули иранское руководство к компромиссу в рамках соглашения 5 + 1. В краткосрочной перспективе они явились фактором сплочения людей, готовых на самоограничения ради особой миссии государства.

Внешняя политика оказывается индикатором статуса государства и авторитетности его элит в региональном и глобальном масштабах. Она призвана подчеркнуть и закрепить — особенно в контексте конфликтов — культурную самобытность государства, претензии на особую роль, готовность решительно отстаивать свою версию истории и свой историко-политический нарратив. Наиболее ярко и очевидно это проявляется в тех регионах, где процессы национального строительства не завершены и сталкиваются с серьезными вызовами. В этих регионах по-прежнему остры конфликты, в которых важную роль играет этноконфессиональный фактор, а страх и недоверие препятствуют адекватной оценке намерений и возможностей оппонента. Их разрешению препятствует то, что взаимные угрозы, даже не подкрепленные достаточной мощностью, могут, тем не менее, восприниматься окружением как вполне осуществимые. Таким регионом является Ближний Восток.

Инструментами политического курса конфликтующих сторон, его проводниками в современном арабском мире и за его пределами выступают не столько глобальные идеологии, как в свое время социализм баасистов, а конфессионально и этнически консолидированные силы, способные обеспечить влияние элит за пределами государственных границ.

Особенности реакции на угрозы

Угрозы безопасности государства являются факторами, формирующими внешнеполитическую и/или военную реакцию. Они, как правило, объективны и материальны, могут возрасти или уменьшиться, их можно верифицировать, а их опасность нетрудно оценить. Соответственно, и реакция на угрозы должна быть сопоставимой той опасности, которую они представляют. На самом деле так происходит не всегда, потому что в киберэпоху сами угрозы могут носить менее очевидный характер, а реакция на них порой превращается в способ не только повлиять на оппонента, но и продемонстрировать собственные возможности, преподать урок окружающим, заставить бояться себя и т. п.

Под углом зрения символической политики обращают на себя внимание несколько аспектов внешнеполитического поведения ближневосточных государств. Прежде всего, это очень быстрая эскалация конфликтности, а также ее демонстративно угрожающий характер. Разрыв дипломатических отношений, блокады в международной политике могли считаться адекватными мерами реагирования только при наличии очень серьезных оснований. Демонстрация недовольства политикой того или иного государства, как правило, не предполагает столь экстраординарных мер, но на Ближнем Востоке разрыв дипотношений давно стал делом вполне обыденным.

С одной стороны, общая конфликтность и непримиримые противоречия создали особую атмосферу, которая породила практику разрыва дипотношений или сосуществование при их отсутствии. Таковым является и системный арабо-израильский конфликт, обусловивший то обстоятельство, что до сих пор только два государства этого региона — Египет

и Иордания — имеют с Израилем полномасштабные дипломатические отношения. Можно напомнить, как Лига арабских государств бойкотировала Египет после подписания Кэмп-Дэвидских соглашений. На Багдадском совещании министров иностранных дел и экономики арабских государств в марте 1979 г. был предпринят немедленный отзыв послов арабских государств в Египте. Последовал разрыв политических и дипломатических отношений, прекращение экономических связей и помощи, временное исключение Египта из ЛАГ и перевод ее штаб-квартиры в Тунис².

Соперничество между арабскими государствами и Ираном также переросло в достаточно серьезный системный конфликт, сопровождавшийся разрывом отношений. Резко возросшие возможности Ирана после свержения западной коалицией режима Саддама Хусейна в Ираке в 2003 г. были связаны с тем, что шииты смогли после его свержения победить на выборах и занять ведущие посты в руководстве страны. Они и прежде составляли большинство в Ираке, но при правлении Хусейна, опиравшегося в основном на суннитскую общину, были политически маргинализированы. Произошедшие в Ираке события повысили всегда существовавшую в суннитском арабском мире подозрительность в отношении иранских амбиций. Многие арабские государства выражали опасения, что Иран может использовать местные шиитские общины и их организации в собственных интересах, а также искать среди арабов другие силы, нацеленные на дестабилизацию обстановки. В начале 2016 г. конфликт резко обострился. В ответ на казнь в Эр-Рияде шиитского проповедника Нимра ан-Нимра последовал погром посольства Саудовской Аравии в Тегеране, и тогда ряд арабских стран объявил о прекращении или понижении статуса дипломатических отношений с Ираном³. В мае 2018 г. Марокко разорвала с ним дипломатические отношения из-за поддержки фронта Полисарио, выступающего за независимость Западной

---

² Руденко Л.Н., Соловьева З.А. Лига арабских государств и интеграционные процессы в арабском мире. М.: Институт Ближнего Востока, 2007. С. 25.

³ Ближневосточный разрыв: ряд стран прекратил дипломатические отношения с Ираном // РИА Новости, 04.01.2016. URL: <https://ria.ru/world/20160104/1354500979.html> (дата обращения 27.11.2018).

Сахары⁴. Это стало предлогом, тогда как главное, судя по всему, заключалось в опасениях относительно шиитского прозелитизма — опасениях, характерных не только для Марокко, но и для некоторых других арабских государств.

Общую хрупкость региональных международных отношений обозначили и многочисленные межарабские конфликты. Членство Сирии в ЛАГ было заморожено в ноябре 2011 г. — спустя несколько месяцев после начала там антиправительственных выступлений⁵. В 2013 г. на фоне все большей интернационализации конфликта в Сирии дипотношения с Дамаском разорвал ряд арабских государств, включая Египет⁶ и Тунис. В условиях, когда они отказались признавать легитимность президента Асада, разрыв дипотношений можно было бы рассматривать как следующий шаг, но на деле, с учетом активного передвижения населения в пределах арабского мира, разрыв отношений негативно отразился на самом Тунисе. По словам бывшего тунисского министра внутренних дел Лутфи Бен Джедду, разрыв дипломатических отношений с САР был крупной ошибкой: теперь связи с тунисцами в Сирии поддерживаются только с помощью ливанских дипломатов⁷.

Жесткость реакции не только проявляется внутри системы ближневосточных региональных отношений, но и выходит за ее пределы. Желание и/или необходимость продемонстрировать независимость поведения (для внешней и внутренней аудитории), готовность следовать традиционным курсом, предупреждение партнера о том, что даже намек на вмешательство во внутренние дела чреват серьезнейшими

---

⁴ Саможнев А. Марокко разрывает дипотношения с Ираном // Российская газета, 04.05.2018. URL: <https://rg.ru/2018/05/04/marokko-razryvaet-dipotnosheniia-s-iranom.html> (дата обращения 02.12.2018).

⁵ Мустафин Р. Сирию могут вернуть в лоно арабской семьи. Восстановление Дамаска в рядах ЛАГ зависит от Эр-Рияда // Независимая газета, 13.04.2018. URL: http://www.ng.ru/world/2018-04-13/6_7211_siria.html (дата обращения 05.12.2018).

⁶ Египет разорвал дипотношения с Сирией // Аргументы и факты, 15.06.2013. URL: <http://www.aif.ru/politics/world/307473> (дата обращения 27.11.2018).

⁷ Министр внутренних дел Туниса признал, что разрыв отношений с Сирией был крупной ошибкой // Политическое обозрение, 02.10.2013. URL: <https://politobzor.net/5663-ministr-vnutrennih-del-tunisapriznal-cto-razryv-dipotnosheniy-s-siriyey-byi-krupnoy-oshibkoy.html> (дата обращения 04.12.2018).

последствиями, привели к кризису между Саудовской Аравией и Канадой. В начале августа 2018 г. Саудовская Аравия объявила об отзыве своего посла в Канаде и замораживании всех новых торговых и инвестиционных транзакций. Причиной стал призыв посольства Канады в Саудовской Аравии, а также министра иностранных дел освободить арестованных в стране правозащитников⁸.

Причины, побудившие саудовского кронпринца действовать подобным образом, несмотря даже на экономические потери (кризис в отношениях с Канадой ускорил отток капитала из страны⁹), по-прежнему не вполне ясны. «Некоторые аналитики предположили, что этот эпизод является еще одним примером «безрассудной» внешней политики Саудовской Аравии при наследном принце Мухаммаде бин Салмане. Другие рассматривают это как очередное предупреждение населению, что единственные реформы в королевстве — это те, которые сформулировал наследный принц, и оно будет находиться в опасности, если потребуются большее¹⁰.

Однако данный эпизод вряд ли можно считать иллюстрацией «безрассудной внешней политики». Следует иметь в виду, что речь шла о призыве освободить саудовского блогера Раифа Бадави и его сестру. Бадави был арестован в 2012 г. за критику представителей духовенства и религиозной полиции королевства и обвинен, в том числе, в оскорблении ислама¹¹. Для

---

⁸ Напряженность между Саудовской Аравией и Канадой: история конфликта // РИА Новости, 07.08.2018. URL <https://ria.ru/world/20180807/1526090606.html> (дата обращения 06.12.2018).

⁹ Пока Саудовская Аравия повышает ставки в своем споре с Канадой, экономические последствия могут усугубить и без того серьезную проблему для королевства: бегство капитала. Торговля между двумя странами невелика, оценивается примерно в 4 млрд долл., но «дипломатическая пыль» усилила чувство риска в саудовском инвестиционном климате и, несомненно, отпугнет еще больше капитала. См. Young K.E. Saudi Arabia's Problem Isn't the Canada Fight, It's Capital Flight // Bloomberg Opinion, 17.08.2018. URL: <https://www.bloomberg.com/view/articles/2018-08-17/saudi-arabia-s-problem-not-thecanada-fight-but-capital-flight> (accessed 08.12.2018).

¹⁰ Так писал, в частности, эксперт американского Совета по международным делам Стивен Кук. См.: Cook S.A. Mohammed bin Salman Is Weak, Weak, Weak // *Foreign Policy*, 07.08.2018. URL: <https://foreignpolicy.com/2018/08/07/mohammed-bin-salman-is-weak-weak-weak> (accessed 03.12.2018).

¹¹ Напряженность между Саудовской Аравией и Канадой: история конфликта // РИА Новости. 07.08.2018. URL: <https://ria.ru/world/20180807/>

Мухаммада бин Салмана было принципиально важно проявить твердость в этом вопросе с учетом позиции религиозных кругов. Таким образом разрыв дипломатических отношений и сопутствующие меры бойкота, воспринимаемые как избыточные на фоне недостаточно серьезного повода, на самом деле были для правящего дома Сауда, не желающего обострять отношения с наиболее мощными и влиятельными силами в стране, логичной реакцией, хотя и вызывающей вопросы и недоумение.

В плане восприятия угроз большую роль могут играть субъективные факторы, тесно связанные с традицией и диктующие определенное поведение. В ряде случаев приоритетными становятся статусные вопросы и поэтому, по мнению американского политолога Стюарта Кауфмана, «отказ в уважении традиционному лидеру или словесные оскорбления представителей внутренней группы (ingroup) могут привести к сильной реакции или даже к применению насилия против внешней группы (outgroup)»¹².

Показательным в этом отношении является катарский кризис, отразивший как реальные вызовы и противоречия между сторонами, так и традиционное восприятие лидерами своей роли и своих статусных позиций в регионе. 5 июня 2017 г. ряд арабских стран разорвал дипломатические отношения с Катаром: Бахрейн, Саудовская Аравия и ОАЭ начали процесс, к которому присоединились Египет, Йемен, Ливия, Мальдивы и Маврикий¹³. Список дополнил Союз Коморских островов. Некоторые государства объявили о прекращении морского и воздушного сообщения, ограничении банковских операций, высылке дипломатов и подданных Катара¹⁴.

Кризис, фактически начавшийся с обострения отношений между Катаром и Саудовской Аравией, имел в своей основе

1526090606.html (дата обращения 06.12.2018).

¹² Kaufman S.J. A Symbolic Politics Theory of War (Paper Prepared for Presentation at ISAC-ISSS Conference Austin). University of Delaware, Texas, 2014. P. 7.

¹³ Qatar Row: Saudi and Egypt among Countries to Cut Doha Links // BBC News, 05.06.2017. URL: <https://www.bbc.co.uk/news/world-middle-east-40155829> (accessed 10.12.2018).

¹⁴ Коморские острова объявили о разрыве дипотношений с Катаром // NewsRu, 07.06.2017. URL: <https://www.newsru.com/world/07jun2017/qatar.html> (дата обращения 10.12.2018).

более глубокие причины. Катар поддерживал движение «Братьев-мусульман», враждебное Эр-Рияду, и выходил в глобальное информационное пространство посредством мощного медийного ресурса «Аль-Джазира», допускавшего порой нелестные отзывы о политике саудитов. В экономическом плане Катар сделал ставку на внедрение технологии сжижения газа и стал в значительной степени независимым от КСА, его трубопроводов и транзита. Энергетическая независимость повлекла за собой и политическую самостоятельность. Катар перешел «красную линию», с точки зрения Эр-Рияда, и обзавелся собственной клиентурой в арабском мире¹⁵.

Вышеназванные направления политики Катара, очевидно, появились не внезапно. Претензии к нему со стороны ряда арабских государств, и прежде всего КСА, возглавившей антикатарский «поход», накапливались в течение длительного времени, пока не дошли до глубокого регионального кризиса. Судя по всему, в его основе лежали все-таки не какие-то особые угрозы со стороны Катара, а ущемленное самолюбие и желание преподать урок не выказывающим уважения родственникам: семейство Аль-Тани длительное время проживало с другими семействами клана Маадид в Южном Неджде на территории современной Саудовской Аравии. Один из предков семейства прибыл на полуостров Катар около 1750 г.¹⁶ Как представляется, именно в этом кроется ответ на вопрос, почему реакция была столь острой. «В Эр-Рияде с давних пор копилось недовольство независимой, своевольной политикой Дохи, не проявляющей должного уважения к Эр-Рияду как естественному гегемону в регионе, и претензиями семьи Аль-Тани на самостоятельную роль в качестве влиятельного регионального игрока, амбиции которого простираются далеко за пределы Аравии и даже всего Ближнего Востока, — писал российский востоковед В.В. Наумкин. — Ну как может правитель карликового государства, в котором и коренного населения-то немногим более четверти миллиона человек, меряться силой с самим

---

¹⁵ См.: Добров Д. В чем истинные причины конфликта Саудовской Аравии и Катара? // Иносми.Ру, 06.07.2017. URL: <https://inosmi.ru/politic/20170706/239743711.html> (дата обращения 02.08.2018).

¹⁶ Аганин А.Р. Племена, кланы и семейства Катара. М.: Институт Ближнего Востока, 2013. С. 127.

«Хранителем двух святынь», правителем государства, входящего в двадцатку самых сильных государств мира!»¹⁷.

В дальнейшем кризис продолжал углубляться: эмир Катара, несмотря на приглашение саудовского короля, не приехал в декабре 2018 г. на очередной саммит лидеров шести стран Залива, входящих в Совет сотрудничества арабских государств Персидского Залива (ССАГПЗ), прислав вместо себя государственного министра по иностранным делам¹⁸.

В ряду показательных и символических актов стоит также убийство саудовского журналиста Джамала Хашогги, осуществленное с изуверской жестокостью в консульстве Саудовской Аравии в Стамбуле. Хашогги был не просто маргинальным журналистом-диссидентом, критикующим нынешний режим, а принадлежал к высшим слоям саудовского общества, имел доступ к ведущим политикам и владел важнейшей информацией. Вот почему, как отмечала профессор Мадауи аль-Рашид из Центра Ближнего Востока Лондонской школы экономики, для Эр-Рияда дело Хашогги — «это дело об устранении предателя, критика, пришедшего из темных коридоров королевского двора»¹⁹, и расправа над ним должна была быть уроком для всех несогласных. Неслучайно Стамбул был избран местом устранения Хашогги — он давно стал прибежищем различных преследуемых в Саудовской Аравии группировок, партий и движений, и прежде всего — «Братьев-мусульман». Это был сигнал о том, что спецслужбы Королевства могут достать их везде, предупреждение всем, кто надеялся сбежать в «безопасную» Турцию.

Статусные мотивы, не всегда учитываемые в анализе международного поведения государств, могут играть ведущую роль, оправдывая в глазах общества жесткость применяемых против «недостойных оскорбителей» мер.

---

¹⁷ Наумкин В. Катарский кризис: что дальше? // РСМД. Аналитика и комментарии, 11.06.2017. URL: <http://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/katarskiy-krizis-chto-dalshe/> (дата обращения 10.12.2017).

¹⁸ Страны Персидского залива не хотят изменений в работе ССАГПЗ из-за Катара // РИА Новости, 09.12.2018. URL: <https://ria.ru/20181209/1547693761.html> (дата обращения 11.12.2018).

¹⁹ Al-Rasheed, Madawi. Jamal Khashoggi's Disappearance Proves Saudi Arabia Is a Rogue State // Middle East Eye, 08.10.2018. URL: <https://www.middleeasteye.net/columns/defender-realm-did-jamal-khashoggiknow-too-much-1084333312> (accessed 26.11.2018).

Вместе с тем и иракская агрессия против Кувейта 1990 г. имела как формальные поводы, так и символическое наполнение. Формально причины вторжения крылись в нежелании кувейтских властей удовлетворить непомерные, по их мнению, требования Саддама Хусейна. После ирано-иракской войны он потребовал от Кувейта списания огромного долга, мотивируя это тем, что иракские войска защитили Кувейт от Ирана. Кроме того, Саддам Хусейн обвинил Кувейт и другие нефтедобывающие государства Залива в манипулировании ценами на нефть за счет намеренного увеличения ее добычи. Это лишило Ирак возможности получить нужный доход (цена снизилась до 7 долл. за баррель, а Ирак исходил из 18 долл.), чтобы оживить стагнирующую после войны экономику. Прямые обвинения в адрес Кувейта, включая также и обвинения в незаконной добыче нефти в течение десяти лет из иракского месторождения Румайла на границе между двумя государствами, сопровождались требованиями компенсации²⁰.

Более важный круг мотивов, как и в случае конфликта Саудовской Аравии с Катаром, был продиктован стремлением превратить конфликт с Кувейтом в демонстрацию силы, вызвать трепет и уважение у соседей. Тем более, что отказ шейха Джабера ас-Сабаха выполнять выставленные требования тотчас повлек за собою эмоциональные обвинения Кувейта в неблагодарности и заносчивости. Но в отличие от Эр-Рияда Багдад не собирался ограничиваться санкциями и разрывом отношений. Ему нужна была победоносная молниеносная война как способ реабилитации после неудачной и кровопролитной войны с Ираном, длившейся с 1980 по 1988 г. Тогда начавший войну Ирак не смог решить поставленные задачи, по его армии был нанесен серьезный удар — она была обескровлена и деморализована, и только нефтяные богатства позволили режиму не допустить полного обнищания населения. Ирано-иракский конфликт должен был стать символом успешности Ирака и непобедимости его армии. Он должен был также послужить уроком соседям по субрегиону, сдерживая их от возможных притязаний. Но Ираку не удалось

---

²⁰ Степанова Н.В., Шахбазян Г.С. Ирак // История Востока. Т. 6: Восток в новейший период (1945–2000 гг.). / Отв. ред. В.Я. Белокреницкий, В.В. Наумкин. М.: Восточная литература, 2008. С. 328.

конвертировать реальный проигрыш в войне в символическую победу. Официальная пропаганда представляла провал как «мать всех побед», но поражение Ирака было очевидно. В этой ситуации интервенция в слабый неспособный сопротивляться Кувейт должна была стать своего рода компенсацией за проигрыш и демонстрацией непобедимости, не подверженной случайностям.

Историческая память как инструмент воздействия на принятие решений

Особую роль в формировании и проведении внешней политики играет историческая память. Это понятие достаточно размыто, поскольку прошлое всегда выступает в мифологизированном варианте, и чем оно дальше от нас, тем более туманным и вариативным представляется. Задачи элит концентрируются на использовании того, что можно назвать политически «пригодным» прошлым²¹. Они готовы использовать те исторические факты в сочетании с мифами и символами, которые должны обосновать модели внешнеполитического поведения, представив принимаемые властной верхушкой решения как безальтернативные.

Под таким углом зрения можно рассматривать и уже упомянутое вторжение в Кувейт, поскольку «исторические права» сыграли свою роль в попытке Саддама укрепить свои притязания. Сразу после получения Ираком независимости от Великобритании в 1932 г., сын короля Гази потребовал включить Кувейт в состав Ирака, утверждая, что тот является искусственным и нелегитимным образованием. Новые претензии на Кувейт иракские лидеры стали выдвигать в 1961 г., после переворота Касема, совершенного в 1958 г., но затем, в 1963 г., под влиянием обстоятельств Ирак признал независимость Кувейта. Однако представление о том, что Кувейт в Османской империи входил в Басорский вилайет и поэтому принадлежит Ираку, сохранилось. В 1968 г., после очередного переворота

---

²¹ Малинова О.Ю. Проблема политически «пригодного» прошлого и эволюция официальной символической политики в постсоветской России // *Политическая концептология*. № 1, 2013. С. 114–130.

и возвращения к власти партии «Баас», Ахмед Хасан аль-Бакр и его заместитель Саддам Хусейн потребовали от Кувейта разрешения разместить на своих границах иракские войска под предлогом защиты от Ирана. Кувейт отказался, но войска были все равно размещены и находились там около десяти лет²².

По существу, Кувейт был исторически предопределенной жертвой, элементом нарратива, в соответствии с которым представлял частью Ирака, нелегитимно ставшей независимым государством. Именно отсутствие исторических прав на собственную государственность должно было оправдать агрессию не столько среди иракского населения — диктаторский режим в принципе не нуждался в оправданиях, — но в определенной степени в глазах мировой общественности. Но Хусейн явно просчитался, поскольку его видение легитимности не только не совпадало с международными нормами, но находилось с ними в явном противоречии.

Еще одним примером факторов, воздействовавших в разные исторические этапы на принятие внешнеполитических решений, служит исторический нарратив в формировании израильской идентичности. И здесь выбор между более или менее «пригодным» прошлым стоял достаточно остро. Наиболее интересный в этом отношении эпизод связан с влиянием на нарратив принятого под давлением обстоятельств решения. Этим радикальным решением стал вопрос о прямых переговорах с Германией и получение репараций от правительства ФРГ в начале 1950-х годов.

В тот ранний период государственности израильские политики (социалистическая партия МАПАЙ и правительство Д. Бен-Гуриона), находившиеся в поисках символов, которые могли бы быть положены в основу новой идентичности евреев, делали главный упор на героическое содержание еврейской истории. Мужество предков взывало к стойкости и самопожертвованию во имя нации. Левые в Израиле предлагали три героических мифа: падение крепости Масада после осады и гибели всех ее защитников в 73 г., восстание Бар-Кохбы

---

²² Morgan G.W. Iraqi Claims on Kuwait // The Encyclopedia of Middle East Wars. The United States in the Persian Gulf, Afghanistan, and Iraq Conflicts / ed. by S.C. Tucker. Santa Barbara, California; Denver, Colorado; Oxford, England: ABC-CLIO, LLC, 2010. P. 599–600.

против римского владычества в 132–135 гг., а также сражение у Тель-Хай в 1920 г., в котором погибли защитники поселения²³. Особой известностью пользовался Иосиф Трумпельдор, герой русско-японской войны и активный участник строительства «еврейского очага» в Палестине. Умирая от полученной раны, он, согласно легенде, успел сказать: «Хорошо умереть за родину». Эти слова стали хрестоматийными.

История борьбы и сопротивления, которая, по замыслу отцов-основателей, должна была вытеснить на второй план историю мученичества — Холокост, погромы, преследования евреев в Европе, — заменив ее более жизнеутверждающей и патриотической повесткой, столкнулась с реальными потребностями развития государства и его позиционирования на международной арене. В контексте соглашения с ФРГ о репарациях мученический нарратив о Холокосте, хотя и не вытеснил из официальной повестки дня героически «пригодное» прошлое, закрепленное рядом ритуалов, но занял важнейшее место в символическом ряду израильской политики.

Прошлое, которое свидетельствует о былом величии, влияет на современное положение государств на мировой и региональной аренах. В этом отношении ярким примером предстает Турция. То обстоятельство, что современная Турецкая республика является символической наследницей великой Османской империи и халифата, отражается на ее отношениях с арабами и в немалой степени подкрепляет «возвращение» страны на Восток при Эрдогане.

Имперское прошлое Ирана также играет не последнюю роль в его претензиях на лидерство, хотя большее значение имеет тот факт, что Иран демонстрирует пример единственной успешной исламской революции в регионе.

Использование символики прошлого характерно не только для государств. Ею в не меньшей степени пользуются негосударственные акторы, для которых идентичность и легитимизация через исторический миф особенно важна. Это относится и к таким террористическим (запрещенным в РФ)

---

²³ Zerubavel Y. *Recovered Roots. Collective Memory and the Making of Israeli National Tradition*. Chicago; London: The University of Chicago Press, 1995. 340 p.

организациям, как ДАИШ. Ее популярность у части мусульманской молодежи связана, в том числе, с историко-романтическими реминисценциями. Появление ячейки «Аль-Каиды» во главе с аз-Заркави в Ираке определялось не только прагматическими (наличие ресурсов и союзников) соображениями. Аз-Заркави смог представить свою организацию продолжательницей дела исламского воителя Нур ад-Дина аз-Занги, который возглавил движение за освобождение аль-Аксы и Иерусалима от крестоносцев, начав свою военную кампанию из Мосула. Аль-Багдади, продолжатель миссии аз-Заркави, опираясь на ценности пригодного прошлого, обратился к народу 4 июля 2014 г. в мечети в Мосуле, воздвигнутой самим Нур ад-Дином²⁴. Претензии ДАИШ на строительство халифата как восстановление исторической справедливости перетекали на практике во внешнеполитические решения, в разработку стратегии и тактики, которая требовала не только жертвенности последователей, но и жертв со стороны всех остальных.

Трансляция ценностей во внешнеполитическое поведение

Одним из центральных политических вопросов, определяющих наличие враждебности или, напротив, близости позиций, остается вопрос о ее ценностном содержании. Ценности транслируются через символы и ритуалы, которые закрепляют символический контракт между властью и обществом. Это традиции, обычаи, иные культурные характеристики, которые могут изменяться во времени, но которые для любой группы или для граждан государства принципиальны и отличают их от других групп и народов. При этом политическая практика далека от воплощения в жизнь декларируемых установок. «Декларируемые политические ценности и принципы государства, выраженные, например, в конституции, на деле могут отличаться от того, что реально пропагандируется государством

---

²⁴ Al-'Ubaydi M., Lahoud N., Milton D., B. Price. The Group That Calls Itself a State: Understanding the Evolution and Challenges of the Islamic State. The Combating Terrorism Center at West Point. U.S. Military Academy, Department of Defense, or U.S. government, 2014. P. 11-12.

и транслируется символически посредством политики идентичности»²⁵.

Противоречия между заявленными ценностными ориентирами и реальностью легко отследить во внутренней политике. Американский исследователь Мюррей Эдельман, заложивший основы изучения символической политики, объясняет этот очевидный разрыв следующим образом: «Разграничение между политикой как спортом для зрителей и политической деятельностью организованных групп, используемой для получения конкретных и вполне осязаемых благ, является фундаментальным для распознавания символических форм в политическом процессе»²⁶.

Если же ценности провозглашаются одной из основ внешнеполитического поведения государств и негосударственных акторов, то разрыв между ними и методами их реализации может быть столь велик, что дискредитирует сами ценности. Так, борьба за справедливость вполне совмещается с предельной жестокостью, а продвижение демократии — с военным вторжением. Практики утверждения самобытности и права на самостоятельное развитие приводили к тому, что главным маркером идентичности становились ценности традиционного ареала, где превалировало консервативное сознание. Наряду с пространством модернизации существует «пространство традиции: в нем сильны наследственные социальные связи, патриархальные ценности, коллективизм, религиозное мировосприятие, этнические и субэтнические образцы культуры»²⁷. К этому можно добавить характерное для традиционного ареала мифологизированное сознание, оказывающее определяющее воздействие на восприятие окружающего мира, транслируемое и во внешнеполитическое поведение.

На Ближнем Востоке проблемы идентичности окрашивают двусторонние и многосторонние отношения, формируют

---

²⁵ Гигаури Д.И. Политический миф и ритуал в структуре современной символической политики / дисс. ... канд. полит. наук; СПбГУ, 2016. С. 114.

²⁶ Edelman M.J. Politics as Symbolic Action. Mass Arousal and Quiescence. Chicago: Markham Publ., 1971. P. 5.

²⁷ Панарин С.А. Центральная Азия: интеграционный потенциал и перспективы миграции. Миграция русскоязычного населения из Центральной Азии: причины, последствия, перспективы / Под ред. Г. Витковской. Научные доклады. Вып. 11. М.: Московский центр Карнеги, 1996. С. 25.

конфликты и препятствуют их урегулированию. Наиболее очевидным в этом отношении является арабо-израильский конфликт, который не только возник, поддерживался и развивался под воздействием значимых для его участников установок, но и оказывал серьезное воздействие на отношения арабов друг к другу и к внешним силам. «В условиях угнетения, дискриминации, унижения и изоляции защита ценностей важна с точки зрения потребностей личной безопасности и идентичности... Сохранение ценностей является причиной агрессивного или оборонительного поведения»²⁸.

В рамках взаимодействия государств и негосударственных акторов противоречия, имеющие ценностную характеристику, и противоречия интересов могут существовать одновременно. Но при этом решение проблем, затрагивающих главным образом интересы, будет возможным лишь при учете символики статуса и ценностей. В ряду примеров, когда ценностные характеристики конфликта могут быть смягчены за счет апелляции к общим проблемам и страданиям, относится визит египетского президента Анвара Садата в Иерусалим и его выступление перед Кнессетом в ноябре 1977 г., в котором он продвигал ряд прагматических и рациональных соображений. Ему надо было выйти из конфликта с Израилем, ставшим слишком тяжелым бременем для Египта, наладить отношения с США и Западом в целом (за счет отхода от СССР) и стать для них одним из важнейших партнеров. Садату надо было найти такие слова, которые убедили бы израильтян, не доверявших арабам, в серьезности его намерений. Он исходил из того, что, помимо несопадающих и даже полярных ценностей и интересов, существует еще и «психологический барьер, барьер подозрения, барьер отрицания; барьер страха и заблуждения». В своей речи он продолжал: «Ты, скорбящая мать, ты, овдовевшая жена, ты, сын, потерявший брата или отца, все жертвы войны, давайте заполним все окружающее нас пространство призывами к миру, декларируя их во всеуслышание...»²⁹. Он интуитивно нащупал

---

²⁸ Burton J. Conflict: Resolution and Provention. New York: St. Martin's Press, 1990. P. 37.

²⁹ El-Sadat, Anwar. Peace with Justice: Speech to the Israeli Knesset, 20.11.1977. URL: <https://www.mtholyoke.edu/acad/intrel/speech/sadat.htm> (accessed 05.12.2018).

ту поворотную точку, которая позволила противникам взглянуть друг на друга иными глазами. Как отмечал американский дипломат и специалист по переговорам Гарольд Сондерс, «Садат по существу привнес человеческое измерение в официальный процесс мирного урегулирования. Он признал, что сами по себе переговоры не смогли бы сломать высочайшие барьеры на пути к миру — страх уничтожения, страстное желание добиться признания и боль тотального отторжения. Только дойдя до глубинных чувств людей, можно было снести до основания все эти «другие стены»»³⁰.

И все же, отдавая должное искусству Садата в использовании психологических подходов, уравнивающих противников в общем страдании, которые действительно важны для успешных переговоров, следует признать, что позже его согласие на подписание двустороннего мирного соглашения усилило давление принципиальных, ценностных составляющих конфликта. Кэмп-Дэвидские соглашения и заключение египетско-израильского мирного договора привели в то время к ужесточению общерабской позиции по палестинскому вопросу и стоили жизни самому Садату, который так и не смог реабилитировать себя в глазах арабов.

Вместе с тем территориальные споры Израиля с отдельными арабскими государствами выглядели вполне решаемыми. Граница между Израилем и Иорданией была определена и подтверждена достаточно легко (британский исследователь Ави Шлаим писал о том, как незадолго до подписания мирного договора в 1994 г. король Хусейн и израильский премьер Ицхак Рабин, расстелив на полу огромную карту, за несколько часов сняли все спорные вопросы)³¹. Но это произошло только после того, как палестинцы, вступив в прямые переговоры с Израилем, полностью взяли собственную судьбу в свои руки. Можно сказать, что «Декларация принципов» 1993 г., ставшая первым результатом «процесса Осло», открыла двери для решения вопросов между Израилем и Иорданией. Но не только. Главное, что стороны нашли подходы к решению ценностных

---

³⁰ Saunders H. et al. Sustained Dialogue in Conflicts. Transformation and Change. New York: Palgrave Macmillan, 2011. P. 20.

³¹ Shlaim A. The Iron Wall. Israel and the Arab World. New York; London: W.W. Norton & Company, 2000. P. 543.

и статусных вопросов. Возможным заключением сделала проявленная Израилем готовность уважать особую роль Хашимитского Королевства Иордании в отношении мусульманских святынь в Иерусалиме и его готовность отдать приоритет этой роли в переговорах об окончательном статусе, что и было зафиксировано в Вашингтонской декларации, подписанной Рабином и Хусейном в июле 1994 г.³²

При этом палестино-израильские противоречия, остающиеся ядром арабо-израильского конфликта и по-прежнему (несмотря на наличие общего для Израиля и ряда ведущих арабских государств противника в лице Ирана) определяющие негативное отношение многих арабов к Израилю, не сводились исключительно к территориальным проблемам. Они — результат оспариваемого двумя народами (евреями и палестинскими арабами) права на Палестину, которое интерпретировалось ими не только как право на территорию, но и на историю, мифы и идентичность. «Палестинизм», по мысли российского ученого Г.Г. Косача, был ответом на вызов еврейской колонизации, осуществлявшейся в рамках британского мандата, и фактически производным вариантом от израильской государственности. Ответ стал стартером национального строительства у палестинцев, ранее не воспринимавших себя как особую этническую общность. Процесс национальной палестинской консолидации имел важнейшее значение для всего арабского мира. «Утверждая существование особого этнического сообщества, «палестинизм» менял понимание более широкого этнического конструкта — арабской нации. Речь шла не только о том, что этот конструкт (мобилизационное воздействие которого ослаблено становлением страновых государств) подвергался дополнительной эрозии. Вступая в конфронтацию с Израилем, выступавшим в качестве одного из ведущих факторов «созидания» арабского геополитического пространства, «палестинизм» придавал «страновым» государствам... статус его «союзников»»³³.

---

³² The Washington Declaration «Israel — Jordan — The United States». 25.07.1994. URL: <https://israelipalestinian.procon.org/sourcefiles/TheWashingtonDeclaration.pdf> (accessed 10.12.2018).

³³ Косач Г.Г. Палестинский национализм: становление и эволюция // Нации и национализм на мусульманском Востоке / Отв. ред. В.Я. Белокреницкий, Н.Ю. Ульченко. М.: ИВ РАН, 2015. С. 117.

Палестинская проблема стала общеарабской повесткой дня, она воспринималась как вопрос чести не только элитами, но и улицей, реакция которой сдерживала любые попытки властей ослабить бремя обязательств, ставших общеарабскими. Более того, палестинский вопрос в политике арабского мира непосредственно связан как с идентичностью, так и с идеологией, несмотря на то, что идейные постулаты в арабских государствах были разными. В рамках национально-освободительного движения и социалистической идеологии он представлялся как цель в борьбе против империализма и его приспешников за национальное освобождение. В рамках консервативных подходов больший упор делался на восстановление справедливости. Но и в том, и в другом случае палестинская проблема оставалась важнейшим мобилизующим фактором, почти единственным политическим маркером арабского единства.

Говоря о внешней политике, важно иметь в виду, что идеология по-своему транслируется во внешнеполитическое поведение, где отступление от публично декларируемых целей и способов их достижения является достаточно распространенной практикой. По справедливому замечанию И.А. Истомина, «представления об идеале, в большинстве случаев, оставляют широкую свободу для тактических отступлений и корректировок, но сохраняют свое направляющее значение для внешней политики»³⁴. Иными словами, идейные рамки сохраняются, но внутри них возможна вариативность, ограниченная доминирующими в обществе представлениями о допустимости тех или иных шагов.

Актуальным примером такой вариативности являются попытки упомянутого выше наследного принца КСА Мухаммеда бин Салмана обозначить новые подходы государства к проблеме нормализации отношений с Израилем. Причиной поворота, наряду с резко обострившимся противостоянием с Ираном, можно назвать и маневры администрации Трампа относительно «сделки века» (СВПД). (В Вашингтоне полагали, что отношения арабского мира с Израилем могут быть улучшены за счет уступок по палестинской проблеме,

---

³⁴ Истомин И.А. Логика поведения государств в международной политике. М.: Аспект Пресс, 2018. С. 131.

а сама палестинская проблема получить окончательное решение). В 2017 г. появились намеки на то, что позиция Саудовской Аравии по палестинской проблеме может приобрести новые акценты. Об этом свидетельствовали, в частности, заявления бывшего директора саудовской разведки Турции аль-Фейсала и генерала в отставке Анвара Ишки, возглавляющего Ближневосточный центр стратегических исследований, о нормализации с ее возможными результатами и преимуществами. Так, Ишки, с одной стороны, четко дал понять, что без урегулирования палестинской проблемы нормализации отношений Израиля с арабским миром не предвидится. С другой стороны, он намекал, что проблема раздела Иерусалима может быть отложена для обсуждения на заключительной фазе переговоров между Израилем и палестинцами. Любое решение должно быть спонсировано Иорданией на Западном берегу и Египтом в Газе. Речь шла о большей регионализации проблемы, о создании египетско-иорданского «зонтика», что могло позволить отойти от нереалистичного требования создать палестинское государство на Западном берегу и в Газе, фактически разорванное на две части³⁵.

Такого рода «вольнодумство» дорого обошлось режиму. Ни в самой Саудовской Аравии, ни в арабском мире идея нормализации не вызвала энтузиазма. В Газе местные землевладельцы даже сожгли фото наследного принца перед телевизионными камерами. Таким образом КСА оказалось мишенью для радикальной риторики, а его политика натолкнулась на непонимание. Социальные сети выражали гнев наиболее открыто: «Неожиданно саудовский король Салман... осознал правду относительно снижения статуса и репутации его страны в арабском мире. Он снова взял в свои руки штурвал управления... Как только он принял на себя контроль, стандарты нормализации в королевстве перевернулись. Голоса, восхвалявшие нормализацию, приумолкли, а Израиль вернулся на свою привычную позицию врага...»³⁶.

---

³⁵ Perry S. With Iran as the Real Enemy, Saudi-Israel Ties Will be Based on Interests // YNetNews.com. URL: <http://www.ynetnews.com/articles/0,7340,L-4987188,00.html> (accessed 10.12.2017).

³⁶ Al-Jayoussi, Khaled. The Story of the Normalization in Two Different Scenes // Rai al-Youm (Independent Arabic daily), 06.08.2018. (Translated from Arabic).

Жесткая реакция саудовского монарха может рассматриваться как ситуативная. Наличие критиков в самом Королевстве и за его пределами заставляет Эр-Рияд соблюдать осторожность и открыто не пересекать «красные линии», за которыми арабская солидарность по палестинской проблеме может быть поставлена под вопрос. В то же время курс на определенную нормализацию отношений с Израилем со стороны государств Персидского залива, озабоченных «продвижением» Ирана, будет продолжаться, видимо, с отступлениями и паузами. Движение по этому пути будет зависеть как от восприятия уровня угрозы со стороны Ирана, так и от потребностей в технологиях.

В этом контексте связка между необходимостью для Саудовской Аравии продолжить борьбу с Ираном любыми способами (в том числе за счет негласной координации с Израилем) и необходимостью решения палестинской проблемы может выглядеть не слишком рациональной. У Эр-Рияда нет резона выступать в качестве стороны, готовой освятить своим авторитетом любое непопулярное в арабском мире решение по палестинцам, — а в том, что оно будет непопулярным, можно не сомневаться. Еще меньше побудительных мотивов у нынешних саудовских правителей ставить себя под удар внутренней критики со стороны наиболее консервативного религиозного крыла, и так недовольного некоторыми послаблениями.

Палестинская проблема в качестве ценностной составляющей не только оказывает влияние на межарабские отношения, определяя «статус и репутацию», но и формирует отношение в арабском мире к внешним игрокам, и, следовательно, воздействует на внешнюю политику за пределами региона.

Столкновение подходов или культурная несовместимость?

Отношение арабского мира к державам Западной Европы всегда было достаточно сложным и неоднозначным. История способствовала накоплению обид у арабов, формированию представлений о Западе как о коллективном колониальном агенте, который, несмотря на обретение арабами независимости, по-прежнему относится к ним с пренебрежением, как

к обществам, недостаточно политически и социально развитым и, соответственно, во многом уступающим западным государствам.

США, хотя и не имевшие шлейфа колониальных грехов, также оказываются предметом острой критики. Так, отторжение среди арабов стала вызывать позиция США по палестинно-израильскому конфликту, которая воспринималась как безоговорочная поддержка Израиля. Не отрицая того, что Израиль остается для США стратегическим партнером, следует все же признать, что далеко не всегда Вашингтон, исходя из собственных интересов, был готов поддержать любые действия Израиля на Ближнем Востоке. Более откровенную поддержку демонстрирует администрация Трампа.

Негативизм арабов в отношении ближневосточных подходов Вашингтона достаточно долго оставался на одном и том же, приемлемом для США, уровне. Кардинальные изменения произошли после терактов 11 сентября 2001 г. Именно тогда, совершенно неожиданно для многих американских политиков, проявилась открытая враждебность арабской улицы к США. Как заметил директор американского Исследовательского центра Пью (The Pew Research Center), отношение к Соединенным Штатам изменилось от плохого к худшему. «Например, незадолго до войны против Саддама Хусейна мусульмане, опрошенные в Саудовской Аравии, Катаре и Иордании (странах, считающихся прозападными. — И. З.) в соотношении более чем два к одному были согласны с утверждением, что Соединенные Штаты представляют собой большую угрозу, чем Ирак... Арабский и мусульманский мир не может быть рассмотрен изолированно. Враждебность к США — это часть более широкого международного кризиса»³⁷.

Гегемонизм США и реабилитация ими использования военной силы в регионе действительно стали вызывать раздражение. В Вашингтоне полагали, что существующая в США демократическая политическая система будет естественным образцом

---

³⁷ Changing Minds Winning Peace. A new strategic direction for U.S. public diplomacy in the Arab & Muslim world / Report of the Advisory Group on Public Diplomacy for the Arab and Muslim World. Submitted to the Committee on Appropriations U.S. House of Representatives. 01.10.2003. P. 15. URL: <https://www.state.gov/documents/organization/24936.pdf> (accessed 10.12.2018).

для всех, включая мусульманские государства, и те принципы, на которых она строится, будут с готовностью приняты населением. Если же «агенты перемен» (agents of change) в обществах недостаточно сильны или влиятельны, то западная модель может продвигаться с использованием не только мягкой, но и вполне реальной военной силы, с помощью которой можно избавиться от диктаторских режимов, блокирующих перемены. Примерами могут служить военная операция коалиции по свержению Саддама Хусейна и охота на Каддафи силами НАТО в контексте установления «бесполетной зоны» в Ливии.

Несмотря на известную формулу о наличии общечеловеческих ценностей, представления США о ценностях далеко не всегда находят отклик у большей части арабского общества. Институциональное обустройство обществ и государств на Ближнем Востоке и в Северной Африке различно, и если для Туниса, который считается наиболее вестернизированной страной, характерно наличие институтов и достаточно активного гражданского общества, то к Ливии это вряд ли относится.

Пример устойчивости связей и взаимоотношений, а также резистентности традиционного общества демонстрирует Афганистан. Как известно, в 2001 г. США осуществляли там операцию «Несокрушимая свобода» по разгрому террористов, а позже пытались решить более амбициозные социально-политические задачи. Эти планы стабилизации и демократизации Афганистана остались невыполненными (и стоит признать, что трудно было рассчитывать на успех). Однако даже видные американские эксперты были склонны высоко оценивать запущенные правительством процессы. Так, американский специалист по региону Фредерик Старр писал, что в Афганистане «Вашингтону удалось укрепить и модернизировать правительственные институты во всех 34 провинциях и 360 округах страны, создав благоприятную среду для гражданского общества и реализации гражданских прав»³⁸. Известно, что, несмотря на относительный успех ряда реформ, Афганистан остается нестабильным с большой «серой зоной», продуцирующей серьезные вызовы и угрозы.

---

³⁸ Starr S.F. A Partnership for Central Asia // *Foreign Affairs*, Vol. 84, no. 4, 2005. P. 164–178. URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/asia/2005-07-01/partnership-central-asia> (accessed 10.12.2018).

Популярные в мусульманском мире атрибуты американской культуры — музыка, фильмы — не сигнализируют о готовности местного населения воспринять американский образ жизни, который рассматривается как неприемлемый, а ценности — как оторванные от ближневосточной реальности. В Иране, например, в начале 1990-х годов можно было услышать знакомые мелодии из старых американских фильмов, но при этом сохранялся высочайший уровень враждебности к США.

Высоко ценямая на Западе безграничная личная свобода — это серьезная угроза мусульманскому образу жизни. Как справедливо отмечала Рэнда Слим, американский исследователь ливанского происхождения, «многие аспекты американской массовой культуры в мусульманском обществе воспринимаются как личное оскорбление мусульман, а американцам, которые вполне спокойно допускают возможность игнорирования ценностей арабского мира и ислама, как правило, абсолютно безразлично, что же именно оскорбляет мусульман и почему... Арабы воспринимают войну США с терроризмом как войну с исламом, они считают, что в настоящее время переживают критический момент в своей истории, будучи ввергнуты в решающую битву ради спасения себя как народа и своей культуры»³⁹. Р. Слим приводит слова одного из арабских участников проводимого ею на протяжении 2004–2007 гг. арабо-американо-европейского диалога: «Америка — это источник наших постоянных страхов»⁴⁰.

Эти страхи мусульман Ближнего Востока отчасти обоснованы военной вовлеченностью США в дела региона, но отчасти порождены мифами об американцах и их политике. Так или иначе, предписывать ближневосточной стратегии американского правительства стремление воевать с исламом или размыывать идентичность арабского мира — абсурдно. Введение крайне неудачного и оскорбительного понятия «исламофашизм» вряд ли можно считать признаком битвы с исламом.

---

³⁹ Slim R.M. *The Arab-American-European Dialogue: Working Together Toward a New Relationship between the West and the Arab Region (2001–2007) // Sustained Dialogue in Conflicts. Transformation and Change / ed. by H.H. Saunders. New York: Palgrave Macmillan, 2011. P. 173.*

⁴⁰ Ibid.

Известное заявление Дж. Буша-мл. о борьбе с терроризмом⁴¹ отражало попытку использовать уже вошедший в обиход термин, чтобы заклеить идеологию исламских экстремистов, но было воспринято в арабском мире и за его пределами как антимусульманский вызов.

Резко усилившуюся враждебность «арабской улицы» в отношении США после «9/11», ее радость и злорадство можно объяснить реакцией слабых, их повышенной возбудимостью и вышедшими наружу комплексами. Такого рода эмоции были слишком очевидны и не могли не привлечь внимания исследователей. Фрэнсис Фукуяма указывал на опасность симпатий к террористам и их распространенность: «Симпатии могут проявляться даже просто в злорадстве при виде обрушения башен, в чувстве удовлетворения от того, что США получили то, что заслуживают... По этим стандартам симпатии к террористам характерны для гораздо более широких кругов, чем «крошечное меньшинство» мусульман, включающих средний класс в таких государствах, как Египет и иммигрантов на Западе»⁴².

На этом фоне, рассматривая американскую политику в регионе в целом, можно сделать весьма парадоксальный вывод о том, что и США, в свою очередь, вообразили себя «градом на холме», взяв на вооружение высокую миссию свободы. Они готовы были нести ее по всему миру, не обращая внимание на методы распространения и готовность мира принять эту ценность. Позиционируя себя проводником свободы, Вашингтон одновременно поддерживал многие авторитарные и диктаторские режимы на Востоке.

Возникает естественный вопрос, идет ли в данном случае речь о несовпадении в понимании ценностей или о различиях в самих ценностях, т. е. о глубокой культурной пропасти. Причем это может касаться не только США (для них

---

⁴¹ «Противостояние терроризму, — заявил президент США в августе 2006 г. в связи с израильской войной в Ливане, — первостепенная задача XXI века. Это только начало длительной борьбы с идеологией, идеологией реальной и глубокой. Это — исламофашизм». Президент Буш о Ливане // Голос Америки. 12.08.2006. URL: <https://www.golos-ameriki.ru/a/a-33-2006-08-12-voa3/655559.html> (дата обращения 18.05.2018).

⁴² Fukuyama F. The West has Won // The Guardian, 11.10.2001. URL: <https://www.theguardian.com/world/2001/oct/11/afghanistan.terrorism30> (accessed 10.12.2018).

вопрос ценностей во внешней политике играет особую роль), но и представителей других цивилизаций. И все же трансляция ценностей во внешнюю политику особенно характерна для Америки, и именно попытки придать ей ценностное содержание вступают в резкое противоречие с политической практикой, что и отталкивает арабов. Арабские страны, по мнению умеренных исламистов-участников упомянутого арабо-американо-европейского диалога, «слышат официальные речи США о новом международном порядке, но опасаются, что США в реальности хотят лишь контролировать этот миропорядок. Они видят скверное обращение военнослужащих США с заключенными в Ираке, Афганистане и в тюрьме Гуантанамо. Они ссылаются на пренебрежительное отношение США к резолюциям ООН, особенно когда дело касается арабо-израильского конфликта. И самое главное, они ссылаются на дрящущую десятилетиями поддержку авторитарных режимов в арабском регионе со стороны США»⁴³.

Поддержка авторитарных режимов является для США исключительно прагматическим выбором, но в свою очередь, многолетние авторитарные правители в арабском мире теряют привычную опору среди населения; и хотя этот процесс идет нелинейно, с отступлениями и паузами, сам факт таких перемен игнорировать становится невозможно.

В связи с этим можно сделать вывод: в том, что касается признания самых общих демократических ценностей — выборов, независимых судов, смены власти и ее отчетности перед обществом — возможно совпадение взглядов и подходов в мусульманских странах и в странах Запада. Например, выборы, парламент, сменяемость власти присутствуют в политической системе Ирана, хотя и не копируют западную модель. Глубокие культурные отличия часто делают совпадения поверхностными. В наиболее модернизированных государствах существуют политические партии, профсоюзы, НКО, проводятся реформы, по-новому позиционирует себя гражданское общество. Вместе с тем, преувеличивать сходство политических институтов нет оснований. Социальная организация остается своеобразной, в нее активно включены традиционные

---

⁴³ Ibid.

структуры (племена, расширенные семьи, группы солидарности) и ее функционирование далеко от европейских стандартов. Особая роль религии, которая препятствует отделению религиозных институтов от государства, фрагментированность общества, роль местных идентичностей — все это неизбежно транслируется и во внешнюю политику.

Являясь производной от внутренней политики и/или ее дополнительным ресурсом, внешняя политика как комплекс решений и действий по-своему отражает исторический нарратив, представления о статусе и идентичности акторов. Внешнеполитические успехи (реальные или надуманные) нередко интерпретируются как символ общей успешности режима, в том числе и в других областях, где эта успешность может быть поставлена под вопрос. Международные отношения на Ближнем Востоке органично включают в себя элементы символической политики. Это связано с особенностями региона, где доминируют конфликты ценностей и где проблемы идентичности становятся важным маркером двусторонних или многосторонних отношений. Наличие традиционных обществ и лидеров, для которых статусные вопросы играют особую роль, приводит к тому, что реакция на угрозы выступает как процесс очень быстрой и не всегда оправданной эскалации. Порожденные сложным прошлым и давней враждой страхи порой становятся более значимыми при принятии решений, чем рациональный выбор.

Символы и ценности в значительной степени определяют и, скорее всего, будут определять специфику отношений и связей в ближневосточном регионе, а также особенности существующих там конфликтов, устойчивость стереотипов и амбиции отдельных игроков.

Глава II

ОТ ОКЕАНА ДО ЗАЛИВА: ИДЕНТИЧНОСТЬ ОДНОГО РЕГИОНА В УСЛОВИЯХ НЕОМОДЕРНА

Настоящая глава посвящена изучению специфики формирования международных отношений в географическом пространстве¹, ограниченном Атлантическим океаном на Западе и Персидским Заливом на Востоке, традиционно обозначаемом в арабской историографии как земли «от Океана до Залива». В последнее время в западной и отечественной литературе оно все чаще описывается как Западная Азия и Северная Африка (ЗАСА)² в условиях трансформации мировой политики. Цель

Автор главы – Кузнецов Василий Александрович

¹ Здесь мы используем понятие «пространство», а не «регион» или «территория» преднамеренно. Мы понимаем «пространство» так, как его понимает отечественный специалист Н.А. Косолапов, по определению которого «организованная территория становится пространством», то есть «виртуальной конструкцией, создаваемой... ради организации представлений, на основе и при помощи которых могут выстраиваться и воспроизводиться социальная практика и/или ее часть». См.: Косолапов Н.А. Россия: территория в пространствах глобализирующегося мира // *Мировая экономика и международные отношения*. 2005. № 7. С. 3. Предполагая наличие внутренней структуры, осознаваемое как определенное единство (в отличие от территории), пространство, вместе с тем может не обладать политической субъектностью международно-политического региона. Под последним при этом понимается как «относительно самостоятельная подсистема межгосударственных отношений, объединенных прежде всего общностью определенных, присущих именно данному региону политических проблем и соответствующих им отношений». См.: Гантман В.И., Волкова Е.Д., Барановский В.Г. Система, структура и процесс развития международных отношений. М.: Наука, 1984. С. 363; Воскресенский А.Д. Концепции регионализации, региональных подсистем, региональных комплексов и региональных трансформаций в современных международных отношениях // *Сравнительная политика*. 2012. № 2(8). С. 30–58.

² Географически речь идет о той же территории, которая обычно обозначается как Ближний Восток и Северная Африка (БВСА), или просто Ближний Восток (БВ). В настоящей статье, как будет показано ниже, под

исследования состоит в определении возможных стратегий трансформации региональной идентичности в ЗАСА в новых мирополитических условиях.

Для ближневосточных исследований эта проблематика, конечно, не нова — так или иначе проблемам выстраивания международных отношений в ЗАСА, роли Ближнего Востока в современной системе международных отношений посвящен огромный корпус литературы. Однако в основной ее части исследовательское внимание сосредотачивается на анализе актуальных проблем международных отношений в регионе, а авторы не ставят перед собой задач рассмотрения места региона в глобальной системе международных отношений. К этой проблематике отчасти приближается корпус исследований, авторы которых рассматривают региональные отношения в ЗАСА с учетом колоссального присутствия в регионе внерегиональных игроков и через призму их внешнеполитических стратегий (к примеру, проблематика российско-американских отношений в этом регионе в последние годы стала едва ли не самостоятельным направлением научных изысканий³), однако в них сам регион и расположенные в нем страны оказываются скорее объектами действия внешних сил, чем субъектами мировой политики.

В России лишь в последние годы наметилась тенденция к сближению собственно ближневосточных исследований с изучением более общих тенденций мировой политики. Среди работ, посвященных этой проблематике, особого внимания заслуживают публикации В.В. Наумкина, И.Д. Звягельской, К.М. Труевцева, принадлежащих в целом к той же школе ближневосточных исследований ИВ РАН, что и автор настоящей главы. Все эти авторы, специализируясь изначально на ближневосточной проблематике, пытаются концептуализировать

БВ понимается определенная концепция. Понятия «от Океана до Залива» и ЗАСА используются нами как более нейтральные. Идея его использования в отечественной литературе уже выдвигалась. См. напр.: Махмутов Т.А., Мамедов Р.Ш. Предложения к формированию системы региональной безопасности в Западной Азии и Северной Африке / Российский совет по международным делам. 2017. № 38.

³ Яркие примеры: Васильев А.М. От Ленина до Путина. Россия на Ближнем и Среднем Востоке. М.: Центрполиграф, 2018; Шумилин А.И. Политика США на Ближнем Востоке в контексте «Арабской весны». М.: Международные отношения, 2015.

анализ региональных процессов, связав их с более общими проблемами мировой политики. Так или иначе, собственно ближневосточная повестка остается для них ключевой.

Так, в статье 2017 г. «После постмодерна: ближневосточное измерение одного тренда»⁴ мы уже намечали общие контуры исследования взаимосвязей между изменением ситуации на Ближнем Востоке и глобальной мирополитической трансформацией, обозначенной нами как завершение эпохи постмодерна. Эти идеи нашли развитие в опубликованной в соавторстве с И.Д. Звягельской статье «Государственность на Ближнем Востоке. Будущее началось вчера»⁵. Продолжая разработку темы, в своей недавно опубликованной монографии «Ближний Восток и Центральная Азия. Глобальные тренды в региональном исполнении» И.Д. Звягельская сравнивала эффекты от влияния глобальных тенденций развития на политические процессы в двух регионах⁶. Академики В.В. Наумкин и В.Г. Барановский, написавшие вводную главу к коллективной монографии 2018 года «Ближний Восток в меняющемся глобальном контексте», со своей стороны, сосредотачивали внимание как на специфическом преломлении глобальных мегатрендов на Ближнем Востоке, так и на формировании особых региональных трендов, определявших в значительной степени внутрирегиональную международную среду⁷. Наконец, необходимо упомянуть и статью “West Asia and North Africa: between MENA and Islamic World in the situation of neomodernity”, опубликованную в журнале “Russia in Global Affairs”⁸ — высказанные в ней идеи легли в основу настоящего текста.

---

⁴ Кузнецов В.А. После постмодерна: ближневосточное измерение одного тренда // Восток-Oriens. Афро-азиатские общества: история и современность. 2017. № 3. С. 25–37.

⁵ Звягельская И.Д., Кузнецов В.А. Государственность на Ближнем Востоке. Будущее началось вчера // Международные процессы. 2017. № 15(4). С. 6–19.

⁶ Звягельская И.Д. Ближний Восток и Центральная Азия: глобальные тренды в региональном исполнении. М.: Аспект-Пресс, 2018.

⁷ Введение // Ближний Восток в меняющемся глобальном контексте (Коллективная монография) / отв. ред. В.Г. Барановский, В.В. Наумкин; Ин-т востоковедения РАН. М.: ИВ РАН, 2018. (552 с.) С. 6–13.

⁸ Kuznetsov V. Western Asia and North Africa in the Neo-Modernity Context: between the Middle East and the Islamic World // *Russia in Global Affairs*. 2019. No.1. P. 124–146.

Другой подход можно обнаружить у авторов-международников, обращающихся к проблемам ЗАСА как к частному случаю исследований общих проблем истории международных отношений. Довольно распространенным стал поиск аналогий для текущей ситуации в регионе во всемирной (а на самом деле, лишь в европейской) истории. С. Сазак⁹ и Л. Камель¹⁰, с одной стороны, и Б. Синн, М. Эксворти и П. Милтон¹¹ — с другой, спорят о возможностях установления «ближневосточного Вестфалья» после окончания «новой Тридцатилетней войны». В этой же логике еще раньше строил свои рассуждения российский посол П. Стегний, противопоставлявший вестфальскому формату на Ближнем Востоке версальский¹², что наводило на мысль о сравнении текущей ситуации не с 30-летней, а с Первой мировой войной. Авторы более прикладных работ обращаются к опыту Хельсинки¹³, Рабочей группы по контролю над вооружениями и региональной безопасности на Ближнем Востоке, созданной на московской площадке многостороннего ближневосточного урегулирования в 1992 г.,¹⁴ АСЕАН¹⁵ или Африканского Союза¹⁶.

---

⁹ Sazak C.S. No Westphalia for the Middle East // *Foreign Affairs*. 2016. URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/middle-east/2016-10-27/no-westphalia-middle-east?fbclid=IwAR0CqSLEdwyYxL13orIVbP71PECF3jvyBRNJRrRUZvQZxaAZgTiq64uLm7s> (accessed: 07.02.2019).

¹⁰ Kamel L. There is no Thirty Years' War in the Middle East // *National Interest*. 2019. URL: <http://nationalinterest.org/feature/there-no-thirty-years-war-the-middle-east-17513> (accessed: 10.02.2019).

¹¹ Simms B., Axworthy M., Milton P. (2016). Ending the new Thirty Years War // *NewStatesman*, 2016. URL: <http://www.newstatesman.com/politics/uk/2016/01/ending-new-thirty-years-war> (accessed: 01.02.2019).

¹² Стегний П.В. Ближний Восток: по-версальски или по-вестфальски? // Россия в глобальной политике. 2012. № 6. URL: <https://globalaffairs.ru/number/Blizhnii-Vostok-po-versalski-ili-po-vestfalski-15785> (дата обращения: 15.02.2019).

¹³ Иванов И.С. Три корзины для Ближнего Востока // *Независимая газета*. 2016. URL: http://www.ng.ru/dipkurer/2016-02-01/9_korziny.html (дата обращения: 15.02.2019).

¹⁴ Махмутов Т.А., Мамедов Р.Ш. Указ. соч.

¹⁵ Mahbubani K. How the ASEAN 'Miracle' Is a Model for the Middle East // *Asia Society*. 2017. URL: <https://asiasociety.org/blog/asia/how-asean-miracle-model-middle-east> (accessed: 11.02.2019).

¹⁶ Harrison R. Toward a Regional Framework for the Middle East. Takeaways from other Regions // *MEI Policy*. 2016. No 10. URL: https://www.mei.edu/sites/default/files/publications/PP10_Harrison_RCS_regionalframework_web_1.pdf (accessed: 15.02.2019).

Довольно любопытной в контексте этих исследований представляется полемика, развернувшаяся вокруг учебника А.В. Фененко «История международных отношений: 1648–1945» весной 2019 г.,¹⁷ когда в ответ на довольно жесткую рецензию А. Куприянова «История МО: попытка описания»¹⁸ коллеги А.В. Фененко опубликовали две контррецензии (В.А. Веселов¹⁹ и Т. Алексеева²⁰).

ЗАСА упоминается в этих трех текстах лишь по касательной, однако центральный вопрос дискуссии вполне актуален и для всех вышеупомянутых исследований: до какой степени европейский опыт истории международных отношений, прежде всего в домодернную эпоху, универсален и может быть применен к иным регионам? И соответственно — надо ли относиться к формулам ближневосточных тридцатилетних войн, вестфалей, версалея, хельсинки и т. д. именно как к тем или иным образом реализуемым политическим моделям или же как к метафорам?

Вместе с тем, последовательный отход от европоцентризма, абсолютизация изначальной особенности каждой культурно-цивилизационной общности (как их ни определяй) и присущих ей подходов к выстраиванию международных отношений, может вести к обратной стороне европоцентризма — ориентализму. В рамках мирополитических исследований это, конечно, не означает неправомерности изучения альтернативных моделей выстраивания международных отношений, однако заставляет относиться к ним с чрезвычайной осторожностью.

---

¹⁷ Фененко А.В. История международных отношений: 1648–1945. М.: Аспект-Пресс, 2018.

¹⁸ Куприянов А. История МО: попытка описания // РСМД. 17.05.2019. URL: <https://globalaffairs.ru/number/Istoriya-MO-popytka-opisaniya-20045> (дата обращения: 16.06.2019).

¹⁹ Веселов В.А. Как анализировать историю международных отношений? // Россия в глобальной политике. 22 мая 2019. URL: https://globalaffairs.ru/global-processes/Kak-analizirovat-istoriyu-mezhdunarodnykh-otnoshenii-20050?fbclid=IwAR1j90IUZYsJoY-KleulBNkdJFV4RYfjncnc_4n6cxSDLird0WvxQaYkAx4 (дата обращения: 16.06.2019).

²⁰ Алексеева Т. Как примирить историков и политологов? // РСМД. 31.05.2019. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/kak-primirit-istorikov-i-politologov/?fbclid=IwAR3TzGv7ta3VJX4zqxBhg51oQ3tViuOSULQ6tICHw8jKdwTArVRYfGNtTME> (дата обращения: 16.06.2019).

В соответствующих разделах мы будем возвращаться к идеям, высказывавшимся в упомянутых публикациях, однако прежде имеет смысл сформулировать ключевые тезисы, раскрытию которых и будут посвящены эти разделы.

Новый мировой порядок, дискуссии о котором обрели особую популярность в последние несколько лет, представляет собой международно-политическую проекцию того, что в других сферах общественной жизни и общественного сознания может быть назван «состоянием неомодерна» (с отсылкой к известной работе Ж.-Ф. Лиотара) или схожими терминами.

Само понятие «Ближний Восток» должно пониматься как маркер определенной концепции, созданной в эпоху модерна. Его изначальная идеологическая наполненность вменяла определенный тип политического поведения международным акторам и предписывала выстраивание специфической системы региональных отношений и специфическую региональную идентичность.

Альтернативой концепции БВ может считаться концепция Исламского мира, содержащая в себе домодернное идеологическое наполнение.

В эпоху постмодерна началось размывание Ближнего Востока и реактуализировалась идея Исламского мира.

В эпоху неомодерна международные отношения на пространстве ЗАСА будут колебаться между моделью БВ и моделью Исламского мира.

Неомодерн вместо нового мирового порядка

Несмотря на то, что в науке о международных отношениях до сих пор еще продолжают ожесточенные споры относительно наполнения и границ понятий «мировой порядок» (миропорядок) и «система международных отношений» и их соотношения²¹, общий смысл словосочетания «мировой порядок» более или менее ясен. В дальнейшем мы будем опираться

---

²¹ Дунаев А.Л. Понятия «система» и «порядок» в историографии международных отношений: трудности интерпретации // *Вестник Московского университета. Серия 25. Международные отношения и мировая политика*. 2013. № 2. С 4–22.

на его определение, предложенное отечественным специалистом А.И. Никитиным: «относительно устойчивое и достаточно стабильное, хотя и ограниченное в историческом времени состояние международной системы, характеризующееся господством признаваемых большинством акторов (государственных и негосударственных) правил поведения на международной арене и основанное на балансе сил и интересов ведущих мировых держав и политических сил»²².

Тезис о кризисе миропорядка, его «критической неустойчивости», о «снижающейся эффективности функционирования международных институтов» и «падении доверия к ним»²³, ставший в последние годы совершенно обыденным, начал входить в оборот международных исследований еще в начале 1990-х гг., в сущности — сразу после краха биполярной системы отношений. Никогда толком не кончавшиеся на протяжении более двух десятилетий дискуссии вспыхнули с новой силой после украинских событий 2014 г., обозначивших, с преобладающей в России точки зрения, коренной поворот в отношениях Москвы и стран Запада. Проявившееся в это время настойчивое стремление российских политического и академического сообществ заявить о становлении нового миропорядка естественным образом поставило вопрос о периодизации.

Либо в 2014 г. мир вошел в какой-то совершенно новый период развития, и тогда речь должна идти о существовании некоего специфического (видимо, однополярного) миропорядка ранее (1991–2014 гг.), либо же нет — и тогда нынешняя ситуация должна рассматриваться как новая фаза процессов, запущенных в 1990-е гг. При том, что у обеих точек зрения есть солидный набор сторонников и противников, споры между ними носят далеко не только академический характер. В сущности, речь

---

²² Никитин А.И. Современный миропорядок: его кризис и перспективы // Полис. Политические исследования. 2018. № 8. С. 32. URL: <https://doi.org/10.17976/jpps/2018.06.03> (дата обращения: 09.02.2019).

²³ Лапкин В.В. О национальном vs имперском обустройстве современного миропорядка // Полис. Политические исследования. 2018. № 4. С. 37. URL: <https://doi.org/10.17976/jpps/2018.04.04> (дата обращения: 09.02.2019). См. также: Haas R. The Unraveling: How to Respond to a Disordered World // *Foreign Affairs*. 2014. No. 93(6). P. 70–79; Алексеенкова Е.С. Хаос и игра без правил: О современном кризисе доверия в отношениях России и Запада // *Полития*. 2015. № 1(76). С. 67–81.

идет о противостоянии двух (а в реальности множества) принципиально разных политических концепций, каждая из которых призвана подвести интеллектуальную основу под внешнеполитические стратегии тех или иных игроков. Распространенный в России подход, в котором катастрофическое восприятие актуального положения дел соседствует с заботой о построении нового мультиполярного (или полицентричного) мира, в этом контексте оказывается лишь одной из возможных политических программ, но далеко не единственной.

В означенной логике сама констатация кризиса может рассматриваться как результат не отстраненного анализа условно объективной реальности, но как выражение изменившегося самовосприятия акторов-наблюдателей. Москва, Пекин, Тегеран и другие говорят о кризисе, поскольку стремятся к пересмотру собственной роли в мировой политике, и этим своим стремлением, с точки зрения апологетов status quo, этот кризис и создают²⁴.

Вместе с тем подобный конструктивистский подход нельзя абсолютизировать. При всей значимости субъективных факторов, разлад миропорядка связан, очевидно, и с некоторыми объективными элементами реальности — экономическим ростом в странах Азии, формированием нового технологического уклада, кризисом созданной в лоне европейской политической культуры модели национального государства и т. д. Соответственно и преодоление текущего кризиса, по всей видимости, должно стать, с одной стороны, компромиссом между несколькими мирополитическими проектами, а с другой, — результатом приспособления международно-политической реальности к новым социально-экономическим и технологическим условиям.

Ситуацию при этом осложняет, во-первых, то, что сам окончательный состав ключевых игроков, которые будут участвовать в написании «правил игры», не определен, и, вполне возможно, определен не будет. Во-вторых, далеко не все из уже заявивших

---

²⁴ См. об этом: Цыганков А. Эпоха полураспада: от миропорядка к миропереходу // *Россия в глобальной политике*. 15.05.2019. URL: <https://globalaffairs.ru/number/Epokha-poluraspada-ot-miroporiyadka-k-miroperekhodu-20029> (дата обращения: 14.06.2019); Сущенцов А. Россия — глобальный ревизионист? // Международный дискуссионный клуб Валдай. 12.06.2019. URL: <http://ru.valdaiclub.com/a/highlights/rossiya-globalnyu-revizionist> (дата обращения: 14.06.2019).

о себе «архитекторов» нового миропорядка готовы сформулировать собственные концепции его обустройства. Наконец, в-третьих, технологический переход еще не завершен и его глобальные социально-экономические последствия не проявились в полной мере.

Все это порождает неуверенность не только в общих контурах будущего миропорядка, но и в самой возможности его формирования — конгломеративные теории современного мира, описанные когда-то А.Д. Богатуровым, получают дополнительные аргументы в свою пользу.

Ключевая проблема состоит, в конечном итоге, в том, что любой автор, пытаясь описать контуры нового миропорядка, вынужден не только исходить из уверенности, что он возможен, но и опираться на уже известные в истории модели его организации, причем концептуализированные на основе освоения, прежде всего, европейского опыта (вспомним дискуссию вокруг учебника А.В. Фененко). Отсюда — очевидная вторичность всех построений, не учитывающая принципиальную непохожесть новых исторических условий.

Впрочем, на дело можно посмотреть и иначе — не через призму науки о международных отношениях, а в более широкой перспективе.

Если рассматривать международные отношения как одну из сфер общественной жизни, формируемую общественным сознанием, то вполне правомочным будет соотнести дискуссии о миропорядке с рефлексиями над другими сферами общественного развития.

Параллельно с размышлениями о кардинальных изменениях в мировой политике, хотя и с некоторым опережением, образ мира после «конца истории» активно разрабатывается и в других гуманитарных науках.

Больше двадцати лет назад Ж. Бодрийяр заявил, что «Года 2000 не будет. Он не произойдет просто потому, что история столетия уже закончилась, и мы лишь постоянно переживаем ее»²⁵. Говоря о размывании границы между настоящим и будущим, фактическом упразднении и того, и другого, замене их

---

²⁵ Бодрийяр Ж. В тени тысячелетия, или приостановка года 2000. 1998. URL: <http://filosof.historic.ru/books/item/f00/s00/z0000326/> (дата обращения: 16.02.2019)

симулякрами-«кажимостями», философ постулировал становление эпохи «пост-современности» (или пост-модерности), органически неспособной сказать о себе что-то новое и требующей вечного возвращения. Эти размышления конца XX века, однако, обозначили не открытие эпохи постмодерна, подступавшей с разных сторон уже пару десятилетий²⁶, а скорее ее вхождение в завершающую стадию, когда постмодерн сначала из состояния ума интеллектуалов, а затем и из состояния культуры превратился в общественно-политическую обыденность — зачастую даже неосознаваемый способ мышления общества, предписывающий определенное политическое поведение.

XXI век принес с собой новую волну размышлений о мире-после-модерна. Уже в 2002 г. канадский исследователь Линда Хатчеон объявила о конце постмодерна: «Постмодернистский момент миновал, даже если его дискурсивные стратегии и идеологическая критика еще живы»²⁷. Вслед за этим критическая теория, искусствознание и литературная критика наполнились многочисленными модернизмами с приставками — пост-постмодернизм, automodernism²⁸, digimodernism²⁹, altermodernism³⁰, трансмодернизм³¹, метамодернизм³² и т. д.

Концепция неомодерна, к которой мы апеллируем в настоящей статье, стоит с ними в одном ряду.

---

²⁶ Текст “Cross the Border — Close the Gap” Лесли Фидлера появился впервые еще в 1968 г. (опубликован в 1969 г.), а «Состояние Постмодерна» Ж.-Ф. Лиотара в 1979 г.

²⁷ Hutcheon L. *The Politics of Postmodernism*. New York, London: Routledge, 2002. P. 181.

²⁸ Samuels R. *Auto-Modernity after Postmodernism: Autonomy and Automation in Culture, Technology, and Education // Digital Youth, Innovation, and the Unexpected*. Cambridge: The MIT Press, 2008. Doi: 10.1162/dmal.9780262633598.219.

²⁹ Kirby A. *Digymodernism. How New Technologies Dismantle the Postmodern and Reconfigure Our Culture*. London: Continuum, 2009.

³⁰ Bourriaud N. *Altermodern: Tate Triennial 2009*. London: Tate Publishing, 2009.

³¹ Dussel E.D. *Transmodernity and Interculturality: An Interpretation from the Perspective of Philosophy of Liberation // Transmodernity: Journal of Peripheral Cultural Production of the Luso-Hispanic World*. 2012. No. 1(3). P. 28–55.

³² Vermeulen T., Van der Akker R. *Notes on Metamodernism // Journal of Aesthetics & Culture*. 2010. Vol. 2. DOI: 10.3402/jac.v2i0.5677.

Различаясь в деталях, акцентируя внимание на разных аспектах современности, все эти теории оказываются едины в нескольких вещах.

Из самих их названий видно, что авторы определяют современность по отношению к эпохе модерна, превращаясь, так или иначе, в пленников истории, добровольно отказывающихся от свободы определения принципиально нового состояния бытия. Современность всегда мыслится ими одновременно как преодоление постмодерна и как его развитие. Будучи порожденными сознанием постмодерна, эти теории осмысливают мир после конца истории, предполагая тем самым отказ от ее телеологической заданности и, следовательно, невозможность полного возвращения на круги модерна³³. При этом все они исполнены серьезности и стремления к поиску новых смыслов, некоторым даже раздражением от вездесущей постмодернистской иронии, делающей невозможным поиск ответов на новые вызовы бытия. Эта серьезность порождена осознанием принципиально нового экономического, технологического и информационного состояния современного мира. Глобализация для этих авторов — уже не абстрактный проект, а свершившийся факт. Отсюда — отказ от европоцентризма, новое пространственное восприятие, идея «культурных кочевников» Н. Буррио³⁴, цивилизационный и культурный плюрализм, свойственный трансмодернизму, что, между прочим, в конечном счете, должно вести и к позитивному восприятию концепции множественности модернов Ш. Эйзенштадта³⁵.

---

³³ Наиболее четко это выражено в теории метамодерна — Vermeulen and Van der Akker. *Op. cit.* P. 5.

³⁴ Bourriaud N. *Op. cit.*

³⁵ С точки зрения израильского ученого сам проект модерна глубоко укоренен во всех цивилизациях «осевого времени», его западное воплощение — лишь одно из возможных: «Модерное состояние общества связано, прежде всего, с принципиально новым уровнем социокультурной динамики и интенсификацией развития, достигаемое за счет более эффективного сочетания институциональных и ценностных структур, которое активизирует внутренний творческий ресурс социума. Каждая цивилизация «осевого времени» способна генерировать свой собственный проект «современности» (модерна) на основе заложенного в ней духовного потенциала, воплощая его в соответствующих достижениях в области культуры, социальной организации, технологий и т. д. Из этого следует, что нацеленность на изменение и трансформацию мира как важнейшая особенность модерна не представляется исключительной чертой западной

Концепция неомодерна, в отличие от других, в большей мере ориентированная на анализ политического, нежели эстетического, акцентирует внимание на четырех принципиальных моментах, уже ярко проявившихся в политической практике отдельных государств в самых разных регионах, но в меньшей степени проанализированных в приложении к международным отношениям³⁶.

Во-первых, на поиске нового месседжа, стремлении к выстраиванию новых больших нарративов при отсутствии полной веры в них.

Во-вторых, на осознании принципиальной неустойчивости, промежуточности нового состояния мира, которая, однако, не может и не должна быть преодолена.

В-третьих, на обращении ко всему историческому опыту, инструментализации истории, широком использовании додернных, архаических практик в поисках нового нарратива.

Наконец, в-четвертых, на неизбежности использования постмодернистского инструментария (иронии, скепсиса, игры) при формулировании искомого месседжа.

Если соотнести эти четыре пункта с предыдущими рассуждениями о формировании нового миропорядка, то можно обозначить несколько его принципиальных черт в свете идеи неомодерна.

1. Новый мировой порядок, каким бы он ни был, должен быть подвижным, гибким, малоформализованным и априори неустойчивым.
2. Состав формирующих его акторов не может быть четко определен, сами эти акторы будут подвижны и разнообразны, присущая каждому из них множественность

христианской цивилизации, а является внутренним потенциалом, характерным для всех цивилизаций "осевого времени". См.: Иванов А.В. «Множественные современности»: диалектика единства и разнообразия в эпоху глобализации // *Фундаментальные исследования*. 2014. № 6–3. С. 654–659; URL: <http://fundamental-research.ru/ru/article/view?id=34220> (дата обращения: 11.07.2019).

³⁶ КОРТУНОВ А.В. От постмодернизма к неомодернизму, или воспоминания о будущем. URL: <http://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/ot-postmodernizma-k-neomodernizmu-ili-vospominaniya-o-budushch/> (дата обращения: 15.01.2019).

- идентичностей будет предопределять сложность выработки их политических стратегий и множественность самых разных внешнеполитических нарративов.
3. Нарратив, представление о должном мироустройстве, стремление к какой бы то ни было стабилизации снова окажется значимым для всех игроков. Это должно вести к возвращению идеологии, частичному отказу от прагматизма во имя ценностей при понимании их условности. В каких-то случаях результатом может быть превращение прагматизма как такового в самодостаточную ценность.
  4. Объективно происходящее размывание границ, в том числе между внутренней и внешней политикой, усиление их взаимозависимости, будет продолжаться, перемежаясь при этом с попытками укрепления суверенитетов отдельных игроков, попытками изоляционизма.
  5. Подобная подвижность и неустойчивость при стремлении каждого игрока к укреплению собственных идентичностей, будет вести к росту тревожности, а, следовательно, и к нарастанию секьюритизации международных отношений. Центральной в этих условиях станет проблема поиска общего набора вызовов и угроз, который бы мог создать основу для позитивного взаимодействия.

Пространство ЗАСА, по всей видимости, не может избежать вовлечения в этот вездесущий мир неомодерна, однако какое место оно в нем занимает, как определяет себя, как новые веяния проявляются там, требует специального рассмотрения.

Как представляется, «промежуточность», неустойчивость нового состояния проявляется здесь, прежде всего, в сосуществовании в ЗАСА, как минимум, двух региональных/цивилизационных политических идентичностей, порожденных разными временами и предписывающих выстраивание совершенно разных моделей политического поведения. Первая из них — ближневосточная.

ЗАСА как Ближний Восток

Как справедливо отмечают В.Г. Барановский и В.В. Наумкин, «появление региональной ближневосточной идентичности стало ключевым фактором регионального мегатренда XX в. — формирования Ближнего Востока как единого политического региона»³⁷. Развивая эту мысль, авторы показывают, как в результате колониализма и антиколониальной борьбы изначально разделенное, как минимум, на четыре субрегиона пространство ЗАСА превратилось в современный Ближний Восток.

Поскольку сам колониализм, равно как и порожденное им национально-освободительное движение в странах Востока, естественно, были явлениями модерна, продуктами европейской эпохи Просвещения (отсюда и их идеологическая наполненность), то и ближневосточный регион может рассматриваться как явление модерна.

В качестве некоего политического единства он возник в середине XX века — в период обретения независимости большинством арабских стран. При этом драйверами его формирования были, во-первых, арабский национализм, провозгласивший единство всех арабских стран, во-вторых, появление Израиля, борьба с которым на первых порах стала важным фактором консолидации арабов и укрепления их общей идентичности, и в-третьих, антиколониальный пафос молодых независимых государств. На протяжении последующих десятилетий границы региона расширились — его неотъемлемыми элементами стали сначала обретшие независимость несколько позже других малые арабские государства Залива, затем отказавшийся от прозападного пути развития Иран и постепенно переориентировавшаяся на Юг Турция. Наконец, его частью оказался и Израиль, пусть изначально и воспринимавшийся географическими соседями антагонистически.

Будучи политическим регионом БВ обладает довольно четкой внутренней структурой. В нем явно выделяется центр (Ирак, Сирия, Египет), периферия (Магриб), фронтиры (Мавритания, Судан). Ослабление регионального ядра и усиление

---

³⁷ [Наумкин В.В., Барановский В.Г.] Глава 1. Ключевые тренды столетнего развития // Ближний Восток в меняющемся глобальном контексте. С. 36.

флангов (Турция, Иран, Саудовская Аравия) стали, пожалуй, наиболее важным мотивом реформирования БВ в XXI в.

Архитектура международных отношений, сформировавшихся в этот период на БВ, определялась спецификой путей формирования региона и также была своеобразным продуктом модерна.

Прежде всего, она несла (и все еще несет) в себе ярко выраженный отпечаток постколониализма. Ярче всего это проявлялось в зависимости от внерегиональных акторов, всегда обеспечивавших региональную безопасность (сначала — колониальные державы, затем США и СССР, затем — только США) и постоянное апеллирование к ним при выстраивании внешней политики региональными державами. Характерно в этом отношении, что успешное проведение Россией операции в Сирии и непоследовательность американской политики на БВ в период администраций Б. Обамы и Д. Трампа привели, среди прочего, и к очевидному сближению между Москвой и Эр-Риядом, с одной стороны, и Москвой и Дохой, с другой, хотя обе аравийских монархии на момент начала сирийской кампании были настроены в отношении России чрезвычайно критически. Страх саудовских элит перед Ираном, равно как и стремление Катара укрепить собственную безопасность перед лицом саудовской угрозы толкают их к поиску новых внерегиональных партнеров, потенциально способных к военному участию в делах региона.

Другая важная черта ближневосточной подсистемы — это то, что ключевыми элементами ее организации во вполне модернистском духе были государства.

Формально претендующие на статус nation-states, они всегда отличались институциональной слабостью. В результате формируемая ими система, претендуя внешне на воспроизводство европейского опыта с его мощными государствами, с его исторически сложившейся пространственной организацией, никогда не могла быть реализована в полной мере. Результатом становилась подмена государствоцентризма режимоцентризмом и персонализмом, при котором реальными субъектами организации подсистемы выступали политические режимы, зачастую воплощенные конкретными лидерами. Отчасти это напоминает европейскую ситуацию XIX века с ее концертом держав. Персонализм при этом оказывает непосредственное

влияние на региональные отношения. Так, жесткая позиция аравийских монархов по отношению к М. Каддафи в значительной степени была продиктована негативным личным отношением к ливийскому лидеру, а одной из причин катарского кризиса считается личный конфликт между наследным принцем Саудовской Аравии Мухаммедам бен Салманом и эмиром Катара³⁸. Вместе с тем, институциональная слабость расположенных на БВ государств препятствовала формированию не только мощных наднациональных структур, но и сколь-либо эффективных межгосударственных политических организаций, способных вывести региональное сотрудничество на новый уровень.

С предыдущей характеристикой связана и важность фактора нациестроительства в регионе, выстраивания мощных национальных (общерабских, субрегиональных или страновых) исторических нарративов, которые в теории должны утверждать идею национального суверенитета отдельных государств. Отсюда — значимая роль символической политики в международных отношениях БВ, соперничество исторических нарративов во внешней политике региональных держав.

Своеобразным следствием этого и проявлением стремления к выстраиванию «больших нарративов» становится присущий ближневосточной подсистеме эксклюзивизм — «дружба против» одного из расположенных здесь же государств всегда была одним из краеугольных камней региональных отношений. И хотя изгоями становились в разное время разные страны — Израиль, Ирак, в последнее время — Иран — само наличие изгоя было всегда *sine qua non* региональной консолидации. Характерно в этом отношении, что главным мотивом возрождения арабского национализма сегодня становится именно стремление объединиться против Ирана — фактически на этом построена вся концепция «арабского НАТО», противостоящего Ирану — этакому «персидскому СССР» (что, конечно, очень иронично, учитывая восприятие «малого Сатаны» в Исламской Республике).

Описанные характеристики определили и то, что важнейшим драйвером регионального развития было и остается

---

³⁸ Ramesh R. The long-running family rivalries behind the Qatar crisis // *The Guardian*. 2017. URL: <https://www.theguardian.com/world/2017/jul/21/qatar-crisis-may-be-rooted-in-old-family-rivalries> (accessed: 15.02.2019).

соперничество между державами за региональное лидерство. Примечательно, в этом соперничестве несколько моментов. Во-первых, отсутствие очевидного лидера при переизбытке претендентов на лидерские позиции. Во-вторых, относительная слабость каждого из претендентов, заставляющая его, с одной стороны, чрезвычайно ревностно относиться к возможности вмешательства в его внутренние дела, способной привести к дестабилизации политического режима, а с другой, — постоянно апеллировать к помощи внерегиональных игроков. В-третьих, постепенное изменение состава претендентов на лидерство при внутренней хрупкости каждого из них, делающей невозможным формирование гармоничного регионального концерта. Каждое из рассматриваемых сегодня в качестве региональных столпов государств — Турция, Иран, Израиль, Саудовская Аравия, Египет — обладает серьезными ограничителями регионального влияния и сталкивается с растущими рисками политической и социально-экономической стабильности. Кроме того, все они вынуждены оглядываться на государства «второго эшелона», в принципе также не лишённые лидерских амбиций — ОАЭ, Катар, а потенциально и Ирак.

В целом, для БВ как региона, воплощающего модернистскую модель международных отношений, характерны и свойственные эпохе модерна сочетание анархических принципов выстраивания региональных отношений, ярко выраженного прагматизма, реализма во внешнеполитическом поведении ключевых игроков, с воспроизводимыми ими ценностноориентированными внешнеполитическими стратегиями. Когда-то поддержка насеровским Египтом или баасистскими режимами дружественных им арабских националистических движений, поддержка Ираном шиитских меньшинств и политических организаций в странах региона, поддержка Саудовской Аравией салафитских сообществ и организаций, а Катаром и Турцией — движений Братьев-мусульман воспроизводят практики поддержки в странах Третьего мира коммунистических движений Советским Союзом или же государствами Запада — движений демократических. Несмотря на все противоречия между реализмом и идеализмом во внешней политике, и то, и другое вне

всякого сомнения — черты, свойственные именно модернистским проектам.

При том, что в системе международных отношений регион Ближнего Востока присутствует вполне очевидно, сама его модернистская концепция в последние годы начала размываться.

Прежде всего, в XXI в. обозначилась тенденция к разрушению внутренней структуры региона и размыванию его границ. Первое проявилось в уже упоминавшемся кризисе государств центра (конфликты в Ираке и Сирии, политический и экономический кризис в Египте), а еще ранее — в фактическом упразднении эксклюзивистской модели и снижении консолидации между основными странами региона. Ни одна из существующих сегодня в ЗАСА линий противостояния не позволяет объединить большинство региональных игроков в борьбе с кем-то одним. Более того, каждый из существующих альянсов оказывается не только ситуативным, но и секторальным. Так, находясь в жесткой оппозиции Тегерану по военно-политическим вопросам, ОАЭ рассматривают Иран как важнейшего экономического партнера³⁹.

Свидетельством размывания границ региона стала, с одной стороны, разработанная когда-то американскими неоконсерваторами концепция Большого Ближнего Востока, а с другой, — укрепление в некоторых частях БВ трансрегионального сотрудничества (например, Магриб-ЕС), зачастую более эффективного, чем сотрудничество внутрорегиональное (провал фактически заморозившего свою деятельность в 1994 г. Союза Арабского Магриба).

В это же время дала трещину система аутсорсинга безопасности. Оказавшись в одиночестве, США оказались неспособны поддерживать хрупкий региональный баланс сил. Осуществленное ими военное вторжение в Ирак не принесло должных результатов, превратив эту страну в источник новых угроз, и обернулось непомерными финансовыми и репутационными затратами. Каирская речь Б. Обамы в 2009 г.,⁴⁰ воспринятая

---

³⁹ Cafiero G. Trouble Brews Between the UAE and Iran // *Inside Arabia*. 13.02.2019. URL: <https://insidearabia.com/trouble-brews-uae-iran> (accessed: 11.07.2019).

⁴⁰ Выступление президента США о новой странице в отношениях. Каирский университет (Каир, Египет). 4.06.2009. URL: <https://obamawhitehouse>.

в Тель-Авиве как антиизраильская⁴¹, неготовность Вашингтона поддержать дружественный ему режим Х. Мубарака в 2011 г., попытки сближения с Ираном были восприняты региональными союзниками Белого Дома (Израилем, Египтом при А. ас-Сиси, Саудовской Аравией) как предательство⁴². Бесконечная интрига Д. Трампа вокруг признания Иерусалима столицей Израиля и заключения «сделки века», в совокупности с новым антииранским курсом, отказом от СВПД и откровенным транзакционизмом в отношении Эр-Рияда и Дохи положения дел не улучшили.

Вместе с тем ни один другой внерегиональный актор, включая Россию, заменить США в регионе сегодня не готов.

Все эти явления свидетельствовали о переходе ЗАСА в состояние постмодерна, при котором все черты модернистского устройства БВ оказались поставлены под сомнения, а сам регион формально сохраняясь, постепенно утрачивал ключевые свои характеристики, превращаясь в этакий *failed region*.

ЗАСА как часть Исламского мира

Одновременно с размытием модернистского концепта БВ все явственнее стала проявляться его альтернатива, в сущности своей, домодерная — концепция ЗАСА как части Исламского мира.

В работах, посвященных формированию нового миропорядка, в особенности, в тех из них, в которых рассматривается перспектива его полицентричной организации, довольно часто встречается упоминание о возможности формирования некоего исламского полюса мировой политики. И хотя авторы неизменно описывают исламский мир, подчеркивая исходящие из него угрозы, отмечают дефицит его международной

[archives.gov/files/documents/anewbeginning/SPEECH_as_delivered-Russian.pdf](https://www.archives.gov/files/documents/anewbeginning/SPEECH_as_delivered-Russian.pdf)
(дата обращения: 11.07.2009).

⁴¹ Согрин В.В. Барак Обама: внешняя политика либерального прогрессиста // *Общественные науки и современность*. 2014, № 3. С. 59–60.

⁴² Например: Nazer F. Clinton, Trump, and Riyadh. How Saudi Arabia Sees the U.S. Presidential Election // *Foreign Affairs*. 28.03.2016. URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/saudi-arabia/2016-03-28/clinton-trump-and-riyadh>
(дата обращения: 11.07.2019).

субъектности, обращают внимание на множество содержащихся в нем внутренних противоречий, они, кажется, готовы признать за ним потенциальную способность к консолидации. Эта идея встречается не только у не раз подвергавшегося жесткой критике со стороны востоковедов С. Хантингтона, но и у его оппонентов, включая российских. Так, В.Г. Барановский, хотя и пишет, что внутренняя фрагментация исламского мира «по страновым, клановым и конфессиональным основаниям делает образ “столкновения цивилизаций” метафорой, вряд ли пригодной для описания системы международных отношений как на глобальном уровне, так и в региональных контекстах»⁴³, все же относит его к числу возможных центров влияния.

Одной из последних отечественных работ на эту тему стала статья Л.Л. Фитуни и И.О. Абрамовой, в которой авторы попытались увидеть в мировой экономике тенденцию к формированию ее «мусульманского полюса»⁴⁴.

Проблема, с которой сталкивается любой автор, рассуждающий на тему исламского центра в мировой политике, состоит в том, что средневековая идея исламского мира (*дар ал-ислам*) плохо соотносится с порожденными европейским модерном концепциями миропорядка, ключевыми элементами которого могут быть государства, региональные структуры, негосударственные акторы, но никак не цивилизационные общности.

Конечно, на протяжении XX века, и в ЗАСА, и за его пределами существовала тенденция к модернизации концепции *дар ал-ислам*, ярчайшим проявлением чего стало создание в 1969 г. Организации Исламская конференция (с 2011 г. — Организация исламского сотрудничества), превратившейся на сегодняшний день во вторую после ООН правительственную международную организацию в мире по числу участников (57 государств). Еще ранее, хотя и не столь очевидно, стремление придать исламу субъектность проявилась в деятельности некоторых исламистских движений, таких, как Братья-мусульмане,

---

⁴³ Барановский В.Г. Трансформация глобального миропорядка: динамика системных изменений // Полис. Политические исследования. 2017. № 3. С. 77. URL: <https://doi.org/10.17976/jpps/2017.03.05> (дата обращения: 09.02.2019).

⁴⁴ Фитуни Л.Л., Абрамова И.О. Мусульманский полюс мировой экономики и джинн глобализации // Вестник МГИМО-Университета. 2018. № 4(61). С. 55–77.

пытавшихся в своей идеологии и в практической деятельности соединить идею исламской уммы с концепциями европейского национализма, а также в деятельности основателя Пакистана Мухаммеда Али Джинны — автора теории «двух наций». Все эти проекты свидетельствовали, с одной стороны, о сохранении в среде мусульманских интеллектуалов стремления обратиться именно к конфессиональной идентичности в международной практике, а с другой, — об их стремлении переосмыслить собственный культурный опыт через призму впитанной западной социально-политической мысли (насколько искренним было это стремление, а насколько речь шла о необходимости «перевода» европейской мысли на язык, понятный большинству населения соответствующих стран — другой вопрос). Однако все эти авторы не смогли преодолеть фундаментального противоречия между современным развитием системы международных отношений и средневековыми теоретическими построениями. Явственным свидетельством неуспеха стало то, что исламские экономические институты так и не смогли занять доминирующего положения даже в самих мусульманских странах

Вместе с тем нельзя не отметить и сохранения чисто домодернного представления о существовании исламского мира, и никогда не прекращавшихся в определенной среде попыток интерпретации реальности именно через призму этого представления.

Его основой было то, что Османская империя, и более ранние арабо-мусульманские государства не просто были религиозными государствами, но и идентифицировали себя, прежде всего, по религиозному признаку. Формально они даже обозначали себя не как государства, а как *дар аль-ислам*. Соответственно чисто гипотетически власть халифа распространялась не столько на конкретную территорию, сколько на всех мусульман мира. Обитель ислама в традиционной исламской политической теории противопоставлялась *дар аль-харб* — «Обители войны» (т. е. территории, на которую должна распространиться власть ислама) и *дар ас-сульх* — «Обители договора» (т. е. территории, где мусульмане, не имея политического превосходства, все же могут свободно исповедовать свою веру).

В XXI в. остававшиеся ранее маргинальными религиозно-политические интерпретации международных отношений в ЗАСА стали обретать все большую популярность, отчасти реализуясь в политической практике, отчасти разрабатываясь в теоретическом поле.

В политической практике можно назвать, как минимум, три проявления ее реализации: деятельность ДАИШ, Аль-Каиды и других как джихадистских, так и не джихадистских сетевых исламистских организаций, использование религиозного дискурса для консолидации региональных акторов в борьбе с общими угрозами («Суннитская коалиция», шиитская в сущности «Ось сопротивления» и др.), укрепление внетерриториальной конфессиональной идентичности в мусульманских общинах за пределами собственно исламского мира.

В теоретическом поле речь идет об усиленной разработке отдельных вопросов исламской политической теологии в последние годы, включая так называемую теологию джихада. Ожесточенные баталии между различными школами богословов, обеспечивавших концептуально-правовую деятельность джихадистских организаций (Аль-Каиды и ДАИШ, прежде всего)⁴⁵, не в меньшей мере, чем объективно сформировавшиеся новые социально-политические условия, мотивировали к интеллектуальным поискам и лоялистски настроенных улемов в разных странах мира.

Несомненно, важной вехой времени при этом стало то, что все эти интеллектуальные поиски в последние годы стали выходить за пределы собственно религиозной интеллектуальной среды, становясь элементами более широких интерпретаций международных процессов в ЗАСА. Так, сама идея анализа региональных процессов через призму конфессионализма — как противостояние шиитов с суннитами, мусульман с западными «крестоносцами», а вместе с тем и мысль о необходимости поддержки тех или иных конфессиональных групп со стороны как региональных, так и нерегиональных акторов,

---

⁴⁵ Гасымов К. Разлад в стане джихадистов: идеологическая борьба Аль-Каиды с организацией «Исламское государство» // *Индекс безопасности*. 2015. № 3(114). С. 61–82; Bunzel C. From Paper State to Caliphate: The Ideology of the Islamic State / The Brookings Project on U.S. Relations with the Islamic World. Analysis Paper. 2015. No 19.

не имеет никакого отношения к модернистскому пониманию международных отношений. Она была порождена именно исламским их ведением.

Постепенное укрепление домодерной концепции исламского мира волей-неволей ставит вопрос о специфических чертах миропорядка, свойственных соответствующему подходу.

Как представляется, можно выделить, как минимум, пять его основных черт, каждая из которых должна, разумеется, интерпретироваться очень по-разному.

Во-первых, это представление о фундаментальном единстве мира, должном соответствии человеческого закона закону Божественному, из чего следует принципиальное неприятие анархического принципа организации международных отношений, уверенность в необходимом их соответствии Божественному замыслу и моральным основаниям бытия.

Во-вторых, это идея примата священного над мирским, ценностных оснований политики, представление о международных отношениях как об отношениях между различными конфессиональными группами или, по мысли С. Кутба, между исламом и джахилией (варварством), которые и становятся основными акторами.

В-третьих, это бинарное противопоставление мира веры и мира безверия (*дар аль-куфр*), конфликт между которыми, если и допускает компромиссные решения, то лишь на время, отрицание секуляризма как срединного пути между атеизмом и религиозностью.

В-четвертых, это эсхатологическая уверенность в конечной победе мира веры над миром безверия.

Наконец, в-пятых, это убежденность в не территориальной, а в сетевой организации миропорядка. Мир веры и мир безверия — это, прежде всего, не географические объекты, а человеческие сообщества, одно из которых идет по пути Бога, другое же — поклоняется идолам.

Подчеркнем, что все упомянутые специфические черты исламского понимания миропорядка приведены здесь в радикальной трактовке, наиболее ярко высвечивающей их смысловое ядро.

Несмотря на то, что говорить о полноценной реализации этого видения в ЗАСА не приходится, отдельные его элементы так или иначе здесь проявляются, причем довольно ярко.

Так, представление о нетерриториальности организации уммы, о примате священного над мирским ярко выражена не только в деятельности исламистских партий и движений (знаменитый «франчайзинг» ДАИШ, сетевая организация Аль-Каиды, отчасти — Братьев-мусульман), но и в демонстрации исламской солидарности при столкновении в общими для них угрозами (в особенности, на символическом уровне), во взаимной поддержке шиитских меньшинств в странах региона (например, Хизбалла и йеменские хуситы) и т. д.

Эсхатологическое видение мира, в свою очередь, делает возможным проведение гибкой политической линии исламистскими партиями, признание ими демократических практик, временных союзов с внерегиональными игроками и т. п., что, сталкиваясь с бинарным противопоставлением мира веры и мира неверия, становится источником для подозрений в «двойном дискурсе» исламистов.

Заключение

В становящемся мире неомодерна находят проявления самые разные принципы организации международных отношений. И если ближневосточный концепт в пространстве ЗАСА проходит испытание постмодернистским релятивизмом, а отдельные его элементы размываются, то домодерный концепт исламского мира, напротив, вновь становится актуальным.

В мире неомодерна, по всей видимости, эти два проекта будут сосуществовать, несмотря на то, что по целому ряду ключевых параметров они противоречат друг другу. На Таблице № 1 схематично представлены основные линии противостояния.

Именно эта неоднозначность, амбивалентность, не допускающая формирования единой и непротиворечивой региональной подсистемы отношений, и станет важнейшей чертой нового века.

Таблица 1

**ЗАСА между БВ и Исламским миром
в эпоху неомодерна. Линии противоречий**

Модерн Характеристики ЗАСА как БВ		Домодерн. Характеристики ЗАСА как Исламского мира		Характеристики неомодерна
Анархический принцип	vs	Единство мира	=	Априорная неустойчивость миропорядка
Национальные государства	vs	Конфессиональные группы	=	Гетерогенность акторов
Национальные нарративы	vs	Религиозные нарративы	=	Важность нарративов
Жесткая региональная архитектура и борьба за лидерство	vs	Нетерриториаль- ность	=	Размывание границ при стремлении к суверенитету

Глава III

«МИР ВЕРЫ» *VERSUS* «МИР НЕВЕРИЯ»: МИФЫ И РЕАЛЬНЫЕ ТРЕНДЫ

Потрясения, которыми охвачен Большой Ближний Восток¹ на протяжении последнего десятилетия, многокомпонентны и порождены широким комплексом причин. Обобщения касательно всего этого огромного и весьма неоднородного территориального ареала не всегда уместны и должны высказываться достаточно осторожно. Применительно к различным срезам развития социума — в политике, материальном производстве, духовной сфере и т. п. — вряд ли удастся свести к единому знаменателю движущие силы, динамику, направленность и результаты происходящих процессов: картина здесь может складываться очень по-разному.

Но есть тема, одинаково значимая для всего макрорегиона и затрагивающая все стороны происходящих в нем изменений — как эволюционных, так и обрушивающихся на него в своей революционной ипостаси. Речь идет о религиозном факторе и его меняющейся роли в общественном развитии.

Авторы главы — *Барановский Владимир Георгиевич, Наумкин Виталий Вячеславович*

¹ Мы пользуемся этим достаточно условным понятием для вычленения из глобальной системы ее регионального пространственного компонента в ареале от Северной Африки до Турции и Ирана, а также расположенных к югу от них арабских стран. Соответствующим англоязычным эквивалентом можно считать аббревиатуру MENA (Middle East and North Africa). Нередко сюда включают также Афганистан и Пакистан. Когда аналитическое внимание фокусируется на геополитической стороне дела, к региону иногда относят также три государства Южного Кавказа и страны Центральной Азии. При еще более расширительном контексте, когда на первое место выходит конфессиональная составляющая социума (прежде всего понятие «мусульманского мира»), можно счесть правомерным распространение регионального подхода вплоть до Индонезии и Филиппин (с риском придать ему безразмерный характер).

Эта проблематика, впрочем, имеет не только региональное измерение. Здесь важно иметь в виду, во-первых, насыщенный и противоречивый контекст экстрарегионального взаимодействия и, во-вторых — некоторые весьма значимые мегатренды глобального плана.

Два тренда

Сравнительно недавно в очередной раз был провозглашен максималистский постулат о том, что ислам должен быть альфой и омегой социума. И на этот раз провозглашен в предельно радикальной форме — законодательно запрещенным в России движением и институциональным образованием ДАИШ², претендовавшим даже на государственность. Оно позиционировало себя в жестком и всеобъемлющем противопоставлении всему остальному миру, который такого радикализма не принимает. В призывах предводителя ДАИШ Абу Бакра аль-Багдади, обращенных к мусульманам, провозглашалось: «Поистине, мир сегодня разделен на два лагеря и два окопа, и нет в нем третьего: лагерь ислама и веры и лагерь куфра (безбожия) и лицемерия, иначе говоря, всеобщий лагерь мусульман и всех *муджахидов* (борцов за веру) и лагерь иудеев, крестоносцев, их союзников, а с ними и остальных наций и религий куфра, всех, ведомых Америкой и Россией и мобилизованных иудеями...»³

---

² Деятельность организации запрещена на территории РФ (№ 19 в Перечне организаций и физических лиц, в отношении которых имеются сведения об их причастности к экстремистской деятельности или терроризму). В этой главе используется арабская аббревиатура ДАИШ. Другие используемые в русскоязычной литературе названия этого законодательно запрещенного в России образования — «Исламское государство» (ИГ), «Исламское государство Ирака и Леванта» (ИГИЛ), иногда «Исламское государство Ирака и Сирии».

³ *Khilafah Declared // Dabiq*, No. 1, 2014. Ссылка дается на англоязычный электронный журнал, распространявшийся с июля 2014 г. ДАИШ, «Dabiq» (можно перевести с арабского как «улавливающий дичь в силки» или просто «Ловец»). См. о нем: *The Response of, and on, Twitter to the Release of Dabiq Issue 15 / Paper presented at the 1st European Counter Terrorism Centre (ECTC) conference on online terrorist propaganda, 10–11 April 2017, at Europol Headquarters, The Hague (Europol Public Information)*. (Прим. ред.)

Человеку XXI века такое черно-белое видение мира должно представляться примитивным или, как минимум, поверхностным. Но возникает оно не на пустом месте. Гносеологическая составляющая такого подхода достаточно понятна и не приуща исключительно мусульманскому взгляда на вещи.

Постигая мир, люди с древности выделяли в нем два противостоящих друг другу начала. Бинарный подход обнаруживается в основе едва ли ни всех попыток концептуального объяснения сущего, включая и самого человека. Свет и тьма, день и ночь, мир и война, добро и зло, истина и ложь и т. п. Наука говорила о материальной и духовной сферах, религия — о земной и загробной жизни. В отношениях между людьми выделяли друзей и врагов, своих и чужих, хороших и плохих, правверных и безбожников, праведников и грешников.

В общем плане логика бинарного восприятия действительности лежит за пределами собственно религиозной тематики. Ислам в свое время воспринял эту традицию и воплотил ее в системе своих представлений. Правда, воспринял не механистически, а с продвижением новых идей и понятий, протекающих из его видения Вселенной, а иногда и выходящих за рамки изначальных постулатов новой религии.

Средневековые исламские мыслители разработали концепцию *дар аль-ислам* и *дар аль-харб* — «мира ислама и мира войны» — понятий, которых не было в священном Коране. Однако «мир ислама» противопоставляется не только войне, но и «миру безбожия» (*дар аль-куфр*). Так что антагонизм в отношении последнего, исходящий сегодня от ДАИШ, не стал для мусульманской конфессии чем-то новым и беспрецедентным. Эти мотивы приобретают экстремальный характер в контексте исламского радикализма, ориентированного на разрушение традиционной международной системы, основанной на организации взаимоотношений между государствами как главными действующими лицами на мировой арене.

Каким образом по мнению экстремистов произойдет разрушение системы? Во-первых, обречена на исчезновение «зона неверия», куда входят все, за исключением мусульман (причем лишь тех из них, кто следует в русле бескомпромиссной ориентации на идеологию и ценности ДАИШ). И не просто обречена на исчезновение, а должна быть уничтожена: «Аллах открыл

людям, что ислам — это религия меча, и только зиндик, то есть безбожник, может утверждать обратное»⁴. Таким образом оказываются табуированы призывы к межрелигиозному диалогу, утверждения, что ислам — это религия мира и т.п.⁵. Рассуждения на эту тему (в том числе ученых из Медины и авторитетного образовательно-богословского мусульманского центра в Каире — «аль-Азхара») свидетельствуют о «сатанинской межрелигиозной фантазии». Во-вторых, в победившем «мире веры» будут не нужны границы между национальными государствами. «Зона веры» обретет глобальное измерение, и любое религиозно-культурное разнообразие в ней просто исчезнет. Залогом же всеобщей гармонии станет шариат в статусе глобальной идеологии, правовой системы и поведенческого императива.

Взгляд на международную систему под таким углом удивительным образом перекликается с представлениями большевиков эпохи иллюзий о грядущей победе мировой революции. Отражением этих представлений была символика государственного герба с помещенным в его центр изображением земного шара. Но ее значение со временем все дальше уходило на задний план, вытесняясь актуальными внешнеполитическими задачами. В параметрах политического реализма, постепенно обретавшего в Москве респектабельность, существовавшую на протяжении нескольких десятилетий международную систему (вплоть до недавнего времени) характеризовали как биполярную.

Сегодня, несмотря на то, что биполярность стала достоянием прошлого, противопоставление одних стран и сообществ другим продолжается — отчасти по инерции, а отчасти потому, что к тому возникают новые основания. Подобный подход питают реалии самой жизни, причем по очень широкому кругу параметров. К примеру, дихотомия богатства и бедности разделяет не только отдельных людей, но и целые

---

⁴ Islam Is the Religion of Sword, Not Pacifism // *Dabiq*, No. 7, 2015. P. 20.

⁵ По мнению экстремистов, призыв к диалогу с иноверцами есть лишь «план разоружения ислама или, вернее, отказа от ясной, основанной на Коране и Сунне обязанности вести джихад против язычников, пока всем миром не станет править шариат». См.: In the Words of the Enemy // *Dabiq*, No. 15, July 2016. P. 76.

народы и страны, оставаясь одним из ключевых параметров структуризации глобального мира и системы международных отношений.

В концептуальных построениях всегда в той или иной мере присутствует религиозная составляющая. Сегодня к ней проявляют повышенный интерес. Некоторые аналитики из стран Востока заговорили о надвигающемся разделении международного сообщества на «мир веры» и «мир неверия» (или «прочий мир»). Этот тезис показался привлекательным ряду западных политологов. Основания для такой гипотезы у тех и других нередко различаются. Но общим можно считать то обстоятельство, что в ней отражается результат столкновения двух очевидно противоположных тенденций в мировом развитии: с одной стороны, роста религиозности, с другой — наступательного движения секуляризма и атеизма.

Разделение глобального социума на две части по признаку значимости конфессионального фактора весьма условно хотя бы потому, что оно не учитывает существования промежуточных, переходных и просто неустоявшихся ситуаций. По этой же причине на мировой арене обнаруживается немало «неопределившихся» государств, когда выбор между секуляризмом и религиозностью не сделан или амбивалентен.

Но некоторые реперные точки в вышеупомянутом построении определяются вполне отчетливо. Ядром «мира веры» считаются те мусульманские страны Ближнего Востока, в которых религия тесно сплелась с политикой. Ядром же неверия — часть ультрасекулярной Европы, где религия вытесняется на обочину или полностью отделяется от общественной и политической жизни.

Вариации на эту тему обнаруживаются в различных докладах и прогнозах зарубежных ученых, появившихся в последние десять лет. В той или иной мере в них присутствует посыл о стратификации мирового сообщества по уровню религиозности. В качестве примера можно привести прогноз, представленный еще в 2007 г. европейским политологом Марком Леонардом. В своей работе «Разделенный мир: борьба за первенство» он говорил о формировании «квадриполярного мира»

идеологического соперничества, полюсами которого будут: (1) США, (2) Китай и Россия, (3) Европейский Союз и (4) Ближний Восток⁶.

Только последний из четырех перечисленных ареалов выделен по конфессиональному принципу. Правда, другие составляющие указанной структуры не названы «миром неверия», в числе прочего и потому, что в них ситуация в этом плане неоднозначна (в частности, религиозность в американском обществе по сравнению с Европой и Китаем весьма высока). Отличие ближневосточной зоны, по мнению Леонарда, прежде всего в том, что для нее не характерны ни демократия, ни власть закона⁷. Но ее исходное противопоставление остальным регионам основано именно на религиозном факторе.

Соответствует ли «бинарный» взгляд на религиозную компоненту мирового развития превалирующим в нем трендам или входит с ними в конфликт? Невозможно отрицать мощное наступление секуляризма (и особенно его наиболее яркой формы — лаицизма). Во многих частях мира, в том числе и в его исламском сегменте, происходит расширение «зоны неверия». Но одновременно идет процесс своего рода религиозного ренессанса, связанный с характерными для нашей высокотехнологичной эпохи поисками духовности.

Значительная часть людей ищет альтернативу широко распространенным, но упрощенным (и потому не вызывающим удовлетворения) социально-духовным ценностям и поведенческим стереотипам. Запрос на их переосмысление становится все более значимым, что особенно ощутимо в глубоко секуляризованных обществах. Одним из направлений поиска становится обращение к традиционным религиям или формированию новых религиозных течений.

Вряд ли это можно считать чем-то экстраординарным, особенно если вспомнить, что религию относят к числу ключевых цивилизационных характеристик (по крайней мере в рамках интеллектуальной традиции, восходящей к Арнольду Тойнби и продолженной Сэмюэлем Хантингтоном). Важно другое: в чем

---

⁶ Leonard M. *Divided World: The Struggle for Primacy in 2020*. London: Center for European Reform, January 2007. 54 p.

⁷ *Ibid.* P. 47.

выражается и как реализуется обращение к этой тематике. Ведь на почве духовных поисков в сочетании с комплексами неудовлетворенности по вопросам экономических условий, статуса, престижа, карьерных перспектив и прочих обстоятельств (особенно важных для молодежи), возможны непредсказуемые социальные явления.

Существует, к сожалению, и вероятность развития в сторону радикализма. Хорошо известно, что вспышки право- и леворадикального экстремизма периодически возникают на политическом поле Европы и Латинской Америки. А в некоторой части исламского мира, не только на Ближнем Востоке, получает развитие религиозный радикализм, причем с весьма драматическими и масштабными последствиями. Есть серьезные основания полагать, что именно распространение наиболее радикального, экстремистского субстрата религиозного мышления породило «Аль-Каиду», ДАИШ и другие подобные им террористические структуры (или по крайней мере создало для их возникновени я благоприятные условия).

Контекст глобализации

Тезис о возникающей разделенности мира по признаку значимости религиозного фактора, на первый взгляд, вступает в противоречие с концепцией глобализирующегося мира. Впрочем, с глобализацией и без того возникли серьезные проблемы. Еще несколько лет назад она казалась устойчивым и неодолимым мегатрендом. И ее адептам, и противникам она представлялась чем-то вроде гигантского смерча, который, вот-вот сметет едва ли ни все различия и границы между странами и цивилизациями. Появилось даже понятие, призванное обозначить самую продвинутую фазу этого феномена – «гиперглобализация», которая мощно продвигает мировое сообщество к единству благодаря быстро идущей технологической революции, в первую очередь в сфере коммуникаций. И вот сама глобализация оказывается поставленной под вопрос.

Посмотрим бегло на три основных глобализационных потока. Это свободное передвижение (1) капиталов и технологий,

(2) людей и (3) информации. Что здесь произошло в последнее десятилетие?

На пути первого из этих потоков были поставлены барьеры, причем в основном из-за протекционистского курса США, которые позиционировали себя в качестве лидера «свободного мира» и, соответственно, системы международной свободной торговли. Санкционная политика президента Трампа придала этой линии рутинный характер и одновременно привнесла в нее некоторую показную концептуальность. Вместе с тем нередко высказывается предположение о банальных эгоистических мотивах — о том, что решения о санкциях против прощтрафившихся перед США правительств, принимаемые якобы для оказания на них политического давления, продиктованы не только принципиальными соображениями, но и желанием устранить с рынка конкурентов американских компаний и обеспечить на нем наиболее благоприятные условия для американского бизнеса.

Протекционистские ветры дуют и в трансатлантическом пространстве, где уже развернулась или вот-вот начнется настоящая «торговая война». Все чаще высказывается недовольство работой ВТО, существование которой, по мнению отдельных экспертов, в сложившихся условиях просто потеряло смысл. Достигли высокого накала торговые споры между США и КНР, хотя взаимозависимость товаропроизводителей двух стран заставляет их заниматься поиском компромисса. Трудно сказать, чем увенчается такой поиск, но большого энтузиазма на этот счет не высказывается. Прочитируем, к примеру, бывшего главу отдела Китая в МВФ Эсвара Прасада: «Учитывая нежелание Китая капитулировать перед требованиями США, трудно найти путь к переговорному урегулированию, при котором не был бы нанесен ущерб торговым и инвестиционным потокам между двумя странами. Торговые санкции Трампа наносят сильный удар по растущей глобальной интеграции»⁸.

Возникли проблемы на пути реализации интеграционных договоренностей в Евразийском экономическом союзе.

---

⁸ Lynch D.J., Rauhala E. With Tariffs, Trump starts Unraveling a Quarter-Century of U.S. China Economic Ties // *The Washington Post*, 15.06.2018. URL: <https://www.washingtonpost.com/business/economy/trumpimposes-import-taxes-on-chinese-goods-and-warns-of-additional-tariffs/2018/06/15> (accessed 12.10.2018).

Приведем на этот счет высказывание президента Белоруссии Александра Лукашенко на саммите указанной организации в мае 2018 г.: «Сегодня именно региональные интеграционные объединения создают предпосылки для роста мировой экономики. А мы вместо того, чтобы свободно торговать, закрываемся друг от друга. Более того — обмениваемся взаимными претензиями даже в средствах массовой информации, рискуя международным авторитетом союза. Мы игнорируем цивилизованный способ решения торговых споров через Евразийскую экономическую комиссию»⁹. Человек, которого считают воплощением антилиберальных политических устремлений и приверженцем жесткого отстаивания национальных интересов, выступает с глобалистско-интеграционных позиций. В этом есть некая парадоксальная (почти кафкианская) символика сложившегося положения дел с формированием общепланетарного экономического пространства, в котором предполагается наладить унифицированные правила функционирования, обеспечить свободу от внутренних барьеров и свести к минимуму возможности государств навязывать контрагентам свои эгоистические приоритеты.

Все больше препятствий возникает на пути свободного передвижения людей. Миграция уже рассматривается рядом европейских государств как едва ли ни самая серьезная проблема и один из главных вызовов для их национальной безопасности. Это оказывает влияние на внутривнутриполитическую ситуацию, подогревая рост ксенофобии и популизма, способствуя выходу на политическую авансцену националистических партий и движений. Острота проблемы усугубляется как ростом миграционного давления, которое в обозримой перспективе продолжит возрастать, так и проникновением на континент под видом беженцев бывших боевиков, членов радикальных исламистских организаций.

В то же время для Европы (как и для некоторых других регионов мира) характерен такой устойчивый тренд, как старение населения, который, вероятно, в перспективе будет только усиливаться. В результате увеличится потребность в притоке

---

⁹ Лукашенко вновь раскритиковал ЕАЭС // EurAsia Daily, 14.05.2018. URL: <https://eadaily.com/ru/news/2018/05/14/lukashenko-vnov-raskritikoval-eaes> (дата обращения 12.10.2018).

рабочей силы из-за рубежа, что, в свою очередь, может способствовать нагнетанию мигрантофобии среди населения и дальнейшему росту противоречий между государствами, входящими в Евросоюз. Для преодоления культурного диссонанса, возникающего в результате переселения в Европу больших масс жителей государств Ближнего Востока и Африки, требуется время и продуманная политика.

В Европейском союзе этим проблемам уделяют самое пристальное внимание, и постепенно политика интеграционного объединения по проблемам миграции и беженцев обретает большую скоординированность. В 2018 г. о положении дел уже не говорили, как о кризисе, и перспективы виделись не такими драматическими, как это было несколько лет назад. Однако на радужных представлениях о свободном перемещении людей по мере усиливающейся глобализации, наверное, поставлен крест.

Среди факторов развития социума наибольшим глобализационным потенциалом обладают информационные потоки. Они — предпосылка, проявление и следствие современной технологической революции, помешать им невозможно, не поставив под угрозу ее сущность, высокий темп и широчайшие масштабы. Однако и здесь появляется все больше ограничителей. Введение некоторых из них продиктовано стремлением замедлить распространение идей экстремизма, призывы к террору, апологию насилия, разжигание национальной и религиозной розни. Необходимость и оправданность других нередко вызывает сомнения. Есть государства, прибегающие к регулированию допуска своих граждан к интернету и жесткому фильтрованию контента по идеологическим соображениям. И тогда подрывается единство этого существенно важного сегмента глобального информационного пространства, а также повышается вероятность возникновения серьезных разногласий в отношении характера и масштабов принимаемых с этой целью мер. Это становится дополнительным фактором эрозии глобализации в информационной сфере. А когда высокие запретительные барьеры, касающиеся доступа к информации, становятся маркером дефицита демократии и свободы слова — эффект деглобализации оказывается еще более значимым по причине ее проникновения в сферу политики.

Существует еще одна важная сторона вопроса – возможность ограничительных действий в информационной сфере по соображениям безопасности. Поскольку сама эта сфера приобретает ключевое значение для безопасности (информационные войны, кибероружие и т. п.), требуется минимизировать уязвимость собственной инфраструктуры в отношении возможных угроз и создать инструментарий для превентивного сдерживания или нейтрализации эвентуальных враждебных действий. И то, и другое также означает подрыв глобализации в информационной сфере.

Таким образом, по всем трем рассмотренным направлениям глобализация продолжается, но вместе с тем сталкивается с серьезными проблемами, тормозящими ее развитие, а иногда и вызывающими попятное движение. Возможно, феномен глобализации и представляет собою тот случай, когда надо выйти за рамки традиционного бинарного дискурса, а применительно к прогностическим задачам – не сводить все к безальтернативному выбору по формуле «или – или».

Несмотря на возникающие контртенденции, глобализация идет, и остановить ее не могут ни объективные обстоятельства, ни тем более политические решения – даже когда за ними стоят авторитет и возможности самых могущественных государств. Все они в возрастающей степени пользуются создаваемыми ею новыми возможностями и одновременно сталкиваются с порожденными ею же проблемами. Глобализацию душит партикуляризация, но последняя во многом активизируется именно как реакция на усиливающуюся универсализацию и удручающую обезличенность. Два взаимно противоположных, конкурирующих и одновременно усиливающих друг друга тренда причудливо сочетаются между собой.

Разве не подобную неоднозначную картину мы видим и при попытках выявить преобладающие тенденции религиозности в современном мире? То ли она переживает ренессанс, то ли, наоборот, отступает под усиливающимся натиском секуляризма. Здесь возникает вопрос о взаимодействии роста религиозности и глобализации как мегатрендов (при всей условности этого термина применительно к данному случаю, ведь вопрос стоит о том, как накладываются друг на друга две амбивалентности).

Некоторые аналитики полагают, что у них взаимно противоположные векторы. Религия и культура ослабляются глобализацией, считает американский автор Роберт Каплан, поэтому «их нужно воссоздавать в более суровой, монохроматической и идеологической форме с помощью коммуникационной революции»¹⁰. Иначе становится возможным такой феномен, как «Боко Харам» — одна из террористических организаций, которая «представляет не ислам как таковой, а ислам, который зажигает тираническая конформность и массовая истерия, инспирированная интернетом и социальными медиа»¹¹.

Религии, если рассматривать их как сложный конгломерат метафизических взглядов, организационных структур, обрядовых и культовых практик, этических ценностей и поведенческих норм, объективно нуждаются в адаптации к новым реальностям, возникающим в процессе и в результате глобализации. Такая адаптация может происходить через принятие или отторжение глобализирующих влияний, а также путем генерирования собственного «глобального продукта». Последний — одновременно и ответ на вызов глобализации, и ее часть. В этом обнаруживается глобализирующая роль религии.

Для ислама, к примеру, «вклад» в глобализацию связан с таким феноменом, как всемирная транснациональная *умма* (сообщество мусульман, включающее в себя всех приверженцев этой религии, которая объединяет их узлами солидарности). Этот компонент глобального социума имеет, казалось бы, вполне материальный характер, однако известный французский исламовед Оливье Руа говорит об *умме* как «воображаемой» реальности¹².

Логика такого видения в том, что приверженцы ислама — прежде всего граждане своих национальных государств (причем не только мусульманских, но и тех, где они составляют меньшинство), и лишь во вторую-третью очередь — солидарные члены всемирной *уммы*. Но в Европе сегодня проживает

---

¹⁰ Цит. по: Zakheim, D. Clash of the Strategists // National Interest, 2018. URL: <https://nationalinterest.org/feature/clash-the-strategists-25384> (accessed 12.10.2018).

¹¹ Там же.

¹² Roy O. The Failure of Political Islam. London — New York: I.B. Tauris Publishers, 1999. 238 p.

более 30 миллионов мусульман. Верно, что лишь в отдельных балканских государствах они составляют бóльшую (или близкую к этому) часть населения. Применительно к континенту в целом это конфессиональное меньшинство, однако в ряде стран значительное и быстро растущее (за счет иммиграции из стран Азии и Африки и более высокой рождаемости среди мусульман, а также за счет принятия ислама заметным числом европейцев). И здесь уже можно говорить о существующих или складывающихся узах трансграничной солидарности внутри этого конфессионального сообщества. Правда, в его отношении к глобализации заметны элементы консервативного настроения. Во многих мусульманских (в первую очередь ближневосточных) обществах она принимается лишь в мере, не противоречащей установке на закрепление их цивилизационной самобытности, для которой именно ислам является одним из основных идентификационных маркеров.

Будет ли он также ключевым индикатором, по которому оказываются разделенными «мир веры» и «мир неверия»? Входят ли в первый исключительно мусульмане (или даже только «правильная» их часть — из ближневосточных обществ), а во второй — все остальные (включая, в частности, христиан)? Или здесь играет роль не столько конфессиональная принадлежность, сколько различия в соотношении религии и политики?

В Европе разделение «миров» восходит к эпохе возникновения протестантства, которое в своей критике официальных католических структур инкриминировало им, в числе прочего, излишнее и своекорыстное вовлечение в политическую борьбу. Британская писательница, автор популярных книг о религии Карен Армстронг писала о тех временах: «Европейцы и американцы стали разделять религию и политику; они полагали (не вполне точно), что Тридцатилетнюю войну вызвали только споры вокруг Реформации. Убеждение, что религию следует полностью исключить из политической жизни, стало «мифом-хартией» суверенного национального государства. Философы и государственные деятели, проложившие путь этой догме, думали вернуться к более благополучному состоянию

дел, которое существовало, пока властолюбивые католические священники не смешали две совершенно разные сферы»¹³.

С XVI–XVII вв. Европа и Запад очень далеко продвинулись по этому пути. По словам Армстронг, «разделение религии и политики укоренилось до такой степени, что нам теперь сложно себе представить, насколько тесно они были прежде связаны»¹⁴. Ведь вплоть до раннего Нового времени разделить нерасторжимо связанные религию и политику было бы «так же трудно, как извлечь джин из коктейля». Глубоко сакральным смыслом были нагружены многие виды деятельности («сведение лесов, охота, футбольные матчи, игра в кости, астрономия, земледелие, строительство государства, перетягивание каната, планировка городов, торговля, винопитие и особенно война»¹⁵), которые сегодня вряд ли кто-то будет связывать с верой.

То, что для христиан осталось в далеком прошлом, в исламе звучит актуально и злободневно. Он не только не отстраняется от политической жизни, но втягивается в нее все сильнее. Значит ли это, что мусульмане в данном вопросе стадильно «завязли» в начале Нового времени, и им еще только предстоит пройти по пути секуляризации социума? Или дело в имманентно присущей исламу привязке к политике?

Оставим вопрос открытым и отметим общеизвестное. Во-первых, важнейшая особенность ислама — его притязания на то, чтобы быть стержнем функционирования социума во всех без исключения сферах (в том числе и в сфере политики). Хотя формы реализации этих притязаний могут варьироваться в достаточно широких пределах — как в зависимости от страны, так и с течением времени. Во-вторых, ислам в своем историческом генезисе более тесно связан с проблемой власти, чем любая другая религия. Ведь именно на этом поле возникли разногласия, которые стали первоначальной основой разделения мусульман на суннитов и шиитов.

---

¹³ Армстронг К. Поля крови: религия и история насилия. М.: Альпина нон-фикшн, 2016. 538 с.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же.

На путях адаптации

Между тем указанное разделение не только сохраняется, но иногда даже усугубляется в плане растущей конфронтационности. И это еще больше размывает картину формирования «мира веры» даже в его эксклюзивной вариации, отвергающей включение в него «чуждых» компонентов. Здесь проблема не только для ислама, но и для любых религиозных идеологических систем, в которых универсалистские ориентиры вступают в конфликт с внутренней диверсификацией. Из этого же ряда — препятствия на пути продвижения идей экуменизма в христианстве.

Здесь обнаруживается тот же парадокс глобализации, о котором шла речь выше. Объективно создавая предпосылки для диалога религий, как и для сближения разных течений в рамках одного религиозного направления, она одновременно оттеняет их консервирующую, идентифицирующую функцию. Это становится частью резистентной реакции социума через оживление и активизацию партикуляризма.

В числе общих для «мира веры» и «мира неверия» проблем (если принимать такое разделение) — эрозия религиозных ценностей и общая десакрализация. В Германии, например, полностью опустевшие храмы используются в качестве увеселительных заведений (причем процесс такого перепрофилирования носит, если так можно сказать, «естественный» характер, в отличие от того, что происходило в нашей стране в 1920–1930-е гг., когда энтузиасты борьбы с религиозными предрассудками стремились превратить культовые здания в «избы-читальни» или «дома культуры»). Наблюдается кризис религиозных институтов. Многие обычаи и ритуалы уходят в прошлое. Даже в России, где, как многие полагают, религиозность значительно выше, чем в большинстве государств Европы, и которую, с учетом происходящей в этой сфере динамики, нет оснований считать эволюционирующей в сторону «мира веры». По данным опросов, на 2017 г. среди православных христиан, которых в России около 80%, верят в Бога две трети, а соблюдают посты и ходят в храмы лишь 4%¹⁶. Среди мусульманского населения

---

¹⁶ Скрипунов А. «Индекс веры»: сколько на самом деле в России православных // РИА Новости, 23.08.2017. URL: <https://ria.ru/religion/20170823/1500891796.html> (дата обращения 28.08.2018).

число соблюдающих обряды ислама выше, но общую картину это существенным образом не меняет.

Политические императивы способны войти в клинч с очень устойчивыми религиозно-этическими установками. При этом обнаруживается это в действиях даже тех сил, которые позиционируют себя как религиозные. У глубоко верующих людей подробности таких метаморфоз иногда могут вызывать содрогание. Йеменские повстанцы из движения «Ансарулла», которых принято называть хуситами (по родоплеменной принадлежности большинства его членов), расправились с экс-президентом страны Али Абдаллой Салехом 4 декабря 2017 г. По канонам, которые надлежит неукоснительно соблюдать истинным приверженцам ислама, погибшего надо было уже на следующий день предать земле с соблюдением всех ритуалов. Однако тело убитого на протяжении многих месяцев держали в холодильной установке, превратив его в своего рода товар, который можно было бы использовать во внутривосточных транзакциях непрекращающейся гражданской войны. То есть накал и длительность внутреннего вооруженного конфликта побуждает даже тех, кто выступает за возврат к исконным ценностям ислама (а это именно случай хуситов), не соблюдать его важнейшие обычаи и преступать базовые этические установки. Они адресуют такого же рода обвинения и негодование своим оппонентам — тем, кто подвергает территорию этой страны жестоким бомбардировкам и повинен в гибели многих невинных людей, что совершенно неприемлемо с точки зрения базовой этики ислама.

В целом можно говорить о вполне постмодернистском тренде — усиливающихся сомнениях относительно некоторых важнейших норм, принципов, ритуалов, которые традиционно принимались как требующие неукоснительного соблюдения и обязательность которых сегодня отнюдь не безусловна. Это важная черта происходящего в связи с социальным поведением и феноменом религиозности вне зависимости от разделения/неразделения мира по лекалам «веры» и «неверия».

Иногда процесс десакрализации рассматривают в контексте постсекуляризма¹⁷, модернизации религии и даже трактуют как ее упрощение. Такой взгляд высказывают не только исламоведы, но и некоторые исследователи буддизма, отмечающие ослабление требований к его приверженцам и редуцирование роли вероучительного компонента для их основной массы. Возможно, речь идет о том, чтобы создать некую упрощенную версию религии, когда вера окажется избавленной от излишней размышлительной основательности, но зато к ней будет легче приобщиться.

Если религия лишается характерной для нее высокой сакральности, но становится ближе к людям, и число ее последователей в этом случае не только не снижается, но даже возрастает. Однако для все большего числа верующих она фактически сводится к ритуалам и этическим принципам, которые к тому же вовсе не обязательно неукоснительно соблюдать. Иначе говоря, идет двуединый процесс «экспансия-редукция». Происходит расширение количественных параметров ареала религиозности наряду с корректировкой ее качественных параметров.

Нет оснований считать это чем-то принципиально новым. Ведь и в прошлом «сокровенное знание», адресуемое более широкой аудитории, должно было к ней адаптироваться — по языку, ритуалам, умению донести message и т. п. Масштабы явления возросли, но трудно представить, к примеру, чтобы рядовые буддисты-тибетцы когда-либо могли полностью освоить и сделать повседневным жизненным ориентиром такие обширные религиозные тексты, как Канджур и Танджур. Первый представляет собой 108-томный сборник высказываний Будды, второй — 235-томный сборник переводов *шастр*. Как считают индийские авторы А. Шукла и В. Дикшит¹⁸, даже простое обладание этими текстами и в прошлом рассматривалось людьми в первую очередь как инструмент поддержания определенного социального статуса. Столь же мало оснований

---

¹⁷ Кузнецов В. Постсекулярный век модерна. Ближневосточный извод // *Государство, религия, церковь в России и за рубежом*, № 35 (3), 2016. С. 105.

¹⁸ Shukla A., Dikshit V. Tibetan Buddhism — Past and Present // *Himalayan and Central Asian Studies (Journal of Himalayan Research and Cultural Foundation)*. New Delhi, Vol. 13, no.1, January — March 2009. P. 47.

полагать, будто большинство рядовых мусульман знают все тексты шести «правильных» сборников хадисов пророка Мухаммада (хотя заучивание наизусть текста всего Корана довольно широко распространено во многих обществах ареала распространения ислама).

Конечно, функцию доведения содержания религиозных текстов до рядовых верующих и, тем более, их трактовки во всех религиях выполняют священнослужители, учителя религии и религиозные ученые, богословы и теологи. Восполнение и обновление этой страты осуществляется с помощью религиозного образования. В исламе, например, оно проходит сегодня через болезненный этап трансформации, что не обошло стороной и российских мусульман. Достаточно упомянуть о конфликте в Ингушетии вокруг одной из школ подготовки хафизов¹⁹ в поселке Долаково, куда 1 марта 2018 г. нагрянули бойцы Росгвардии²⁰.

Мы не будем толковать идущую сегодня во всех религиях модернизацию исключительно как упрощение. Это само по себе было бы упрощением (или, по крайней мере, односторонней трактовкой происходящего). Скорее можно говорить о некотором «обмирщении» в процессе религиозной десакрализации. В тибетском буддизме, например, модернизация выражается в том, что монахини, которым ранее запрещалось посещать *монлам* (праздник молений за мир и процветание, приходящийся на первый тибетский месяц), уже с 1994 г. по решению Далай-ламы могут это делать. Невольно возникает аналогия с изменением отношения к женщине в мусульманских сообществах и предоставление ей возможности выполнять функции, которые ранее были привилегией мужчины. Кстати, в исламе именно в вопросе об отношении к женщине и возникает один из главных узлов столкновения архаического традиционализма с модерностью и, более узко, с западной культурой. Показателен в этом плане курс наследника престола самой консервативной арабской монархии

---

¹⁹ Хафиз — мусульманин, выучивший Коран наизусть и способный правильно воспроизводить его. Хафизов готовят с раннего детства.

²⁰ Боброва О. Коран и дети // *Новая газета*, 10.03.2018. URL: <https://www.novayagazeta.ru/articles/2018/03/10/75752-koran-i-deti> (дата обращения 12.10.2018).

(Саудовской Аравии) Мухаммада бин Сальмана на проведение целого ряда реформ по изменению отношения к женщине и ее правам в русле либерализации. Насыщенной и символическим, и содержательным смыслом стала отмена запрета на вождение автомобиля женщинами. Эта тема перекликается и с прокатившимися по ряду европейских стран баталиями вокруг ношения никаба/паранджи и хиджаба.

В буддизме тенденция к «обмирщению» проявляется, в частности, в меняющемся отношении к ламам. В прошлом получить благословение у них было редкой удачей, поскольку монастыри располагались в труднодоступных местах, а общение с проживающими там священнослужителями и их поведение были строго регламентированы. «Ламам запрещалось ходить на рынок или к кому-либо, если это не было связанным с семейными делами, — пишут Шукла и Дикшит, — Женщины не могли появляться в монастырях, а мирянам не позволялось оставаться там после захода солнца»²¹. Сегодня все эти ограничения отменены. Ламы стали жить не в монастырях, а в обычных поселениях, и их харизма постепенно исчезает.

«Мир веры»: взгляд изнутри

«Мир веры» становится менее ригидным и в связи с восприятием элементов иных культур и традиций, что происходило в прошлом и имеет место сегодня. Ритуалистическому редуцированию тибетского буддизма способствуют культивируемые им некоторые черты древней религии *бон*, господствовавшей в Тибете до VII в. и обычно характеризуемой как анимистическая и шаманская. Они весьма органично вошли в местный буддизм, привнеся в него декоративную символику и материальный реквизит, облегчающий ритуализацию. Как пишет А.В. Аракери, «добуддийские обычаи и связанная с ними символика и сегодня остаются в тибетском обществе... Стены домов украшены замысловатыми фигурами и значками, представляющими божества старой религии. Символы четырех элементов: тигр, лев, орел и дракон — все еще используются

---

²¹ Shukla, A., Dikshit, V. Tibetan Buddhism... P. 50.

в буддийской философии»²². Кстати, в России группа бурятских последователей шаманизма выступила за его признание самостоятельной религией.

Заметим, что в исламе тенденция инкорпорирования элементов верований, господствовавших ранее у народов, принявших эту религию, давно актуализовалась в суфизме. Суфийская практика *зикра* — ритмических движений с распеванием религиозных формул, в принципе напоминающих медитацию — в некоторых мусульманских обществах переродилась в некое ритуальное действие, зачастую лишенное подлинно духовного содержания. Но в целом эксклюзивизм, когда отношение к инорелигиозным воззрениям формулируется в категориях противопоставления и противостояния, не стал достоянием прошлого. В «мире веры» он выражает собой архаический тренд, сохраняющий свой потенциал несмотря на модернизацию, глобализацию и десаκραлизацию.

В качестве примера упомянем ситуацию в Мьянме, где конфликт вокруг проблемы этно-конфессионального меньшинства *рохинджа* привел к обострению отношений между приверженцами буддизма и ислама. На этой волне появляется и быстро набирает популярность националистическая буддистская Партия национального развития. Один из ее руководителей так сформулировал задачу партии: «защитить нашу религию и нашу религиозную идентичность»²³. Вследствие межконфессиональных столкновений в штате Рокхайн и взлета антиисламских настроений в стране на последних парламентских выборах из большого числа кандидатов-мусульман было зарегистрировано всего 28 человек, а в новый парламент не попал ни один мусульманин²⁴.

Обнаруживается более общая проблема взаимоотношений и взаимовлияния разных религиозных (и не только) культур. В частности, распространение в современных религиях

---

²² Arakeri, A. *Tibetans in India — The Uprooted People and their Cultural Transplantation*. New Delhi: Reliance Publishing House, 1998. P. 249–250.

²³ Hay Mar Non. *Newcomer to party politics pushes voting rights for monks // The Irrawaddy*, 13.10.2015; Цит. по: Бектимирова, Н., Липилина, М., Симония, А. *Избирательные системы и электоральные процессы в странах Индокитая на современном этапе*. М.: Тезаурус, 2016. С. 155.

²⁴ Бектимирова и др. *Избирательные системы...* С. 155–156.

тех или иных трендов весьма часто объясняют ролью западной секулярной культуры как исключительно значимого эндогенного фактора. Перед мощным цивилизационным натиском последней именно религия как маркер идентичности помогает устоять многим незападным сообществам, сверхреакцией которых иногда становится имплицитное оправдание или даже поддержка таких уродливых явлений, как экстремизм и терроризм. Происходит это не из-за феномена религиозности, которая лишь придает специфическую форму ответу на вмешательство Запада во внутренние дела исламских государств (особенно когда таковое воспринимается как сориентированное на смену режима и насильственное насаждение чуждых порядков). К. Армстронг считает, что «Запад несет не всю ответственность за экстремистские формы ислама, которые насаждают насилие, разрушающее самые сокровенные законы религии. Но Запад, безусловно, внес вклад в появление любой их фундаменталистской версии»²⁵.

Представление о более воинственном характере ислама в сравнении с другими религиями часто аргументируется тезисом о роли джихада. Стоит напомнить, что в исламском вероучении, если обращаться к его базовым постулатам, джихад — это усилие, которое должен предпринимать верующий мусульманин для победы в самом себе набожности и исламской нравственности. И лишь в отдельных случаях для защиты веры, жизни или собственности мусульман оправдано и необходимо братья за оружие (большой и малый джихад).

Конечно, трактовка этих случаев может быть очень разной. Радикально настроенные экстремисты объявляют о «ясной, основанной на Коране и Сунне обязанности вести джихад против язычников, пока всем миром не станет править шариат»²⁶. По словам основателя ДАИШ, «ислам ни дня не был религией мира. Ислам есть религия войны. [Пророку было велено] воевать до тех пор, пока [люди] не будут поклоняться лишь одному Аллаху...»²⁷. То есть это совершенно очевидный клинический

---

²⁵ Armstrong K. Islam — A Short History (Modern Library Chronicles). New York: The Modern Library, 2002. 272 p.

²⁶ In the Words of the Enemy // *Dabiq*, no. 16, 2016. P. 76.

²⁷ An Address from the Khalifah on the Last Plot of the Apostates // *Dabiq*, no. 9, 2015. P. 56.

случай — призыв к тотальной войне со всеми иноверцами до полного их уничтожения или подчинения.

В мусульманском «мире веры» существует широкая оппозиция ДАИШ. Поскольку апологеты этой радикальной структуры, пытаясь привлечь на свою сторону верующих, в своих концепциях исходили из сакральных исламских текстов, ее противники также обращались к Корану и Сунне, предлагая иную интерпретацию основ религиозного вероучения Пророка. А известный сирийский шейх шазилийского суфийского ордена и создатель организации «Священное знание» Мухаммад аль-Йа'куби вступил в прямую публичную полемику с основателем ДАИШ: «...Утверждение о том, что Пророк был послан только с мечом и ему было велено вести войну до тех пор, пока не станут поклоняться лишь одному Богу, является вопиюще неверной интерпретацией миссии Пророка. В действительности подобное заявление представляет собой в чистом виде преднамеренное искажение истории Пророка». И далее: «А те, кто утверждают, что Ислам не является религией мира, открыто противостоят словам Бога, переданным в Священном Коране. Более того, Всемогущий Бог также повелевает Его Посланнику (и каждому верующему после него) выбирать мир, если враги предпочитают мир войне...»²⁸.

Богослов обвиняет террористов ДАИШ, сжигавших людей заживо, не просто в чудовищной жестокости, а в отходе от заповедей пророка, что еще хуже²⁹. Он издал фетву о том, что сражаться с ДАИШ — одна из обязанностей мусульман для того, чтобы «защитить основу религии, отстоять земли мусульман, сохранить кровь невинных и позволить восторжествовать истине»³⁰. С помощью Сунны Мухаммад аль-Йа'куби обосновал тезис об уважении к немусульманам, прибывающим из «мира неверия» в мусульманские страны: они должны быть в безопасности, находятся под защитой контракта о мире и покровительстве, обманывать их или причинять им вред запрещено. Экстремисты ДАИШ подвергнуты проклятию за изгнание людей из их жилищ, городов и деревень, захват их собственности,

²⁸ Al-Yaqoubi, M. Shaykh. Refuting ISIS. Second edition. Herndon, Virginia, USA: Sacred Knowledge, 2016. P. 76–78.

²⁹ Ibid. P. 27.

³⁰ Ibid. P. 84.

практику мародерства (запрещенную Пророком), порабощение езидских женщин и детей и продажу их на рынках (что «нарушает социальный контракт, давно установленный между езидами и мусульманами») ³¹.

Важно иметь в виду еще одну сторону проблемы: для многих из тех, кто интерпретирует джихад в агрессивном духе, это есть своего рода реакция на агрессивный секуляризм, в котором содержится угроза мусульманской идентичности. Экстремистское толкование джихада современными радикалами — опасное явление, требующее энергичного противостояния; но оно не должно быть поводом для встречных экстремистских заключений и обобщений, распространяемых на все вероучение и на всех его последователей. Подобные доктринальные крайности встречаются во всех религиях, в том числе в христианстве и буддизме. К примеру, в буддизме традиция текстов «Калачакра-тантры» допускает в качестве ответа на агрессию превращение внутренней, духовной борьбы во внешнюю ³².

В целом есть основания для того, чтобы говорить о меньшей роли насилия в буддизме, но известны и факты совершенных буддистскими монахами политических убийств в Шри-Ланке и странах Юго-Восточной Азии. Наверное, стоит иметь в виду неравномерность политизации монашества — этот процесс временами усиливается, а порой сходит на нет. Вспомним протестные самосожжения буддийских монахов во времена войны во Вьетнаме (такие, как самосожжение монаха Куан Дыка в Сайгоне в 1963 г.). Другой пример — секта Аум Синрикё, заставившая вспомнить о себе в связи с казнью Сёку Асахары и его сподвижников. Для буддийской среды (хотя в идеологии этой секты были и вкрапления из других религиозных систем) она все-таки стала явлением исключительным, но в его рамках признаки антиглобализма и социального протеста сочетались с элементами «слепого терроризма», превращающего в жертвы ни в чем не повинных людей. Также, как это бывает в акциях террористов, действующих от имени ислама на Ближнем Востоке и за его пределами.

---

³¹ Ibid. P. 101.

³² Агаджанян А. Буддизм в современном мире: мягкая альтернатива глобализму — Религии и глобализация на просторах Евразии / Под ред. А. Малащенко и Г. Филатова. М.: Неостром, 2005. 343 с.

В последние десятилетия в исламе уверенно набирало силу ярко выраженное негативное отношение к секуляризму. В сборнике постановлений и рекомендаций Совета Исламской академии правоповедения (фикха) при Организации исламского сотрудничества, распространявшемся в нашей стране на русском языке, говорится: «Секуляризм представляет собой объективистскую систему взглядов, основанную на принципе непризнания Бога (атеизме), являющуюся антагонистическим по отношению к Исламу течением, солидаризуясь с мировым сионизмом и другими разрушительными и все дозволяющими течениями, которые отвергаются Аллахом, Его Посланником (САС³³) и верующими»³⁴.

В Турции, конституционно секулярной стране (единственной на Ближнем Востоке, где светский характер государства закреплен в его основном законе), период правления Партии справедливости и развития во главе с Реджепом Эрдоганом характеризуется медленным, но довольно последовательным процессом реисламизации; в общественно-политической жизни все заметнее ощущаются религиозные интонации.

В буддизме мотивы антисекуляризма выражены слабее в сравнении с авраамическими религиями. Высказывается мнение, что это обусловлено достаточно зыбкой, не столь рельефно прочерченной границей между духовным и светским в буддийской традиции³⁵.

Отметим различия в отношении к иноверцам. Исходно в исламском вероучении было заложено не только позитивное отношение к представителям других монотеистических религий, но и толерантность касательно последовательей немонотеистических религий, язычников и неверующих. Однако в реальной жизни и правовая практика, и богословский дискурс характеризовались развитием тенденции эксклюзивизма, особенно с XI века. Буддизм в целом лишен подобных

---

³³ Аббревиатура обязательной при упоминании пророка Мухаммада формулы *салля-ллаху алейхи ва-саллям* — «да пребудут на нем благословение и благодать Аллаха».

³⁴ Постановление № 99 (2/11), ноябрь 1998 г. «О секуляризме» // Постановление и рекомендации Совета Исламской академии правоповедения (фикха) / Пер. с араб. М.Ф. Муртазина. М.: Ладомир, 2003. 232 с.

³⁵ Агаджанян, А. Буддизм в современном мире... С. 5.

представлений, но элементы нетерпимости в ареале его распространения все же есть, хоть они и не имеют концептуальной значимости и присущи скорее отдельным группам и индивидуумам.

Дилемма «инклюзивность vs эксклюзивность» может парадоксальным образом затрагивать и некоторые базовые темы в тех или иных религиозных воззрениях. Выше упоминалось понятие *уммы*; в современном исламском мире ее принято относить исключительно к мусульманам. Но в средние века была также традиция расширительной (и даже сверхрасширительной) трактовки этого понятия как относящегося ко всему живому³⁶ — традиция, нашедшая свое отражения даже в Коране³⁷ и «правильных» хадисах³⁸. В Новое время на основании ряда работ средневековых арабских лексикографов автор знаменитого толкового словаря английский арабист Э.У. Лэйн заключил, что *умма* — это «люди, к которым ниспослан пророк, в том числе верующие и неверующие»³⁹. Среди сегодняшних фундаменталистов много таких, которые сочтут включение в *умму* неверующих возмутительным святотатством.

Серьезные расхождения по многим доктринальным и практическим вопросам существуют между тремя основными течениями исламистов: «Братья-мусульмане»⁴⁰ (БМ) вместе с близкими к ним структурами, салафиты и джихадисты. Последние, например, сориентированы антисистемно в сравнении с БМ и салафитами, осуждают их за участие в выборах и провозглашенную приверженность исключительно мирным методам борьбы за власть. Но и внутри каждого из трех направлений велико разнообразие взглядов и интерпретаций исламского вероучения.

В целом лишь запрещенные группы джихадистов — апологетов насилия — категорически отказываются от принятия

---

³⁶ Лисан аль-араб ли-ль-имам аль-алляма Ибн Манзур (Язык арабов у ученого имама Ибн Манзура). Бейрут: Дар Ихья ат-турас, 1972.

³⁷ Корана, сура 6-я: «Аль-Анам».

³⁸ Аль-Му'джам аль-муфахрас ли-альфаз аль-хадис ан-набави ан аль-кутуб ас-ситтава ан Муснад ад-Даримива Муватта малик ва муснад Ахмад бин Ханбал. P.I. Leiden: Brill. P. 92.

³⁹ Lane E. Arabic-English Lexicon. Vol. I. Cambridge: The Islamic Texts Society, 1984. P. 90.

⁴⁰ Деятельность организации запрещена на территории РФ.

каких-либо элементов электоральной демократии и плюрализма. Тогда как БМ приняли западные стандарты политической деятельности, а также отказ от насилия как средства политической борьбы, представители различных школ внутри этого течения по-разному смотрят на так называемый *турас* (все наследие исламских ученых прошлого). Традиционалисты полностью опираются на него и четыре мазхаба суннизма, а «модернисты», последователи Мухаммада Абдо и основателя движения Хасана аль-Банни вместо этого призывают руководствоваться Кораном и Сунной, практикуя *иджтихад* (собственные юридические заключения). Салафитам и ваххабитам, часть из которых примкнула к «Братьям» в 1970-х годах, присущ более низкий уровень толерантности. Чрезвычайно политизированная интерпретация Корана и Сунны и нетерпимость в отношении к другим мусульманам и иноверцам отличает и последователей учения Сейида Кутба — одного из радикальных идеологов-исламистов, казненного в Египте в 1966 г. Однако кутбисты, действующие внутри движения БМ, считают необходимым отказ от насилия и концепции *такфира* (позволения предавать анафеме и даже уничтожать тех, кто не должным образом соблюдает законы ислама).

Создание в 2011 г. на базе БМ Партии свободы и справедливости (ПСС) стало знаком преодоления антисистемных тенденций в этом движении. Однако до сих пор ведутся дебаты о допустимости и целесообразности этого шага. При этом и салафиты Египта создали свою политическую партию, или блок «Ан-Нур» («Свет»), легально действующую до сих пор. Различные группы исламистов по-разному смотрят и на вопрос о месте христианского населения в исламском государстве, которое они хотят построить.

Египетских исламистов всех направлений объединяет негативное отношение к продаже алкогольных напитков или азартным играм. Согласны они и в том, что в исламском государстве женщины-мусульманки должны соблюдать соответствующий дресс-код. Важное место в культивируемом мусульманском сознании занимают мотивы социальной справедливости, равенства, терпимости и практического милосердия. К. Армстронг пишет: «В течение веков мусульмане не всегда жили в соответствии с этими идеалами и часто испытывали

трудности с их продвижением в свои социальные и политические институты. Но борьба за то, чтобы добиться этого, в течение столетий была главной движущей силой мусульманской духовности. Западные люди должны осознать, что и их интересам отвечает то, чтобы ислам оставался здоровым и сильным»⁴¹. На Западе так считают далеко не все. Но размышляют об этой проблеме многие, в том числе авторитетные американские аналитики. Дебаты стали особенно оживленными с началом «арабской весны».

«Мир веры»: взгляд извне

Главный акцент в вездущихся обсуждениях делается на разработке и обосновании направлений внешнеполитического курса США в связи с событиями, захлестнувшими регион. В этом вопросе между различными группами политиков и экспертов обнаруживаются довольно значительные противоречия⁴². Генри Киссинджер отмечал, что здесь есть ряд вопросов, на которые Америка должна дать ответ: «Есть ли у нас предпочтения относительно того, какие группировки придут к власти? Или мы нейтральны, коль скоро механизмы основаны на выборах? Если это так, что нужно сделать, чтобы не поощрять новый абсолютизм, который станет легитимным в результате управляемых плебисцитов? Какой исход событий отвечает коренным стратегическим интересам Америки? Возможно ли сочетать стратегический уход из ключевых стран, таких как Ирак и Афганистан, и уменьшение военных расходов с доктринами всеобщей гуманитарной интервенции?»⁴³. Примечательно его следующее размышление: даже если исходить из того, что США хотели бы «направить ход истории в русло гуманизма и демократии», они

---

⁴¹ Армстронг К. Поля крови... С. 186.

⁴² О взглядах неоконсерваторов на проблемы арабского и исламского мира см., в частности: Наумкин В.В. Ислам и мусульмане: культура и политика. М. — Нижний Новгород: Медина, 2008. 767 с.; Наумкин, В.В. Ближний Восток в мировой политике и культуре. М.: ИВ РАН, 2011. 376 с.

⁴³ Киссинджер Г. Пределы универсализма // *Россия в глобальной политике*, № 4, 2012. С. 35. URL: <https://www.globalaffairs.ru/number/Predely-universalizma-15641> (дата обращения 09.10.2018).

не могут этого сделать, так как «историей нельзя управлять, она вершится по собственным законам»⁴⁴.

В изложении точки зрения одного из американских неоконсерваторов Эллиотта Абрамса подчеркивается мысль о том, что «несмотря на культурные и исторические различия с Западом, граждане арабского мира ценят демократию и жаждут ее так же, как и в других странах»⁴⁵. Не составляют исключения и исламиты, участие которых в правительствах сделает их более умеренными, а исключение лишь вызовет отторжение и мятеж. Отсюда возникает «повестка свободы» для арабского мира как главный императив американской политики. С этих позиций подвергается критике Кондолиза Райс, поскольку она продвигала израильско-палестинский мир «за счет повестки свободы»⁴⁶. Наоборот, израильско-палестинский мир должен быть подчинен «повестке свободы», тогда как «независимое и суверенное палестинское государство нереалистично и нежизнеспособно», поэтому его следует привязать к Иордании⁴⁷.

Питер Краузе уверен, что ДАИШ угрожает некоторым интересам США на Ближнем Востоке, хотя для самых главных из них критической опасности нет. Главные интересы состоят в недопущении появления здесь регионального гегемона и противодействию ядерному распространению⁴⁸. В этом плане шансы боевиков организации на успешный захват ядерного боезаряда и приведение его в действие оцениваются как весьма низкие, а на самостоятельное его создание — как совсем ничтожные. Для свободного транзита нефти ДАИШ — незначительная угроза, для безопасности американских союзников в регионе — от небольшой до средней. Серьезную угрозу, по Краузе, ДАИШ представляет для таких интересов США, как обеспечение мира и стабильности в регионе и предотвращение террористических

---

⁴⁴ Там же.

⁴⁵ Цит. по: Zakheim, D. Clash of the Strategists // *National Interest*, 2018. URL: <https://nationalinterest.org/feature/clash-the-strategists-25384> (accessed 09.10.2018).

⁴⁶ Ibid.

⁴⁷ Ibid.

⁴⁸ Krause P. A State, an Insurgency, and a Revolution: Understanding and Defeating the Three Faces of ISIS // *The Future of ISIS: Regional and International Implications* / ed. by Feisal al-Istrabadi and Sumit Ganguly. Washington, D.C.: Brookings Institution Press, 2018. P. 227.

атак. Наилучший способ парировать все эти угрозы – уничтожить саму организацию⁴⁹.

С начала текущего столетия повышено внимание аналитиков к вопросу о том, будет ли «мир веры» занимать все более весомое место в глобальном социуме. Приведем в качестве примера доклад Национального совета США по разведке «Карта будущего: Проект 2020», опубликованный на русском языке в 2005 г. С тех пор появилось еще два аналогичных исследования, но с позиций сегодняшнего дня любопытен именно ретроспективный взгляд: каким виделось будущее почти полтора десятилетия назад группе крупных экспертов из многих стран, объединенных под эгидой американского разведывательного сообщества.

Размышляя о том, что может произойти в недалеком будущем, авторы доклада писали: «В ближайшие 15 лет религиозное самосознание будет становиться все более важным фактором самоидентификации людей»⁵⁰. Однако Западная Европа, на их взгляд, должна была остаться в стороне от этой возрастающей религиозности⁵¹. А вот на Ближнем Востоке, как ожидалось, картина будет складываться прямо противоположным образом. «Распространение радикального ислама окажет существенное глобальное влияние..., сплавивая разнородные этнические и национальные группы и, возможно, даже создавая институты, которые выйдут за пределы национальных границ»⁵². Конечно, уже тогда в мире активно действовала «Аль-Каида», и подобное утверждение могло показаться всего лишь констатацией очевидного. Однако за ним следовал тезис об эвентуальном сценарии «нового халифата», который будет способен «продвигать мощную контридеологию, имеющую широкое воздействие»⁵³. С этим прогнозом, который тогда мог показаться надуманным и навеянным лишь историческими реминисценциями, авторы, что называется, попали в точку.

Примерно через десять лет ДАИШ оказывается не просто экстремистским проектом, порожденным фантазиями

---

⁴⁹ Ibid. P. 227–229.

⁵⁰ Карта будущего. Доклад Национального совета США по разведке «Проект 2020». Русское издание. М.: Фонд «Единство во имя России», 2005. С. 83.

⁵¹ Ibid. P. 83.

⁵² Ibid.

⁵³ Ibid. P. 87.

радикально настроенных исламистов, но драматической реальностью в огромном территориальном ареале, которая выглядит чуть ли не буквальной реализацией упомянутого предсказания. Некоторые аналитики, настроенные на конспирологическую волну, увидели в этом свидетельство причастности американских кругов к созданию ДАИШ.

На статус осуществившегося предсказания могла бы претендовать и книга «Волна: Человек, Бог и избирательная урна на Ближнем Востоке», автором которой является сотрудник американского Фонда защиты демократии Роэль Марк Герект⁵⁴. В книге, опубликованной в начале 2011 г. (однако переданной в издательство в октябре 2010 г. — незадолго, но все же до начала «арабской весны»), он уверенно рассуждал о предстоящей победе исламистов в Египте. Большая часть западного экспертного сообщества тогда излучала оптимизм по поводу политической ориентации БМ, которую было принято считать умеренной. Корни этой умеренности видели еще в программе, опубликованной в августе 2007 г. египетской газетой «Мисри аль-яум», где говорилось и об ответственных правителях, занимающих свои посты по воле народа, и об укреплении демократии, и о разнообразных и независимых институтах гражданского общества. Отсюда появилась надежда, граничащая с уверенностью: БМ твердо решили, что «демократия является единственно легитимной политической системой для Египта и всего остального исламского мира». В упомянутой книге автор пошел дальше, предсказав, что именно в Египте исламисты «хорошо покажут себя при любом свободном голосовании», и назвал решающим временем для этого 2011 год. В результате их победы, рассуждал Герект, впервые со времен «праведных халифов» якобы возникнет возможность установления «органических, взаимодоверительных отношений» между лидерами и обществом⁵⁵.

Имело ли здесь место интуитивно верное заключение или за ним стояло более конкретное знание о планах радикалов? Отдельные наблюдатели обращают внимание на некоторые неясности, связанные с американским фильтрационным лагерем

---

⁵⁴ Gerecht R. *The Wave: Man, God, and the Ballot Box in the Middle East*. Stanford: Hoover Institution Press, 2011. 181 p.

⁵⁵ Ibid. P. 125.

Кэмп-Букка в Ираке, получившем известность как «инкубатор ИГИЛ» (он существовал в 2003–2009 гг.). Один из европейских исследователей исламистского экстремизма Мохаммад-Махмуд Ульд Мохаммеду пишет о человеке по имени Ибрагим Авад Ибрагим аль-Бадри, освобожденном в сентябре 2009 г. после трех лет заточения, который якобы воскликнул, покидая узилище: «До встречи в Нью-Йорке, ребята!». По одной из версий, это был не кто иной, как ставший в дальнейшем основателем ДАИШ Абу Бакр аль-Багдади. По другой версии — речь идет об эпизоде с заключенным, который вышел из лагеря значительно раньше — в декабре 2004 г.⁵⁶ Но общепризнанный факт пребывания в американской тюрьме (и затем освобождения) будущего лидера самой страшной в истории человечества террористической структуры может порождать вполне очевидные конспирологические предположения об обстоятельствах возникновения последней.

Однако здесь есть основания задуматься о предыстории ДАИШ в ином плане. Этот феномен появился после американского вторжения в Ирак, роспуска иракской армии и сил безопасности, запрета правившей в стране партии «Баас» и массовой чистки госаппарата от баасистов. Тех, кто счел себя жертвами дискриминации после 2003 г., было очень много. Причем речь шла главным образом о суннитах, что не могло не усугублять и без того непростые внутриконфессиональные взаимоотношения (сунниты–шииты). Радикализация значительной части населения страны стала вполне логичным следствием возникшего положения вещей и важным фактором появления в ближневосточной «зоне веры» ее человеконенавистнического субстрата в виде ДАИШ.

Конспирологические мотивы в аналитике по данному вопросу занимают сегодня маргинальное место. Превалирует мнение, что все правительства и разведки мира «проспали» появление этой террористической организации и не ожидали, что в 2014 г. она сможет овладеть значительной частью Ирака, а затем Сирии. По словам израильского эксперта, бывшего полковника военной разведки Эфраима Кама, «всего за год до этого ни одно правительство или разведывательное сообщество

---

⁵⁶ Ould Mohammedou M.-M. A Theory of ISIS. Political Violence and the Transformation of the Global Order. London: Pluto Press, 2018. P. 86–87.

какой-либо нации, больше всего подвергшейся воздействию ДАИШ, не предсказывали его силу, масштаб и скорость возникновения»⁵⁷. Показательный пример: Национальная разведывательная стратегия США в версии, опубликованной в 2014 г., упоминает «Аль-Каиду», но ни слова не говорит о ДАИШ.

* * *

Любые трансграничные деления мира, придуманные учеными, несут в себе долю искусственности и далеко не всегда стыкуются с действительностью. Некоторые воображаемые и эмоционально заряженные конструкты, будь то фантазии джихадистов из запрещенных в России ДАИШ и «Аль-Каиды» или выглядящие изящными построения некоторых политологов, каждый по-своему бросает вызовы сложившейся в мире, в том числе и на Ближнем Востоке, системе национальной государственности. Может быть, прав Роберт Каплан, который, полемизируя с Сэмюэлем Хантингтоном, утверждал: «Имеет место не так называемое столкновение цивилизаций, а столкновение искусственно реконструированных цивилизаций»⁵⁸.

Еще больше вопросов вызывает противопоставление одних обществ другим на основе различия в уровнях религиозности. Но это не означает, что данный фактор не важен. Он может оказывать серьезное влияние на эволюцию национальных государств и часто используется в политических целях.

Сторонники разработанной Львом Гумилевым теории этногенеза, скорее всего, сочтут всплеск мусульманского радикализма в текущем десятилетии результатом грандиозного высвобождения энергии под воздействием некоего «пассионарного толчка». На наш взгляд, происшедшее надо рассматривать в контексте более фундаментальных долговременных процессов в регионе и в мире. И обязательно с учетом как мощных, хотя и противоречивых глобализационных трендов, так и очевидной неисчерпанности религиозных факторов в эволюции социума.

---

⁵⁷ Kam E. The Islamic State Surprise: The Intelligence Perspective // *Strategic Assessment*, No. 18, October 2015. P. 21.

⁵⁸ Kaplan R. *The Return of Marco Polo's World: War, Strategy and American Interests in the Twenty-First Century*. New York: Random House, 2018. P. 113.

**ПОЛИТИЧЕСКИЕ СИСТЕМЫ:
ОБЩИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ
И СТРАНОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ**

ПОЛИТИЧЕСКИЕ СИСТЕМЫ: ОБЩИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ И СТРАНОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ

Едва ни не самой приметной особенностью политического развития Ближнего Востока в последнее десятилетие стала быстрая трансформация политических систем государств региона. Не во всех странах она проходит мирно, почти нигде не проходит линейно, ее предпосылками выступали серьезные изменения в экономике и социальных отношениях обществ региона, а ее важнейшим результатом становится все большая дифференциация политических режимов и систем, моделей политического поведения и способов выстраивания отношений между обществом и государством.

Ставший во второй половине XX века привычным постулат о доминировании авторитаризма на Ближнем Востоке, равно как и сама дихотомия авторитаризм/демократия в нынешних обстоятельствах уже перестают быть достаточными. Отчасти это обусловлено идеологической наполненностью самих понятий авторитаризма и демократии, связанными с ними этическими коннотациями, которые зачастую делают их практически бесполезными в научном дискурсе. Нерелевантность понятий объясняется и усложнением методологического аппарата политической науки, которая в последние годы все больше концентрируется на исследовании промежуточных форм политических систем — электорального авторитаризма, нелиберальной демократии, гибридных систем, «демокрадур». И хотя список

неологизмов можно продолжить, ни о классификации описываемых ими феноменов, ни об исчерпывающем описании их ключевых свойств речи пока не идет.

Наконец, проблема заключается и в объективном усложнении политических отношений в странах региона, каждая из которых находит собственные способы сочетания ставших *sine qua non* современного мира политических институтов с его устоявшейся политической культурой. Усложнение политологической методологии при этом становится обратной стороной изменения политической реальности «на земле», причем два эти процесса, по всей видимости, взаимно обуславливают друг друга.

Парадоксально, но описанная диверсификация систем относится не только к республикам Ближнего Востока, но и к монархиям. Даже арабские монархии Залива, воспринимающегося обыкновенно как некий более или менее гомогенный субрегион, демонстрируют все большее разнообразие. В одних из них (Кувейт, Бахрейн) относительно значимую роль стали играть политические объединения, партии, неправительственные организации, в других (Катар) наблюдается процесс национальной консолидации и целенаправленного укрепления национальной идентичности при неизменности традиционной политической системы, в третьих (Саудовская Аравия) предпринимаются попытки ускоренной модернизации сверху, предполагающей ограниченное переформатирование политического пространства.

Подробно описать политическую трансформацию каждой из стран региона сегодня вряд ли возможно. По этой причине во втором разделе настоящей монографии основное внимание уделяется анализу наиболее острых и, пожалуй, наиболее спорных моментов, выделяются специфические черты, так или иначе, характеризующие весь региональный процесс и ярко проявляющиеся в отдельных страновых случаях.

В открывающей раздел главе Василий Кузнецов показывает некоторые тренды развития политических систем арабских государств. Предлагая на основе комбинированного методологического подхода оригинальную типологию этих систем,

он выделяет ключевые драйверы текущих изменений и описывает их важнейшие направления: формальное расширение демократических процедур, ведущее к дальнейшей гибридизации политических режимов, и укрепление институтов гражданского общества.

В посвященной Ливану главе Алексей Сарабьев оценивает функционирование моделей демократического устройства на конкретном примере. С точки зрения автора, своеобразная ливанская политическая модель обладает всеми чертами консociальной демократии, причем известный феномен ливанского конфессионализма причудливым образом вписывается в эту систему. Анализ сквозь призму политологических теорий консociализма позволяет объяснить многие особенности прохождения Ливаном испытания «турбулентностью», а также высвечивает некоторые принципиально важные характеристики политических процессов в регионе в целом.

В следующей главе Павел Шлыков, выходя за пределы арабского мира, анализирует, как сказывается на политическом развитии Ближнего Востока феномен «турецкой модели». Опираясь на теории многолинейной модернизации и символического интеракционизма, он демонстрирует, как Анкара использует во внешней политике полисемичный концепт «турецкой модели», ориентация на которую оказывается важным фактором политического развития других государств региона.

Татьяна Карасова и Дмитрий Марьясис в главе о политической эволюции израильского государственного устройства сосредотачивают внимание на соотношении свойственных ему элементов властной парадигмы. Авторы характеризуют ее «этнократическую, теократическую и технократическую» составляющие как сегменты политического поля, по-своему влияющие на принятие всех жизненно важных решений. Судя по всему, нынешний этап развития израильского государства позволяет говорить о все большем соответствии развития политической системы этой страны общей ближневосточной логике.

Глава IV

ПАРАДОКСЫ РАЗВИТИЯ АРАБСКИХ ПОЛИТИЧЕСКИХ СИСТЕМ

Развитие политических систем арабских государств ставит множество вопросов, и важнейшим из них остается многообразие их реакции на ключевые драйверы трансформаций. Можно ли говорить сегодня об Арабском мире как о чем-то едином, как о некоем множестве, развитие каждого из элементов которого, хотя и обладает собственными отличительными чертами, но все же осуществляется в общем русле, в рамках которого все элементы дают схожие ответы на поступающие вызовы и угрозы — основной вопрос, который нас будет интересовать.

Первоначальная гипотеза при этом состоит в следующем: несмотря на близость путей социально-политического развития арабских государств, формальную схожесть политических режимов и институциональной организации, сегодня усиливается дифференциация политических систем, в результате которой одни и те же трансформационные драйверы могут вызывать совершенно различные, вплоть до противоположенных, изменения политической жизни, а одни и те же нормы, правила и институты на практике начинают выполнять далеко не одинаковые функции.

Методологически предлагаемый анализ основывается отчасти на теории социальных порядков Д. Норта¹, широко применяемой в современной политологии в целом, но значительно реже используемой при анализе политических процессов на Ближнем Востоке².

Автор главы — *Кузнецов Василий Александрович*.

¹ Норт Д., Уоллис Дж., Вайнгаст Б. Насилие и социальные порядки. Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества. М.: Институт Гайдара, 2011. 480 с.

² Скорее исключениями можно считать посвященную сирийскому конфликту монографию А. Багско и Ж. Дорронсоро или политэкономический

Рассмотрев проблемы типологизации арабских политических систем, попытаемся затем выделить основные драйверы и тренды текущих изменений и, сфокусировавшись на двух из них, посмотрим, какой эффект они вызывают в каждой из выявленных нами моделей.

Типологизация арабских политических систем

Несмотря на то, что на протяжении последних семи лет региональные трансформационные процессы остаются в центре исследовательского интереса, авторы большинства посвященных им публикаций концентрируются на анализе политических процессов и режимов³, в то время как изменения политических систем остаются зачастую за пределами их внимания⁴.

Широкая дискуссия о сущности политических систем сегодня может быть сведена к трем основным подходам. Согласно одному, речь идет о формальных правовых институтах, составляющих государство⁵. Согласно другому — как о существующих в реальности, так и о юридически предписываемых формах политического поведения, определяющих не только правовую организацию государственного аппарата,

---

анализ ближневосточных процессов. См.: М. Каметт, Baczko A., Dorronsoro G., Quesnay A. *Civil War in Syria: Mobilization and Competing Social Orders (Problems of International Politics)*. Cambridge: Cambridge University Press, 2018. 322 p.; Cammett, M. *A Political Economy of the Middle East*. New York: Routledge. 2018. 618 p. Кроме того, автор этой главы уже обращался к теории Д. Норта в вышеупомянутой коллективной монографии и в статье: *Кузнецов В.А.* Проблема укрепления государственности на Ближнем Востоке в свете теории социальных порядков // *Восток. Афро-азиатские общества: история и современность*, № 3, 2018. С. 6–23.

³ Среди них: Барановский В., Наумкин В. Ближний Восток в меняющемся глобальном контексте: ключевые тренды столетнего развития // *Мировая экономика и международные отношения*, № 3, 2018, Т. 62. С. 5–19.; Звягельская И.Д. Суверенитет и государственность на Ближнем Востоке — невыносимая хрупкость бытия // *Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право*, № 10 (2), 2017. С. 97–109.

⁴ Из отечественных исключение составляют, например, некоторые работы М.А. Сапроновой: Сапронова М.А. Постреволюционные конституции и институты власти арабских стран (на примере Египта, Марокко и Туниса) // *Политическая наука*, № 3, 2012. С. 179–198.

⁵ Там же.

но и реальные механизмы его функционирования⁶. Согласно третьему подходу, политическая система рассматривается как часть общей социальной системы, взаимодействующая с другими, например, с экономической⁷. Учитывая ключевую роль неформализованных связей и отношений в ближневосточной политической реальности, дальнейшие рассуждения будут основываться на сочетании первого и второго подходов.

Проблема, с которой сталкивается каждый, кто пытается рассуждать о путях развития политических систем, состоит, с одной стороны, в неизбежной спорности любой существующей типологизации, а с другой — в неочевидности маркеров политических трансформаций.

Если рассматривать развитие политических систем современных арабских государств в длительной ретроспективе, то можно выделить несколько трансформационных моделей.

В первой из них — североафриканской — трансформация происходит в три этапа. Первый — обретение независимости большинством стран региона в середине XX в. и формирование современных политических систем. Второй — обновление элит в 1970-е гг. и формирование доминантно партийных систем⁸. Третий этап — расширение политического участия в 2010-е гг. в ходе процессов Арабского пробуждения.

---

⁶ Arab Human Development in the Twenty-First Century // The Primacy of Empowerment / ed. by B. Korany. Cairo: The American Univ. in Cairo Press, 2014. 416 p.

⁷ Blaydes L. State Building in the Middle East // *Annual Review of Political Science*, Vol. 20, 2017. P. 487–504.

⁸ Практически образцовые для региона доминантно партийные системы были созданы в 1970–80-е гг. в Египте и Тунисе, однако по сути они довольно сильно различались между собой. В Тунисе речь шла о сохранении власти у той же партии, что привела страну к независимости и сыграла ключевую роль в выстраивании всей современной государственности. Это была доминантно-партийная система по М. Дюверже: «Доминирующая партия — это партия, которая отождествляется с какой-то определенной эпохой; ее доктрина, ее идеи, ее методы, в известном смысле сам ее стиль совпадают с соответствующими характеристиками эпохи» (Дюверже М. Политические партии. М.: Академический проект, Гаудеамус, 2013. С. 365–366).

В то же время в Египте Национально-демократическая партия, созданная А. Садатом в 1978 г., из единой политической организации Арабского социалистического союза изначально была лишь партией бюрократии, своеобразной производной государственного аппарата. Она скорее похожа на гегемонистскую партию Дж. Сартори, чем на доминантную М. Дюверже (Volpi F. Algeria's Pseudo-Democratic Politics: Lessons for Democratization in the Middle East // *Democratization*, Vol. 13, No. 3, 2006. P. 197–201).

К этой модели относятся Египет, Тунис, а также Алжир.

Вторая, *левантийско-иракская модель* предполагает формирование господствующей коалиции на основе этноконфессиональных групп, что оборачивается либо жестким эксклюзивистским режимом, либо выстраиванием хрупких и неизменно слабых балансов сил (Ирак, Сирия, Ливан, отчасти Йемен). Для стран этой модели характерны долгие периоды политической стагнации, сменяющиеся резкими и чрезвычайно насильственными переменами.

Наконец, в третьей, *аравийско-ливийской модели* стабильность межплеменных балансов поддерживается за счет сверхприбылей от продажи углеводородов.

Помимо этих трех моделей может быть выделено еще две переходных или симбиотических. Одна сочетает в себе черты североафриканской и аравийско-ливийской моделей, к ней относятся Марокко и Иордания. Другая – аравийско-ливийской и левантийско-иракской, к ней относятся Бахрейн и Кувейт.

Не только трансформационные траектории, но и сам характер ответов, которые дает та или иная система на внутренние и внешние вызовы, равно как и степень ее резистентности, могут быть критериями типологизации. Авторы опубликованного в начале 2012 г. доклада РСМД «Россия и Большой Ближний Восток» выделяли четыре сценария развития Арабского пробуждения: реформистский (монархии и Алжир), революционный (Тунис и Египет), конфликтный (Сирия, Ливия, Йемен) и нейтральный (Ливан и Ирак).

В последующие годы большинство государств первой группы попытались минимизировать предпринятые на заре 2010-х гг. реформы. В Египте произошла, в сущности, контрреволюция, а Ирак перекочевал из государств, не затронутых Арабским пробуждением в группу стран, охваченных внутренними вооруженными конфликтами. Ливан же, хотя и сохранил status quo непреходящего политического кризиса, находится под постоянной угрозой эскалации насилия. Последняя не реализуется отчасти в силу демонстрационного эффекта Сирии, отчасти по причине вовлеченности сил «Хизбаллы» в сирийские дела, отчасти же из-за усталости общества от собственной гражданской войны. Усталость от насилия, по всей видимости, удерживала также алжирцев и иракцев от ожесточенной

протестности в 2010–2011 гг. и явно проявилась во время смены власти в 2018 г. Другая причина состояла в том, что в результате предыдущих конфликтов эти общества уже добились относительной демократизации политического пространства.

Будет справедливым заключить, что конфликтный сценарий наиболее характерен для государств левантийско-иракской модели, реформистский — для всех монархий (аравийская модель, Марокко, Иордания), революционный — для зрелых республик (Тунис и Египет).

Таблица 1

Типология трансформации арабских политических систем

Модели	Реформистская	Революционная	Конфликтная	Нейтральная
Североафриканская	Алжир	Тунис, Египет		
<i>Симбиотическая-1: североафриканская / аравийско-ливийская</i>	Иордания, Марокко			
Аравийско-ливийская	Саудовская Аравия		Ливия	
<i>Симбиотическая-2: аравийско-ливийская / левантийско-иракская</i>	Кувейт, Бахрейн			
Левантийско-иракская			Йемен, Сирия, Ирак*	Ирак, Ливан

Драйверы перемен

Анализируя тренды развития арабских политических систем в 2010-е гг., имеет смысл выделить ключевые драйверы перемен. Если оставить за скобками общеизвестные факторы, определявшие ситуацию в регионе и в более ранний период (демографическая ситуация, дефицит ресурсов, коррупция, безработица и т. п.) и сосредоточиться только на новых явлениях,

отчетливо проявившихся после 2011 г., то заслуживают упоминания два из них.

Первый — это страх.

Помимо насчитывающих не одно десятилетие Палестино-израильского и изрядно подзабытого Западносахарского конфликтов, в 2010-е гг. в регионе вспыхнули вооруженные конфликты в Ливии, Сирии, Ираке и Йемене. Сообщения о терактах стали постоянным элементом всей ближневосточной новостной ленты. Это дало основание многим аналитикам вполне справедливо говорить о разрушении так называемой «системы Сайкса-Пико»⁹. Однако наиболее смелые из них прогнозировали и дальнейшее переустройство карты всего региона.

Стоит, однако, быть реалистами. Вопреки апокалиптическим прогнозам ни одно государство, вовлеченное в конфликт, не прекратило существования и не распалось¹⁰. Несмотря на тенденции к дезинтеграции, неспособность осуществлять свои полномочия на всей территории соответствующих стран и сокращение функциональных возможностей центральной власти, политические режимы Сирии и Ирака, равно как и социально-политические системы Йемена и отчасти Ливии продемонстрировали относительную устойчивость.

Устойчивость правительства Б. Асада в Сирии объясняется в том числе оказанной ему из-за рубежа помощью. Даже до начала операции российских ВКС Дамаск обеспечивал работу основных органов управления в подконтрольных ему районах, а позже восстанавливал свое полное присутствие на отвоеванных у оппозиции территориях. В Ираке правительство не контролировало суннитские территории в центре страны, однако действовало в южных регионах. Что касается курдского севера, то его широкая автономия, доходившая почти до независимости, гарантировалась конституцией — легитимные курдские власти при всех их разногласиях с между собой и с Багдадом, смогли все же продемонстрировать способность к госуправлению.

---

⁹ Наумкин В.В. Цивилизации и кризис наций-государств // *Россия в глобальной политике*, № 1, 2014. С. 53.

¹⁰ Звягельская И.Д. Суверенитет и государственность на Ближнем Востоке — невыносимая хрупкость бытия // *Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право*, № 10(2), 2017. С. 108.

С упомянутыми Йеменом и Ливией дело обстоит сложнее. Политические режимы в этих двух странах, по сути, прекратили свое существование, однако гетерогенные системы политической власти никуда не исчезли. Они архаизировались и стали все более опираться на традиционные элементы — племена и роды, территориальные и этноконфессиональные общности. Эти элементы стали основными агентами безопасности и распределения социально-экономических благ.¹¹ Именно на них оказались вынуждены опираться все административно-политические силы Йемена (правительство А.М. Хади, ВНК, Южный переходный совет и др.), правительство Национального согласия (ПНС) в Ливии.

Косвенным следствием стала ограниченность масштабов насилия. В то время, как в сирийском конфликте число погибших измеряется сотнями тысяч — от 200 до 500, по разным оценкам, в ливийском цифры намного меньше. Минимальные оценки, опирающиеся на данные о зафиксированных боевых потерях, говорят о 15–20 тыс. чел., из которых 10–15 тыс. приходится на операцию НАТО, максимальные же экспертные оценки дают цифру в 65 тыс. чел. с 2011 г. И это при существовании (по тем же оценкам) в стране порядка двух десятков миллионов единиц огнестрельного оружия и при стоимости «калашникова» в 150 долл.¹²

Если сирийский конфликт и перекинулся на территорию Ирака, а ливийский дал импульс частичной дестабилизации Сахеля, то все же в обоих случаях речь шла не просто о «перетекании» (spill-over), но о соединении уже существующих конфликтных зон и — в случае с Сирией и Ираком — о взаимной катализации двух конфликтов.

В тех же случаях, когда таких зон не было, соседние государства оказались вполне устойчивы к появившимся угрозам. Алжир, Тунис, Египет, Ливан, Турция, Иордания, если и страдали от деятельности террористов, то эта угроза почти всегда была порождена внутренними причинами, а террористами оказывались местные ороженцы.

---

¹¹ Характерный пример — создание касс экономической взаимопомощи племенами и территориальными группами в 2010-е гг. Интервью с жителем Тобрука, 2017 г.

¹² Интервью с бывшим бойцом бригад Мисураты, 2018 г.

Тем не менее, страх перед возможным насилием, перекройкой карт, упразднением существующих государств повсюду в регионе стал основным фактором общественно-политической жизни, определяющим поведение как политических элит, так и широких общественных слоев.

Вообще, мы пока слишком мало знаем о страхе как о факторе политической жизни. Подобно многим другим категориям, которыми легко оперируют политики, политологи и политические философы, вроде насилия или доверия, считая их будто бы самоочевидными, страх лишь относительно недавно стал предметом обособленной рефлексии. Работа К. Робина «Страх. История политической идеи»¹³ может считаться здесь в определенной степени пионерской. Ее автор, сосредотачиваясь, главным образом, на внутриамериканской повестке, определяет страх исключительно инструменталистски: «...он является политическим орудием, инструментом элитного правления или мятежного движения, созданного и поддерживаемого политическими лидерами и активистами, готовыми на нем заработать, либо потому, что страх помогает им достичь определенной политической цели, либо потому, что он отражает или поддерживает их моральные и политические убеждения, а то и по обоим причинам»¹⁴.

Такой вполне либеральный подход к страху закономерен, но не единственно возможен. Так, Л. Гудков в свое время отмечал, что при исследовании общественных страхов речь не идет об изучении аффектов как таковых, но лишь «о способах массовой квалификации определенных состояний общественных отношений, типов взаимодействия с другими..., а значит — об интерпретации и объяснении взаимодействия индивида с этими структурами»¹⁵.

Аргументом против инструменталистского подхода служит и то соображение, что, если какие-то общественные силы используют страх в своих интересах, то это вовсе не означает,

---

¹³ Робин К. Страх. История политической идеи. М.: Прогресс-традиция; Территория будущего, 2007. 368 с.

¹⁴ Там же. С. 29.

¹⁵ Гудков Л. Страх как рамка понимания происходящего // *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*, № 6, 1999. С. 47.

что они же его и порождают и что сами они не становятся его носителями.

В случае с Ближним Востоком очевидно, что зачастую страх, как и информационные потоки, служащие своеобразными артериями, по которым он распространяется, создаются за пределами региона и, как правило, вовсе не регион является их основным потребителем. Замечание, сделанное некогда В.В. Наумкиным о политике американских неоконсерваторов, остается в значительной степени применимым и более широко: «Конструирование образа исламского врага шло в русле именно идеологического размежевания. При этом ставился знак равенства между исламским и ближневосточным миром. Для неоконсервативной революции в Америке проблема стран Ближнего Востока стала одним из главных идеационных и мобилизующих инструментов. Появилась тенденция относиться к региону Ближнего Востока и Центральной Азии как к ареалу этнического и религиозного «беспорядка» (позднее она получила развитие в концепции Большого Ближнего Востока)¹⁶.

Каков бы ни был источник страха, овладевшего регионом, последствия его экспансии крайне противоречивы. В странах с нестабильными политическими системами неуверенность в завтрашнем дне не позволяет участникам политического процесса выстраивать долгосрочные стратегии развития, и способствует политическому эгоизму, а иногда и конъюнктурности поведения лидеров, препятствуя формированию «хорошего управления» и устойчивых господствующих коалиций по Д. Норту. Очевидно, что это относится, прежде всего, к государствам левантийско-иракской модели, страдающим от конфликтов больше, чем остальные.

В других случаях, прежде всего в Египте, эта же неуверенность становится важным фактором формирования общественного договора, при котором общество оказывается готовым на определенные ограничения в обмен на жесткие меры со стороны правительства по укреплению национальной безопасности и политического режима. Хорошим примером тому стали законодательные ограничения деятельности НПО,

---

¹⁶ Наумкин В.В. Фехтование цивилизаций // *Россия в глобальной политике*, Т. 5, № 5, 2007. URL: https://globalaffairs.ru/number/n_9661 (accessed 20.05.2019).

принятые в последние годы. Вообще, Египет довольно убедительно демонстрирует инструментализацию страха, описанную К. Робином.

Другим интересным случаем представляется Алжир 2019 года. После того, как тяжело больной Абдельазиз Бутефлика в конце февраля объявил о намерении в четвертый раз принять участие в президентских выборах, в стране начались массовые протесты. На протяжении месяца они проходили во всех крупных городах страны, а также среди алжирцев, проживающих в Европе. Так, в Париже на площади Республики регулярно собирались тысячи выходцев из Алжира. Президент, находившийся первые несколько недель в швейцарской клинике несколько раз обращался к гражданам страны с письмами, зачитывавшимися дикторами по центральному телевидению. В первом из них (от 3 марта) он пообещал в случае своей победы созвать инклюзивную национальную конференцию для разработки глубоких конституционных реформ и провести досрочные выборы в следующий раз. Во втором (от 7 марта) он поздравил женщин Алжира с международным женским днем, приветствовал мирные протесты, обратил внимание, не назвав никого конкретно, на множество завистников, желающих толкнуть страну в бездну кровавого хаоса, и призвал алжирских женщин уберечь от этого сынов отечества. В третьем (распространенном 11 марта) он заявил об отмене выборов и созыве национальной конференции в ближайшее время. Фактически это означало продление действовавшего мандата еще на два года.

Параллельно с президентом к гражданам несколько раз обращался начальник генерального штаба и вице-министр обороны генерал Гаид Салах. Если в первых его заявлениях основное внимание уделялось стремлению неких таинственных сил и политических партий использовать протесты, чтобы вновь толкнуть страну в бездну насилия, то потом тональность начала меняться. От заявлений о единстве армии и народа генерал перешел к прямым обвинениям «банды» Бутефлики и закончил требованием немедленной отставки президента. Требование было удовлетворено 2 апреля 2019 г., однако протесты в стране не утихли.

Во всей этой истории обращает на себя внимание предельная осторожность обеих сторон противостояния. Она видна как

в выступлениях протестовавших, акцентировавших внимание на неприятии внешнего вмешательства, так и в действиях власти, которая предлагала обществу один компромисс за другим, пока не сдалась. Страх перед повторением алжирского опыта 1990-х гг. и перед радикализацией протеста по примеру других стран региона не позволил властям перейти к силовому сценарию подавления протеста, удержал общество от обращения к исламистскому дискурсу и вынудил искать возможности преодоления кризиса в рамках конституционного поля.

Иногда указанная неуверенность может стимулировать реформы, подталкивая элиты к выстраиванию новой системы отношений между властью и обществом, свидетельством чего становятся процессы развития гражданского общества и демократических институтов в одних странах или же форсированные, сопровождающиеся демонстративным репрессивным насилием реформы сверху в других. Примером последнего служит Саудовская Аравия. В конечном счете, появление «Видения 2030» и комплексные реформы, предпринятые Мухаммедом бен Салманом также стали порождением страха: «70% населения Саудовской Аравии младше 30 лет. Мы не хотим потерять еще 30 лет из-за экстремистских идей. Мы уничтожим их сегодня», — заявил принц на форуме иностранных инвесторов в октябре 2017 г.¹⁷

Знаменательно в этом отношении дело Джамалы Хашогги, расправы с проживавшими на Западе диссидентами, а также с активистами конкурирующих с Мухаммедом бин Салманом элитных групп. Несмотря на довольно серьезные репутационные издержки, которые из-за всего этого понес наследный принц на международной арене, в самом Королевстве его позиции, кажется, только укрепились. Причем не только в правящем классе, но и среди широких слоев молодого городского населения, увидевшего в принце молодого реформатора, способного железной рукой модернизировать страну.

Другим драйвером перемен можно считать затяжной экономический кризис, вызванный не только структурными проблемами экономик региона и политической ситуацией,

---

¹⁷ Саудовская Аравия намерена прийти к умеренному исламу // ТАСС, 24.10.2017. URL: <http://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/4673362> (accessed 20.05.2019).

но и глобальными трендами, а также резким ухудшением имиджа Ближнего Востока в глазах внерегиональных игроков.

В странах, охваченных вооруженными конфликтами, произошло, если и не полное разрушение национальных экономик, то их существенное ослабление, а некоторые районы, оказавшиеся вне контроля центральных правительств, оказались благоприятной почвой для развития неформальных экономик, в том числе и откровенно криминального характера. Помимо неконтролируемой трансграничной торговли или контрабанды, издревле процветавших как на сирийско-иракской границе, так и на бескрайних просторах Сахары, стали активно развиваться контрабанда нефти и нефтепродуктов, торговля антиквариатом, рэкет и т. п. Безопасность, равно как и элементарные части социальной инфраструктуры (электро- и водоснабжение, здравоохранение и др.) стали предметами стихийного экономического обмена. Контроль над ними обеспечивал политическую власть многочисленным негосударственным вооруженным акторам¹⁸.

Если в Сирии Дамаск остался основным распределителем экономических благ, то в Ливии Триполи этой функции лишился. Создание альтернативного Центробанка на востоке страны и второго эмиссионного центра свидетельствовало о полной фрагментации некогда единого финансового пространства, что привело к параличу банковской системы и огромному дефициту ликвидности во всей стране¹⁹.

В других странах региона, таких как Тунис и Египет, неспособность правительств справиться с экономическим кризисом,

---

¹⁸ Летом 2018 г. власть в Триполи (Ливия), например, принадлежала четырем или шести (если считать город с пригородами) вооруженным группировкам (милициям), находившимся в сложных взаимоотношениях с центральным правительством. Они не только контролировали город и занимались рэкетом, но и обеспечивали общественную безопасность, создавая иногда для этого специальные механизмы (отделы по разрешению конфликтов между жителями, полицию нравов и т. п.). Такие объекты как аэропорт, городская тюрьма, оптовые склады, овощной рынок и т. п. при этом обретали особую ценность, и борьба за контроль над ними периодически оборачивалась вооруженными столкновениями. В то же время в небольших городках группировки могли сражаться за контроль над городской электростанцией, и победители каждый раз требовали с населения денег за подачу электричества. (Данные полевых исследований автора, август 2018 г.).

¹⁹ Бабенкова С.Ю. Финансовая система Ливии как отражение политической жизни страны // *Ученые записки Российской академии предпринимательства*, Т. 17. № 1, 2018. С. 17–26.

продолжающимся с 2011 г., ведет к противоположенным последствиям. В случае с Тунисом — к дополнительному ослаблению центральной власти, лишаящейся значительной доли легитимности в глазах общества, к снижению доверия к демократическим институтам и политическим партиям и, в соответствии со специфической местной традицией, к дополнительному укреплению институтов гражданского общества, прежде всего, профсоюзов. Стремление последних сохранить политическое влияние вынуждает их руководство поддерживать любые антиправительственные выступления граждан, что, в свою очередь, еще более отдаляет страну от решения экономических проблем.

В муниципальных выборах 2018 г. — первых после 2011 г. — приняло участие всего чуть более 35% избирателей (в некоторых муниципалитетах — менее 20%), более 30% голосов получили списки независимых кандидатов, зачастую сформированные на базе НПО, почти 30% — списки формально оппозиционной партии «ан-Нахда». Правящая партия «Нидаа Тунис» завоевала менее четверти голосов²⁰. Таким образом, при высоком абсентеизме, более двух третей избирателей продемонстрировали недоверие правящей власти, которая в результате почувствовала себя еще менее способной проводить непопулярные экономические реформы. А учитывая, что осенью 2019 г. в стране должны пройти выборы в высшие органы государственной власти, вряд ли можно ожидать, что укрепившаяся с 2014 г. свои позиции «ан-Нахда» станет помогать президенту Бежи Каиду ас-Себси в этом неблагодарном деле, хотя, будучи принципиально далекой от профсоюзов, зимой 2019 г. она и демонстрировала готовность сблизиться с премьер-министром страны Юсефом Шехидом.

Так складывается порочный круг бесконечного кризиса.

В Египте, где государство не уступило инициативу гражданским организациям или оппозиции, экономический кризис служит дополнительным оправданием ужесточению политического режима, происходящему на фоне патриотической консолидации общества.

---

²⁰ Chaabane M. Tunisie: Résultats définitifs des élections municipales // *Tunis Webdo*, 13.06.2018. URL : <http://www.webdo.tn/2018/06/13/tunisie-resultats-definitifs-des-elections-municipales/> (accessed 14.10.2018).

Наконец, экономические проблемы затронули и считающиеся самыми благополучными страны региона — монархии Залива, более других пострадавшие от снижения мировых цен на углеводороды. Впервые за несколько десятилетий в 2016 г. Саудовская Аравия сформировала дефицитный бюджет. Несмотря на некоторое исправление ситуации в последующие годы, золотовалютные резервы страны изрядно оскудели. В совокупности с обострением борьбы за лидерство на Ближнем Востоке и активным участием монархий Залива в ряде конфликтов и прокси-войн, это привело к росту напряженности внутри Залива, что ярче всего проявилось в ситуации в Йемене.

Сложный внутривосточный конфликт в этой стране быстро превратился в региональный с высокой степенью вовлеченности ССАГПЗ и не очень понятной — Ирана. Спустя некоторое время эта линия противостояния была дополнена борьбой остальных членов ССАГПЗ против Катара, а затем — тихим противоборством Эр-Рияда с Абу-Даби, делающих ставки на разные силы в южном Йемене.

Тренды развития региона

Страх и экономические кризисы, по-разному сказываясь на государствах различных политических моделей, вели к формированию подчас противоречивых трендов развития региона, в каждом из которых сочетаются сложным образом элементы архаики и модерна.

Наиболее очевидным проявлением модернизации, на первый взгляд, может считаться **расширение** в большинстве стран региона **демократических процедур**, и прежде всего, электоральных.

В разных странах функциональная роль избирательных процедур была разной: где-то речь шла о реформах, принятых в ответ на вызовы начала 2010-х гг., где-то — о кардинальном переустройстве систем в постреволюционный период, а где-то — о выборах в условиях вооруженного конфликта.

Для стран североафриканской модели — Алжира, Туниса, Египта, а также для близких к ним Марокко и отчасти Иордании — выборы оказываются в последние годы важным (хотя

подчас и символическим) элементом политической жизни. Электоральные кампании характеризуются низким уровнем насилия и широким использованием (обычно со стороны центральной власти) страха насилия (терроризма, исламизма, дестабилизации, внешней угрозы и т. п.). Для большинства государств этой группы позиционирование в международном пространстве остается очень важным — отсюда стремление к внешнему соблюдению правил игры. При этом в таких странах как Тунис, отчасти Алжир и Марокко выборы действительно становятся инструментом расширения господствующей коалиции и кооптации новых элитных групп.

В Марокко и Алжире, отреагировавших на протестность 2011 г. серией реформ, власти демонстрировали стремление минимизировать возможности фальсификаций и расширить представительство, не лишившись контроля над политическим процессом как таковым. В результате допуск к власти в Марокко умеренно исламистской партии в 2011 г., равно как и новый закон о выборах, принятый в Алжире в 2012 г., ни на йоту не пошатнули положение элит. Характерно, что алжирским законом предписывалось использование прозрачных урн для голосования и допуск наблюдателей на участки, однако сам контроль над процедурой не был внятно описан, и на деле оставался в ведении исполнительной власти.

Характерно, что армия после отставки А. Бутефлики, осуществленной в соответствии со 102 статьей Конституции, не попыталась взять власть в свои руки на формально-правовом уровне, но объявила о начале переходного периода в соответствии с конституционными нормами и через демократические выборы.

Специфический случай представляет в этой группе Египет. Террористическая угроза (со стороны «Бейт аль-Макдис» на Синае и других группировок) дала возможность действующему президенту консолидировать электорат, сведя к минимуму конкурентность всего процесса, однако позволив не допустить дестабилизации в условиях высокой социальной напряженности, вызванной сохраняющимся экономическим кризисом. Подобную тактику можно было наблюдать и в Алжире, где помимо террористической угрозы аргументом

в пользу тяжело больного А. Бутефлики в 2014 г. был его чрезвычайно успешный опыт правления предыдущих лет.

Однако египетские выборы 2018 г. выделяются на региональном фоне степенью целенаправленного обесмысливания демократической процедуры. В ситуации, когда А. ас-Сиси имел полное право баллотироваться на второй срок, выборы прошли на беспрецедентно безальтернативной основе (второй кандидат, Муса Муса, до того, как зарегистрироваться, собирал подписи в пользу ас-Сиси), а превращение голосования из права в обязанность граждан (штраф за неявку на участок составлял около 30 долл.) не позволяет рассматривать их как референдум о доверии.

В совокупности с жесткими репрессивными мерами, принятыми властью в последние годы произошедшее может интерпретироваться как шаг к отдалению от североафриканской модели развития в сторону аравийско-ливийской — с заимствованием элементов политической культуры соответствующих государств. Таким образом, изначально модернизационный институт в египетском случае стал инструментом архаизации.

Противоположный египетскому пример дает Тунис, в 2011–2013 гг. развивавшийся по схожей с Египтом модели. Здесь электоральные процессы, напротив, становятся довольно самостоятельным фактором политической жизни, превращаясь в ключевой инструмент политического соперничества. При всей тревоге, порожденной уже упоминавшийся электоральной кампанией 2018 г., превращение муниципальных выборов в основное поле мирного соперничества между различными политическими силами свидетельствует все же об успешном развитии, пусть и все еще очень хрупкой политической системы.

В странах аравийско-ливийской модели развития значимость электорального процесса меньше, чем в предыдущей группе государств (за исключением Египта), однако и здесь в последние годы она возросла, хотя и везде по-разному.

Бахрейн и Кувейт, и без того стоящие в этой группе особняком, подверглись воздействию выделенных трансформационных факторов в большей степени, нежели другие входящие в нее государства. В результате в этих двух странах выборы стали настоящим полем сражения между суннитскими

монархами и отчасти шиитской, отчасти просто либеральной оппозицией.

В результате периодических роспусков парламента в Кувейте выборы проходили в 2012, 2013 и 2016 гг., причем в 2012 г. победу на них одержала оппозиция. В противостоянии народных избранников с эмиром стороны подавали друг на друга жалобы в Конституционный суд, решения которого не всегда были вынесены однозначно в пользу эмира.

В Бахрейне электоральный процесс лишь в незначительной степени отражал напряженные отношения между правительством и шиитской оппозицией. В ходе него массовые акции протеста с угрозами свержения монархии сталкивались с жесткими репрессиями, арестами политических лидеров и запретами на политическую деятельность. Характерно, что суннито-шиитское противостояние, будучи перенесенным в электоральное поле, интерпретировалось участниками в соответствии с требованиями современного политического дискурса либо как борьба демократической оппозиции против авторитарной власти, либо как отстаивание последней национального суверенитета, угроза которому исходит от всякого рода иностранных агентов.

При всем доминировании монархической власти, в обоих случаях очевидна тенденция превращения выборов в инструмент переговоров между господствующей элитой и оппозиционными группами.

В других странах Залива электоральные процедуры хотя и расширились в последние годы, но все еще не играют столь значимой роли. Правда в Саудовской Аравии, где в 2011 г. в состав Консультативного совета были введены женщины, в 2011 и в 2015 гг. впервые прошли муниципальные выборы (также с участием женщин), создавшие для населения первый канал легитимного политического участия на демократических основаниях.

Принципиально иную роль электоральные процедуры играют в Ливии, принадлежащей к конфликтной подгруппе той же модели.

Как и в случае с Бахрейном и Кувейтом, сочетающих в себе черты аравийско-ливийской и ливантийско-иракской моделей, выборы в Ливии служат средством легитимации политических

акторов в современном политическом пространстве (в том числе, международном), с одной стороны, и формой политического торга — с другой. Проблема состоит в том, что в Ливии не существует реальной центральной власти, и, соответственно, торг здесь носит совсем иной характер.

После свержения М. Каддафи выборы в этой стране проходили дважды, причем в 2014 г. Палата представителей, обособившаяся затем в Тобруке, была избрана менее, чем третью зарегистрированных избирателей (по официальным данным)²¹. При всей курьезности подобной ситуации именно электоральная процедура стала источником легитимности этого центра политической силы. Через Палату представителей выборы косвенно легитимизировали заседающее в городе аль-Байда временное правительство и Ливийскую национальную армию (ЛНА) во главе с Халифой Хафтаром, которая иначе могла бы рассматриваться международным сообществом как всего лишь очередная вооруженная группировка, к тому же довольно рыхлая по структуре, состоящая из целого ряда полуавтономных вооруженных подразделений, зачастую консолидированных на племенной или земляческой основе.

Вопрос о выборах стал важным элементом программы урегулирования ливийского конфликта, предложенной спецпредставителем ООН Гасаном Саламе на основании заключенных в 2015 г. Схиратских соглашений. Согласно плану Г. Саламе, президентские и парламентские выборы в стране должны были сначала пройти до конца 2018 г., затем в течение 2019 г., причем их проведение может предшествовать принятию конституции, но должно предвшаться Национальной конференцией, участниками которой должны стать все политические силы страны. Последняя же, назначенная на середину апреля 2019 г., оказалась сорвана из-за наступления на юге и западе страны ЛНА. Кроме того, сама ее организация (в теории вполне демократическая — «снизу вверх»), начавшаяся с проведения множества

---

²¹ Elumami A., Al-Warfalli A. Poor turnout in Libyan parliament vote as prominent lawyer killed // *Reuters*, 26.06.2014. URL: <https://www.reuters.com/article/us-libya-election/poor-turnout-in-libyan-parliament-vote-as-prominent-lawyer-killed-iduskbn0f000720140626> (accessed 14.10.2018). В некоторых городах выборы вообще не проходили (Дерна). По неофициальным данным в стране работало всего около 16% участков для голосования. (Интервью автора с представителем миссии ООН по Ливии, 2017 г.).

локальных конференций по всей стране) вызывала серьезную критику — до последнего момента не были понятны ни ее программа, ни состав участников, ни правовой статус ее потенциальных решений.

Учитывая специфику ливийского конфликта, в котором оппортунистические мотивы доминируют над идеологическими или экзистенциальными, указанная конференция и последующие выборы теоретически могли бы стать площадкой торга и нахождения необходимого консенсуса между основными центрами силы в стране — вероятно, в этом и состоит основная подоплека их проведения. Реализация такого плана в отсутствие каких-либо механизмов, гарантирующих исполнение достигнутых договоренностей, однако, довольно сомнительна. Кроме того, вполне очевидно, что даже в случае успешного проведения выборов, их победители не могут управлять страной при отсутствии необходимой инфраструктуры, единого экономического пространства и инструментария, необходимого для контроля над основными вооруженными контингентами.

Ситуация конфликтности сближает Ливию с относящейся к левантийско-иракской модели Сирией. В рамках женеvского процесса политического урегулирования сирийского конфликта, выстроенного в соответствии с резолюцией 2254 СБ ООН, электоральный пункт — лишь третий из четырех, и решение по нему должно теоретически следовать за решениями о переходных органах власти и конституции. Однако к 2019 г. переговорный процесс по этим двум трекам зашел в тупик. Вопрос о переходных органах власти был тесно связан с проблемой будущего Б. Асада и его соратников, не чувствовавших никакой необходимости идти на компромиссы с ослабленной оппозицией. Принятие же новой конституции требовало достижения ряда консенсусных решений: по названию Сирии, ее территориально-административному устройству, роли религии в политической системе и т. п. Некоторый успех, достигнутый в январе 2018 г. на Конгрессе сирийского народа в Сочи, вскоре был минимизирован, если не сведен на нет, а представители правительства все чаще стали заявлять, что вовсе не видят необходимости менять конституцию страны.

В этих условиях все более актуальной становилась так называемая «проблема-2021». Согласно сирийскому законодательству в 2021 г. в стране должны пройти президентские выборы, которые, вне зависимости от динамики переговоров в Женеве, Астане или Сочи, могли бы как создать условия политической развязки, так и дать толчок новому витку развития конфликта. Последнее представляется особенно вероятным в случае победы представителей действующей власти, обладающей большими, нежели оппозиция, ресурсами для консолидации и мобилизации электората.

В ливийском и сирийском случаях обращает на себя внимание жесткое увязывание мирного процесса и демократического транзита с необходимостью проведения выборов. Подобная тенденция обнаруживается и в других государствах, проходящих через период гражданского противостояния (не обязательно в форме вооруженного конфликта) – например, в Тунисе и Египте в начале 2010-х гг., в Ираке в 2000-е гг. и т. д. Мотивы такого увязывания понятны: электоральные процедуры – наиболее измеримый и осязаемый элемент демократической системы, внедрение которого к тому же может предоставить универсальную легитимность правящей группе.

При этом нельзя не заметить, что чем больше проблема демократического строительства в мировой практике сводится к проведению выборов, тем больше электоральные процедуры утрачивают свою реальную значимость в этом процессе, что особенно опасно для обществ, переживающих конфликт: в их глазах, тем самым, в принципе дискредитируется демократическая политическая система.

Если рассматривать другие страны левантийско-иракской модели – прежде всего, Ливан и Ирак, то в них избирательные процедуры играют довольно существенную роль, причем, особенно в случае с Ираком, несколько новую.

Электоральный процесс здесь – это вторичное средство перебалансировки элитных групп, каждая из которых консолидирована главным образом на этноконфессиональной основе. И без того существующее соперничество (в том числе вооруженное) между группами переносится в электоральное поле, борьба в котором в результате становится особенно острой. Хрупкость системы, недоверие к соперникам, страх полного

исключения из распределения благ в случае проигрыша, большой и разнообразный опыт политического насилия заставляют участников, с одной стороны, широко использовать инструменты насилия в предвыборной борьбе, а с другой, обращаться за поддержкой к внешним акторам, превращая эти страны в поле соперничества друг с другом.

В целом расширение применения демократических процедур во всех рассматриваемых моделях можно характеризовать как признак продолжающейся и усложняющейся гибридизации политических систем. Это, однако, может расцениваться по-разному. Манипуляция внешними элементами демократии без изменения сущностных основ власти может затруднить дальнейшее институциональное развитие, а в некоторых случаях и дискредитировать демократические институты в глазах общества. Кроме того, акцентирование внимания на электоральных процедурах ради улучшения имиджа в глазах международного сообщества может никак не соотноситься с внутренними ритмами социально-политической жизни, а само расширение этих процедур часто не подкрепляется необходимыми сопутствующими реформами.

Вместе с тем, гибридизация систем в некоторых случаях расширяет окно возможностей для слабых акторов, временно повышая легитимность действующей власти. Она может способствовать стабилизации системы, кооптации новых элитных групп в правящую коалицию и становиться довольно эффективным форматом политического торга.

Если в государствах североафриканской модели такая гибридизация свидетельствует в той или иной степени о постепенной модернизации политической жизни, то в двух других случаях скорее становится способом поддержания традиционных методов межэлитного взаимодействия.

С расширением демократических процедур связан другой важный тренд развития политических систем – **укрепление гражданского общества**, происходящее в государствах всех трех моделей развития, как в благополучных странах, так и в тех, что страдают от вооруженных конфликтов.

В целом оно осуществляется по одному из двух сценариев – «сверху вниз» или «снизу вверх». В первом случае оно оказывается результатом политики правящей власти, пытающейся

создать каналы участия, не создающие угроз существующему политическому режиму, но дающие возможность этому режиму декларировать свое соответствие международным нормам.

Имеет смысл рассмотреть функционирование институтов гражданского общества в ряде государств, которые в рамках теории социальных порядков, могут быть охарактеризованы как базисные *порядки ограниченного доступа* (ПОД), а в предложенной ранее типологизации относятся к североафриканской и первой симбиотической моделям.

В таблице ниже представлены данные по количеству неправительственных организаций в отношении к численности населения в этих странах:

Таблица 2

Количество НПО в наиболее зрелых ПОД

	Марокко	Алжир	Тунис	Египет	Иордания
Количество НПО	Более 130 тыс. ²²	Более 108 тыс. ²³	Более 20 тыс. ²⁴	Более 46 тыс. ²⁵	Более 5 тыс. ²⁶
Население	35,5 млн	41 млн	11,5 млн	94,8 млн	9,5 млн
НПО/100 тыс. чел.	371,4	263,4	173,9	48,5	53,7

Для сравнения, во Франции на 100 тыс. человек приходится 1943 ассоциации²⁷.

---

²² Le Maroc compte 130000 associations en 2016 // Medias 24. URL: <https://www.medias24.com/societe/162411-Le-Maroc-compte-130.000-associations-en-2016.html> (accessed 29.05.2019).

²³ Министерство внутренних дел Алжира. URL: <http://www.interieur.gov.dz/images/pdf/Thematiquedesassociations.pdf>. (дата обращения 29.05.2019).

²⁴ Tableau Général des Associations // IFEDA. URL: <http://www.ifeda.org.tn/stats/francais.pdf> (accessed 22.12.2018).

²⁵ Atef M. NGO Law in Egypt // Fikra Forum. The Washington Institute, 12.01.2017. URL: <https://www.washingtoninstitute.org/fikraforum/view/ngo-law-in-egypt>. (дата обращения 29.05.2019); Civic Freedom Monitor: Egypt // The International Center for Non-Profit-Law. URL: <http://www.icnl.org/research/monitor/egypt.html> (accessed 22.12.2018).

²⁶ Towards a New Partnership with Citizens. Jordan's Decentralization Reform // OECD Public Governance Reviews. Paris: OECD Publishing, 2017. P. 156.

²⁷ Bazin C., Malet J. La France associative en mouvement. URL: https://www.associations.gouv.fr/IMG/pdf/france_associative-28-09-2016.pdf (accessed 29.05.2019)

Здесь мы ограничиваемся рассмотрением только одного специфического типа организаций — НПО, или ассоциаций (*джама'ийат ахлийа*), однако и по ним можно сделать существенные выводы.

Самый высокий количественный рост организаций в последние годы показывают Марокко и Тунис — в первом в 2011 г. насчитывалось всего 145 НПО на 100 тыс. чел.²⁸, во втором с 2010 г. их число выросло более, чем в два раза²⁹. В то же время в Иордании в 2009 г. и в Египте в 2008 г. действовало всего по 37 НПО на 100 тыс. чел.³⁰, в Алжире же в 2011 г. — 244³¹.

Как разные темпы роста числа организаций, так и количественные дисбалансы между странами, указывают на специфику ПОД. Во всех случаях расширение сети гражданских организаций было одним из ответов на вызовы «арабской весны». Исключение составляет Алжир, где то же самое произошло в ходе гражданского противостояния 1990-х гг. и после него. При этом больший охват населения НПО в странах Магриба может объясняться как спецификой обществ и политических систем, так и стимулированием развития гражданского общества со стороны ЕС. При этом, если в Марокко НПО зачастую инструментализируются махзеном, от которого основная их часть и получает средства, то в Тунисе они значительно более независимы — половина из них существует на негосударственное финансирование, зачастую внешнее. До определенной степени, работа в НПО стала для местного населения способом решения экономических проблем.

---

²⁸ Enquête Nationale auprès des Institutions Sans But Lucratif (ISBL) (Exercice 2007). Haut Commissariat au Plan. Rabat, 2011. P. 9.

²⁹ Tunisie: Plus de 10.000 associations créées au cours des 5 dernières années sans aucun suivi de l'Etat // *Tunis Webdo*, 27.10.2016. URL: <http://www.webdo.tn/2016/10/27/tunisie-plus-de-10-000-associations-creees-cours-5-dernieres-annees-suivi-de-letat/> (accessed 29.05.2019).

³⁰ Jarrah S. Civil Society and Public Freedom in Jordan. The Path of Democratic Reform. The Saban Center for Middle East Policy at the Brookings Institution. Working Paper, No. 3, July 2009. URL: https://www.brookings.edu/wp-content/uploads/2016/06/07_jordan_jarrah.pdf (accessed 29.05.2019).

³¹ Plus de 89.000 associations recensées sur la scène nationale (Ould Kablia) // *Algerie Focus*, 2011. URL: <https://www.algerie-focus.com/2011/12/plus-de-89-000-associations-recensees-sur-la-scene-nationale-ould-kablia/> (accessed 29.05.2019).

Значительно меньшее число организаций в Иордании и особенно в Египте свидетельствует о том, что господствующая коалиция выбрала принципиально иной способ ответа на новые вызовы. Это подтверждается ужесточением законов об НПО, происходящем в последние годы в обеих странах. При этом, если в Иордании подобная стратегия связана, по всей видимости, с ростом внешних угроз, то в Египте — с угрозами внутренними. В обоих случаях выбранные стратегии в перспективе ведут к повышению хрупкости системы.

Что касается Магриба, то зависимость гражданских организаций Алжира и Марокко от государственной власти, как представляется, не должна рассматриваться лишь как средство манипулирования гражданским обществом со стороны правящей элиты. Само вовлечение населения в деятельность организаций может стать основой для последующего развития гражданских структур. В то же время зависимость тунисских НПО от иностранного финансирования таит в себе неожиданные угрозы. Внешние доноры поддерживают те проекты, которые кажутся им актуальными, что ведет к переносу европейской повестки на тунисскую почву, и это потенциально также может стать фактором хрупкости.

Последствия такого заимствования иностранной повестки неоднозначны: речь здесь может идти как о модернизации общественных отношений, так и о росте конфликтогенности. Подобный импорт зачатую рассматривается традиционными частями обществ как способ навязывания чуждой системы ценностей³², что объективно может вести, с одной стороны, к укреплению идентичности дискриминируемых групп, а с другой — к усилению их стигматизации.

Особенно остро этот вызов ощущается в странах, политические режимы которых чувствуют хрупкость поддерживаемого общественного консенсуса и, возможно, испытывают некоторый дефицит легитимности. Не случайно законы, ограничивающие иностранное финансирование НПО в последние

---

³² В качестве примера можно привести кампанию в марокканских социальных сетях *Кун раджуль* — «Будь мужчиной», активисты которой, среди прочего, призывают сограждан не позволять марокканкам носить раздельные купальники на пляже.

годы принимались именно в Алжире³³ и Египте³⁴ — странах, где пользующиеся существенной общественной поддержкой исламистские силы (ИФС, в одном случае, и «Братья-мусульмане», в другом) оказались вытеснены за пределы легального общественно-политического пространства.

Что касается прямого или опосредованного государственного финансирования НПО, то связанные с ним трудности хорошо известны. Вопрос, до какой степени прямо контролируемые государством неправительственные организации (разнообразные советы по правам человека при главах государств, формально независимые аналитические центры и т. п.) являются структурами гражданского общества, а до какой — их имитациями, усиливающими и легитимизирующими дисциплинарные практики политического режима, — это предмет общественных дискуссий.

В практическом отношении наибольшая проблема сложившейся ситуации состоит в отсутствии третьей альтернативы: гражданские общества Ближнего Востока вынуждены практически всегда выбирать между зарубежным и государственным финансированием в силу сохраняющейся слабости и политической зависимости частного капитала. Впрочем, несмотря на то, что как государственное финансирование НПО, так и внешнее способны вести к нежелательным эффектам, они не могут рассматриваться как очевидные источники потенциального ослабления политических систем.

Второй сценарий развития гражданского общества — «снизу вверх» — можно наблюдать в странах, переживающих или недавно переживших ситуацию конфликта и ослабления государственности, где сама частичная дисфункциональность институтов вынуждает население к поиску новых форм самоорганизации.

---

³³ Loi № 12-06 du 18 Safar 1433 correspondant au 12 janvier 2012 relative aux associations // *Journal officiel de la République Algérienne*, № 02, 15.01.2012. P. 28–34. URL: <http://www.joradp.dz/ftp/jo-francais/2012/f2012002.pdf>.

³⁴ Канун ракм 70ли-сана 2017 би-исдар канун танзим ‘амал ал-джама’ийат ва-гайриха мин ал-му’ассасат ал-‘амила фи маджал ал-‘амал ал-ахалий (Закон № 70 2017 г. издания «Закон о режиме работы ассоциаций и других организаций, работающих в гражданской сфере») // Аль-Джарида ар-расмийя, 24.05.2017. URL: <https://www.almasryalyoum.com/news/details/1141060>.

Так, в Ливии ключевыми акторами мирного урегулирования под зонтиком миссии ООН должны были стать многочисленные низовые общественно-политические структуры как участники упоминавшейся ранее Национальной конференции.

Ее организация, по мысли руководителя миссии ООН Гасана Саламе, начиналась с проведения локальных конференций по всей стране, встречах и переговорах с многочисленными городскими советами, муниципалитетами, «милициями» и племенами, то есть со всеми структурами, созданными ливийцами на местах для обеспечения повседневной жизни в условиях фактического отсутствия государства. Вся эта подготовительная работа на местах была отдана ООН на аутсорсинг международной организации «Центр Гуманитарный диалог» с центральным офисом в Женеве (сам Г. Саламе ранее входил в состав ее руководства), которая осенью 2019 г. опубликовала отчетный доклад, упомянув в нем о более 70-и проведенных конференциях.

В Сирии новая гражданская активность связана с деятельностью организаций, действующих среди беженцев, с местными советами на территориях, подконтрольных оппозиции³⁵, и в несколько меньшей степени — с активностью различных структур на территориях, контролируемых Дамаском.

Как в ливийском, так и в сирийском случаях низовые структуры самоорганизации формировались, прежде всего, по территориальному принципу, и в основном были идеологически нейтральны, хотя и могли основываться на разных типах лояльности, в том числе племенной или этнической.

До какой степени этот тренд сохранится, сказать сложно. Очевидно, что, например, в Сирии, где, несмотря на вооруженный конфликт, правительство не только сохранило все основные институты исполнительной власти, но и продолжает расширять контролируемые территории, конфликт между ним и возникшими снизу институтами управления оказывается практически неизбежен.

---

³⁵ См. например: Local Councils in Syria A Sovereignty Crisis in Liberated Areas // MENAPOLIS. Policy paper, September 2013. URL: <https://menapolis.net/publications/files/1425551004pdf1SyriaLAC.pdf> (accessed 15.10.2018).

Если исходить из опыта арабских стран, уже переживших ослабление государственности, то возможными кажутся два сценария.

Первый реализовывался в странах североафриканской модели, политические системы которых доказали свою резистентность — в Алжире и Египте. Этот сценарий, рассмотренный выше, предполагает частичную кооптацию самостоятельно возникших элементов гражданского общества (или их представителей) в политическую систему, их участие в разделении ренты, жесткое подавление других элементов и контроль над появлением новых форм общественной активности.

По другому пути ситуация развивалась в Тунисе и Ливане, где институты гражданского общества стали демонстрировать большую устойчивость и адаптивность к вызовам, нежели государственные, что вело к углубляющейся дискредитации последних в глазах не имеющего опыта демократического развития общества и к невозможности установления хорошего управления.

Как можно видеть, два выделенных драйвера трансформаций оказывают не меньшее влияние на развитие гражданских обществ, чем на электоральные процессы в рассматриваемых странах.

В одних странах (Тунис, Алжир) страх развала ПОД заставляет господствующие коалиции создавать каналы обратной связи, расширяя сеть НПО, а ограниченность экономических ресурсов позволяет коалициям эту сеть эффективно контролировать.

В других странах (Ливия, Сирия) страх окончательной утраты порядка, стремление к безопасности и элементарному экономическому регулированию способствуют возникновению низовых гражданских структур в ситуации конфликта.

Если соотносить сценарии развития гражданского общества с предложенной выше типологией арабских стран, то можно видеть, что сценарию развития «сверху вниз» соответствуют реформистские страны, «снизу вверх» — конфликтные и нейтральные. Революционная модель при этом может идти и по тому, и по другому пути.

В североафриканских государствах институты гражданского общества чаще формируются на общегражданской платформе,

в странах левантийско-иракской модели они больше соответствуют этноконфессиональному делению общества, а в аравийско-ливийских государствах – его племенной структуре.

Не случайно именно для двух последних групп стран особенно характерна активность так называемых негосударственных акторов, зачастую использующих партикуляристские идентичности и архаичные идеологии. Представляя интересы части населения, по тем или иным причинам считающей, что без такой поддержки она может быть ущемлена в правах, эти игроки сочетают в себе черты НПО и квазигосударственных образований, широко используя внешнюю помощь.

Архаичные элементы при этом во всех случаях оказываются способны играть роль фактора «стабилизации и повышения... легитимности» систем, способствуя, по словам В.В. Наумкина и В.Г. Барановского, эффективному обеспечению задач безопасности и развития в конкретных обществах³⁶. Соответственно, связь между процессами архаизации/модернизации систем и развитием социальных порядков оказывается совершенно неочевидной. Казалось бы, напрашивающееся утверждение о прямом соответствии между хрупкими ПОД и политической архаикой или, напротив, между модернизацией и зрелостью ПОД не соответствует действительности.

Подводя итоги, необходимо еще раз подчеркнуть, что несмотря на формальную общность основных трендов политического развития во всех странах региона, на практике в разных моделях они играют совершенно различную роль.

В государствах североафриканской модели, более склонных к поступательному расширению инклюзивности, страх перед будущим и сложности экономического развития ведут к реформам, способствующим укреплению естественных государств. В одних случаях этому способствует реальная демократизация (Тунис), в других – продолжающаяся гибридизация (Алжир, Марокко), в третьих – напротив, свертывание и дискредитация демократических процедур и институтов (Египет). Рассуждения о бесперспективности египетского пути могут быть интересны в качестве интеллектуального упражнения, однако пока

---

³⁶ Барановский В., Наумкин В. Ближний Восток в меняющемся глобальном контексте: ключевые тренды столетнего развития // *Мировая экономика и международные отношения*, Т. 62, № 3, 2018. С. 11.

что они не подтверждаются практикой. Зато вполне справедливым будет утверждение, что политическое развитие Египта вполне соответствует историческому опыту этой страны.

В странах левантийско-иракской модели формально модернизационные изменения на практике оборачиваются своей противоположностью, создавая дополнительные каналы для легитимизации архаичных институтов и процедур. Так, электоральная гонка становится средством состязания этноконфессиональных общин, использующих возможности негосударственных вооруженных акторов, а институты гражданского общества зачастую маскируют традиционные социальные группы.

Наконец, в монархиях Аравийского полуострова выявленные тренды проявляются наименее отчетливо. В относящейся к той же трансформационной модели Ливии они играют роль, схожую с их ролью в Леванте и Ираке. Принципиальное отличие состоит в сущностной разнице между базовыми социальными структурами двух моделей — этноконфессиональными общностями и племенами. В последнем случае потенциал стабилизации на современных основаниях представляется большим. Это подтверждается опытом государств Центральной Азии, где страны кочевой культуры (Киргизия, Казахстан) показали большую мобильность и готовность к транзиту, чем оседлые Таджикистан и Узбекистан.

Глава V

ЛИВАНСКИЙ ВАРИАНТ БЛИЖНЕВОСТОЧНОЙ ДЕМОКРАТИИ

За несколько прошедших лет Ливан испытал череду кризисных явлений в сфере высшего государственного управления, а затяжной кризис президентских выборов именовался даже «вакуумом власти». Это явилось знаком того, что перемены в подходах к демократическим принципам государств Ближнего Востока, подмеченные многими, по большей части не получили своего развития. Жажда перемен, образно говоря, захлебнулась в волнах насилия, развязанного представителями разных социальных групп внутри ряда ближневосточных обществ, спровоцированных разнообразными внешними воздействиями в период «арабской весны». А многие благотворные начинания, исходившие из недр общества, утонули в рутине и тугой политической инерции старых элит.

Масштабные вооруженные столкновения и террор вкупе с мощным внешним политическим давлением охватили в основном страны с республиканским устройством, но затронули и ближневосточные монархии. Основным направлением мысли ведущих аналитиков стал авторитаризм правления в ряде стран региона как объект силового воздействия свежей «демократизирующей» волны¹. При этом политологический пафос освобождения ближневосточных обществ от гнета дремучих автократий почти не коснулся монархий, сосредоточившись только на республиках, пытавшихся продемонстрировать самостоятельность.

Автор главы – *Сарабьев Алексей Викторович*

¹ Heydemann, Steven; Bouyssou, Rachel. Après le séisme. Gouvernement économique et politique de masse dans le monde arabe // *Critique internationale*, No. 61 (octobre-décembre 2013). (P. 69–84). P. 76.

Поразительным образом Ливан, откуда за многие десятилетия уже привыкли ожидать тревожных новостей, все-таки предотвратил угрозу прямого внешнего вмешательства², сумел отразить атаки террористических исламистских организаций (например, в восточноливанском районе Эрсаль) и пытается решать серьезнейшую проблему наводнивших страну беженцев. По трагическому совпадению, эти и другие трудности, зависящие в основном от региональной обстановки, пришлось на период парламентского и президентского кризисов, обострение внутривластной борьбы и серьезные социально-экономические проблемы. Тем не менее, все это не привело к фатальным последствиям ни для населения, ни для основных институтов власти, хотя тревожные ожидания, безусловно, имели место³.

Характеризуя общества, подобные ливанскому, как «глубоко разделенные», выдающиеся теоретики прошлого ломали голову над их поразительной жизнеспособностью. В далеком 1979 году Иэн Ластик писал: «Что действительно сбивает с толку в контексте такого общего подхода, так это сохранность [этого типа] общественно-политических систем с течением времени, особенно устойчивое продолжение отдельных моделей политических отношений. <...> Проблема, головоломка, заключается в том, как объяснить политическую стабильность

---

² Впрочем, мы наблюдаем новый виток мощного внешнего вмешательства — давления на ливанский Центробанк и множественные санкции со стороны США с целью ослабить Хизбаллу и раскатать общественное мнение против этой организации, причем не только боевого ее крыла, но и легитимной политической партии. См.: Magnier, Elijah J. Hezbollah in Lebanon: US Hegemony is Over // *Al-Rai* (Kuwait), 21.11.2018. URL: <https://ejmagnier.com/2018/11/21/hezbollah-in-lebanon-us-hegemony-is-over/> (accessed 23.11.2018). Ливанская газета «Аль-Ахбар» писала: «Уже не являются секретом переданные послом США в Ливане, Элизабет Ричард, президенту Мишелю Ауну, премьер-министру Сааду аль-Харири и другим те позиции, которые высказываются внутри Белого дома, призывающие к расквашиванию ливанской стабильности — особенно банковского сектора — в целях усиления давления на Хизбаллу и натравливания на нее ливанцев» См.: Аш-Шуфи, Фирас. Тахдид истикрар Любнан: ибтизас амерки маздудж (Угроза стабильности в Ливане: двойной американский шантаж) // *Аль-Ахбар*, 19.11.2018. (на араб. яз.). URL: <https://al-akhbar.com/Politics/261935/تهديد-استقرار-لبنان-ابتزاز-أميركي-مزدود> (accessed 23.11.2018).

³ Bahout, Joseph. Sectarianism in Lebanon and Syria: the dynamics of mutual spill-over // *Peace Brief* (US Institute of Peace). No. 159, November 15, 2013. P. 1–4.

на протяжении времени в обществах, которые по-прежнему характеризуются глубокими вертикальными расколами»⁴.

Еще раньше, в 1956 г., как описывал Аренд Лейпхарт, политолог Габриэль Элмонд в споре с ним отстаивал идею, что «следует ожидать нестабильности в культурно-гетерогенных обществах, разделенных “взаимоусиливающими расколами”»⁵, а позднее созданная Элмондом типология ставила в прямую зависимость демократическую стабильность от степени социальной интеграции обществ и, напротив, нестабильность от меры их раздробленности.

Нынешняя ливанская демократия, словно оспаривая самим своим существованием эти ожидания, пусть и под огнем ожесточенной критики, продолжает свое развитие. Она сохраняет свои неповторимые особенности, в том числе архаические перекосы и недостатки, но в любом случае нуждается в пристальном изучении феномена такой устойчивости.

Обыкновенная «консоциальная демократия»

Ливанское государство представляет собой уникальный для Ближнего Востока образец демократического устройства, и эта уникальность была обусловлена самим ходом исторического развития. В отличие от соседних стран, ведущей государственно-образующей силой не стали ни новая идеология, в короткое время охватившая массы населения и связавшая воедино разные социальные группы, ни подавляющая несогласных железная рука яркого исторического деятеля. Демократический опыт также не был привнесен извне, но на протяжении мандатного периода кристаллизовался в противодействии колониальным амбициям державы-мандатария.

Ливанская демократия стала продуктом многовекового исторического опыта сосуществования на ограниченной территории социальных групп с разным мировоззрением, религией, обычаями и даже внешнеполитическими ориентирами.

---

⁴ Lustick, Ian S. Stability in Deeply Divided Societies: Consociationalism versus Control // *World Politics*, Vol. 31, No. 3 (Apr., 1979). (P. 325–344). P. 327.

⁵ Lustick, Ian S. Lijphart, Lakatos, and Consociationalism // *World Politics*, Vol. 50, No. 1, 50th Anniv. Special Issue, Oct., 1997. (P. 88–117). P. 90–91.

Принято говорить, что граждан одной страны объединяет общность происхождения, но ливанцы с их разными представлениями о прошлом собственного этноса не вписываются и в эти рамки. Считается, что гражданская идентичность подпитывается некой основной культурно-религиозной почвой, но к Ливану с его 18-ю конфессиями, по которым христиане и мусульмане распределялись примерно поровну, это тем более неприменимо. Способность, а точнее вынужденность ливанцев договариваться между собой была, без преувеличения, выстрадана по мере преодоления острых кризисов межконфессиональных отношений (особенно в XIX в.) и столкновений на идеологической почве (например, в ходе гражданской войны 70–80-х гг. XX в.). Договорной принцип принятия политических решений и отражен в названии, которым с легкой руки западных политологов обозначается в том числе и ливанская демократическая модель, называемая *consociational democracy* (консоциальная, консоциативная, согласительная демократия)⁶, а по-арабски — *ад-димукратыйя ат-тавафукыйя*⁷.

Тот факт, что в русском языке нет подходящего термина, адекватно передающего смысл этой модели⁸, может свидетельствовать как раз о ее специфичности. Действительно, в мире очень немного стран, по отношению к которым политологи когда-либо применяли это понятие. В основном это государства со значительными пережитками традиционного, «неодернизированного» общественно-политического уклада: африканские Нигерия, Бурунди, Руанда, Конго, латиноамериканские Колумбия, Гайана. Тут бы и заподозрить политологов

⁶ На заре политологической разработки этого термина подчеркивались, в частности профессором из немецкого Констанца Герхардом Лембрухом, такие аспекты этой модели, как пропорциональное представительство (*Proportionaldemokratie*) и ее согласительный характер (*Konkordanzdemokratie*).

⁷ Нааман, Булос, аббат. Махаттат марунийя мин тарих Любнан. Нисбайх — Госта: Дейр Сеййидат ан-Наср, 1998. (276 с.) С. 231.

⁸ Проявляя живой интерес к этой модели, ученые нередко говорят о «культуре компромисса», а сам способ принятия решений характеризуют как «консенсусный». Так, автор новой книги о Тунисе, Василий Кузнецов замечает: «Пятая статья президентского декрета № 6 от 18 февраля 2011 г. о создании ВИ [Высшей инстанции по реализации целей революции, политической реформе и демократическому транзиту] прямо говорила о примате консенсусного решения (*тавафук*) над голосованием». См.: Кузнецов В.А. Потаенные тропы Туниса: жить и рассказывать революцию. М.: ИВ РАН, ГАУГН-Пресс, 2018. (434 с.) С. 380–381.

в высокомерном ориентализме, если бы не существенное «но». К ним относят также довольно успешные европейские страны: классическим примером консоциальной демократии считается Швейцария, но иногда так говорят и в отношении Бельгии, Нидерландов и Австрии. Некоторые добавляют к этим странам Данию и Израиль⁹ и даже британский анклав Северную Ирландию. Все эти общества характеризует относительная равновесность интересов разных социальных групп, в том числе национальных или религиозных общин¹⁰. Такая особенность просто не позволяет появляться принципиальным решениям, отражающим интересы лишь отдельных групп и обходить достижение политических компромиссов, в противном случае грозя болезненными социальными протестами и внутренним противостоянием в обществе.

Очень далекая от идеи диктата большинства¹¹, эта модель ближе, пожалуй, к тем древним компромиссным моделям принятия решений, которые мы подразумеваем, говоря, например, о средневековом новгородском вече. Среди недостатков такой

---

⁹ В интересном сборнике 1999 г., посвященном этому вопросу, в отношении консоциализма рассматривалась партийная система таких стран, как Австрия, Бельгия, Дания, Нидерланды, Швейцария, Израиль. См.: Party Elites In Divided Societies: Political Parties in Consociational Democracy / ed. by Kurt R. Luther and Kris Deschouwer. London and New York: Routledge, 1999. (Routledge Ecpr Studies in European Political Science, 7). 294 p. Вопросы, связанные с консоциальной моделью, поднимаются в отношении Швейцарии и Нидерландов в сборнике: Renegotiating the Welfare State: Flexible adjustment through corporatist concertation / ed. by Frans van Waarden, Gerhard Lehmbruch. London, New York: Routledge, 2003. 308 p. В более свежем исследовании добавляются примеры Ливана, Северной Ирландии, Боснии и Герцеговины. См.: Bogaards, Matthijs. Democracy and Social Peace in Divided Societies: Exploring Consociational Parties. Palgrave Macmillan, 2014. 174 p.

¹⁰ Так, в другой части света одним из наиболее показательных примеров является Кооперативная республика Гайана, где говорящее на разных языках население (ок. 760 тыс. чел.) составляют этнические индейцы, африканцы, индейцы, португальцы, китайцы, арабы, а в религиозном отношении это индуисты (ок. 28%), христиане-пятидесятники, католики, англикане, адвентисты, методисты и другие христиане, мусульмане (более 7%) и прочие.

¹¹ Один из ревностных защитников либеральной демократии, Деннис Мюллер, пишет, что «стимулы мажоритарной демократии работают против согласия насчет общих целей», и приводит в качестве примера успешной модели швейцарскую, напоминая о печальном опыте модели США: «обе стороны Гражданской войны в Америке имели демократически избранные правительства». См.: Мюллер, Деннис. Разум, религия, демократия / пер. с англ. А.А. Столярова. М.: Мысль, 2015. (560 с.) С. 242.

модели следует ожидать, конечно, слабую правовую регламентированность и сильную зависимость от групповых, клановых и даже личных прямых воздействий и косвенных влияний, деформирующих принятые демократические процедуры.

На это указывает, в частности, упоминавшийся выше Иэн Ластик, интерпретировавший идеи консоциальной демократии: «Лейпхарт утверждал, что была необходимость во введении новой категории в типологию демократий Элмонда — гетерогенное общество при стабильной демократии. Его логика, захваченная идеей “консоциационализма”, оказалась правдоподобной в отношении стабильного функционирования демократии в таких “культурно раздробленных” или “разделенных” обществах, как Бельгия, Нидерланды, Швейцария и Австрия»¹².

Что же составляло ядро «логики, захваченной идеей консоциационализма»? Очевидно, таким ядром должен был стать сам способ принятия решений, который отличался от распространенного в других демократических моделях. И действительно, Лейпхарт указывал на два типичных метода принятия консоциональных решений (в дополнение к основным характеристикам этой модели): «Первый заключается в том, чтобы делегировать власть реализации решений каждому социальному сегменту вместо того, чтобы выносить решение на собрании или в ходе консультационного процесса всех социальных сегментов. Второй имеет особенное значение для вопросов, не предполагающих однозначных решений (yes-or-no decisions), но касающихся распределения государственных средств на значимые блага. Консоциональный метод заключается в применении пропорциональности к такого рода вопросам — в отличие от принципа, когда победитель получает все (winner-take-all tendency), в рамках соревновательного типа принятия решений»¹³.

Правда, в таком случае следует ожидать гораздо более дробное политическое поле, более сложную систему распределения доступа к экономическим рычагам и ресурсам, поскольку «пропорциональность власти» предполагает наличие механизма тонкой настройки противоречивых тенденций: взаимного

---

¹² Lustick, Ian S. Lijphart, Lakatos, and Consociationalism. P. 91.

¹³ Lijphart, Arend. Consociational Theory: Problems and Prospects. A Reply // *Comparative Politics*, Vol. 13, No. 3 (Apr., 1981). P. 355-360). P. 359.

ограничения властных и материальных претензий представителей общин наряду с самоограничением ради достижения компромисса. Кстати, большая порция критики теории Лейпхарта связана как раз с таким ее элементом, как представители социальных групп на политическом поле страны, которые вместе образуют достаточно замкнутую элитарную систему, сосредоточившую в своих руках государственную власть. Выступая от имени общин с самыми разными запросами и сталкивающимися интересами, высший политический слой обладает гораздо большей взаимной зависимостью, чем зависимостью от своих избирателей, что ведет к снижению их ответственности перед ними. Это не может не выхолащивать собственно демократический характер системы.

Так, Бренда Сивер, исследовательница из Калифорнийского университета, следующим образом суммирует критику с этой стороны: «Упор консоциальной теории на превозношении элит и кулуарности принятия элитами решений, похоже, противоречит нормативной демократической теории. Некоторые критики даже отзывались о консоциальной демократии как о “консоциальной олигархии” или “сговоре элит” (например, С. Хантингтон в его статье 1981 г. “Реформа и стабильность в модернизирующемся полиэтничном обществе”). Многим из этих критиков не нравится отсутствие оппозиции в консоциальных демократиях»¹⁴. В оправдание консоциализма она пишет, что основным аргументом автора этой теории была ее близость к классической модели «полиархии», а также тот факт, что меньшинствам по такой модели гарантируется представительство, в то время как мажоритарное устройство лишает их политического голоса¹⁵.

В классической модели Лейпхарта для успеха консоциальной демократии предполагалось выполнение четырех условий: «(1) чтобы элиты могли согласовывать между собой различные интересы и требования субкультур; (2) чтобы они обладали способностью преодолевать раздоры и объединять свои усилия вместе с элитами конкурирующих субкультур;

---

¹⁴ Seaver, Brenda M. The Regional Sources of Power-Sharing Failure: The Case of Lebanon. — *Political Science Quarterly*, Vol. 115, No. 2 (Summer, 2000). (P. 247–271). P. 253.

¹⁵ Ibid.

(3) это, в свою очередь, зависит от их приверженности поддержанию самой системы и усилению ее цельности и стабильности; (4) наконец, все вышеперечисленные требования основаны на предположении, что элиты осознают угрозу политической фрагментации. <...> [Эти условия] связаны с уровнем меж-субкультурных (inter-subcultural) отношений на уровне элит, таких же (inter-subcultural) отношений на массовом уровне и отношений между элитой и массами в каждой из субкультур»¹⁶.

Впрочем, многие западные политологи (Эрнест Гриффит, Герхард Лембрух, Майкл Хадсон) отмечали, что консоциальная модель успешно работает только в сравнительно небольших государствах, даже при соблюдении прочих условий. По их словам, это выводится теоретически и было доказано на практике, в том числе на ливанском примере.

Современная ливанская демократическая система поразительно точно подтверждает подмеченную еще полвека назад закономерность: «Сохранение внутреннего равновесия предполагает снижение внешних требований к политической системе»¹⁷. Иными словами, яркое своеобразие политического устройства не должно быть предлогом для подозрений в недемократичности и поводом для внешнего вмешательства с целью коррекции по некоему образцу, если только власть не вынуждена удерживаться исключительно при помощи насилия по отношению к целым социальным группам своего населения. Только «демократический плюрализм», очевидно, и может быть предварительным условием сохранения межконфессионального и вообще социального равновесия во многосоставном обществе. И наоборот, вмешательство — будь то грубое политическое (поддержка и даже создание оппозиции извне),

---

¹⁶ Lijphart, Arend. *Consociational Democracy // World Politics*, Vol. 21, No. 2 (Jan., 1969). (P. 207–225). P. 216.

¹⁷ Ibid.; Lehbruch G. *A Non-Competitive Pattern of Conflict Management in Liberal Democracies: The Case of Switzerland, Austria and Lebanon // Consociational Democracy: Political Accommodation in Segmented Societies / ed. by Kenneth MacRae. Toronto: McClelland and Stewart, 1974. (P. 90–97). P. 9.* О консоциальной демократии (Konkordanzdemokratie), в том числе в применении к Ливану, идет речь во многих материалах сборника статей разных лет этого автора: Lehbruch, Gerhard. *Verhandlungsdemokratie: Beiträge zur vergleichenden Regierungslehre*. Wiesbaden: Westdeutscher Verlag, 2003. 217 p.

экономическое (пресловутые санкции), военное (вооружение и финансирование боевых организаций и прямая интервенция) — неизбежно нарушает баланс и ведет не к коррекции демократии, а к социальному хаосу.

Что касается хрупкого баланса ливанских политических сил, талантливый ливанский ученый Антуан Месарра писал: «Каждый историк и знаток политического устройства ливанского общества знает суть ливанского баланса (*équilibre*). Этот баланс, оставаясь тормозящим фактором, имеет весомое демократическое звучание в консоциальной теории, что не исключает необходимость и естественность противодействия (*résistance*), ибо баланс обязательно предполагает применение силы»¹⁸.

Развивая свою мысль, в другом месте А. Месарра пишет: «В случае Ливана крупные правительственные коалиции принимают в расчет необходимость сразу четырех традиционных политических балансов: институционального (между тремя ключевыми постами [президентским, главы правительства и спикера парламента]), персонального (между соперничающими лидерами), регионального и общинного, однако не учитывают баланс социо-экономический»¹⁹.

Конечно, ни сама ливанская модель, ни, тем более, ее практическое воплощение далеко не свободны от недостатков, которые, как и ее достоинства, ярко проявились в последние несколько лет. Те же полвека назад, еще задолго до обострения в Ливане палестинского вопроса, появления в стране филиалов региональных экстремистских организаций и измотавшего все без исключения ресурсы страны внутригражданского противостояния, ливанская консоциальная модель характеризовалась следующим образом: «Ее кажущаяся стабильность <...> обманчиво опасна: социальная мобилизация, по-видимому, перегружает каналы ливанской политической системы»²⁰.

Несмотря на воодушевление ключевых теоретиков консоциализма, ситуация в Ливане даже в относительно

---

¹⁸ Messarra, Antoine Nasri. Le modèle politique libanais et sa survie: Essai sur la classification et l'aménagement d'un système consociatif. Beyrouth: Université Libanaise, 1983. (XIV+535+12 p.) P. VIII.

¹⁹ Ibid. P. 399.

²⁰ Hudson, Michael C. A Case of Political Underdevelopment // *Journal of Politics*, XXIX (November 1967). P. 836.

спокойные годы, по крайней мере, до разразившейся в 1975 г. гражданской войны, давала основание критикам констатировать: «Вопреки хвалебным оценкам “классической консociональной демократии” в Ливане, она не смогла предоставить устойчивых демократических решений для многосоставного общества (plural society). Это идет вразрез с большинством теорий, предполагающих наилучшим политическим инструментом для таких обществ (plural societies) использование консociональной демократии»²¹. Последовавшая цепь внутренних конфликтов, ужасающих акций возмездия (да просто взаимной мести), усугубленных внешней агрессией и израильской оккупацией, бросили серьезный вызов ливанскому государству, закрепив в международном лексиконе трагический термин «ливанизация».

И все же, едва ли можно согласиться с приведенной категоричной оценкой. Во многом первостепенным обстоятельством дестабилизации ливанской ситуации стали периодические воздействия на страну извне (от внешнеполитических вмешательств и присутствия на ее территории иностранных военных — американских и французских командос — до прямых неоднократных вторжений израильтян и настоящей оккупации целых районов). Другим фактором, мешавшим развитию механизмов нахождения внутреннего политического консенсуса, стала усугубившаяся после 1970 г. проблема присутствия палестинских боевых организаций в ливанских лагерях беженцев. К тому же к 1975 г. ливанская демократия была еще довольно молода, и за три десятилетия независимости консенсусный характер ее государственных институтов мог просто не успеть вызреть в тех сложных внешнеполитических условиях.

В скором времени кризис — уже непосредственно в компромиссном характере принятия властных решений — в период гражданской войны привел к неизбежным столкновениям, которые обострялись по мере неготовности сторон идти на уступки и находить приемлемые для всех ливанцев решения. Этот кризис естественным образом повлек за собой сомнения в действенности той демократичности модели, которая

---

²¹ Yiftachel, Oren. The State, Ethnic Relations and Democratic Stability: Lebanon, Cyprus and Israel // *GeoJournal*, Nov. 1992, Vol. 28, No. 3: The Middle East and the Emerging New World Order. (P. 319–332). P. 324.

приживалась в ливанском государстве и даже демонстрировала свою эффективность в проведении внешнеполитической линии невовлеченности. Все новые жестокие столкновения ополчений разных ливанских общин и кланов вызывали чувство абсолютного пессимизма в отношении будущего консоциальной демократии.

Тогда, в разгар очередной фазы ливанских событий американский ученый сирийского происхождения Ричард Хрэйр Декмеджян высказывал серьезные сомнения в будущности ливанского консоциализма, хотя и признавал, что западноевропейские образцы этой модели демонстрируют полную совместимость «модерности и общинного плюрализма» (*modernity and communal pluralism*), даже если принять их вступление в «новую фазу постмодерности»²². Небольшие западноевропейские консоциальные системы, по его мнению, «при условии перерастания ближневосточными государствами и их модернизирующимися элитами “начально-идеологической” фазы их растущего национализма, являлись образцом для подражания и моделью, наилучшим образом вписывающейся в их пестрые социальные “мозаики” (*segmented “mosaics”*)»²³.

Декмеджян писал о противоречивости двух явлений: с одной стороны, имели место обвинения ливанской политической системы в ее архаичности и потому непригодности для модернизирующейся среды Ближнего Востока. Но с другой стороны, перед глазами был пример пути западноевропейских демократий, в котором важны два аспекта: вступление их «в постиндустриальную эпоху конца идеологии – после напряженного монолитного национализма», и появление после собственно националистической борьбы уже новых, «этнорелигиозных национализмов» (как в свое время в Британии и Франции), что привело к «децентрализации и сегментированному плюрализму»²⁴. Похоже, что такой путь ученый считал перспективным для Ливана, а его скрытая критика была сосредоточена как на панарабском национализме, так и на палестинской

---

²² Dekmejian, Richard Hrair. *Consociational Democracy in Crisis: The Case of Lebanon // Comparative Politics*, Vol. 10, No. 2, Jan. 1978. (P. 251–265). P. 264.

²³ Ibid.

²⁴ Ibid. P. 263.

проблеме, дестабилизировавших, по его мнению, ливанское политическое поле.

Интересные идеи с учетом распространенной в начале 70-х годов депривационной теории²⁵ выдвигал в работе 1976 г. политолог из Университета Мэрилэнда Энвер Кури. Он предлагал, в частности, ввести в Ливане новый совещательный орган — Президентский совет, который бы аккумулировал в себе консоциативные функции особой ливанской системы принятия политических решений. Кури писал: «Предложенная система могла бы изменить форму управления в Ливане с центробежно-консоциальной на центростремительно-консоциальную. <...> Президентский совет мог бы обладать большей стабильностью, нежели нынешнее конфессиональное правительство — уже в силу меньшей зависимости от изменчивой парламентской политики»²⁶. Едва ли, правда, такая концентрация власти была бы шагом к демократии. Но в условиях кровопролитной первой фазы гражданской войны в Ливане, предложение специальной совещательной площадки под эгидой нейтральной фигуры президента могло заслуживать всяческого внимания.

Возвращаясь к важнейшему пункту критики консоциализма — олигархичности этой системы, следовало бы признать его самым сложным для анализа. Тем более, что нынешние внутриливанские процессы могут приводить к выводам, увы, в пользу такой оценки. Все большее отдаление правящих кругов и властных представителей общин от реальных нужд населения наряду с углубляющимся социальным расслоением не позволяют обойти вниманием этот важный вопрос.

Еще до череды трагических внутренних столкновений в условиях внешней агрессии, которые вошли в историю как ливанская гражданская война, олигархичность государственной системы страны была явной для многих. При этом политический конфессионализм признавался феноменом, выгодным

---

²⁵ См. подробнее: Сарабьев А.В. Межконфессиональные отношения в свете вариантов депривационной теории // *Религия и общество на Востоке*. 2019, Вып. III. С. 85–136.

²⁶ Koury, Enver M. *The Crisis in the Lebanese System: Confessionalism and Chaos*. Washington: American Enterprise Institute for Public Policy Research, 1976. (92 p.) P. 69.

и используемым политиками в их борьбе за власть. «Элиты в Ливане, — писал Э. Кури, — очевидно, разделяют по крайней мере одну общую для них основополагающую ценность — сохранение системы, в которой они и являются элитами»²⁷.

Подобную же мысль высказывал чуть ранее и советский исследователь Е.Н. Мельников, утверждая заинтересованность ливанских «элит» в сохранении конфессиональной системы. Он видел заложенный в ее основе серьезный изъян: «Конфессионализм ведет к тому, что большинство важных и принципиальных вопросов решают не высшие государственные органы, а отдельные, как их называют в Ливане, «персоны», под которыми понимаются, прежде всего, религиозные деятели типа [маронитского] патриарха Меуши²⁸, выходцы из крупных помещичьих семейств... Именно эти «персоны» формируют за кулисами правительство, избирают парламент и президента. Наибольшим влиянием на конфессиональную политику обладают старинные аристократические роды Ливана»²⁹. К приведенной оценке можно добавить, что спустя 55 лет ситуация не поменялась в корне, и путь в высшую власть в Ливане открыт, в первую очередь, для потомков родовитых семей или родственников ведущих политиков недавнего прошлого.

Настоящим бичом любой демократии, подрывающим сами основы этого принципа в идеальном его понимании, стал автоматический переход «народных избранников» во властную страту (управленцев и законодателей), живущую по своей внутренней логике, не совпадающей с логикой жизни остального населения. Наряду с этим, в странах со сложной социальной структурой, таких как Ливан, благосостояние «элит» определяются теми кланово-конфессиональными группами, которые являются ядром их электоральной базы и основой их политической поддержки. «Элиты», тем самым, как бы обречены на взаимное противостояние, а значит и вовлечение в это противостояние своей клиентеллы. В таких условиях явление «договаривающихся политиков» может казаться

---

²⁷ Ibid. P. 14.

²⁸ Булос II Бутрос аль-Меуши, Маронитский патриарх в 1955–1975 гг. и католический кардинал.

²⁹ Мельников Е.Н. Политический и государственный строй Ливана / отв. ред. И.М. Смилянская; ИВ АН СССР. М.: Наука, 1974. С. 74.

парадоксальным, правда, только если исходить из взгляда на них исключительно как на представителей разных социальных групп, в том числе конфессиональных общин, национальных сообществ (а не одного класса). Их интересы должны бы неизбежно сталкиваться постоянно, кроме, пожалуй, кратких периодов тактических альянсов.

Существенную поправку к такой схеме, возвращающую ее от умозрения к реальности, Лейпхарт предлагал черпать в сформулированной некогда (в том числе для американского общества) гипотезе «перекрывающегося членства» (*overlapping memberships*; Артур Фишер Бентли и Дэвид Бикнелл Трумэн), а также близкой к ней концепции «перекрестных давлений» (*crosscutting cleavages*; Сеймур Мартин Липсет) на представителей разных групп во власти. В соответствии с этими идеями, стимулом к компромиссам в среде политических элит может быть их вовлеченность не в определенные соответствующие группы, а в разные — так называемое гетерогенное, перекрывающееся членство. В результате этого явления лидеры разных социальных групп и их политические представители должны стремиться выработать более взаимоприемлемые позиции и искать решения, в большей степени устраивающие всех. В зависимости от степени стремления к политической стабильности, далеко превосходящей уровень неоднородности общества, политики и яркие представители «конкурирующих субкультур», по выражению Лейпхарта, могут придерживаться чисто «конкурентного поведения и тем самым еще более усугублять взаимную напряженность и политическую нестабильность, но они также могут предпринимать целенаправленные усилия по противодействию скользящим и дестабилизирующим последствиям культурной фрагментации»³⁰. Усилия и первого, и второго родов можно наблюдать у ливанских общинных лидеров и политиков на протяжении десятилетий существования независимого государства.

Вполне логичной выглядит отчетливо выраженная коалиционная форма правления, продержавшаяся в Ливане почти десятилетие, начиная с 2005 г. Сменявшиеся правительства, сформированные то преимущественно из сторонников альянса

---

³⁰ Lijphart A. *Consociational Democracy*. P. 208, 212.

14 марта, то противостоявшего ему 8 марта, ясно обнаружили «перекрывающееся членство»: оба альянса включали в себя самые разные политические силы, причем нередко относящие себя к одной и той же конфессиональной общине. К примеру, маронитские партии входили как в блок, где доминировало просуннитское движение Мустакбаль, так и в блок с шиитским лидерством Хизбаллы. Также и политики-армяне входили в обе широкие коалиции, представляя соответствующие партии.

К слову, немецкие ученые связывают преобладание коалиционного типа правления с переходным периодом общества, когда во главе повестки дня стоят многоплановые реформы. При этом правительства коалиционного типа обнаруживают большую эффективность, в том числе в сфере экономики, даже если их состав относительно часто меняется, как это и было в Ливане. «Коалиционные правительства, — пишет один из авторов коллективной монографии о системной трансформации как проблеме управления, — осуществляли в среднем значительно более комплексные реформы в переходных обществах, чем правительства, которые не зависели ни от какого партнера по коалиции. <...> Демократические смены правительств (demokratische Regierungswechsel) нередко способствовали тому, что процесс реформ не прерывался и не замедлялся»³¹.

Ливанское общество после вывода из страны сирийского контингента и в условиях происходящих в соседних странах серьезных социально-политических перемен (и, конечно, с учетом американской оккупации Ирака), стояло на пороге как внутренних изменений, так и новых внешних угроз в региональном масштабе. Так что подмеченная политологическая закономерность, выведенная на европейском материале, вполне приложима к ливанскому политическому полю. Правда, назревшие и остро необходимые реформы едва ли стали визитной карточкой ливанской политики того периода, а с началом следующего десятилетия страна и вовсе испытала серьезный кризис

---

³¹ Beyer, Jürgen. Vom Sozialismus zu Demokratie und Marktwirtschaft — Systemtransformation als Governance-Problem (Kapitel 2) // Governance in der politischen Ökonomie: Struktur und Wandel des modernen Kapitalismus. Band 6. Herausgegeben von Arthur Benz, Susanne Lütz, Uwe Schimank, Georg Simonis. Wiesbaden: Verlag für Sozialwissenschaften, 2006. (284 p.) P. 124.

основных ветвей власти. Причиной тому может служить крайне низкая ротация политиков и закрытость этого «клуба» для свежих сил: на протяжении десятилетий можно видеть среди ливанских высших управленцев и законодателей одни и те же имена, только в разных комбинациях фракций и составах правительств. Это печальное наблюдение, впрочем, не отменяет консоциализма как принципа принятия решений в ливанской политике, но приближает его к разрушительным для общественных интересов политическому торгу и кумовству.

В недавней истории Ливана консоциальное начало наблюдалось не только в межобщинных отношениях и политическом бомонде, говорящем и действующем во власти от их имени. Хорошо известно, что разные кланы стояли во главе разных политических сил даже внутри отдельных конфессиональных общин (например, несколько известных маронитских партий, нередко сталкивавшихся между собой, две основные шиитские организации, две — друзские и т. д.), которые были вынуждены после периодов противостояний искать пути политических компромиссов³². Насколько исторически глубоко укоренена дробность ливанского общества, настолько прослеживается и договорной, согласительный характер отношений между социальными элементами. Исследователи настаивают на существовании в Ливане консоциального принципа даже в самом партийном строительстве.

Бурная история этой страны богата интереснейшими политологическими феноменами и являет множество примеров разных типов политических компромиссов в зависимости от расстановки внутренних сил и региональных контекстов. Но сохраняется ли столь глубоко укорененный консоциализм в современном Ливане? Подобным вопросом задается и пытается ответить на него профессор из Бремена Маттейс Богаардс: «Ушли ли консоциальные партии в прошлое? Корни большинства консоциальных партий лежат в политических процессах еще до периода независимости. Эти партии сыграли

---

³² Для оценки расстановки сил на ливанской политической арене (с учетом их конфессиональной принадлежности) ученые активно применяют индексы влияния Шепли-Шубика (1954) и Банцафа-Коулмана (1965, 1971). См., например: Diss, Mostapha; Zouache, Abdallah. Une étude de la répartition du pouvoir confessionnel au Liban // *Revue d'économie politique*, Vol. 125, No. 4 (juillet-août 2015). P. 527–546.

важную роль в нации-строительстве новых независимых государств. Консоциональные партии возникли в том, что Хантингтон (1991) называет первой и второй волнами демократизации. В третью волну демократизации не наблюдалось подъема такого явления, как консоциональная партия, а новые консоциональные демократии в Боснии и Герцеговине, Ливане и Северной Ирландии носят классический, межпартийный характер»³³.

Проблематика ливанских социальных отношений, так сказать, глобализуется: особое восточное своеобразие консоционализма в политической культуре Ливана уходит, приближая этот ближневосточный вариант к подобным европейским политическим феноменам. Ливанская демократия при всех своих особенностях остается по-прежнему консоциональной. В нынешних тяжелых условиях развития региональной ситуации политическая арена этой страны продолжает отражать текущие проблемы Ближнего Востока в целом. Тем самым, ливанская политическая структура испытывает сильнейшее влияние извне, будучи тесно связанной не только с делами внутри страны.

Да и проблемы самого ливанского общества продолжают обуславливаться внешними факторами. Можно спорить, какой из них оказывается первостепенным в негативном влиянии на ливанскую демократию. Например, на рубеже веков многие считали таковым палестинскую проблему³⁴, которая и до сих пор еще, пожалуй, препятствует нормальному функционированию свойственной Ливану системы разделения власти и компромиссного принципа принятия решений. Так, Бренда Сивер писала в 2000 г.: «Могло бы применение системы власти большинства (majoritarian (winner-take-all) system) в Ливане оказаться более прочным перед лицом региональных проблем, таких как палестинский кризис? Простой ответ на этот сложный вопрос, вероятно, — нет. Причем, если бы даже поддержание консенсуса среди элит уже не вызывало трудностей, возникает еще более серьезная проблема: мусульмане, по всей вероятности, будут все больше доминировать над ливанской

---

³³ Bogaards M. Democracy and Social Peace... P. 135.

³⁴ Kadi, Ghassan. The Lebanese style of democracy of no winners or losers // *The Saker Blog*, May 27, 2018. URL: <http://thesaker.is/the-lebanese-style-of-democracy-of-no-winners-or-losers/> (accessed 14.11.2018).

политикой из-за своего статуса большинства, что может угрожать безопасности христиан <...> Система власти большинства (majoritarian system), даже та, которая обеспечивала бы основные права меньшинств и отдельных лиц, только усугубила бы следствия их статуса меньшинств, что повышало бы вероятность гражданского насилия в Ливане. <...> Система власти большинства была бы менее эффективной, чем система распределения власти (power-sharing arrangements) в такой дробной стране, как Ливан, и еще более осложнила бы и без того опасную ситуацию»³⁵.

В настоящее время набор негативных внешних факторов, влияющих на ливанскую систему распределения власти, куда шире. Причина этого — в сложнейшей расстановке сил на Ближнем Востоке, включающей элементы глобального противостояния. В сложившейся системе координат разные ливанские общины, единые в стремлении жить в одном государстве, вынуждены выстраивать свою собственную «политическую навигацию», чтобы не потерять наработанные с годами очки в острой конкурентной борьбе. Возможно, что долговременный кризис верховной власти в стране был связан в значительной степени именно с внешними трудностями, начало выходу из которого положило избрание президента оснью 2016 г., а завершение — долгожданные выборы в Совет депутатов в мае 2018 г.

«Закон о выборах — вот решение?»

Кризисные явления наблюдались более пяти лет в большинстве ветвей и постов государственной власти: законодательной, исполнительной, верховной президентской, высших руководителей силовых структур (главнокомандующего армией, начальников Служб общей и внутренней безопасности). Они сводились к временному тупику в обсуждении новой системы политического представительства (кланово-конфессионального) в изменившихся условиях. Внешним проявлением этой проблемы стали горячие дискуссии по вопросу реформы

---

³⁵ Seaver B.M. The Regional Sources of Power-Sharing Failure... P. 271.

избирательного законодательства, которое надлежало изменить еще в течение четырехлетнего периода работы Совета депутатов, избранного в 2009 г. Тот состав избирался на основе системы партийных списков, по блокам.

Множество предложений по изменению этого принципа и горячие баталии при их обсуждении долго не приносили результатов. Это стало причиной невозможности проведения парламентских выборов в срок и привело к вынужденному двукратному продлению полномочий депутатов, причем так было решено самими депутатами по результатам голосования. А вот относительно исполнительной власти в вопросе соотношения партийного (а значит и конфессионального) представительства консенсуса долго не удавалось достичь: правительство не раз продляло свои сверхсрочные полномочия после окончания президентского срока Мишеля Слеймана в мае 2014 г., и министры действовали как исполняющие обязанности. Функции президента временно возложил на себя глава правительства Тамам Салам — в ожидании избрания парламентом нового президента (два года и пять месяцев). Неготовность к компромиссу основных политических сил вызвало постоянное бойкотирование их фракциями заседаний парламента по выборам президента (было 45 попыток голосования, сорванных из-за отсутствия кворума).

Этот курьезный феномен заикливания кризиса высшей государственной власти был остановлен, в конечном итоге, благодаря договоренностям, а по сути — сделке. Она представляла собой соглашение между основными и наиболее амбициозными политическими силами, которые выкристаллизовали свои требования и смогли привести их к общему знаменателю. В результате напряженной конкурентной борьбы и нескольких оригинальных политических маневров, приемлемая для большинства формула была выработана, и в конце октября 2016 г. парламент проголосовал за избрание президентом Мишеля Ауна, который тут же поручил (очевидно, по условиям соглашения) пост премьер-министра Сааду Харири. Президентским указом весной 2017 г. была предотвращена попытка парламентариев уже в третий раз продлить свои полномочия, что подтолкнуло их все-таки принять новый избирательный закон 17 июня того же года. В его основу лег законопроект, предложенный еще

в 2011 г. Марваном Шарбелем, министром внутренних дел в тогдашнем правительстве Наджиба Микати³⁶.

Закон исходил из пропорционального избирательного принципа и предусматривал четкое распределение квот депутатов по укрупненным избирательным округам, числом 15 вместо 26. Квоты предписывали не только количество депутатов, но и предусмотренный вероисповедный состав по округам в зависимости от преобладающих на местах религиозных общин. Например, для самого северного округа Аккар (283790 избирателей) было зарезервировано 7 мест в Совете депутатов: 3 суннита, 2 православных, 1 маронит и 1 алавит. Для самого южного округа, включавшего казы (уезды) Набатийя, Хасбайя, Марджайюн и Бинт Жбейль (всего 460565 избирателей) — 11 депутатских мандатов, из которых 8 были закреплены за шиитами и по одному — за друзами, суннитами и православными³⁷.

Исследователи подчеркивают, что квотирование не коснулось гендерного аспекта (а еще в 2006 г. звучали предложения закрепить за депутатами-женщинами до 30% мест)³⁸. На выборах в 2009 г. в депутатский корпус вошли лишь 4 женщины в 128-местном парламенте, а по результатам выборов в 2018 г. их стало 6. Правда, на этот раз число зарегистрированных кандидатов-женщин было уже не 12, как в 2009-м, а 83 человека. Так что процесс, хотя и медленно, все же набирает силу, и форсировать его искусственно, видимо, не имело смысла.

Попутно заметим, что именно гендерный аспект политического участия занимает значительный сегмент либеральной

---

³⁶ Lebanon's draft new election law explained // *An-Nahar*, 3.06.2017. URL: <https://en.annahar.com/article/594740-lebanons-new-election-law-explained> (accessed 12.11.2018). Примечательно, что политическая активность названного экс-премьера и миллиардера стала вновь очень заметна после парламентских выборов, которая проявилась, в частности, в его заинтересованности в конце 2018 г. в контактах с нашей страной. См.: Встреча с членом Палаты депутатов Ливанской Республики, бывшим Председателем Совета министров Ливана Наджибом Микати, Москва, 4 декабря 2018 г. // Интернет-сайт МИД РФ. URL: http://www.mid.ru/web/guest/foreign_policy/international_safety/conflicts/-/asset_publisher/xlEMTQ3OvzCA/content/id/3427770

³⁷ Интихабат 2018 (Выборы 2018) // *Аль-Ахбар*, № 3459, 5.05.2018 (на араб. яз.). Р. 4.

³⁸ Lebanon's 2017 Parliamentary Election Law // International Foundation for Electoral Systems, Briefing Paper, October 2017. (57 p.) URL: <https://www.ifes.org/publications/lebanons-2017-parliamentary-election-law>. Р. 9.

критики. Так, в адрес традиционного ливанского общества звучат следующие замечания: «Хотя Ливан часто рассматривается как прогрессивная и образованная страна, многие ливанцы сохраняют в значительной степени традиционные ценности в том, что касается семьи и пола. Личный статус в Ливане регулируется не национальным гражданским кодексом, но отдельно взятыми религиозными кодексами, присущими каждой из восемнадцати признанных конфессий страны»³⁹.

Важным аспектом ливанских выборов стало внимание к ливанцам, постоянно проживающим за рубежом. Статья 112 закона предусматривала для них квоту в шесть депутатских мест — как и вообще в парламенте, поровну от мусульман и христиан (в данном случае, по одному от шиитов, суннитов, друзов, маронитов, других католиков и от православных)⁴⁰.

Проведение долгожданных парламентских выборов в мае 2018 г. вовсе не избавило политический бомонд от кризисных явлений: в очередной раз споры разгорелись вокруг состава правительства и разрешились, наконец, утверждением нового состава Кабинета в конце января 2019 г.

Изменение избирательного законодательства, в конечном итоге, пошло по пути, предложенному теми, кто стремился к закреплению традиции распределять в Ливане политические посты и квотировать депутатские места в соответствии с религиозной принадлежностью и районом проживания. Такое направление реформ, правда, может больше напоминать так называемый консервативный откат. Но если вернуться к теории демократии, обращает на себя внимание момент, на который указывают внимательные политологи и который может объяснить приверженность конфессиональному политическому участию. Так, специалист по религиозной этике из Дьюкского университета в Северной Каролине, Люк Брезертон, усматривает в самом приближении к демократии один политологический парадокс, связанный с групповым участием: «Демократическое гражданство рассматривается как выражение индивидуальной самостоятельности, тогда как

---

³⁹ Christophersen, Mona. Implementation of the 2030 Agenda in Lebanon / Pursuing Sustainable Development under Sectarianism in Lebanon (International Peace Institute), Apr. 1, 2018. (P. 6–24). P. 23.

⁴⁰ Ibid. P. 21.

ее осуществление и защита в значительной степени зависят от участия в группе. Не встраиваясь в сообщество какой-либо формы, отдельный гражданин оказывается обнаженным перед властью, рынком и государством, и ему не хватает каких-то или даже определенных жизненно важных средств для собственного саморазвития»⁴¹. Принадлежность к конфессиональным группам, обладающим политическими амбициями, предоставляет гражданам естественный канал формулирования и высказывания общественно-политических позиций, дающих основание причастности к демократическому процессу. Тот же автор замечает, что, в свою очередь, «демократическое и переговорное (consociational) пространство является необходимым условием для сдерживания в узде мессианских типов политических программ (будь то церковная или любая другая «партия») и отчаянных сомнений в пользу политического порядка»⁴².

В нынешних условиях открытое цементирование столь критикуемого ливанского политического конфессионализма⁴³ на руку многим силам в стране. В наибольшей степени от этого выигрывают общины, значительно сократившиеся в количественном отношении, в первую очередь, христиане. Но и политики, представляющие интересы других конфессий, также не стремятся ломать устоявшуюся систему — весьма уязвимую для критики, но все же действенную. Возможно, это связано

---

⁴¹ Bretherton, Luke. Power to the People: Orthodoxy, Consociational Democracy, and the Move beyond Phyletism // Christianity, Democracy, and the Shadow of Constantine. Ed. by G.E. Demacopoulos, A. Papanikolaou. New York: Fordham University Press, 2017. (P. 61–77). P. 63.

⁴² Ibid. P. 70.

⁴³ Это понятие прочно вошло в аппарат политологии, хотя в отношении европейской истории, особенно периода Реформации и религиозных войн понятие «конфессионализм» применялось в ином аспекте и приближалось к акцентированию особенностей своего религиозного исповедания и отстаиванию политических и социальных прав для собственной конфессии. В любом случае, совсем неожиданным выглядит определение конфессионализма как «убеждения приверженцев одного из христианских исповеданий в том, что только их конфессия является истинным выражением и продолжением изначальной христианской церковной традиции» (Кырлежев А. И. Конфессионализм // Новая философская энциклопедия: В 4 т. / Под ред. В. С. Стёпина. М.: Мысль, 2001), причем в качестве противовеса и даже антипода конфессионализму рассматривается экуменизм. Такая трактовка и сама по себе, и, особенно, в приложении к Ближнему Востоку — не более чем недоразумение.

с нежеланием нынешней «элиты» впускать в свой круг новых людей и новые силы, которые могли бы поколебать наработанные рычаги политико-экономического влияния и бизнес-интересы. А возможно, что пресловутая мусульмано-христианская политическая конкуренция есть лишь конвенциональная схема, имеющая к реальности очень мало отношения именно в силу упомянутого выше «перекрывающегося членства» (*overlapping memberships*) властных групп.

В любом случае, феномен ливанской демократии «договорного» типа, доказавшей свою парадоксальную устойчивость даже в годы сильнейшей турбулентности на Ближнем Востоке, заслуживает пристального внимания. Все чаще звучат мнения, что сравнительное исследование моделей распределения власти «доказало практическое значение в том, чтобы определять, какие из политических форм смягчают межконфессиональные конфликты, укрепляя в то же время демократию»⁴⁴. Хрупкой (широко употребляемое в западной политологии определение — *fragile*) может оказаться лишь жесткая структура, тогда как своеобразные гибкие системы в Западной Азии обнаруживают механизмы внутренней регуляции, порой обескураживающие стороннего наблюдателя и вызывающие шквал критики знатоков демократии. Ливанская конфессиональная система властного представительства является результатом развития самого этого общества, и самые ее зачатки можно проследить задолго до периода независимости и даже до формирования границ государства (еще в османский период). Пока эта система работает, и признаков ее скорого коренного эволюционного изменения (или революционного слома) не наблюдается. Если только нынешние трансформации региона действительно носят глубинный характер, а не являются очередным перераспределением сфер влияния, политологи, надо надеяться, будут иметь возможность проследить зарождение признаков кардинальных процессов в стране, являвшейся когда-то для Ближнего Востока показательной.

---

⁴⁴ Fakhoury, Tamirace. Debating Lebanon's power-sharing model: an opportunity or an impasse for democratization studies in the Middle East? // *Arab Studies Journal*, Vol. XXII, No. 1, Spring 2014. Special Issue: Cultures of Resistance. (P. 230–255). P. 247.

Демократичность негосударственных акторов

Еще одной особенностью обществ такого типа, как ливанское, можно считать фактическую включенность во властные структуры негосударственных акторов, очень влиятельных в определенных социальных группах. Ополчения, решающие с большей эффективностью, нежели армия, сложные задачи безопасности создавались в недавнее время и в соседней Сирии (Силы национальной обороны), и, конечно, в Ираке (Силы мобилизации племен и др.)⁴⁵. Основная задача этих негосударственных иррегулярных формирований носит чисто боевой характер, тогда как в Ливане безопасность южных рубежей страны тесно связана с социальной поддержкой местного населения и его политического представительства. В этом качестве предстает, наверное, наиболее известный на сегодня пример такого рода — Хизбалла. Это политическая партия, развитая сеть социальной поддержки⁴⁶ и эффективная боевая организация одновременно.

В разные годы громко звучали названия и других военизированных структур партийного типа (или, как их иногда называли, ополчений-милиций, *милишийят*), являвшихся, по сути, военными крыльями организаций: маронитских *Ливанских фаланг*, *Ливанских сил*, *Марада*, шиитской *Амаль*, суннитской *Наджжаде*, друзской *Прогрессивно-социалистической партии* и др. Созданные в недрах определенной конфессиональной общины и считавшиеся моноконфессиональными, они все же никогда не были замкнуты в пределах одной из общин, включая последователей других вероисповеданий. Эти боевые организации сыграли важную роль в истории политических взаимоотношений в Ливане, нередко силой оружия и тактики изменяя расстановку сил на легитимном политическом поле.

Видимо, следует признать, что для Ливана такое положение вещей когда-то стало обычным, даже традиционным:

---

⁴⁵ Мамедов, Руслан. Негосударственные и иррегулярные вооруженные формирования в сирийско-иракской конфликтной зоне // РСМД, 5 февраля 2018. URL: http://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/negosudarstvennyye-i-irregulyarnyye-vooruzhennyye-formirovaniya-v-siriysko-irakskoy-konfliktnoy-zone/?sphrase_id=21718955

⁴⁶ Daher, Joseph. Hezbollah: The Political Economy of Lebanon's Party of God. London: Pluto Press, 2016. (288 p.) P. 97–103.

отстаивать свои интересы ливанские общины (строго говоря, конфессиональные социальные группы) «привыкли», опираясь на собственных боевиков. Конечно, эта суровая традиция, которую следовало бы признать архаичной, имеет в настоящее время свою трагическую подоплеку. И южноливанские районы, по которым так много раз колесила израильская военная техника, и долина Бекаа, представляющая собой огромных размеров фильтр от проникновения в районы Горного Ливана и экономические артерии побережья, — до сих пор эффективно защищаются в том числе (а может быть, преимущественно) формированиями Хизбаллы.

Так что недемократический характер Хизбаллы может сводиться лишь к ее боевой структуре, открыто действующей во многих районах страны и неизбежно вызывающей раздражение и даже опасения со стороны других конфессиональных групп и партий. Можно предположить, что живучесть этой структуры, ее поддержка де-факто властными кругами, коренятся в ее очевидном свойстве: она компенсирует слабые стороны государственного управления (в области социальной поддержки, обеспечения внешней и внутренней безопасности) в ключевых районах Ливана. Фактическое саботирование решений СБ ООН (резолюция 1559), где предписывался роспуск негосударственных вооруженных формирований, связано, очевидно, с обоюдной выгодой сложившейся ситуации — и для самой организации, и для государства.

В последнее время наиболее явно ощущается слияние Хизбаллы с другой прошиитской организацией, имеющей несколько более давнюю историю, связанную еще с *Харакат аль-махрумун* («Движением угнетенных»), — созданной в 1975 г. боевой структурой *Афвадж аль-мукавама аль-исламийя* («Батальоны ливанского сопротивления»), широко известной по своей аббревиатуре как *Амаль*. Гармония в отношениях между этими (совершенно непримиримыми еще в начале 1990-х гг.) организациями при этом не предполагает вторжения в сферу материально-экономических интересов руководимой Набихом Берри *Амаль*. Обеим сторонам удалось найти внутренние ресурсы для компромиссного налаживания взаимоотношений в интересах своих сторонников-шиитов. Что касается Коммунистической партии Ливана, в рядах которой традиционно также

было очень много шиитов, то она продолжает оставаться слабой. Тем самым, ливанские шииты выступают относительно единым фронтом, где Хизбалла закрепила за собой безусловную ведущую роль.

Ливанские шииты уже не ограничены определенными замкнутыми территориями и имеют с недавнего времени свои опорные пункты не только на юге, востоке, в столице и ее пригородах, но даже на севере страны. Община хорошо представлена в парламенте, правительстве и силовых структурах, для чего использует широкую поддержку в массах населения (в том числе христианского) и вполне демократические процедуры. Нужно учитывать, конечно, упомянутую выше «традицию» партийных военизированных ополчений в Ливане, а также доказанную готовность ливанских шиитов играть по правилам консociальной демократии. Принимая во внимание все эти локальные особенности, какие остаются аргументы в пользу недемократичности такого мощного негосударственного актора, как ливанская Хизбалла, кроме раздражения амбициями шиитов в региональном масштабе?

С момента своего основания в 1982 г. Хизбалла пользовалась поддержкой единоверного Ирана и продолжает это делать сейчас. Но по сути, таким же образом на своих патронах-единоверцев из Саудовской Аравии и других стран Залива опирается просуннитское движение Мустакбаль. Ливанские христиане-марониты и греко-католики продолжают ориентироваться на мнения своих западных покровителей из католического мира. Список можно продолжать, особенно если принимать во внимание общеизвестные факты из социально-политической истории региона. При обращении к более отдаленным по времени событиям возникают в памяти и вооружение англичанами ливанских друзей, и гуманитарная поддержка российским царским правительством сиро-ливанских православных, и ставка французской мандатной администрации на выпестованных в европейских университетах маронитских политиков, и постколониальный французский проект подмандатных карликовых государств по конфессиональному признаку, среди которых, кстати, предполагались моноконфессиональные Государство алавитов и Государство Друзские Горы...

Не хотелось бы верить, что опора на внешних покровителей прочно вошла в традицию ливанской политической жизни, но такова история, причем недавняя. В том, что этот дурной обычай следует переломить, сходятся большинство ливанцев. Но совсем другое дело — реальная политика, которая строится на Востоке, как правило, на личных связях, капиталах и острой борьбе буквально за политическое выживание. Конечно, и положение, и образ Хизбаллы как ливанского контрагента Ирана является самым вызывающим пунктом для критики ливанских шиитов. В первую очередь, в связи с этим раздражающим фактором многие отказывают Ливану в демократическом принципе его государственного устройства. Между тем, интеграция боеспособных военизированных формирований Хизбаллы в вооруженные силы страны давно идет, хотя и трудно сказать, ставится ли такая цель в качестве конечной. Другой вопрос — всем ли политическим силам на руку то, что Ливан может однажды перестать быть своего рода опытной региональной площадкой, где отражаются и отрабатываются якобы межрелигиозные противоречия, о которых в случае политической надобности иногда говорят, причем с пафосом цивилизационного противостояния.

Негосударственные акторы Ливана — явление столь же своеобразное, как и сам консоциональный принцип ливанской демократии. Они уже не похожи на ливанские иррегулярные боевые милиции прошлого (типа *Катаиб*, *Танзим*, *Марада*, *Нумур* и др.), как не похожи и на подобные негосударственные вооруженные формирования в других странах Машрика. Вооруженные крылья ливанских движений и партий, многие из которых продолжают свое существование по сей день, так или иначе встроены в систему сложного уравнивания сил политической арены. К этому нужно добавить мощные клубы политиков, финансистов и бизнесменов, объединенных преимущественно по принципу единого вероисповедания. Такова, например, Маронитская лига (*Ар-Раби́та аль-марунийя*) — иная, нежели партия, по своему характеру и задачам негосударственная структура, обладающая весомым авторитетом не только среди ливанских католиков-униатов. Под ее эгидой, в частности, активно действовало еще накануне «Кедровой революции» более широкое политическое объединение *Корнет*

Шехван. Гораздо менее влиятельными и намного более разоб-
щенными в политическом отношении остаются православные
организации, самой известной из которых была *Ликаа орто-*
докси, кстати, очень активно участвовавшая в выработке нового
избирательного закона.

Все негосударственные акторы такого рода вплетаются
в демократическую структуру государства, участвуя в полити-
ческой консолидации соответствующих религиозных общин
и пытаясь проводить своих представителей в органы всех вет-
вей власти. Обсуждение будущего ливанской демократической
системы должно, видимо, исходить из особенностей, обуслов-
ленных этим обстоятельством.

Консоциональный принцип сам по себе предоставляет
широкие возможности опоры жизненно важных решений
на мнение всех социальных групп через их политических пред-
ставителей, а также влиятельных негосударственных акторов.
Плюсы заключаются в общественной реакции на важные для
людей вопросы, предваряющей острые баталии на политиче-
ской арене и принимаемые решения. Мнения разных сторон
(включая негосударственные структуры) при этом могут учи-
тываться как раз в силу слабой централизации государства,
или же системы представительства со слабыми внутренними
связями (*loosely coupled structure of representation*)⁴⁷. Своео-
бразное гражданское общество с такой системой представ-
ляет лучевую структуру социальных связей общин, выступаю-
щих в роли ядер вызревания гражданских интересов и позиций.
Немецкий политолог Артур Бенц (Технический университет
Дармштадта) пишет: «Мы находим слабо взаимосвязанные
арены, если участники переговоров обладают выгодной для
них широкой автономией, подразумеваемой самой их пред-
ставительской ролью, и когда они не могут контролировать про-
цессы ратификации. ... Соглашения по предложениям стано-
вятся результатом “консоциональных” переговоров (*result from*
“consociational” negotiations), в которые включены пред-
ставители заинтересованных организаций или гражданского обще-
ства, в то время как парламенты призваны [такие соглашения]

---

⁴⁷ Benz, Arthur. *Constitutional Policy in Multilevel Government: The Art of Keeping the Balance*. Oxford University Press, 2016. (270 p.) P. 41.

ратифицировать. В этом случае соглашения должны быть переведены на арену, где действует логика партийного соперничества, лишённого влияния на предпочтения или поведение участников переговоров. Следовательно, переговорщикам приходится прибегать к общественному обсуждению и аргументации, чтобы заручиться поддержкой со стороны партий достигнутых соглашений, не опасаясь их вето»⁴⁸.

В идеале это так. К сожалению, ливанский консоциализм гораздо более радикален, чем его европейские образцы. Обращение к мнению народа означало в ливанских реалиях, как правило, призыв к отдельным социальным группам отстаивать их интересы любыми методами (вплоть до ополчения), тогда как главным козырем договаривающихся сторон служила поддержка из-за рубежа. Негосударственные «заинтересованные организации», о которых говорит немецкий ученый, обзаводились собственными боевыми группами «на земле» (в основном, на средства внешних покровителей), которые пытались весьма внушительно воздействовать на оппонентов в ходе политических процессов.

Этот серьезнейший недостаток ливанской демократии в свое время показал явный курс к снижению⁴⁹, но поднявшаяся после вывода сирийского контингента региональная борьба за влияние в Ливане привела к обострению внутриванской политической конкуренции. Израильское вторжение летом 2006 г. доказало действенность боевых дружин Хизбаллы в обороне страны, фактически закрепив в политике авторитет этого негосударственного актора. Эскалация не только риторики, но и военных действий Израиля против Хизбаллы в 2018 г.

---

⁴⁸ Ibid.

⁴⁹ Даже израильский автор признавал поддержку Хизбаллы ливанским правительством и использование ее для продолжения сопротивления. Эйтан Азани писал: «В публичных дебатах, которые время от времени поднимались в Ливане на фоне чрезмерно независимой деятельности Хизбаллы, ливанское правительство должно было выполнить свою обязанность по сдерживанию движения и отправке армии в Южный Ливан. В мае 2002 г. высокопоставленный чиновник Хизбаллы заявил, что отношения его движения с правительством были разумными и что критика движения со стороны правительства носила предметный характер, касаясь продвижения интересов ливанской общественности». См.: Azani, Eitan. *Hezbollah: The Story of the Party of God. From Revolution to Institutionalization*. New York: Palgrave Macmillan, 2009. (293 p.) P. 229.

продолжила цементировать конфронтацию и вынужденное военное присутствие шиитских военных формирований на юге и востоке Ливана, по существу, снимая с повестки дня ливанской политики вопрос об их разоружении.

Зато эта организация, вкпе с ее иранской союзнической структурой — Корпусом стражей исламской революции⁵⁰, не выходит из повестки прессинга из-за рубежа, что может свидетельствовать в пользу эффективности обеих. В апреле 2019 г. решением американского президента последняя была внесена в список террористических организаций, а немного раньше, 1 марта того же года британский Парламент одобрил решение правительства добавить в такой свой список политическое крыло ливанской Хизбаллы. Важно, что такая инициатива британского МВД поступила почти сразу после утверждения в Ливане нового состава правительства (31 января), куда вошли два министра от Хизбаллы, а также несколько членов, тесно связанных с организацией. Так что это решение англичан в какой-то мере ставит под сомнение легитимность всего правительства Ливана, признавая для себя некоторых из его министров террористами.

Как и для многих демократических стран, для Ливана с его своеобразной моделью принятия ключевых политических решений характерна опасность вспышек самовоспроизводящегося кризиса, который порожден следующими коренными причинами. Во-первых, это недостаток социально-ориентированного управления, нежелание политиков и администраторов решать первостепенные проблемы в области хозяйства и социального обеспечения, коих накопилась масса, приближающаяся к критической. Во-вторых, политическая конкуренция в Ливане подкрепляется сильнейшей борьбой в сфере экономики, которая ведет к монополизации внутри страны и открытой опоре на зарубежные капиталы, далеко не свободные от ангажированности. В-третьих, политический торг нередко подменяет собой широкий консенсус с участием всех сил, представляющих разные социальные группы (или общины). В-четвертых, ведущие негосударственные акторы не представляют собой

---

⁵⁰ Кстати, эмблемы обеих структур сходны и содержат изображение руки, сжимающей оружие, похожее на автомат Калашникова.

общественные организации, а скорее являются иррегулярными боевыми структурами и существуют параллельно с одноименными партиями, восполняя недостаток государственных сил по обеспечению безопасности и социальной поддержки населения. Все эти факторы, собранные вместе, вкупе с углубляющимся расслоением ливанского общества, составляют тот негативный образ, который бросает мрачную тень на консоциональную модель ливанской демократии.

Глава VI

«ТУРЕЦКАЯ МОДЕЛЬ» В КОНТЕКСТЕ РЕГИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ АНКАРЫ

Турция — одна из самых вестернизированных стран Ближнего и Среднего Востока, своей новейшей историей заставляющая отойти от шаблонных интерпретаций киплингвской дихотомии Востока и Запада. На заре XX столетия именно Турция одной из первых встала, говоря языком Кемаля Ататюрка, «на путь европейской цивилизации», во многом определив вектор общественно-политического процесса во всем регионе: модель кемалистских реформ как эффективных радикальных модернизационных преобразований в 1920-е гг. стала примером для подражания и ориентиром для Ирана и Афганистана, а в 1950-е гг. для Египта, Туниса и других ближневосточных стран. В 1990-е гг. обаяние турецкой модели посткемалистского синтеза туркизма и либерализма сделало Анкару ориентиром и центром притяжения для политических элит постсоветских республик Центральной Азии и Кавказа. В начале 2000-х гг. западные лидеры ставили Турцию в пример как уникальный образец исламской демократии — альтернативы радикальному исламизму. В конце 2000-х гг. сочетание высоких показателей экономического роста, демократических реформ и защиты исламских ценностей дало импульс дискуссии о «турецкой модели» как образца для мусульманских стран Ближнего Востока, погрузившихся вскоре в пучину «арабских революций». Вместе с тем, обозревая в ретроспективе последние два десятилетия, можно прийти к выводу о том, что развитие «турецкой модели» представляет собой отнюдь не линейный процесс.

Автор главы – Шлыков Павел Вячеславович

Характеризуясь в 1990-х гг. стремлением к демократизации, катализатором которой была перспектива полноправного членства в Европейском Союзе (ЕС), эта модель постепенно приобретала черты девестернизации и авторитарного отката в 2010-е гг. Сегодня причинами такой трансформации выступает обострение всего комплекса внутривнутриполитических проблем — от «курдского вопроса» до международного терроризма — и курс на укрепление личной власти Реджепа Тайипа Эрдогана.

Давний член НАТО (1952) и Совета Европы (1949), ОЭСР (1961) и ОБСЕ (1975), верный союзник и проводник интересов Запада в регионе — Турция за минувшее столетие глубоко интегрировалась в политэкономическое пространство Запада, причем не только как участник международных организаций и многолетний кандидат на вступление в ЕС, но и как страна, по сути, представляющая Запад на мусульманском Ближнем Востоке и являющаяся примером того, как западные политико-цивилизационные ценности могли бы быть инкорпорированы в процесс развития стран с мусульманским населением. Однако сегодня этой включенности Турции в «западное пространство» все больше сопутствуют десекуляризация, социокультурная экспансия исламских движений, активизация турецких и в целом мусульманских диаспор в Германии, Франции, Нидерландах, США, Австрии, Швейцарии.

В результате процессы, разворачивающиеся в современной Турции, и связанные с ними фундаментальные внутривнутриполитические проблемы, приобретают широкий международный резонанс.

Феномен кемалистской Турции как ориентира для стран региона

Успех радикальной вестернизации общественно-политической жизни в Турции, которую в 1920-х гг. жестокими методами осуществлял Мустафа Кемаль-паша (Ататюрк), вызывал большой интерес у новых национальных лидеров на Ближнем и Среднем Востоке. Шах Ирана Реза Пехлеви, король Афганистана Аманулла-хан, а позднее и первый президент

независимого Туниса Хабиб Бургиба признавали, что детально изучали опыт кемалистских реформ, когда планировали проведение мобилизационной модернизации в своих странах¹. Пример эффективных радикальных преобразований в условиях традиционного общества интересовал их самым живейшим образом.

Однако то, что кемалистские реформы фактически стали референтным образцом для Ирана, Афганистана, Туниса и ряда других стран региона, объективно не привело к появлению полноценной общественно-политической концепции «турецкой модели». В публичных выступлениях ближневосточных политиков того времени едва ли можно найти тезис о Турции как примере для мусульманского мира. Не рассматривали в подобном ракурсе Турцию в то время и на Западе. Неудивительно, что и турецкие политики не говорили о своей стране как модели для других государств Ближнего Востока². Даже в период «холодной войны» и после того, как Турция вступила в НАТО и стала членом многих других западных международных организаций, ее если и могли поставить в пример, то исключительно как верного союзника и проводника интересов Запада в регионе, а отнюдь не как самостоятельную геополитическую единицу и успешную светскую демократическую мусульманскую страну. Поэтому, несмотря на то что Турция на протяжении большей части XX в. в значительной степени определяла вектор общественно-политического развития целого ряда стран региона, появление идеи «турецкой модели» относится к сравнительно недавнему времени.

---

¹ Taşpınar, Ömer. An Uneven Fit? The «Turkish Model» and the Arab World // The Brookings Institution Analysis Paper, No. 5, August 2003. P. 7. URL: <https://www.brookings.edu/wp-content/uploads/2016/06/taspınar20030801.pdf>; Bal, Idris. Turkey's Relations with the West and the Turkic Republics: The Rise and Fall of the «Turkish Model». Aldershot: Ashgate, 2000, P. 5–41; Altunışık, Meliha B. The Possibilities and Limits of Turkey's Soft Power in the Middle East // *Insight Turkey*, Vol.10, Issue 2 (2008), P. 41–43.

² Как показал в своей работе «Концепции национальной роли» Калеви Холсти, проанализировавший публичные выступления лидеров стран Запада и Востока в 1960-е гг. с точки зрения позиционирования своих государств в мировой политике, в отличие от стран социалистического блока — СССР или КНР — для турецких политиков не было характерно использование категории модели Турции для других стран региона. См.: Holsti K.J. National Role Conceptions in the Study of Foreign Policy // *International Studies Quarterly*, No. 3, 1970. P. 276 (233–309).

Генезис понятия «турецкой модели» и анализ ее фиаско в 1990-е гг.

Впервые идея Турции как модели социально-политического развития — причем не для региона Ближнего и Среднего Востока, а для постсоветских республик Центральной Азии и Кавказа — появилась на страницах западных СМИ в конце 1991 г.³ (Associated Press, The Economist, Newsweek, Le Monde, Die Welt). Уже в 1992 г. понятие «турецкой модели» прочно вошло в риторику лидеров стран Запада, которые видели в ней лекарство против распространения влияния шиитского Ирана в регионе. Поэтому оно было с воодушевлением воспринято турецкими политиками, искавшими новые ориентиры для внешнеполитического курса своей страны, лишившейся привычной системы координат блокового противостояния в связи с окончанием периода биполярности.

В феврале 1992 г. госсекретарь США Джеймс Бейкер во время турне по странам Центральной Азии публично призывал лидеров постсоветских республик обратить внимание на Турцию как успешную модель социально-экономического и политического развития⁴. В свою очередь президент Джордж Буш приветствовал турецкого премьер-министра Сулеймана Демиреля во время его визита в Вашингтон в феврале того же года словами, что «Турция — это друг и партнер Соединенных Штатов, а также модель развития для других стран региона, особенно новых независимых республик Центральной Азии... Турция — это островок стабильности, страна, на которую многие смотрят как на пример того, чего можно добиться на ниве демократии и рыночной экономики»⁵. Идею «турецкой модели» активно пропагандировали и европейские лидеры, например, тогдашний генеральный секретарь Совета Европы Катрин Лалюмьер во время ее посещений стран Центральной Азии⁶.

---

³ Alemdar, Zeynep. Turkish Example Seen as a Model for Moslem Republics // *The Associated Press*, 25.12.1991.

⁴ *Wall Street Journal*, 14.02.1992.

⁵ *Wall Street Journal*, 12.02.1992.

⁶ Mango, Andrew. Turkish Model // *Middle Eastern Studies*, Vol. 29, Issue 4, 1993. P. 726–757.

Столь активная поддержка со стороны западных политиков объяснялась желанием избежать распространения влияния радикального ислама и радикальных исламских движений на получившие независимость тюркские республики Центральной Азии и Кавказа⁷. В свою очередь, генсек НАТО Манфред Уорнер открыто заявлял, что демократическая светская Турция как модель социально-политического развития для республик постсоветского пространства — залог безопасности и преграда на пути распространения исламского фундаментализма. Европейские политики и дипломаты выступали в том же ключе⁸.

Лидеры тюркских республик разделяли оптимизм западных политиков по поводу «турецкой модели», что объяснялось их желанием как можно быстрее получить международное признание, привлечь политическую, экономическую и технологическую помощь для преодоления трудного периода становления в качестве независимых государств. Президент Киргизии Аскар Акаев во время визита в Турцию в декабре 1991 г. назвал ее «путеводной звездой» для постсоветских тюркских республик. Глава Узбекистана Ислам Каримов, посетивший Анкару в декабре того же года, вторил ему, объявив Турцию «старшим братом»⁹. Восторгались Турцией как образцом успешного социально-экономического и политического развития и лидеры Азербайджана, особенно второй президент Абульфаз Эльчибей.

В самой Анкаре с воодушевлением восприняли идею «турецкой модели». Распад СССР и крушение биполярного мира требовали от Турции новых внешнеполитических ориентиров и целей. Все это настойчиво подталкивало турецкий истеблишмент к выработке более активной внешней политики. Едва получившие независимость государства Центральной Азии и Кавказа, основная масса населения которых этнически и в языковом плане была очень близка Турции (Азербайджан, Казахстан, Кыргызстан, Туркменистан, Узбекистан), в этом плане выглядели хорошим естественным полигоном для испытания модели на практике, особенно учитывая тот

---

⁷ *Associated Press*, 27.02.1992; Friedman, Thomas. U.S. to Counter Iran in Central Asia // *The New York Times*, 06.02.1992.

⁸ *Times*, 17.02.1992; Pope N. Turkey delighted by its new model role // *The Guardian*, 16.02.1992.

⁹ *Turkish Daily News*, 24.12.1991.

факт, что к тому времени Турция укрепила с ними свои исторические, политические, религиозные, языковые и культурные связи¹⁰. Немаловажным фактором турецкого «поворота на Восток» послужил и кризис в отношениях Анкары с Брюсселем (в 1989 г. заявка Турции на вступление в ЕЭС была фактически заморожена). В этих условиях столь большое внимание со стороны Запада к «турецкой модели» ощутило повышало геополитическую значимость государства.

На протяжении десятилетий внешняя политика Анкары базировалась на идее становления Турции южным форпостом НАТО, как единственного члена альянса на границах СССР. С исчезновением Советской России с политической карты мира эта позиция утратила былое стратегическое значение. Турецкие политики не разделяли оптимизм своих западных партнеров в отношении «нового мирового порядка» и сохраняли обеспокоенность угрозами национальной безопасности, исходившими из ряда пограничных с Турцией государств. Особую тревогу вызывала в Анкаре перспектива того, что в условиях постбиполярного мира Турция останется один на один с проблемами беспокойных регионов по периметру собственных границ.

Высокопоставленный турецкий военный адмирал Гювен Эркая в интервью турецкой газете «Джумхуриет» в мае 1989 г. не скрывал своего разочарования в политике западных союзников: «В то время как Европа пошла по пути разоружения, Турция по-прежнему испытывает на себе угрозу с Севера... Кто сможет гарантировать безопасность Турции, если ей отказано в военно-политической и экономической интеграции с Европой в рамках Западноевропейского союза и Европейского экономического сообщества?»¹¹.

Примечательно, что скептические настроения турецких политиков быстро уступили место неподдельной эйфории по отношению к появившимся в 1991 г. на политической карте мира независимым центральноазиатским и кавказским республикам. С момента провозглашения Турецкой Республики в 1923 г. кемалистское правительство и его преемники

---

¹⁰ Kut, Şule. The Contours of Turkish Foreign Policy in the 1990s // Turkey in World Politics: An Emerging Multiregional Power. Istanbul: Boğaziçi University Press, 2002. P. 8–10.

¹¹ *Cumhuriyet*, 29.05.1989.

стремились всячески подчеркнуть прозападный курс развития страны: «выбор в пользу Запада и Европы вместо Востока и Азии». Геополитические позиции Анкары также выстраивались по оси прозападной ориентации, а провозглашенный Ататюрком лозунг «Мир в своей стране — мир во всем мире» предполагал отказ от любых реваншистских проектов и естественное дистанцирование от тюрков советской Средней Азии и Кавказа. Тенденция на отчуждение СССР от тюркского мира оказалась довольно продолжительной, а после Второй мировой войны получила новый импульс: Турция стала членом НАТО, что автоматически определило ее место в стане противников Советского Союза и еще больше отдалило от сопредельного ареала проживания тюркских народов. Все это предопределило осторожность официальной Анкары, которая на протяжении почти семидесяти лет старательно избегала любых интеракций с «внешними тюрками»¹², чтобы не вызывать излишнего раздражения Москвы. Именно поэтому обретение независимости тюркскими республиками бывшего Советского Союза воспринималось в Турции как возможность восстановления давно утраченных связей с «тюркскими братьями»¹³.

И турецкие средства массовой информации, и общественное мнение крайне позитивно восприняли идеи развития дружбы с народами Центральной Азии и Кавказа¹⁴. Помимо эмоционального фактора, налаживание тесных отношений с тюркскими республиками рассматривалось Анкарой как геополитическая инвестиция, способная увеличить значимость Турции для Запада как «окна» в Евразию и создать конкретные сферы влияния в регионе. В этих условиях сформулированная на Западе идея применения «турецкой модели» для постсоветских тюркских республик оказалась очень востребованной у турецких лидеров, озабоченных поиском новой роли для своей страны в постбиполярном мире¹⁵. Завышенные ожидания,

---

¹² Winrow, Gareth. Turkey in Post-Soviet Central Asia. London: Royal Institute of International Affairs, 1995. P. 7.

¹³ Milliyet, 12.12.1991.

¹⁴ Değişen Dünya ve Türkiye // *Milliyet*, 12.12.1991. URL: http://gazetearsivi.milliyet.com.tr/GununYayinlari/tm2BCwIolnBK62fQPT2F8w_x3D_x3D_.

¹⁵ В Турции даже развернулись дебаты о том, как правильно называть республики Центральной Азии и Кавказа. Официальная Анкара называла

которые высказывали западные политики, только подогревали интерес Анкары к идее «турецкой модели».

Примечательно выступление премьер-министра Сулеймана Демиреля перед депутатами турецкого парламента по итогам его визита в Вашингтон в 1992 г., в котором он уверенно ввел в публичный дискурс Турции понятие «турецкой модели». Демирель ссыался не только на высказывания президента США, но и на публикации американских газет, в которых говорилось о Турции как «привлекательной модели» для обширного региона, простирающегося от Адриатического моря до границ Китая¹⁶. С этого момента Демирель стал главным адвокатом «турецкой модели» и активно продвигал тезис о том, что пример Турции – очевидное доказательство совместимости ислама, демократии, защиты прав человека и рыночной экономики¹⁷. В 1990-е гг. аналогичные взгляды разделяли многие турецкие политики. Преемница Демиреля на посту премьер-министра и лидера правящей партии Тансу Чиллер во время официального визита в Москву в 1993 г. отмечала, что «турецкая модель» светской демократии и уважения исламских ценностей – это лучший способ предотвратить распространение фундаментализма, ускорить экономическое развитие, укрепить социальную справедливость и расширить сферу распространения демократического плюрализма¹⁸.

Помимо эмоциональной составляющей, реализация идеи «турецкой модели» требовала конкретного материального обеспечения. И вопрос наличия у Турции достаточных

постсоветские республики тюркскими (*Türki*), чтобы избежать обвинений в пантюркизме и развести понятия — отличать турок, проживающих в Турции от тюрков бывшего Советского Союза. В свою очередь, националисты настаивали на том, что правильно называть эти республики турецкими (*Türk*), подчеркивая отсутствие различий между турками в Турции и за ее пределами. [Aras, Bülent. Turkey's Policy in the Former Soviet South: Assets and Options // *Turkish Studies*, Vol. 1, Issue 1, 2000. P. 36–58, 56; Oran, Baskin. Turkish Foreign Policy 1919–2006. Salt Lake City: The University of Utah Press, 2010. P. 752].

¹⁶ TBMM Tutanakları. Dönem 19, Birleşim 38, Oturum 1, 19.02.1992. S. 131. URL: <https://www.tbmm.gov.tr/tutanaklar/TUTANAK/TBMM/d19/c004/tbmm19004038.pdf>.

¹⁷ *Newspot*, 21.05.1992; Demirel, Süleyman. The Compatibility of Islam, Democracy and Secularism // *Perceptions: Journal of International Affairs*, Vol. 2, Issue 2, 1997. URL: <http://sam.gov.tr/wp-content/uploads/2012/02/SuleymanDemirel1.pdf>.

¹⁸ *BBC*, Summary of Broadcasts, 14.09.1993.

политических и экономических ресурсов для этого на постсоветском пространстве оказался первостепенным¹⁹. В 1991–1994 гг. Анкара, воодушевленная перспективой переноса «турецкой модели» на почву дружественных тюркских республик, открыла «высокий сезон» государственных визитов разного уровня в страны Центральной Азии и Кавказа, готовя плацдарм для масштабных политических, экономических и культурных проектов. Турция стала первым государством, признавшим независимость постсоветских республик. Более того, она всячески стремилась к тому, чтобы занять место их основного политического и экономического партнера. Ради осуществления этой задачи Турция мобилизовала все возможные средства: запустила масштабные инвестиционные проекты, предоставила возможность военным проходить стажировки в турецких военно-учебных центрах, начала выделять гранты и стипендии студентам из университетов тюркских республик, открыла специальное местное вещание турецких радио- и телеканалов, а являвшаяся на тот момент еще государственной компания «Турецкие авиалинии» запустила прямые рейсы из Стамбула в столицы центральноазиатских республик. Только за первый год после провозглашения их независимости с турецкой стороны было совершено 1170 официальных визитов и подписано более 140 партнерских соглашений²⁰. Однако вскоре выяснилось, что Турции не хватает экономических ресурсов для реализации заявленных масштабных донорских проектов в бывших советских республиках. Осознание этих ограничений наряду с нарастанием внутривнутриполитических проблем довольно быстро девальвировали привлекательность «турецкой модели», и продвигать ее за рубежом становилось все труднее.

В политической сфере обострение «курдского вопроса» и последовавшая за этим активизация вооруженного противостояния с боевиками Рабочей партии Курдистана (РПК) вызвали

---

¹⁹ Лозунг «турецкой модели» воплотился в стремление конвертировать существующий в Турции опыт социального и политического развития в некий условный рецепт политического и экономического успеха и процветания для постсоветских тюркских республик.

²⁰ См.: Robins, Philip. Between Sentiment and Self-Interest: Turkey's Policy Toward Azerbaijan and the Central Asian States // *The Middle East Journal*, Vol. 47, Issue 4, 1993. P. 603; Aydin, Mustafa. Turkey and Central Asia: Challenges of Change // *Central Asian Survey*, Vol. 2, Issue 15, 1996. P. 162.

резкую критику со стороны Запада и обвинения в многочисленных нарушениях прав человека. В одночасье из ближневосточной «витрины демократии» Турция превратилась в страну, испытывающую серьезные проблемы с реализацией демократического процесса. Кроме того, в 1994 г. Турция оказалась в тисках жесточайшего финансового кризиса — самого тяжелого за всю новейшую историю страны. Все это охладило интерес лидеров центральноазиатских стран к «турецкой модели», замену которой некоторые из них видели в «китайской модели», которая оказалась более привлекательной для авторитарных режимов бывших советских республик²¹. Со своей стороны Россия к середине 1990-х гг. стала проявлять более пристальное внимание к странам «ближнего зарубежья», обозначив постсоветское пространство в качестве сферы своих приоритетных геополитических интересов.

Государственный переворот в Азербайджане летом 1993 г. и свержение протурецкого президента Абульфаза Элчибея, в котором многие увидели «руку Москвы», фактически прервали наступательную экспансию «турецкой модели» на постсоветском пространстве²². Как пророчески написал тогда известный турецкий колумнист Гюн Кут, «уход Эльчибея — это конец “турецкой модели”»²³. С формальной точки зрения это стало особо очевидным, когда Анкаре не удалось объединить центральноазиатские республики в рамках политического и экономического союза. В условиях курса на укрепление связей с Москвой и расширения международных контактов с Западом и Китаем проект Тюркского союза оказался практически бесплодным, о чем можно было судить уже по первым саммитам тюркских государств²⁴.

Стремительный закат «турецкой модели» с особой очевидностью высветил для Анкары тот факт, что ее геополитических

---

²¹ Pomfret, Richard. *Agrarian Reform in Uzbekistan: Why Has the Chinese Model Failed to Deliver?* // *Economic Development and Cultural Change*, Vol. 48, No. 2, January 2000. P. 269–284.

²² Goltz, Thomas. *Letter from Eurasia: The Hidden Russian Hand* // *Foreign Policy*, Vol. 92, 1993. P. 98–104.

²³ Kut, Gün. *Elçbey'in Sonu, Türkiye Modelinin Sonudur* // *Cumhuriyet*, 24.06.1993.

²⁴ Winrow, Gareth. *Turkey in Post-Soviet Central Asia*. London: Royal Institute of International Affairs, 1995. P. 16–31.

и финансово-экономических ресурсов недостаточно для глобальной роли, которую ей прочили на Западе. Мировые СМИ очень чутко отреагировали на перемены в отношении к Турции: на смену хвалебным одам «турецкой модели» в публикациях западных обозревателей все чаще стала фигурировать констатация непропорциональности амбиций и возможностей Турции. «Претендуя на статус региональной державы, Турция столкнулась с нехваткой ресурсов для осуществления этой цели», — ставило диагноз информагентство Associated Press, которое всего несколько лет назад одним из первых ввело в оборот понятие «турецкой модели»²⁵.

В числе объективных факторов развенчания этой модели для постсоветского пространства можно выделить, с одной стороны, снижение интереса лидеров центральноазиатских республик к Турции как каналу налаживания связей с Западом (к середине 1990-х гг. для этого уже не требовалось турецкое посредничество). С другой стороны, на Западе осознали преувеличение «иранской угрозы» для региона и возможностей Турции в ее парировании²⁶.

Возрождение и переформатирование «турецкой модели» в 2000-е гг.

Возрождению идеи «турецкой модели», которая вновь оказалась в центре внимания мировой общественности и лидеров западных стран в начале 2000-х гг., способствовало два ключевых фактора — теракты в Нью-Йорке 11 сентября 2001 г., после которых мировое сообщество объединилось в борьбе с международным терроризмом, и американское вторжение в Ирак (2003), расколовшее «единый фронт» международной антитеррористической коалиции на лагерь союзников США и критиков политики Вашингтона. Как и в 1990-е гг. идея «турецкой модели» выдвигалась и продвигалась западными политиками, прежде всего, США, однако в плане содержания

---

²⁵ *The Associated Press*, 28/04/1993.

²⁶ Bal, İdris. *Turkey's Relations with the West and the Turkic Republics: The Rise and Fall of the «Turkish Model»*. Aldershot: Ashgate. 2000. P. 184.

и целеполагания отличия от предыдущего периода были существенными. Теперь в центре внимания находился вопрос совместимости ислама и либеральной демократии, которую своим примером должна была демонстрировать Турция, а адресатом становились страны Ближнего и Среднего Востока, где разворачивалась «война с исламским фундаментализмом» и радикальными террористическими группировками²⁷.

Впрочем, первый сигнал к возрождению идеи «турецкой модели» поступил еще раньше — в выступлении президента США Билла Клинтона во время его визита в Анкару в конце 1999 г. В то время наметилось потепление в отношениях Турции с Западом: на Хельсинском саммите (1999) страна получила гарантии перезапуска процесса вступления в ЕС, а правительство Бюлента Эджевита сумело выработать эффективную программу выхода из финансово-экономического кризиса. Клинтон охарактеризовал Турцию как «страну на перекрестке Европы, Ближнего Востока и Центральной Азии» и поддерживал евроинтеграцию Турции как «демократического светского исламского государства»²⁸. В том же году высокопоставленный сотрудник Совета национальной безопасности США Энтони Блинкен, курировавший европейские дела, публично высказался в том же ключе, отметив большой потенциал Турции как «модели светского, исламского, демократического и вестернизированного государства... референтного примера для большей части исламского мира»²⁹. Все это говорило о том, что западные политики, несмотря на провал первого проекта «турецкой модели», не похоронили саму идею и готовы были прилагать усилия к ее реализации в новых условиях.

Вслед за трагическими событиями 11 сентября 2001 г. интерес к «турецкой модели» в американском политическом истеблишменте только возрастал, особенно после того как стало

---

²⁷ Ülgen, Sinan. From Inspiration to Aspiration: Turkey in the New Middle East. Washington, DC: Carnegie Endowment for International Peace, 2011, P. 4. URL: http://carnegieendowment.org/files/Turkey_Mid_East_Full_Text.pdf.

²⁸ Clinton in Turkey: Reviewing «The Turkish Model» // CSIS Turkey Update, 16.10.1999. URL: https://csis-prod.s3.amazonaws.com/s3fs-public/legacy_files/files/media/csis/pubs/tu991116.pdf.

²⁹ Blinken, Anthony. The Future of U.S. — Turkish Relations // *Policy Watch*, No. 426, 8.12.1999. URL: <http://www.washingtoninstitute.org/policy-analysis/view/the-future-of-u.s.-turkish-relations>

очевидно, что администрация Дж. Буша-мл. наметила сделать ее неотъемлемой частью масштабного проекта по демократизации исламского мира³⁰. «Турецкая модель» вновь стала частью ближневосточной политики Запада. Пол Вулфовиц, в то время занимавший пост заместителя министра обороны США, и Кондолиза Райс, тогда еще советник президента по национальной безопасности, открыто говорили о «турецкой модели» как альтернативе радикальному исламизму³¹, а президент Дж. Буш-мл. в одном из интервью признал за Турцией роль светоча демократии для мусульман всего мира³².

Приход к власти в Турции Партии справедливости и развития (ПСР) Реджепа Эрдогана, победившей на парламентских выборах 2002 г., немало способствовал росту позитивных ожиданий и интереса у западных политиков по отношению к самой Турции и идее «турецкой модели». Либерально настроенные эксперты и журналисты восприняли неожиданную победу «молодой» партии (создана 14 августа 2001 г.) как начало новой эпохи в истории страны, главной чертой которой должны были стать социально-политические реформы по модели христианских демократов в Германии и завершение затянувшегося конфликта между исламистами и «лаицистами». Все это сделало бы Турцию ярким примером совместимости ислама и демократии на Ближнем Востоке. Другие всерьез надеялись, что ПСР под руководством энергичных политиков Реджепа Эрдогана и Абдуллаха Гюля, порвавших со «старыми» исламистскими партиями Неджметтина Эрбакана, поведет Турцию по пути дальнейшей модернизации с неминуемым крушением «закулисного государства» военной элиты и гарантированным поступательным социально-экономическим и политическим развитием страны. Высказывались, конечно, и более осторожные оценки ПСР, предостерегавшие от скоропалительных

---

³⁰ Altunışık, Meliha. The Turkish Model and Democratization in the Middle East // *Arab Studies Quarterly*, Vol. 27, Issue 1–2, 2005. P. 45–63; Podeh, Elie. The Final Fall of the Ottoman Empire: Arab Discourse over Turkey's Accession to the European Union // *Turkish Studies*, Vol. 8, No. 3, 2007. P. 317–328, 322–323.

³¹ Wolfowitz: Accept your mistake, our partnership shall continue // *Hürriyet*, 07.05.2003. URL: <http://www.hurriyet.com.tr/wolfowitz-accept-your-mistake-our-partnership-shall-continue-145127>.

³² Peterson, Laura. The Pentagon Talks Turkey // *The American Prospect*, 5.09.2002. URL: <http://prospect.org/article/pentagon-talks-turkey>.

прогнозов в отношении политической стратегии Реджепа Эрдогана и будущем Турции под властью «умеренных исламистов», но скептицизма в них не прослеживалось.

Привлекательности «турецкой модели» в глазах лидеров западных стран добавили масштабные преобразования, направленные на то, чтобы «подтянуть» Турцию до европейского уровня развития путем осуществления экономических и административно-политических реформ в соответствии с «Копенгагенскими критериями» для вступления в ЕС. На рубеже веков Турция, которая обрела официальный статус страны-кандидата на Хельсинском саммите ЕС в 1999 г., пережила всплеск реформаторских инициатив, направленных на либерализацию административно-политической системы, расширение гражданских прав и свободы слова, смягчение положения этноконфессиональных меньшинств.

Эти процессы масштабного внедрения демократических принципов в политическую систему, культуру, стиль повседневной жизни и т. д. выстраивались в соответствии с требованиями и рекомендациями ЕС по укреплению демократии и защите прав человека³³, которые должны были приблизить Турцию к модели западной либеральной демократии. Первые шаги этой новой волны европеизации Турции пришлось на 2001 г., когда были приняты масштабные поправки к Конституции 1982 г. Затем последовало принятие нового Гражданского кодекса и трех «пакетов по гармонизации» законодательства с нормами ЕС в 2002 г.³⁴ Эти реформы были запущены коалиционным правительством Демократической левой партии (ДЛП), Партии Отечества (ПО) и Партии националистического действия (ПНД) и затрагивали такие сферы, как права человека, свобода ассоциации и свобода слова³⁵. С конца 2002 г. эстафету европеизации приняла ПСР Р. Эрдогана, после победы на выборах 2002 г. сформировавшая однопартийный кабинет. По инициативе ПСР в 2002–2005 гг. через парламент прошло

---

³³ Kubicek, Paul. Political conditionality and European Union's cultivation of democracy in Turkey // *Democratization*, No. 4, Issue 18, 2011. P. 915.

³⁴ Aydın, Senem: Keyman, Fuat E. European Integration and the Transformation of Turkish Democracy // *Centre for European Policy Studies EU-Turkey Working Papers*, No. 2, 2004. P. 15.

³⁵ Ibid.

еще четыре «пакета по гармонизации» национального законодательства и принят целый блок конституционных поправок. Их проблемный охват был шире — не только свобода слова и СМИ, но и права меньшинств, военно-гражданские отношения и т. д.³⁶. Кроме того, за рамками пакетных поправок в Турции были пересмотрены и обновлены, а в отдельных случаях разработаны заново многие законодательные своды и важные отраслевые законы (например, закон об ассоциациях)³⁷.

Другим немаловажным фактором роста популярности идеи «турецкой модели» на Западе стал запуск американского проекта по демократизации мусульманского Востока «сверху», который на саммите Большой восьмерки в июне 2004 г. получил название «Партнерства во имя прогресса и общего будущего с регионом расширенного Ближнего Востока и Северной Африки»³⁸. В июне того же года на саммите НАТО в Стамбуле Дж. Буш-мл. восторженно отзывался о Турции как о «примере мусульманской страны, твердо придерживающейся принципов демократии и защиты прав человека»³⁹. В подтверждение этих слов Турцию вместе с Италией сделали сопредседателями Диалога по поддержанию демократии в рамках инициативы расширенного Ближнего Востока и Северной Африки.

Однако в самой Турции к возрождению идеи «турецкой модели» на этот раз отнеслись неоднозначно. Значительная часть турецкого политического истеблишмента, особенно военная элита и светски настроенная часть гражданской бюрократии во главе с президентом Ахмедом Недждетом Сезером, крайне скептически восприняли идею, видя в ней инспирированный США проект, не учитывающий национальные интересы Турции. Озабоченность кемалистов вызывало то, что в рамках новой «турецкой модели» гораздо больший акцент делался именно на исламе и исламском характере турецкого

---

³⁶ Ibid. P. 16–17.

³⁷ Kubicek, Paul. The European Union and Grassroots Democratization in Turkey // *Turkish Studies*, No. 3, Issue 6, 2005. P. 366.

³⁸ Partnership for Progress and a Common Future with the Broader Middle East and North Africa Region, 08.06.2005. URL: <http://bmena.state.gov/rls/fs/55743.htm>; См. также: Мелкумян Е.С. Реформы в регионе расширенного Ближнего Востока: подходы арабских стран и государств Запада // Институт Ближнего Востока. URL: <http://www.iimes.ru/rus/stat/2006/12-01-06b.htm>

³⁹ *Hürriyet*, 28.06.2004.

государства, а светскость (секуляризм/лаицизм), являвшаяся одним из ключевых конституционных принципов Турецкой Республики с 1930-х гг., уходила на второй план, делая Турцию воплощением модели исламской демократии. Особенное раздражение вызывали слова госсекретаря США Колина Пауэлла о Турции как «умеренной исламской республике»⁴⁰, на которые президент Ахмед Сезер отреагировал, публично заявив, что «Турция не является исламской республикой, равно как и не служит примером страны умеренного ислама»⁴¹. По мнению представителей военной элиты, характеристика Турции как исламской республики в корне противоречила конституции страны и существующей на протяжении многих десятилетий турецкой светской политической системе⁴². Даже лидер правящей происламской ПСР Р. Эрдоган довольно вяло отреагировал на амбициозную идею продвижения «турецкой модели» на Ближний Восток, лишь на словах поддержав американскую инициативу⁴³, что только подтвердило низкий уровень заинтересованности Анкары в ее реализации.

Нежелание турецких политиков заниматься продвижением «турецкой модели» привело к тому, что инициатива, несмотря на активную поддержку со стороны американской администрации, очень быстро сошла на нет. Отчасти этому способствовало и быстрое сворачивание проекта демократизации «Расширенного Ближнего Востока и Северной Африки», поскольку события в Афганистане и Ираке развивались совсем не по тому сценарию, который рисовали западные лидеры на саммитах в начале 2000-х гг.⁴⁴ Кроме того, турецко-американские отношения к середине десятилетия вошли в пору затяжного кризиса, вызванного взаимным неудовлетворением в исполнении партнерских обязательств, особенно в контексте иракского

---

⁴⁰ *Cumhuriyet*, 03.04.2004

⁴¹ *Turkish Daily News*, 2.10.2004; Sezer's warning: «Turkey is neither an Islamic republic, nor an example of moderate Islam» // *Middle East Transparent*, 02.10.2004. URL: http://www.mettransparent.com/old/texts/sezers_turkey_is_neither_an_islamic_republic_nor_an_example_of_moderate_islam.htm.

⁴² *Radikal*, 20.03.2004.

⁴³ *Yeni Şafak*, 15.03.2004.

⁴⁴ Kirisci, Kemal. Turkey's «Demonstrative Effect» and the Transformation of the Middle East // *Insight Turkey*, Vol. 13, Issue 2, 2011. P. 33–55.

кризиса: с одной стороны, заигрывание Вашингтона с иракскими курдами и вызывающая раздражение Анкары активность РПК в Северном Ираке, с другой — запрет турецкого парламента на использование американцами расположенных на территории Турции военных баз, который не санкционировал осуществление гуманитарной интервенции в Ирак с турецкой территории. Несмотря на договоренности, достигнутые на уровне политического руководства, в марте 2003 г. турецкий парламент заблокировал решение правительства, не одобрив предоставление американским военным турецких баз для вторжения в Ирак.

Афронт турецкого парламента был вызван, с одной стороны, опасениями депутатов-исламистов из правящей ПСР, доминировавших в палате, с другой — протестом депутатов курдского происхождения, сочувствовавших иракским курдам и воздержавшихся от голосования. Кроме того, занимавший тогда пост госсекретаря Колин Пауэлл, по-видимому, считал вопрос о предоставлении турецких баз решенным и не видел необходимости в его лоббировании на уровне турецкого парламента. Конечно, свою роль сыграла и определенная неопытность премьер-министра Абдуллаха Гюля, недооценившего значение голосов воздержавшихся депутатов. В итоге, законопроект, хотя и получил одобрение 264 депутатов, не был принят, поскольку совокупное число проголосовавших против (250) и воздержавшихся (19) оказалось на 5 больше⁴⁵. Для Вашингтона такое развитие событий стало крайне неприятной неожиданностью — «оглушительной оплеухой» от союзника по НАТО, как его поспешили окрестить мировые СМИ⁴⁶. В довершение всего, как было сказано, правительство ПСР постаралось откреститься от эпитета «страны умеренного ислама» в отношении Турции и, соответственно, «турецкой модели». Во время визита в Вашингтон в июне 2004 г. занявший пост премьер-министра Р. Эрдоган открыто заявил о невозможности навешивать на ислам ярлыки

---

⁴⁵ Turkey upsets US military plans // BBC, 01.03.2003, URL: <http://news.bbc.co.uk/2/hi/europe/2810133.stm>.

⁴⁶ Filkins, Dexter. Threats and Responses: Ankara; Turkish Deputies Refuse To Accept American Troops // New York Times, 2.03.2003. URL: <http://www.nytimes.com/2003/03/02/world/threats-and-responses-ankara-turkish-deputies-refuse-to-accept-american-troops.html>.

умеренного или не умеренного⁴⁷. На этом формально была поставлена точка в дискуссии о «турецкой модели» как синтезе ислама и демократии или исламской демократии.

Перерождение «турецкой модели» в условиях «арабской весны»

Новый виток развития идеи «турецкой модели» оказался тесно связан с кризисом государственности на Ближнем Востоке и хронологически пришелся на начало 2010-х гг. Прокатившаяся по странам региона волна гражданских протестов, в результате которой произошла смена режимов в Тунисе, Египте, Ливии и Йемене, — дала мощный импульс к развитию дискуссии о «турецкой модели» как на Западе, так и на арабском Востоке. Среди объективных факторов, способствовавших новому возрождению интереса к «турецкой модели», на первый план вышла активная внешняя политика Анкары в регионе в виде четко обозначившегося к тому времени «поворота на Восток». Она сформировала у значительной части населения ближневосточных стран позитивные ожидания по отношению к Турции. «Арабская улица» с большим воодушевлением наблюдала за успехами Турции в реализации финансово-экономической политики, внедрении масштабных программ социальной взаимопомощи, укреплении позиций Турции на мировой арене и т. д. За годы правления ПСР турецкая экономика продемонстрировала поразительные цифры ежегодного роста — от 5% до 9,5%, а также стабильное поступательное увеличение дохода на душу населения. Эти достижения так резко контрастировали с геронтократией, nepотизмом и коррупцией, фискально-порочной экономикой, ужасающим уровнем безработицы и социальной несправедливости, то есть всем тем, что впоследствии стало главными побудительными мотивами «арабской весны».

Очередная версия «турецкой модели» представляла собой синтез основных черт двух предыдущих за минусом тюркизма образца 1990-х гг. Она подразумевала светскую демократическую политическую систему, уважение к исламским ценностям

---

⁴⁷ Radikal, 14.06.2004.

как матрице общественной жизни, социально ориентированную государственную политику и успех конкурентной рыночной экономики. Ее существенная особенность, однако, состояла в том, что она оказалась крайне персонифицированной и завязанной на растущую популярность ПСР и лично Реджепа Эрдогана. После публичной ссоры с израильским премьером Шимоном Пересом на Давосском форуме 2009 г. и резкой критики политики Тель-Авива Эрдоган стал подлинным героем «арабской улицы»: опросы общественного мнения показывали, что значительная часть населения арабских стран хотела, чтобы их лидеры брали с него пример⁴⁸.

При этом в общественном мнении как Запада, так и арабских стран региона восприятие «турецкой модели» поразительно сходилось. Мухаммед Хусейн Тантави, председатель Высшего совета Вооруженных сил и фактически временный глава Египта после свержения Хосни Мубарака в феврале 2011 г., признавал, что пример Турции воодушевлял народ Египта на протест против режима⁴⁹. Ему вторил Рашид аль-Ганнуши, тунисский политик и основатель исламистской партии «Возрождение», в разгар событий «арабской весны» открыто говоривший, что Турция может стать примером для Туниса как страна, сумевшая преодолеть тяжелое наследие авторитарного прошлого и успешно сочетающая достижения в социально-экономическом развитии с приверженностью исламским ценностям⁵⁰. Еще более конкретно высказывался Мустафа Абд-аль-Джалиль, глава Переходного национального совета Ливии в 2011–2012 гг.: «Турецкая модель демократического развития — пример для Ливии и других стран региона, испытавших потрясения “арабской весны”... и Ливия обязательно будет использовать опыт Турции как модель для создания своей демократической политической системы»⁵¹.

---

⁴⁸ Annual Arab Public Opinion Survey 2011. URL: https://www.brookings.edu/wp-content/uploads/2016/06/1121_arab_public_opinion.pdf.

⁴⁹ Ülgen, Sinan. From Inspiration to Aspiration: Turkey in the New Middle East. Washington, DC: Carnegie Endowment for International Peace, 2011. P. 3. URL: http://carnegieendowment.org/files/Turkey_Mid_East_Full_Text.pdf.

⁵⁰ *World Bulletin*, 25.01.2011.

⁵¹ *Today's Zaman*, 13.02.2012.

В западных странах, в отношениях с которыми у Турции наступил сложный период, хотя и не спешили с поддержкой «турецкой модели», не могли оставить без внимания очевидный рост привлекательности опыта политического развития Турции. Хиллари Клинтон, занимавшая тогда пост госсекретаря США, публично высказывалась в поддержку стремления «народов Ближнего Востока и Северной Африки извлечь уроки из опыта Турции»⁵². А президент Барак Обама открыто заявлял, что «светская демократическая Турция — критически важна как модель развития для других мусульманских стран региона»⁵³. Западные СМИ охотно подхватили идею «турецкой модели» для стран, переживших потрясения «арабской весны», и стали характеризовать ее как «реальность, а не фигуру речи»⁵⁴.

Примечательно, что интерес к «турецкой модели» не ограничивался исключительно политическим истеблишментом. Как показывали разнообразные социологические опросы, население арабских стран активно поддерживало идею использования турецкого опыта и крайне позитивно оценивало роль Турции в регионе. Так, по результатам соцопроса, проведенного турецким фондом экономических и социологических исследований (Turkiye Ekonomik ve Sosyal Etudler Vakfi, TESEV) в ключевых странах Ближнего и Среднего Востока в 2011 г., более 61% респондентов позитивно отнеслись к перспективе внедрения «турецкой модели» в их собственных странах⁵⁵. Аналогичный опрос 2012 г. зафиксировал рост позитивного отношения к Турции: на тот момент уже более 72% респондентов согласились, что пример Турции мог бы стать эффективной моделью развития для Египта, Туниса и Ливии⁵⁶.

---

⁵² *The Associated Press*, 16.07.2011.

⁵³ Obama Says Turkey Should Be Full Member of Europe // *Corriere della Sera*, 08.07.2010. URL: <http://www.corriere.it/International/english/articoli/2010/07/08/Barack-Obama-exclusive-interview-Corriere-della-Sera.shtml>.

⁵⁴ *The Economist*, 6.08.2011.

⁵⁵ Исследование проводилось в Египте, Иордании, Ливане, Палестине, Саудовской Аравии, Сирии, Ираке, Иране, Тунисе, Катаре, Бахрейне, Кувейте, Омане, ОАЭ, Йемене и Ливии. См.: *The Perception of Turkey in the Middle East 2011*. URL: http://tesev.org.tr/wp-content/uploads/2015/11/The_Perception_Of_Turkey_In_The_Middle_East_2011.pdf.

⁵⁶ *Dünya*, 27.02.2012; İdiz, Semih. Do Arabs Know What the Turkish Model Is? // *Hurriyet Daily News*, 28.02.2012. URL: <http://www.hurriyetdailynews.com/Default.aspx?PageID=238&NID=14789&NewsCatID=416>.

Несмотря на очевидную востребованность «турецкой модели» в условиях «арабской весны» и авансы, которые щедро раздавали на словах политики разных стран, Анкара проявила крайнюю осторожность в официальной реакции на это явление. В интервью британской газете *The Guardian* весной 2011 г. Ахмет Давутоглу, занимавший тогда пост министра иностранных дел Турции, аккуратно парировал прямой вопрос о «турецкой модели»: «Мы не хотим, чтобы Турция как страна или ПСР как политическая партия выступали моделями для кого-либо. Мы проводим политику в интересах своей страны и своих граждан и не стремимся к созданию моделей... Мы не можем навязывать свою модель кому-либо, поскольку у каждой страны свой путь развития»⁵⁷. По мере развития событий турецкие политики стали высказываться более определенно, обращая внимания на сильные стороны турецкой социальной и политической системы в условиях нарастающей нестабильности в регионе. Однако премьер Р. Эрдоган, президент А. Гюль, высокопоставленные функционеры правящей ПСР и члены правительства старательно избегали словосочетания «турецкая модель».

Выступая перед депутатами турецкого парламента весной 2011 г., Р. Эрдоган говорил, что «турецкая демократия воодушевила арабский мир на протест против старых режимов»⁵⁸. Президент А. Гюль вторил ему, говоря, что Турция стала «источником вдохновения» для Ближнего Востока⁵⁹. Подобная риторика отчасти объяснялось тем, что в памяти турецких политиков были свежи воспоминания о провале проекта «турецкой модели» в 1990-е и 2000-е гг., а отчасти и стремлением избежать негативной реакции со стороны новых лидеров арабских стран, которые вполне могли увидеть в самом слове «модель» попытку экспорта политического режима как продолжения «сменорежимной стратегии» Запада⁶⁰. «Мы не стремимся

---

⁵⁷ Davutoglu, Ahmet. We in Turkey and the Middle East Have Replaced Humiliation with Dignity // *The Guardian*, March 15, 2011. URL: <http://www.guardian.co.uk/commentisfree/2011/mar/15/middle-east-dignity-common-destiny>.

⁵⁸ Цит. по: *The Economist*, 28.03.2011.

⁵⁹ *Dünya*, 09.08.2011.

⁶⁰ Наумкин В. В. Снизу вверх и обратно. «Арабская весна» и глобальная международная система // *Россия в глобальной политике*, № 4, 2011. URL: <http://www.globalaffairs.ru/number/Snizu-vverkh-i-obratno-15277>.

экспортировать свой режим — это просто невозможно... но если потребуется наша помощь, мы готовы ее оказать», — отмечал Р. Эрдоган в интервью американскому журналу *Time* осенью 2011 г.⁶¹ Более того, он обращал внимание, что позитивный опыт Турции, особенно в сфере экономики, не стоит локализовать и воспринимать узко регионально. «Успехи турецкой экономики могут стать примером не только для стран региона, но и любого другого государства мира», — говорил турецкий премьер с трибуны юбилейной конференции ООН по устойчивому развитию в Рио-де-Жанейро летом 2012 г.⁶²

Помимо достижений в сфере экономики и социальной политики, важной составляющей «турецкой модели» был новый взгляд на лаицизм. В условиях процессов десекуляризации, которые Турция переживала с конца 1980-х гг., этот ключевой принцип кемалистской республики подвергся серьезной ревизии. Р. Эрдоган так разъяснял значение лаицизма для «турецкой модели» во время исторического визита в Тунис и Египет осенью 2011 г.: «Мы не строим лаицизм в западном понимании, по французской или англо-саксонской модели... у нас светским является только государство, гражданин сохраняет свою религиозность... Мусульманин может успешно управлять светским государством... В Турции 99% населения — верующие мусульмане, и это не составляет никакой проблемы... Вы можете сделать у себя также»⁶³. В этих словах можно было увидеть, с одной стороны, что Р. Эрдоган усвоил урок 2000-х гг., когда «турецкая модель» продвигалась Западом как пример исламской демократии, а с другой — стремление продемонстрировать критикам Турции, что обвинения в проведении политики исламизации во многом беспочвенны. Западная пресса увидела в этом тонкий расчет Р. Эрдогана: желание повысить привлекательность «турецкой модели» и противопоставить Турцию более консервативным странам региона⁶⁴.

---

⁶¹ *Time*, 26.09.2011.

⁶² *Hürriyet*, 21.06.2012.

⁶³ *Hürriyet Daily News*, 15.09.2011.

⁶⁴ Salem, Paul. Arab Wave Sweeps Iran Model Out, Turkey «In» // Carnegie, 28.10.2011. URL: <http://carnegie-mec.org/2011/10/28/arab-wave-sweeps-iran-model-out-turkey-in-pub-45863>.

Очевидно, что, по сравнению с 1990-ми и особенно с началом 2000-х гг., притягательность «турецкой модели» была гораздо более ощутима. Неслучайно по всему региону исламские политические движения умеренного толка в названиях своих партий стали использовать эрдогановскую формулу «справедливости и развития»: своя Партия справедливости и развития была создана в Ливии и Тунисе, в Египте — Партия свободы и справедливости, еще раньше в Сирии было основано Движение за справедливость и развитие. Все это вместе с безусловными успехами на внутривнутриполитическом и внешнеполитическом фронте (экономический рост, наращивание электоральной поддержки с каждым новыми выборами, посредничество в урегулировании международных конфликтов и т. д.) существенно повышало «капитализацию» «турецкой модели».

Однако главная проблема состояла не в успешности Турции начала 2010-х гг., а в невозможности перенести «турецкую модель» на другие страны региона и начале процесса девестернизации в самой Турции. Ведь сама по себе «турецкая модель», как и эпоха правления ПСР, оказалась крайне противоречива. С одной стороны, ПСР откровенно стремилась «подтянуть» Турцию до европейского уровня через экономические и административно-политические реформы в соответствии с «Копенгагенскими критериями» для вступления в ЕС. С другой стороны, относительному успеху реформ и экономическому росту сопутствовали развертывание репрессий против политических оппонентов и настойчивое стремление ввести в повестку общественно-политической дискуссии традиционные проблемы из риторики исламистов (снятие запрета на ношение платка-тюрбана или же отмена специальных правил поступления в ВУЗы для выпускников религиозных школ имам-хатибов), а также многочисленные примеры фаворитизма по отношению к «исламистским кадрам», которые по всей стране планомерно заполняли различные административные посты от глав муниципалитетов до руководителей образовательных учреждений. Кроме того, успехи социально-экономического развития Турции были плодом нескольких десятилетий планомерных преобразований, осуществление которых в мобилизационном ускоренном режиме в других странах едва ли было возможно

(это признавали и арабские интеллектуалы⁶⁵), а баланс демократических институтов представлял собой производную специфической турецкой политической системы, в которой военная элита с помощью регулярных вмешательств (например, перевороты 1960, 1971, 1980, 1997 гг.) «дозировала» демократический процесс, сдерживая развитие демократии, но при этом одновременно не давая ей окончательно умереть⁶⁶.

Контуры нового прочтения «турецкой модели»

В начале 2000-х гг. казалось, что Анкара обречена стать полноценным членом западного мира во всех формальных и неформальных аспектах вплоть до вступления в ЕС. Однако «золотой период» европеизации Турции оказался очень скоротечен и фактически завершился с началом официальных переговоров с Брюсселем о вступлении в ЕС осенью 2005 г. Нисходящая динамика политического взаимодействия и рост разочарования друг в друге — таковы основные характеристики отношений Турции и ЕС последующего периода. Чрезвычайно медленный (особенно в сравнении с опытом интеграции в ЕС стран Центральной Европы) процесс открытия «глав» для переговоров с Анкарой и формальное замораживание переговорного процесса из-за «кипрского вопроса» в декабре 2006 г. сделало перспективы вступления Турции в ЕС чрезвычайно туманными.

Стагнация евроинтеграции совпала с началом политической делиберализации внутри самой Турции. С каждыми новыми выборами ПСР последовательно наращивала свою электоральную базу и все меньше нуждалась в «факторе ЕС» для мобилизации сторонников и противостояния политическим оппонентам. Если в 2002 г., когда ПСР приходила к власти, обещания демократических свобод были чрезвычайно важны как гарантия политического выживания консервативно-исламистской ПСР перед лицом угроз со стороны светской

---

⁶⁵ *Hürriyet Daily News*, 15.03.2011.

⁶⁶ Barkey, Henri. Turkey and the Arab Spring // Carnegie, 26.04.2011. URL: <http://carnegieendowment.org/2011/04/26/%20turkey-and-arab-spring/2s3#inspiration>.

кемалистской элиты, то с 2007 г. партия уже обладала достаточной социальной базой, чтобы развернуть борьбу против своих идеологических противников, особо ярко проявившуюся в знаменитых делах «Эргенекон», «Кувалда» и ряде других. Каждый последующий выборный цикл (2011, 2014, 2015) знаменовал собой новую волну делиберализации — уголовное преследование политических активистов, нормативные ограничения на свободу слова и собраний, жестокое подавление протестных выступлений. Хронологически совпавшие с выборным марафоном 2015 г. массовые теракты, жертвами которых в основном стали гражданские активисты, и свертывание «мирного процесса» с РПК окончательно вернули Турцию во времена репрессивной политики начала 1980-х гг.

В последние годы Турция все больше воспринималась как страна, делающая успехи на пути деевропеизации и девестернизации. В этом ключе масштабные репрессии после путча в июле 2016 г. не выглядели как нечто, выбивающееся из парадигмы политического развития Турции, скорее наоборот — как вполне логичный шаг после сегментации либеральных реформ по степени приоритетности для интересов режима ПСР (фактически с конца 2000-х гг. либерализация продолжалась только в сфере военно-гражданских отношений и миграционной политики). На фоне неясных перспектив внешней и внутренней политики Турции, очевидно, что с каждым годом цена удержания власти для режима Эрдогана становится все выше, а поддержание стабильных отношений с партнерами в регионе и мире — все тяжелее. В жертву принесена «европейская мечта», с которой ПСР выиграла свои первые выборы, турецкая модель успешного сочетания демократии и ислама, гражданские свободы, экономический рост, еще недавно выступавшие в качестве символов процветающей «Новой Турции».

В общественный дискурс внедряются элементы, которые должны окончательно заместить кемалистские ценности секуляризма и «внешнеполитической сдержанности» неоконсервативными ориентирами, сочетающими ностальгию по имперскому прошлому и идею Турции как «центрального государства» макрорегиона Афро-Евразии. В практическом плане наиболее заметными проявлениями этой «неоконсервативной» (или, как ее нередко именуют в России и на Западе — «неоосманской»)

политики стала, с одной стороны, настойчивая героизация султанов «Блистательной Порты» и в целом «славных страниц» османской истории в финансируемых правительством кинофильмах и телесериалах, а с другой, – стремление закрепить военное присутствие на территории Сирии и Ирака, составляющих часть «османского геополитического пространства», зачастую действуя с опорой на джихадистов в региональной политике.

Становясь все менее предсказуемой для западных партнеров и перестав выполнять роль «витрины либеральной демократии с исламским лицом» на Ближнем Востоке, Турция, тем не менее, не утратила привлекательности для стран региона. При всей неоднозначности шагов Р. Эрдогана во внутренней политике, обаяние силы играет свою роль. Взятый Р. Эрдоганом с начала 2010-х гг. курс на консолидацию власти по всем направлениям, методы реализации которого с каждым годом становятся все жестче, не привел к коллапсу режима. Наоборот, он создал новый внутренний баланс сил, в рамках которого была полностью уничтожена старая система сдержек и противовесов (прежде всего, в лице армии и военной элиты). В этом можно было бы увидеть движение к новой современной форме политического устройства, в рамках которого военная элита не обладает политической субъектностью и где формируется новый общественный договор власти и социума. Вместе с тем, открытым пока что остается вопрос, кто теперь будет исполнять роль балансира в условиях высокой степени персонификации власти и ослабления светской институциональной составляющей политической системы Турции.

В русле отмечаемой многими общемировой тенденции на авторитарный откат Турецкая Республика формирует новую модель отношений общества и государства, в рамках которой правительство, с одной стороны, проводит курс на системное ослабление демократических институтов, а с другой, культивирует в массовом сознании убежденность, что соблюдение нового общественного договора и сохранение благ, которыми обладают граждане, целиком и полностью зависит от конкретной партии и даже конкретных политических деятелей, от того, сохраняют ли они в своих руках рычаги управления страной или нет. Как ни парадоксально, подобная персонификация

государства и общественных институтов вызывает не отторжение, а чувство сопричастности. Более того, формируется новый формат политического участия, символом которого можно считать многомиллионные митинги в поддержку Эрдогана осенью 2016 г. При этом лозунги, с которыми Эрдоган приходил к власти, о построении «Новой Турции» — демократической страны с религиозными свободами, быстрорастущей экономикой, политическим решением «курдского вопроса» и неминуемым членством в ЕС — уступили место опасному сочетанию углубляющейся политической поляризации, снижения темпов экономического роста, эскалации напряженности как внутри страны, так и по периметру ее границ, беспрецедентному уровню накала в отношениях с Западом.

Претензии на роль глобального игрока с экстравагантными идеями о превращении Стамбула в место пребывания штаб-квартиры ООН⁶⁷ сочетаются с общей тенденцией на милитаризацию политики Турции. В текущем десятилетии четко обозначился курс военно-политической экспансии на региональном и трансрегиональном уровнях, выразившийся в расширении сотрудничества с военными структурами других стран и создании турецких военных баз в разных регионах мира (на Ближнем и Среднем Востоке, в Восточном Средиземноморье, в Африке и т. д.). Если ранее Турция замыкалась на военно-техническом сотрудничестве с основными партнерами по НАТО, теперь география и номенклатура военно-технического и военно-стратегического сотрудничества существенно расширились и охватили более 70 стран, с которыми заключены межправительственные соглашения о сотрудничестве на уровне национальных вооруженных сил. Военные представительства Турции ведут деятельность в 80 странах, а общий объем экспорта турецких вооружений за первое полугодие 2018 г. превысил 900 млн долл.⁶⁸ (более чем двукратный рост за 8 лет). С середины 2000-х гг. власти страны активно

---

⁶⁷ Istanbul should be center of UN: President Erdoğan // *Hurriyet Daily News*, 25.10.2016. URL: <http://www.hurriyetdailynews.com/istanbul-should-be-center-of-un-president-erdogan-105336>.

⁶⁸ Turkey's defense industry exports hit \$900 million in 2018 // *Hurriyet Daily News*, 03.06.2018. URL: <http://www.hurriyetdailynews.com/turkeys-defense-industry-exports-hit-900-million-in-2018-134116>.

работают на привлечение в турецкие военные и полицейские академии иностранных слушателей – солдат и офицеров (в середине 2010-х гг., накануне реформы системы военного образования, в Турции ежегодно проходило обучение и переподготовку более 3,5 тыс. иностранных военнослужащих)⁶⁹. При этом отмечается нисходящая динамика кооперации Турции с ключевыми западными партнерами и НАТО. Разносторонняя помощь США сирийским курдам вызвала сильное раздражение не только в политических кругах, но и среди турецких высокопоставленных военных, размывая и без того подорванное доверие к западным союзникам⁷⁰.

Наращивание военно-политического присутствия Турции в регионе Ближнего и Среднего Востока за последнее десятилетие достигло немыслимых ранее масштабов, что выразилось не только в крупных проектах создания военных баз, но и военных вторжениях на территорию Ирака (2008, 2015) и Сирии (2016, 2017, 2018)⁷¹. Вместе с многочисленными военными базами и амбициозным проектом разработки собственного авианесущего крейсера (для расширения возможностей военного присутствия в Красном море и Индийском океане), все это создает ощущение зарождения новой версии «турецкой модели», воплощающей идею превращения Турции в государство, определяющее характер «региональной подсистемы» международных отношений на Ближнем Востоке. «У Европы

---

⁶⁹ The Military Balance 2018 // IISS, February 2018. URL: <https://www.iiss.org/publications/the-military-balance/the-military-balance-2018/mb2018-04-europe>.

⁷⁰ Дополнительным фактором ухудшения отношений стала неоднозначная позиция альянса в дни июльского путча 2016 г.: руководство НАТО лишь спустя месяц после событий выступило с осуждением путчистов, а многие офицеры, обвиняемые в подготовке переворота нашли политическое убежище в странах-членах альянса. Так, за 2016–2017 гг. несколько сотен бывших офицеров, судей и госслужащих попросили политического убежища в Германии. В свою очередь, участие большого количества турецких офицеров, связанных с НАТО, в организации путча родило в общественном мнении убежденность, что функционеры НАТО знали о готовящемся перевороте, но предпочли не предпринимать никаких действий. См.: *Turks Can Agree on One Thing: U.S. Was Behind Failed Coup* // *New York Times*, 02.08.2016. URL: <https://www.nytimes.com/2016/08/03/world/europe/turkey-coup-erdogan-fethullah-gulen-united-states.html>.

⁷¹ Sagnic C. Challenges to Turkey's Military Deployments Abroad // *Turkey-Scope. Insights on Turkish Affairs*, No. 1, 2016. URL: <https://dayan.org/content/challenges-turkey%E2%80%99s-military-deployments-abroad>.

есть Шенген, а мы создаем Шам-ген (Шам – Левант. – П. Ш.)», – говорил в свое время Р. Эрдоган⁷². Не случайно Турцию все чаще стали называть в регионе «новым империалистом Ближнего Востока»⁷³.

За последнее десятилетие Турция превратилась в гораздо более самостоятельного геополитического игрока, но при этом менее предсказуемого, уже не соответствующего представлениям США и ЕС о том, какую Турцию они хотели бы видеть в качестве «модели» для мусульманских стран Ближнего Востока. Турция теперь уже не «остров стабильности», а источник новых, зачастую неожиданных импульсов регионального масштаба.

---

⁷² Kirişçi, Kemal. Turkey and Its Post-Soviet Neighborhood // *Current History. A Journal of Contemporary World Affairs*, Vol. 112, Issue 756, October 2013. P. 271–276.

⁷³ Waldman S.A. Balfour Is History. The Middle East's New Imperialists are Turkey and Iran // *Haaretz*, 1.11.2017. URL: <https://www.haaretz.com/opinion/.premium-the-middle-east-s-new-imperialists-are-turkey-and-iran-1.5462045>.

Глава VII

ЭВОЛЮЦИЯ ПОЛИТИЧЕСКОГО РЕЖИМА ИЗРАИЛЯ

Характеристикой политического режима Израиля является многочисленность его сегментов (мультикратия или мультиформократия), которые возникли и сложились в основных своих чертах еще в первые годы существования государства. Дальнейшее развитие предполагало не изменение числа его сегментов, а постоянную борьбу, расширение-сужение их доли в структуре государственной власти. Такая структура позволила сохранить основные демократические элементы, дав при этом отдельным группам населения возможность удовлетворять свои религиозные, партийные, клановые, экономические и общественные запросы¹.

Соотношение основных ветвей власти в Израиле предполагает, что политические партии, общественные движения, лобби, религиозные общины, гражданские ассоциации и союзы, а также практически любые правительственные или неправительственные институты обычно руководствуются своими особыми интересами при выдвижении инициатив, законопроектов или петиций. Совокупно все политические решения, принятые институтами власти с учетом тех или иных интересов, составляют особые сегменты в структуре власти в Израиле. Такие сегменты определяются как «кратии» (компоненты власти), что является одной из характеристик израильского политического режима. Наряду с органами государственной власти — правительством Израиля и его министерствами, парламентом

Авторы главы – *Карасова Татьяна Анисимовна, Марьясис Дмитрий Александрович*

¹ Карасова Т.А., Штереншис М. Политический режим современного Израиля // *Международная политика*, 2016. Вып. 4(18). С. 30.

(Кнессет), а также критократической ветвью власти (Высший суд), такие сегменты как теократия (религиозные институты), этнократия и набирающая силы технократия, обладают специфическими интересами и активно действуют в попытках укрепить свое политическое влияние. Демократии в Израиле приходится взаимодействовать и делиться с другими ветвями власти в процессе управления государством. По мнению израильского специалиста Михаила Штереншиса, слабость израильской демократии в практическом управлении страной позволяет прочим краниям, особенно теократии, партократии и бюрократии, вмешиваться во внутреннюю политику государства, и тем самым, политический режим Израиля определяется как мультикратия с демократической доминантой².

Политическое устройство Государства Израиль с трудом вписывается в общепринятые классификации. Если понимать политический режим как совокупность приемов, способов и методов осуществления политической власти, то в Израиле далеко не вся политическая власть базируется и далеко не все политически важные решения принимаются на основе демократических или национальных принципов. В современной литературе израильская демократия критикуется с либеральной/нелиберальной и открытой/закрытой точек зрения, называется хрупкой, неполной, или, как минимум, «своеобразной» (*peculiarities of Israel's democracy*)³. Все приведенные определения «неполной демократии» подразумевают, что «пирог власти» в Израиле имеет некие сегменты, которые нельзя полностью отнести к демократическому правлению и которые имеют так называемый «оборонительный» характер.

В современном Израиле до последнего времени не наблюдалось признаков прямого противостояния власти и гражданского общества⁴, но есть, как и везде в мире, множество

---

² Михаил Штереншис ввел в научный оборот термин «мультикратия», получив на него патент.

³ Звягельская И. Д., Карасова Т. А., Федорченко А. В. Партийная система Израиля. Элита и группы интересов // Государство Израиль: политика, экономика, общество. М.: ИВ РАН, 2006. С. 356, 390–391; Карасова Т. А. Политическая история Израиля. Блок Ликуд: прошлое и настоящее. М.: ИВ РАН, Наталис, 2009. С. 292–293.

⁴ Стремление действующего премьер-министра Израиля изменить существующее законодательство в сфере организации судопроизводства против

несовпадений в интересах различных частей общества. В частности, речь может идти о наиболее часто обсуждаемых составляющих израильской демократии — об этнократической, теократической и технократической компонентах власти (или влиянии на власть) в Израиле.

Рассмотрим **этнократический сегмент**⁵. При создании государства в 1948 г. оно было определено как демократическое с последующим уточнением: как демократическое и национальное (еврейское). С точки зрения принятых в западной политологии норм, израильское государство имеет достаточно развитое демократическое устройство. В рамках широкого консенсуса всех сионистских сил Израиль с первого момента своего существования мыслился как еврейское демократическое государство. В период, когда возникло это определение, вряд ли кто-либо видел противоречие между двумя его частями. Право народов на самоопределение в форме независимого национального государства воспринималось как одно из неотъемлемых гражданских прав, а понятия «национализм» и «демократия» были почти синонимами.

Однако некоторые израильские специалисты уже в начальный период государственности признавали, что Израиль можно считать националистическим государством. «Закон о возвращении» зачастую и сейчас трактуется (как правило, извне) как признак националистического государства и дискриминации нееврейского населения. Доступ к власти и ресурсам с самого начала имела еврейская политическая элита, а нееврейское население страны (прежде всего арабы) были и остаются дискриминируемым меньшинством. Линия государства в этом вопросе всегда колебалась между официально провозглашенной ориентацией на мультикультурную демократию и серьезными признаками «урезанной» демократии в практической политике.

руководства страны — ввести норму судебной неприкосновенности для власти — вызвало резкий протест населения, выразившийся, в частности, в многотысячном митинге в Тель-Авиве 25 мая 2019 г.

⁵ Этнократия — это власть, господство элиты какого-либо этноса (народа, нации) над другими народами страны. В современном понимании это всегда неравенство политических прав разных народов, привилегия одних и дискриминация других.

Тот факт, что Израиль был создан как продукт еврейской национальной идеи и еврейского национального движения — сионизма, повлиял на его идейно-политическую доктрину и воздействовал на природу его демократии. Вопрос о сочетании либерально-демократических и националистических принципов Государства Израиль, как и всегда, довольно остро стоит на повестке дня израильского общества.

С начала 1980-х гг. оценки израильской демократии среди самих израильских политологов существенно менялись. Мнения разделились на тех, кто считает, что определение Израиля как еврейского государства абсолютно неправомерно с точки зрения норм либеральной демократии, и тех, кто утверждает, что еврейское государство не противоречит ее принципам. Израильский социолог, профессор Сэмми Самуха определяет Израиль как «этническую демократию», так как нарушение этнического равенства меняет структуру и природу израильской демократии. Этническая демократия — это политический режим, который соединяет в себе распространение основных гражданских и политических свобод на постоянных жителей с признанием привилегированного положения одной этнической группы («основной, титульной» нации) в отношении государства, что проявляется в доминировании этой нации в государственном управлении. Не принадлежащие к основной нации группы в данной ситуации нередко воспринимаются как угроза для привилегированного положения последней, но при этом допускается их политическая борьба за изменение положения. Такая демократия включает в себя недемократичные элементы доминирования, а значит может быть понята как ограниченная, несовершенная разновидность демократии. Самуха подчеркивает, что с меньшинствами обращаются как со второсортными гражданами⁶. В то же время им разрешено вести борьбу за свои права демократическими мирными средствами.

В настоящее время специалисты по израильской государственной системе подходят к этому вопросу более осторожно. Ими предлагаются различные определения израильского общественно-политического строя, например, «мажоритарная

---

⁶ Smooha, Sammy. Israel70 | The Global Enigma // *Fathom*, July, 2018. URL: <http://fathomjournal.org/israel70-the-global-enigma/>.

демократия»⁷, «консенсусная демократия», «объединительная» модель демократии⁸ и т. д. П. Меддинг, например, считает, что в Израиле наблюдается некий «гибрид» различных типов демократии, причем постепенно идет переход от преимущественно консенсусной многопартийной к двухпартийной мажоритарной модели⁹. Сущность этих оценок состоит в том, что израильская демократия обладает целым рядом особенностей, которые не характерны для других западных моделей.

В этом смысле можно попытаться оценить израильскую политическую модель управления по тому, руководствуется ли ее политическая система и политические партии тем спектром ценностей и норм, которые определяются как либерально-демократические¹⁰. Поэтому наиболее существенный вопрос — какая часть израильского политического спектра озабочена соблюдением прав меньшинств и контролем за судебными решениями, руководствуясь при этом ценностями либерально-демократического проекта.

Взаимоотношения евреев как титульной нации и арабского меньшинства, так называемая палестинизация и радикализация арабского сектора остаются серьезным испытанием для израильского общества. Критики с обеих сторон политического спектра утверждают, что Израиль не может быть одновременно еврейским и демократическим. Если в нем есть значительное арабское меньшинство, он должен или потерять свой еврейский характер, чтобы остаться демократическим (позиция левых сионистских партий и арабских «оппозиционеров»), или исключить арабов из политической жизни или даже изгнать/переселить их на подконтрольные ПНА территории (позиция ультранационалистов). Определенные представители левых политических сил в израильском обществе до сих пор считают, что быть демократическим государством важнее, чем

---

⁷ См. подробнее: Ковлер А.И. Кризис демократии? Демократия на рубеже XXI века. М., 1997.

⁸ Lijphart A. Israeli Democracy and Democratic Reforms in Comparative Perspective // Parties, Elections and Cleavages. Israel in Comparative and Theoretical Perspective / ed. by Reuven Y. Hazan and Moshe Maor. London –Portland (OR): Frank Cass., 2000. P. 172–177.

⁹ Ibid.

¹⁰ См.: Карасова Т.А. Современные тенденции развития внутриполитической ситуации в Государстве Израиль // Государство Израиль... С. 10.

еврейским. Некоторые политики из «правого» фланга и религиозный лагерь утверждают, что национальные приоритеты — «еврейские ценности» — выше демократических принципов¹¹.

Арабы составляют группу населения, которая подвергается дискриминации с момента создания государства. В 1990-е были сделаны важные шаги, сократившие разрыв между арабским и еврейским сектором в сферах образования и муниципального финансирования. Однако различия между двумя системами образования все еще огромны и выражаются, прежде всего, в тотальном доминировании одной системы над другой. Арабский сектор лишен возможности как устанавливать цели и задачи своей системы образования, так и быть равным партнером при постановке общегосударственных целей и задач. Вместе с тем необходимо отметить, что арабское меньшинство в Израиле пережило и переживает широкомасштабные процессы перемен, большая часть которых связана с системой взаимоотношений между двумя группами: еврейским большинством и арабским меньшинством. Среди этих процессов — модернизация и повышение уровня жизни, улучшение системы арабского образования, активное привлечение арабских женщин на рабочие места в различных секторах израильской экономики.

В 1990-е годы израильское правительство пыталось проводить политику усиления мотива израильской гражданственности в среде арабского меньшинства. Оно пыталось создать самобытную арабскую израильскую идентичность, чтобы отвлечь арабов Израиля от своей арабской и палестинской национальной идентификации¹².

После начала второй интифады в 2000 г. правительство Шарона впервые официально признало факт национальной дискриминации израильских арабов. Была предпринята попытка совместно с арабскими депутатами Кнессета обсудить, а затем создать юридическую комиссию расследования причин интифады. Израильское государство предоставило

---

¹¹ Smootha, Sammy. Israel70 | The Global Enigma // *Fathom*, July, 2018. URL: <http://fathomjournal.org/israel70-the-global-enigma/>.

¹² Моваффах, Хури. Система взаимоотношений между арабами и евреями // *Аналитика культурологии*, 2007. Вып. 3(9). URL: <http://analiculturolog.ru/journal>.

арабскому населению личные и коллективные права, признав арабский вторым государственным языком страны, и обеспечило отдельную, полностью за счет государства систему школ с преподаванием на арабском языке. Идентичность и культура арабского меньшинства не подвергается давлению, и государство не делает никаких попыток ассимиляции арабов. С 2016 г. правительство Нетаньяху резко увеличило инвестиции в развитие арабского сектора.

Итак, существует ли в Израиле демократия? По оценкам различных международных институтов, Израиль соответствует критериям демократии, однако не по всем параметрам. Уровень и индекс демократии в Израиле по оценкам международных и израильских организаций существенно различаются. В основном все исследования в различных государствах мира велись по четырем критериям, определяющим демократию: полная демократия, недостаточная демократия, гибридный режим и авторитарный режим. По данным исследовательской компании The Economist Intelligence Unit (аналитическое подразделение британского журнала Economist), которая периодически представляет «Индекс демократии стран мира», в отчете за 2007 г., Израиль занял лишь 47 место и был помещен в графе «недостаточные демократии». В отчете признавалось, что часть граждан, в первую очередь, арабы — оторваны, отделены от демократии. Учитывалось, что Израилем управляет одна небольшая группа лиц, которая стремится отодвинуть от государственных институтов представителей других слоев населения. Это связано с сильным националистическим характером государства и оборачивается не только против арабов, но и против части еврейского населения¹³. В 2011 г. в отчете этой организации Израиль занял 36 место (после Чили) — индекс 7.53, и характеризовался как «недостаточная демократия»¹⁴. В 2017 г. показатели Израиля несколько улучшились: он занял

---

¹³ Kekic, Laza. The Economist Intelligence Unit's index of democracy // *The Economist*, 2007. URL: https://www.economist.com/media/pdf/democracy_index_2007_v3.pdf

¹⁴ При подготовке данного рейтинга исследователи проанализировали 167 государств. Все они отнесены к одному из четырех уже перечисленных типов режима власти: The Democracy Index 2011: Democracy under stress // *The Economist*, 19.12.2011. URL: https://www.eiu.com/public/topical_report.aspx?campaignid=DemocracyIndex2011.

30-е место, его индекс стал 7.79, но он по-прежнему отнесен к «недостаточной демократии»¹⁵. Однако формальные оценки из-за рубежа не дают ответа на главный вопрос: каково состояние израильской демократии в настоящее время?

Новым взрывом общественного мнения на внутриизраильском, региональном и мировом уровне стало принятие Кнессетом 19 июля 2018 г. закона о еврейском характере Государства Израиль. Принятие данного закона отразило позиции правящих кругов Израиля не столько по этнократическим вопросам внутреннего развития государства и его политического режима, сколько по внешнеполитическим мотивам, а именно, по проблеме урегулирования палестино-израильского конфликта. В течение последнего десятилетия израильское руководство настаивало, что готово было пойти на переговоры с Палестинской администрацией только в том случае, если палестинцы гарантируют безопасность Государства Израиль и признают его еврейским государством. Поэтому, очевидно, потребовалось законодательное подтверждение этого положения. В ноябре 2014 г. Кнессетом был рассмотрен законопроект о еврейском характере государства. Этот закон должен был подтвердить статус евреев как единственного народа, который имеет право на национальное самоопределение в пределах государства. «Израиль — национальное государство еврейского народа. Здесь каждый гражданин имеет равные индивидуальные права, и мы настаиваем на этом, но только у еврейского народа есть национальные права — флаг, гимн, право каждого еврея иммигрировать в эту страну, иные национальные символы. Все это даровано только нашему народу в его одном и единственном государстве», — сказал премьер-министр Биньямин Нетаньяху¹⁶.

Однако все основные причины принятия закона невозможно понять, не анализируя внутривнутриполитическую ситуацию в Израиле. В начале 2019 г. ожидалось новые парламентские выборы. В связи с этим просматривались попытки Нетаньяху усилить

---

¹⁵ Democracy Index 2017: Free speech under attack // *The Economist*, 2017. URL: https://www.eiu.com/public/topical_report.aspx?campaignid=DemocracyIndex2017.

¹⁶ Правительство Израиля одобрило закон о государстве еврейского народа // *РИА Новости*, 24.11.2014. URL: <https://ria.ru/world/20141124/1034741938.html>.

свои позиции среди националистического лагеря, являющегося его основным сторонником на израильской политической арене.

Критики этого закона отмечали его ненужность и жестокость. Во-первых, закон декларировал, что Израиль является национальным государством еврейского народа, что являлось в течение 70 лет политической реальностью без того, чтобы коалиция, возглавляемая Нетаньяху взорвала легитимность израильской демократии¹⁷. Во-вторых, государство, которое определяет себя как демократическое, должно постоянно защищать права меньшинств. Закон делает обратное. Он определил Израиль как «национальный дом еврейского народа», а евреев — единственным народом, который имеет право на национальное самоопределение в его пределах, и за которым закрепляется исключительное право на национальное самоопределение на территории страны. Столицей Израила объявляется единый и неделимый Иерусалим. Кроме того, закон провозглашает государственным языком только иврит, понижая статус арабского с официального языка до «особого»¹⁸. Этот документ явственно говорит арабским гражданам Израила, что их гражданские права меньше и не равны еврейскому большинству¹⁹. Закон о еврейском характере государства вызвал бурные протесты представителей арабского меньшинства, усмотревших в нем признаки расизма и угрозу дискриминации.

Реакция на закон в израильском обществе была более неоднозначной. Опросы, проведенные Израильским институтом демократии, обнаружили, что почти 40% израильских евреев считали, что Закон о еврейском характере Государства Израиль нанесет ущерб интересам страны, и только 31% считают, что он будет им содействовать. Многие респонденты выразили серьезный скептицизм по поводу мотивов премьер-министра

---

¹⁷ Gorenberg Gershom Netanyahu weakens support for Israel in the United States // *The Washington Post*, July 31, 2018. URL: https://www.washingtonpost.com/news/global-opinions/wp/2018/07/31/netanyahu-weakens-support-for-israel-in-the-united-states/?utm_term=.399997f425e1.

¹⁸ Israel's New Law: Help or Hindrance? // *New York Times*, July 25, 2018. URL: <https://www.nytimes.com/2018/07/25/opinion/letters/israel.html>.

¹⁹ Gorenberg Gershom Netanyahu weakens support for Israel in the United States // *The Washington Post*, July 31, 2018. URL: https://www.washingtonpost.com/news/global-opinions/wp/2018/07/31/netanyahu-weakens-support-for-israel-in-the-united-states/?utm_term=399997f425e1.

Биньямина Нетаньяху: 61,3% считали, что он поддержал закон, чтобы повысить свою популярность у правого крыла и поселенческого движения, и лишь 29,7% сказали, что премьер-министр действовал, исходя из искренней заботы об укреплении еврейского характера государства²⁰.

Между тем израильские арабские лидеры, в том числе члены Кнессета, заявили, что они возмущены не только тем, что закон определяет Израиль национальным домом еврейского народа, но и тем, что он нарушает баланс между национальной (еврейской) и демократической основами государства. Противники закона уверены, что такое снижение статуса неприемлемо в стране, где арабы составляют около 20% населения. Обострение отношений между еврейской и арабской группами населения Израиля способствует дальнейшей политической поляризации общества. Интеграционные процессы встраивания израильских арабов в демократические институты государства идут достаточно медленно, хотя в последние годы правительство предпринимает некоторые действия по сближению этих двух частей общества за счет развития образования в арабском секторе и повышения уровня жизни, примером чего стало принятие пятилетнего плана, значительных правительственных инвестиций в развитие арабских муниципалитетов. Однако на уровне отношений внутри гражданского общества еврейская его часть по-прежнему относится к «внутренним» арабам с предубеждением и не воспринимает их как равных себе граждан. Принятие закона о еврейском характере государства увеличило разрыв между еврейским и нееврейским населением страны. И, по мнению директора Института изучения национальной безопасности Израиля Уди Декеля, в широком смысле многие шаги израильского правительства воспринимаются как угроза израильской демократии²¹.

В целом, происходящая в последние десятилетия эволюция взаимоотношений еврейского и арабского секторов израильского

---

²⁰ Закон о еврейском характере Израиля разделит общество // Еврейский мессианский портал, 09.12.2014 <http://ieshua.org/zakon-o-evrejskom-karaktere-izrailya-razdelil-obshhestvo.htm>.

²¹ Dekel U. Obstacles to Israel's Strategic Objectives: Main Insights from the INSS12th Annual International Conference // INSS Insight, No. 1135, February 12, 2019. URL: <http://www.inss.org.il/publication>.

общества, особенно после принятия закона о еврейском характере Государства Израиль, по-существу является «мягкой» (или косметической) трансформацией этнократического сегмента политического режима²². Этноцентризм, глубоко укорененный в израильском обществе, является важнейшим элементом, формирующим политическую культуру Израиля. Как справедливо отмечала З. Зисман, те же самые этнические барьеры, разделившие общество на евреев и арабов, встали и между самими евреями, ранжировав их в зависимости от страны исхода. Характерно, что партии и движения, возникающие на основе объединения по этническому признаку, как правило, ведут борьбу не за преодоление этнической стратификации, а за более высокую ступень для своей этнической группы на ее шкале.

Теократический сегмент политического режима традиционно силен в Израиле из-за выработанного еще в 1948 г. статус-кво в отношениях государства и религии, а также в результате их фактической неотделимости друг от друга. Сразу же после создания государства религиозные круги потребовали, чтобы еврейские законы и традиции стали его официальным законодательством. Однако Израиль был провозглашен светской республикой. Поначалу официальный раввинат игнорировал проблемы государственного строя Израиля, довольствуясь формулой «Земля Израиля для народа Израиля в соответствии с Торой Израиля». Но когда речь зашла о Конституции, выяснилось, что она абсолютно неприемлема для религиозных кругов именно из-за своего общедемократического характера. Нельзя было совместить религиозные правила и законы с демократическими принципами, отвергающими неравенство женщин, дискриминацию между евреями и неевреями, между «полноценными» евреями и «неполноценными». На свет появился некий документ, определявший принципы взаимоотношений между государством и религией — соглашение статус-кво, подписанное представителями раввината и премьер-министром Д. Бен-Гурионом.

Важно подчеркнуть, что компромисс сионистского государства с религиозниками не означал начала диалога или уступок

---

²² Peleg, Ilan. Democratizing the Hegemonic State. Political Transformation in the Age of Identity. 2015. P. 168.

со стороны ортодоксальных кругов. Для ортодоксов есть только деление на религиозных евреев — «дати» (от библейского слова «дат» — «вера, закон») и неверующих — неортодоксов. Никакой религиозной или иной альтернативы для иудаизма не существует. Сотрудничество с сионистским государством — это в большей степени уступка со стороны ортодоксов. С одной стороны, религия как бы отделена от государства, но в то же время, в соответствии с соглашением между религиозным истеблишментом и государством, раввинатские суды, их деятельность, а также деятельность различных религиозных организаций, включая религиозные школы и службы, до сих пор финансируются за счет государства.

Взаимоотношения государства и религии в Израиле — еще один фактор, влияющий на характер израильской демократии. В последние десятилетия большое влияние на них оказывают такие тенденции как растущая радикализация части ультраортодоксии (вплоть до политических убийств — убийство Рабина) и политическая радикализация определенной части поселенческого движения. Фундаменталистские течения в иудаизме препятствуют, с одной стороны, культурному плюрализму, а с другой — интеграционным процессам в обществе.

Несмотря на существование статус-кво, религиозные институты постоянно пытаются расширить свое политическое влияние, включая такие области как международные отношения, система образования, жилищные проблемы и медицина²³. Если религиозные партии входят в правительственную коалицию, то при подписании коалиционных соглашений они обычно пытаются получить финансовые преимущества для своего электората. Такие государственные институты как министерство по делам религий и два главных раввина контролируют теократический сегмент политической власти в стране. Религиозные политические партии стремятся решить две основные задачи: стратегическую (превратить Израиль в религиозно-еврейское государство) и конкретную (удовлетворить нужды религиозного населения)²⁴.

---

²³ Epstein D.L. Democratic Transitions // American Journal of Political Science, No. 50(3), 2006. P. 551–596.

²⁴ Карасова Т.А., Штерншис М. Политический режим... С. 27.

С первых дней независимости религиозные партии были союзниками правящей лейбористской партии «Мапай» и входили в правящие коалиции всех правительств, которые формировал первый премьер-министр страны Д. Бен-Гурион. В дальнейшем такая практика продолжалась с очень редкими исключениями (одна каденция премьер-министра А. Шарона, который затем все-таки был вынужден во имя выживания правящей коалиции ввести представителей религиозных партий в кабинет министров в 2003 г.). Это позволяло и позволяет религиозным партиям играть во внутренней и внешней политике важную роль, несоответствующую их скромным размерам.

Декларация независимости и Основные законы провозглашают свободу совести и религии одним из основных принципов израильской демократии. Признанные религиозные общины наделены полномочиями регистрировать обращение в религию новых членов, а также браки между членами своих общин. В то же время, государство не занимается пропагандой религии. Однако в широком смысле свобода вероисповедания в Израиле ограничена, так как законы обязывают граждан находиться под юрисдикцией религиозных судов независимо от их личного желания и отношения к религии.

Важной областью, где сказывается отсутствие конституции, является личный статус человека, прежде всего — право заключать брак и разводиться. За неимением института гражданского брака личный статус гражданина в Израиле определяется религиозным судом, причем правом регистрации этого статуса обладает лишь инстанция, получившая полномочия от министра по делам религий. Для евреев необходимо еще и разрешение главного раввина, таким образом, регистрировать браки и разводы евреев в Израиле уполномочен только ортодоксальный Суд Торы. Неортодоксальные же ветви иудаизма этих полномочий не имеют.

Война 1967 г. и оккупация части арабских территорий стала определенным рубежом в развитии различных религиозных течений в Израиле. Началось укрепление положения религиозных сионистов и их переход на активные позиции в вопросах внешней политики.

Как результат оккупации арабских территорий особую значимость для государственной идеологии приобрел

религиозно-националистический компонент в сионизме. Для сохранения оккупированных территорий в основу поселенческого движения была заложена и начала активно «работать» идея «исторического права» еврейского народа на всю библейскую территорию Эрец Исраэль — «Великий Израиль» (т. е. Израиль в библейских границах). Изменилась сама связь между религиозным лагерем и светским государством. Новые границы Израиля, которые включали святые для евреев места — Иерусалим, пещеры Пророков о праотцев в Хевроне и другие получили новое теологическое толкование. Было объявлено, что начался новый этап в процессе приближения к Искуплению. Теперь самым богоугодным делом объявлялось еврейское заселение земель Израиля в библейских границах²⁵. Произошла некая «национализация» понятия «Эрец Исраэль» через селективную интерпретацию Писания, через целенаправленную трактовку еврейской истории. Эрец Исраэль стал символом как лояльности государству Израиль, так и иудаизму. Более того, постепенно понятие Эрец Исраэль подменило светское понятие Израиль. После 1967 г. все политические деятели страны начали говорить об «исторических» правах не на Израиль, а на Эрец Исраэль. Он стал вербальным символом, предметом политических спекуляций, основой веры.

Развитие еврейского фундаментализма привело к появлению рычагов идеологического, политического и культурного давления на израильское общество. Оно превратилось в ядро политического лоббизма, способного противостоять на правительственном уровне любой попытке начать уход с оккупированных территорий или свернуть там строительство еврейских поселений.

Религиозные партии, особенно ультрарелигиозное фундаменталистское крыло, активно вмешивались в жизнь израильского общества. Их представители шли в политику, бизнес. Они стали пытаться решать общенациональные проблемы, предлагая свои «рецепты». Ультрарелигиозники при этом считают, что в решении современных государственных проблем

---

²⁵ Sharot, Stephen. *Messianism, Mysticism and Magic. A Sociological Analysis of the Jewish Religious Movements*. Studies in Religion. Chapel Hill: Un-ty of North Carolina press, 1982. P. 230.

нужно вернуться к историческими корням²⁶. Во многом усиление ультраортодоксов произошло и по чисто политическим мотивам: эти круги борются против любых шагов правительства, которые расцениваются ими или как уступка арабам, и/или как отход от «еврейских ценностей». Во время мирного «процесса Осло» фактически началась кампания гражданского неповиновения, инспирированная некоторыми раввинами и лидерами правых партий, прежде всего Ликуда. На поверхность вышли те экстремистские силы, которые для достижения своих задач были готовы к прямому насилию. Усилилась крайняя ортодоксия, почувствовавшая «дух вседозволенности». В декабре 1995 г. студент И. Амир, принадлежавший к одной из экстремистских религиозных группировок, убил премьер-министра Израиля И. Рабина. Возмущение, овладевшее обществом после этого преступления, давало надежды на «усмирение» экстремистских кругов и ослабление националистических настроений в стране, однако, этого не произошло. На выборах в 1996 г. ультраортодоксальные партии не только не ослабли, но укрепили свое значение балансирующей силы в правительстве.

В первой половине 1990-х гг. наметилась тенденция к сужению полномочий религиозных судов, а также к ограничению многолетней монополии учреждений ортодоксального иудаизма. Эта тенденция проявлялась, прежде всего, в легитимации консервативного и реформистского течений в иудаизме. Были приняты решения о плюралистическом подходе к изучению иудаизма в системе государственного образования, о создании альтернативных кладбищ, о частичном финансировании учреждений неортодоксального иудаизма. В 1992–1996 гг. Министерство по делам религий значительно увеличило финансирование религиозных учреждений консервативного и реформистского иудаизма, в результате чего несколько сократился огромный перевес в размерах государственной помощи, оказываемой ортодоксальному иудаизму. Наконец, Высший суд справедливости вынес важное постановление о том, что МВД не имеет права отказывать новым

---

²⁶ Lustick, Ian S. For the Land and the Lord. Jewish Fundamentalism in Israel. New York: Council on Foreign relations press, 1988. P. 31.

репатриантам, прошедшим консервативный или реформистский гиюр (процесс обращения в еврейство) за пределами Израиля, в регистрации их в качестве евреев²⁷.

При коалиционном правительстве под руководством премьер-министра Б. Нетаньяху была создана комиссия под руководством министра юстиции Яакова Неэмана, призванная найти компромиссное решение о прохождении гиюра в Израиле. Воплощение в жизнь рекомендаций этой комиссии внесло бы определенный вклад в обеспечение прав представителей различных направлений иудаизма. Однако сегодня до этого еще очень далеко. В 2008 г. провалилась очередная попытка изменить статус гражданских браков в Израиле, что вновь всколыхнуло хроническую дискуссию о контроле ортодоксального раввина над гражданским обществом.

Хотя в израильском обществе объективно сохраняется пиетет в отношении религиозных духовных лидеров и самой еврейской религии, сыгравшей решающую роль в сохранении еврейского народа, и многие израильтяне не видят особой опасности в усилении агрессивной ортодоксии, все большая часть израильского общества бьет тревогу по поводу их усиливающегося давления. Одно из центральных мест занимают вопросы взаимоотношений современного вестернизованного, бурно развивающегося демократического государства с религиозной ультраортодоксией, пытающейся повернуть еврейскую историю вспять.

Технократический сегмент в израильской политике составляет, в основном, деловое сообщество. Текущие технологические изменения вызывают политические и социальные сдвиги, которые израильское правительство не может игнорировать. В первые четыре десятилетия существования Государства Израиль представители делового сообщества не являлись группой, имеющей влияние на развитие политического процесса в стране. В то время руководители крупных компаний имели, в основном, очень тесные отношения с политической элитой, по сути являясь ее частью, а не самостоятельной группой.

---

²⁷ Зисерман-Бродская Д. Верховный суд и публичная дискуссия о его функциях. URL: <http://hedir.open.ac.il/kurs/politrica1/ziserman.html>

С конца 1980-х годов начался процесс кардинального реформирования социально-экономического уклада жизни израильского общества. Было принято решение трансформировать национальное хозяйство в либеральную рыночную экономику открытого типа. Одним из важнейших инструментов осуществления указанной стратегии стала политика приватизации. Ее реализация началась во второй половине 1980-х гг., набрала обороты в 1997–1999 гг. — в период начала приватизации двух крупнейших банков Израиля, «Bank Leumi» и «Bank Hapoalim», контрольный пакет акций которых находился в руках государства. Дополнительное ускорение этому процессу придал отчет специальной комиссии Бродета, в соответствии с рекомендациями которого банки были вынуждены отказаться от владения многочисленными израильскими компаниями нефинансового сектора. На протяжении 1990-х годов были приватизированы десятки государственных компаний. В частности, «Chemicalim Le Israel» была продана семейству Айзенберг, «Shikun U Fituach» — компании «Azorim», принадлежащей инвестиционно-промышленной группе «I.D.V.». Продолжилась и приватизация банков: «Mizrachi» был продан группе Офер-Вертхайм, «Igud» перешел под контроль группы Элияху-Ландау.

Продажа государственных компаний привела к перестройке экономической структуры Израиля и к перераспределению экономических сил и рычагов влияния. На протяжении почти полувека центры экономического влияния были сосредоточены в руках правительства и профсоюзов. Теперь же экономика оказалась под контролем примерно двадцати групп. «Экономическая власть» на протяжении 1990-х годов перешла от крупных банков, концернов «Koog», «I. D. V.» и «Klal» к ряду конкурирующих между собой инвестиционно-промышленных групп-семей, таких как Арисон-Данкнер, Бронфман-Кольбер, Фишман, Офер-Вертхайм²⁸.

Существенно, что в первое десятилетие XXI века принципиальных изменений с этой точки зрения в общественной структуре Израиля не произошло. По состоянию на 2010 г. 24 деловые семейные группы контролировали 136 компаний, торгуемых

---

²⁸ Марьясис Д.А. Израиль в системе международных экономических отношений (1985–2005). М.: ИВ РАН, ИБВ, 2007. С. 16–17.

на Тель-Авивской фондовой бирже (ТФБ) — 23% от всех представленных там компаний, но их рыночная капитализация составляла 68% всех компаний, торгуемых на ТФБ²⁹. Согласно проведенному в то же время Организацией экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) исследованию, только в Индонезии, на Филиппинах и в Таиланде наблюдалась более высокая степень концентрации местного бизнеса в руках 10-и крупнейших групп³⁰.

Появление в Израиле мощных промышленно-финансовых групп представляет собой значимое изменение в структуре влияния на динамику политического процесса в стране. Деловое сообщество стало самостоятельным, но кратией в прямом смысле его назвать пока еще нельзя. Однако если раньше промышленники, предприниматели финансисты выстраивали свою деятельность в рамках схем и задач, сформулированных политическим классом, то сейчас у них есть своя повестка дня. Они активно взаимодействуют с властью с равных позиций, оказывая на нее давление с целью добиться позитивного с их точки зрения решения тех вопросов, которые имеют отношение к экономической жизни общества. Следует отметить при этом, что особого стремления напрямую идти в публичную политику представители этой группы пока не обнаруживают.

Либерализация израильской экономики вкупе с активным развитием экономики знаний привели к формированию в стране новой реальности. В современной системе мирохозяйственных связей Израиль занял место своеобразной рыночной платформы по продаже новых технологий³¹. Это, помимо прочего, привело к тому, что в стране появился целый класс относительно молодых очень состоятельных людей, обладающих недюжинной энергией и очень уверенных в своих силах. Они, обладая предпринимательским талантом, смогли не только создать команды, разрабатывающие новые технологии, но и успешно эти команды продать. Некоторые из них,

---

²⁹ Rosenberg D. *Israel's Technology Economy. Origins And Impact*. Palgrave Macmillan, 2018. P. 59.

³⁰ Ibid. P. 60.

³¹ Подробнее об израильской модели инновационной экономики см.: Марьясис Д.А. Опыт построения экономики инноваций. Пример Израиля. М.: ИВ РАН, 2015.

называемые серийными предпринимателями, сразу же стали искать новые деловые возможности, другие — заниматься социально значимыми проектами, а третьи — постепенно обращают все больше и больше внимания на возможности управления государством.

Пока это явление вряд ли можно назвать тенденцией. Но у этого направления есть уже две очевидные «звезды» — бывший мэр Иерусалима Нир Баркат (старшее поколение) и лидер созданной им самим партии (а точнее избирательного списка) «Новые правые» Нафтали Беннет³². Собственная история успеха, отсутствие материальной заинтересованности и искреннее желание изменений в своей стране делают представителей этого класса «новых израильтян» потенциально мощнейшей политической силой. Сейчас вопрос только в том, состоится ли она.

Возможны три варианта развития событий:

1. Технократы формируют единую политическую платформу и участвуют в политической жизни как консолидированная сила. Финансовые возможности для этого есть. Однако крайне маловероятно, что люди со своими сильными лидерскими позициями смогут объединиться на сколько-нибудь значимый по времени срок.
2. Представители существующего политического истеблишмента будут активно включать представителей этой группы в ряды своих партий. Это позволило бы им влить в партии дополнительные финансовые средства и человеческий потенциал, а также привлечь внимание к своей деятельности новых групп избирателей. Этот вариант вполне логичен. Однако высока вероятность, что такой союз не будет долгим, так как формат современной политической жизни в Израиле вряд ли соответствует тем моделям организации эффективного процесса, к которым привыкли «молодые израильтяне» в стартап-сообществе.

---

³² Примечательно, что Н. Беннет предпринял попытку создания партии нового типа, объединяющую религиозных сионистов (не ультраортодоксов) с секулярным электоратом. Партия Беннета — это правое движение светских и религиозных людей, представляющих разные взгляды, которых объединяет программа партии, построенная вокруг отрицания религиозного принуждения.

3. Вхождение в политическую жизнь «новых израильтян» как тенденция не состоится. Лишь некоторые представители этой группы активно включатся в политические процессы, происходящие в стране.

Есть еще один аспект социально-политической динамики, который безусловно можно охарактеризовать термином «технократия», но о нем пока очень мало говорят в контексте развития политического процесса. Речь идет о цифровом управлении.

Происходящая в последние десятилетия технологическая революция привела, в частности, к тому, что все больше сфер человеческой жизни подвергаются цифровизации. Сам термин «цифровизация» (или «диджитализация») является сегодня одним из самых употребляемых в мире. Невозможно обойти вниманием тот факт, что цифровизация деятельности органов государственной власти если еще не влияет, то уже в ближайшем будущем будет существенно влиять на политический процесс в стране. Сильно повышается уровень прозрачности принимаемых решений, усиливается степень гражданского контроля за политической активностью, а с ней и степень контроля власти со стороны общества. Многие функции правительства постепенно перейдут к электронным системам управления и искусственному интеллекту. Все это приведет к принципиальному изменению в дележе «пирага власти».

В большинстве стран Востока процессы такого рода находятся еще в зачаточном состоянии, но в Израиле они идут довольно быстрыми темпами: страна вошла в неформальный список девяти самых развитых в этом отношении стран мира и участвует в работе соответствующего всемирного форума³³. В этой связи остановимся на этом аспекте социально-политической динамики Израиля несколько подробнее.

Правительство Израиля уже в 2013 г. осознало насущную необходимость сформулировать полноценную национальную

---

³³ Это форум, который изначально состоял из пяти стран мира, известных своим вкладом в развитие цифровой экономики в принципе — Великобритания, Новая Зеландия, Израиль, Эстония, Южная Корея. Он начал свою работу в конце 2014 г. В феврале 2018 г. к работе форума присоединились Канада и Уругвай, а в ноябре того же года — Мексика и Португалия.. Основной задачей этого форума является развитие цифровой экономики и продвижение цифровых стандартов как на национальном, так

политику в сфере цифровизации, в частности, была принята правительственная резолюция о создании «Национальной инициативы “Цифровой Израиль”». Основной задачей Инициативы явилось формулирование и претворение в жизнь общенациональной политики по цифровизации экономики страны и по расширению использования информационно-коммуникационных технологий (ИКТ). «Цифровой Израиль» был определен Национальным экономическим советом в качестве одной из шести стратегических тем, которыми должно заниматься государство.

Для координации деятельности в рамках Национальной инициативы было решено создать Бюро «Цифровой Израиль» (БЦИ), которое по состоянию на конец 2018 г. работает в составе Министерства социального равенства. Помимо прочего на БЦИ возложена ответственность по формулированию национальной программы цифровизации, а также содействию развитию внутри- и межминистерских программ в данной сфере.

Несмотря на все достижения израильской экономики и успехи в инновационной деятельности, очевидно, что потенциал цифровой эры и преимущества цифровых технологий до сих пор далеко не в полной мере используются различными секторами национального хозяйства и общества Израиля. Технологическая диффузия в стране идет медленно. В настоящий момент в израильском обществе наблюдается существенное расслоение, которое выражается, в том числе, в увеличивающемся разрыве уровней цифровизации. Одной из задач министерства социального равенства является как раз устранение или по крайней мере сокращение степени расслоения израильского общества и уменьшение «расстояния» между периферией и центром страны. Возможности цифровой экономики и цифрового правительства видятся эффективным инструментарием для решения проблем такого рода. В основе Национальной инициативы по цифровизации лежит видение потенциала цифровой революции в сокращении социального и географического неравенства, увеличении темпов экономического роста и создании «умного» (в данном контексте)

и наднациональном уровнях. Существенное внимание уделяется вопросам цифровизации органов государственной власти, а также развитию цифровых навыков населения.

правительства. Национальная программа цифровизации, сформулированная в соответствии с таким подходом, отражает политику правительства Израиля на 2017–2020 гг.

Интересно, что именно цифровизация может стать теми «воротами», через которые в политику придут «новые израильтjане». Не исключено, что появятся абсолютно новые возможности управления политическим процессом, который сделает «пирог власти» гибридным, — возможности, которые откроют представители именно этой группы населения Израиля.

Таким образом, в 1990–2000-е годы в Израиле в результате тектонических изменений в социально-экономической сфере значительно возросло влияние делового сообщества на общественно-политическую жизнь страны. Оно осуществляется, с одной стороны, через прямое воздействие семейных финансово-промышленных групп, а, с другой — через вхождение в политику представителей новой экономики, миллионеров, создавших свои состояния на продаже малых инновационных компаний (стартапов). Вообще, влияние новой экономики на трансформацию политических процессов уже в ближайшем будущем может оказаться в Израиле крайне существенным.

При рассмотрении эволюции политического режима Израиля на примере этнократического, теократического и технократического сегментов политических отношений становится очевидным, что в рамках израильской демократии каким-то образом уживаются противоположные тенденции, частично изменяющие политическую систему страны. Часто демократия в Израиле критиковалась и критикуется не только с вышеупомянутых политических позиций, рассмотренных выше кратий³⁴, но и с точки зрения ее слабости в управлении государством³⁵. Многие израильские эксперты сходятся во мнении, что слабость израильской демократии кроется в ее неэффективности в практическом, прикладном управлении страной.

---

³⁴ Becker G.S. A Theory of Competition among Pressure Groups for Political Influence // *The Quarterly Journal of Economics*, 1983. No. 98(3). P. 378–400.

³⁵ Diamond L. Elections Without Democracy: Thinking About Hybrid Regimes // *Journal of Democracy*, 2002, No. 13. P. 21–35; Lijphart A. The Wave power-sharing democracy // *The Architecture of Democracy: Constitutional Design, Conflict Management, and Democracy* / ed. by A. Reynolds. New York: Oxford university Press, 1990. P. 3–5.

Исследователи израильской демократии указывали на авторитарные тенденции израильских лидеров, делигитимацию власти, раздутый государственный аппарат³⁶. В этой связи особенно важным представляется анализ ограничений функционирования демократических институтов, накладываемых отношениями демократии и этнократии: светской и религиозной частей общества с признаками архаического мировоззрения и религиозных практик и технократическими требованиями части израильского общества, которое во все более возрастающих масштабах меняет и будет менять саму суть демократической системы страны.

События первой половины 2019 г. — досрочные выборы в апреле, невозможность лидеру формально победившей с минимальным отрывом (менее 1% голосов избирателей) партии сформировать коалицию, назначение впервые в истории современного Израиля повторных выборов — наглядно продемонстрировали шаткость политической системы страны. Сам институт выборов подвергся в Израиле серьезной эрозии, и они все менее воспринимаются в обществе как инструмент демократической процедуры. Очевидно, что существующая система нуждается в серьезной переработке. Сможет ли израильское общество и правящие круги найти в себе силы осуществить необходимые реформы — покажет время.

---

³⁶ Sa'di A.H. The Peculiarities of Israel' Democracy: some Theoretical and Practical Implications for Jewish-Arab relations // *International Journal of Intercultural Relations*, 2002. No. 26(2). P. 37–54.

**ОБЩЕСТВО И ГОСУДАРСТВО:
ВЫЗОВЫ СОВРЕМЕННОГО
РАЗВИТИЯ**

ОБЩЕСТВО И ГОСУДАРСТВО: ВЫЗОВЫ СОВРЕМЕННОГО РАЗВИТИЯ

Последние несколько лет большинство ближневосточных обществ живут, образно говоря, в режиме «пост-» — в обстановке, заложенной недавними событиями, потрясшими весь регион. В начале текущего десятилетия был придан мощный импульс политическим изменениям в нем, сопровождавшийся, увы, тяжелейшими потрясениями для населения. Они стали во многом результатом действий и угроз со стороны трансграничных структур, созданных ради силового насаждения исламистских моделей общественного и государственного устройства — поверх устоявшихся границ национальных государств. Концепции политического ислама, уже привычные для идейного пространства региона, претворялись в жизнь в своих самых уродливых формах. Волна насилия «выбрасывала» из сравнительно благополучной жизненной среды целые общины, превращая их в беженцев, обрекая на тяжелые условия и полную неопределенность их будущего.

Одним из важных явлений в русле джихадистского акционизма стало перераспределение сил и изменение взаимоотношений внутри исламистского лагеря в целом, которое вошло в их обычную повестку на обширном пространстве макрорегиона. Противостояние одних исламистских организаций — тех, что имеют давнюю историю, — со сравнительно новыми и гораздо более радикальными джихадистами рассматривается автором очередной главы, Александром Демченко, на примере развития событий в палестинском Секторе Газа.

Главным выступает не столько религиозно-догматический аспект, сколько столкновение программ действий сторонников безусловного шариатского управления уммой (управления сетевого — поверх государственных границ) с носителями традиционной идеи исламского сопротивления сионистской угрозе. Давняя конкуренция палестинских движений между собой и исламистский аспект идеологии движения Хамас подаются сквозь призму салафитско-джихадистской повестки еще более радикальных сил, сметающих национальные чаяния как идущие вразрез с их универсалистской трактовкой «истинного» ислама.

Одним из самых трагических побочных явлений резких социально-политических сдвигов в регионе стала война в Йемене (прямая интервенция с элементами гражданского противостояния), обусловленная целым клубком причин, межгосударственных противоречий и интересов отдельных игроков на региональной арене. Уже полностью изменились как элементы политического поля этой страны, так и представления о возможном постконфликтном «встраивании» в систему государства разных сегментов сложносоставного йеменского социума. Эти изменения, как и указанные ранее, были связаны отчасти с «религиозной картой» региона в целом, которую заинтересованные силы продолжают считать для себя удобным «подкладывать» под карту реальных боевых действий или политических баталий. Тем не менее, на первом плане оказываются совсем иные проблемы. Помимо очевидной тяжелейшей ситуации, связанной с нарушением хозяйственных связей и невозможностью реализации деловой активности йеменцев, первоочередным вопросом видится их самоопределение — как северян, так и южан — в отношении политического будущего их государства.

Эта проблематика затрагивается в главе, написанной Сергеем Серебровым. Угол зрения автора включает идеологическое Идейное и силовое столкновение в контексте по сути разделенного общества. Мощный социокультурный конфликт, вызванный к жизни войной, развязанной на территории Йемена саудитами и усугубленный интервенциями иных государств, был

изначально обусловлен внутренними социальными противоречиями. Но анализируемая деятельность трех региональных центров политического влияния (североеменского, южной-еменского и саудовского), а также оставляемых за скобками автором главы других таких центров, сделала линии разделения йеменского социума несравненно более отчетливыми, обнажив, в конце концов, даже вопрос единства государства.

Чрезвычайно показательной и важной для стремительно изменяющегося Ближнего Востока остается курдская проблема. Многоплановые вопросы, связанные с Иракским Курдистаном анализируются в главе Виталия Наумкина. Автор оценивает возможности применения как хорошо разработанных (в частности интеграционистский и консоционалистский подходы), так и сравнительно новых политологических теорий к анализу политического развития курдских общин в условиях сложносоставных обществ, которые многими характеризуются как «глубоко разделенные». Важное значение придается автором этноконфессиональному и культурно-мифологическому символизму, который выступает в качестве опоры реального политического действия.

Высокие темпы экономического развития Иракского Курдистана вызывают заинтересованность в сотрудничестве с Эрбилем у стран региона, в том числе, как может показаться, неожиданного партнера — Турции. Тем не менее, остаются серьезнейшие вопросы взаимоотношений курдов с иракским руководством, в том числе неурегулированные территориальные споры (вопрос Киркука), обеспечение общественной и внешней безопасности (в т. ч. вопрос партийных вооруженных формирований, племенных ополчений), экономических взаимоотношений Эрбиля с иракской столицей. Но главное, иракское курдское общество стоит перед выбором своего пути в политическом отношении: несмотря на существующие внутренние противоречия в неоднородном — в религиозном и даже этническом планах — социуме, им еще предстоит ответить на многие вопросы, касающиеся самой политической системы, структуры государственной власти Иракского Курдистана.

Глава VIII

ФАКТОР ИГИЛ В РАЗВИТИИ САЛАФИТСКО-ДЖИХАДИСТСКОГО ДВИЖЕНИЯ В СЕКТОРЕ ГАЗА

Во втором десятилетии XXI в. огромное влияние на трансформацию радикального исламистского движения на Ближнем Востоке и в Северной Африке стало оказывать ослабление и разрушение государственности в регионе, выразившееся в обострении этно-конфессиональных и межплеменных противоречий, гражданских войнах и внешнем вмешательстве в Сирии, Ливии, Ираке и Йемене, а также политическая нестабильность и рост насилия в странах, затронутых «арабским пробуждением».

Наибольших успехов добилось запрещенное на территории многих стран мира и в РФ «Исламское государство в Ираке и Леванте» (ДАИШ). Оно перехватило инициативу у международной террористической организации «Аль-Каида», поставило под свой контроль обширные территории в Сирии и Ираке и в июне 2014 г. провозгласило устами своего лидера Абу Бакра аль-Багдади создание «халифата», который стал альтернативным проектом государственности. «Ни одна из террористических группировок не смогла соперничать с ДАИШ в вопросах идеологического, пропагандистского, финансового и военного обеспечения своей борьбы. Ослабление государственности делало особенно привлекательной выдвинутую его идеологами идею халифата, в рамках которой могли быть даны ответы на многие вызовы современности», — отмечали авторы доклада Международного дискуссионного клуба «Валдай»¹.

Автор главы — *Демченко Александр Владимирович*

¹ Наумкин В.В., Кузнецов В.А., Сухов Н.В., Звягельская И.Д. Ближний Восток в эпоху испытаний: травмы прошлого и вызовы будущего / Доклад Международного дискуссионного клуба «Валдай». М., 2016. С. 16.

Призыв ИГИЛ привлек в Сирию и Ирак тысячи добровольцев из-за рубежа, а террористические организации в Нигерии, Ливии, России, Афганистане, Пакистане и ряде других стран дали клятву верности «халифу». Последнее ярко продемонстрировало, что одной из новых форм террористической деятельности, предложенных ИГИЛ, стала система франшизы, в рамках которой группировки в различных странах присягали на верность «халифу»². Таким образом они позиционировали себя не как локальную силу, а как часть «халифата», повышали статус, подчеркивали важность своей борьбы, придавая ей глобальный масштаб, и в результате могли рассчитывать на мобилизацию и консолидацию новых сторонников и на помощь из центра.

При всей значимости внешних факторов серьезное влияние на развитие салафитско-джихадистского движения каждой из арабских стран оказывает внутренняя специфика. В 2005–2007 гг. появление ячеек сторонников «Аль-Каиды» в секторе Газа, неблагополучном и изолированном палестинском анклавом площадью 360 км² с населением 1,8 млн человек (данные на 2019 г.), стало возможно благодаря ослаблению власти Палестинской национальной администрации (ПНА) в результате интифады аль-Акса 2000–2004 гг., вывода израильских войск и поселений из сектора Газа в 2005 г. и борьбы за лидерство Фатх («Движение за национальное освобождение Палестины») и Хамас («Исламское движение сопротивления»). Захватив контроль над сектором Газа после вооруженных столкновений с Фатх в июне 2007 г., сторонники Хамас стали подавлять местные оппозиционные силы — сторонников Фатх, кланы и их вооруженные милиции, а также салафитско-джихадистские группировки.

Репрессии правительства Хамас против более радикальных исламистов были успешными, но имели временный эффект. Недовольство внесистемных исламистов политикой Движения усиливалось, расхождения в идеологии, учитывая осторожность, прагматизм и религиозно-националистическую повестку Хамас и стремление «Аль-Каиды» к насаждению шариата и джихаду в глобальном масштабе, становились все

---

² Там же. С. 19.

более явными. Тяжелая социально-экономическая ситуация в секторе Газа, где около половины населения являются беженцами и их потомками и около 40% страдает от безработицы, способствовала тому, что симпатии местных жителей склонялись к более радикальному исламу. Кроме того, принятие экстремистской идеологии «Аль-Каиды» позволяло некоторым палестинцам преодолеть социально-психологический дискомфорт, возникавший от того, что борьба национальных сил за создание палестинского государства фактически зашла в тупик, как и переговоры с Израилем, а само палестинское движение сопротивления переживало очередной кризис из-за соперничества между Фатх и Хамас.

Дальнейший всплеск активности сторонников глобального джихада в секторе Газа пришелся на август 2009 г., когда организация «Джунд ансар Алла» («Воинство последователей Аллаха») провозгласила создание «Исламского эмирата в Газе». Хамас (наряду с Израилем и Западом) был объявлен врагом за отход, по мнению радикалов, от истинного ислама и готовность к сосуществованию с Израилем в рамках предложенного (пусть и не реализованного) главой политбюро Движения Халедом Машалем 20-летнего перемирия с еврейским государством.

Мятежники из «Джунд ансар Алла» были жестко подавлены силовыми структурами Хамас, но продолжили подпольную деятельность. Разные, и отчасти виртуальные, салафитско-джихадистские группировки насчитывали в сумме от нескольких сотен до двух-трех тысяч членов и активно сочувствующих. Среди этих организаций наиболее известны «Джунд ансар Алла», «Джейш аль-ислам» («Армия ислама»), «Джейш аль-Кудс аль-исламий» («Исламская армия Иерусалима»), «Суйюф аль-хакк аль-исламийя» («Мечи исламской справедливости»), «Ат-таухид ва-ль-джихад» («Единобожие и джихад») и др.³ Однако после разгрома «Исламского эмирата в Газе» эти организации воздерживались от дерзких акций.

---

³ Подробнее о деятельности сторонников «Аль-Каиды» в секторе Газа в 2005–2011 гг. см.: Демченко А.В. Джихадистские организации, поддерживающие «Аль-Каиду»: новые игроки в Палестине // *Вестник Московского университета*. Сер. 25: Международные отношения и мировая политика. 2011. № 3. С. 135–152.

Хамас, в свою очередь, тоже не стремилось к полной зачистке сектора Газа от оппозиционных исламистов, чтобы не обострять ситуацию и не провоцировать упреки в преследовании ревностных мусульман и непримиримых противников Израиля.

Хамас прагматично сочетало силовое давление на сторонников салафитско-джихадистской идеологии с поисками компромисса с ними. Так, в ноябре 2013 г. Движение заключило соглашение о перемирии с радикалами. По мнению наблюдателей, попытка властей урегулировать отношения с ними была связана с необходимостью не допустить ослабления позиций Хамас в секторе. Во-первых, Хамас тревожила публичная критика со стороны салафитско-джихадистских группировок за умеренность во внешней и внутренней политике. Во-вторых, хамасовское правительство Исмаила Хании принимало во внимание, что джихадисты, имеющие в своем распоряжении оружие, в том числе примитивные ракеты, могли спровоцировать ответную военную операцию со стороны Израиля. В обмен на умеренность оппонентов Хамас согласилось терпимо относиться к их деятельности и отпустило 42 задержанных ранее салафита⁴.

Период компромисса продлился недолго. В 2014–2015 гг. палестинские радикалы заявили о солидарности с ИГИЛ, присягнули на верность «халифу» аль-Багдади и начали отправлять боевиков для войны на стороне ДАИШ в Сирию и Ирак; особенно много их воевало в Египте в рядах проигиловской организации «Вилайят Синай», с которой палестинские салафиты выстроили наиболее тесные связи.

Итак, наблюдаемые с 2014 г. попытки палестинских радикалов стать влиятельной силой в секторе Газа были в значительной степени обусловлены воздействием не только внутренних, но и внешних факторов. Наибольшее влияние на салафитско-джихадистские группировки оказала дестабилизация соседнего Египта, проявившаяся в ослаблении институтов государственной власти (особенно в локальном масштабе, например, на Синайском полуострове), обострении отношений светских сил и старой военно-бюрократической элиты

---

⁴ Abu Amer, Adnan Hamas reconciles with Gaza Salafists // *Al-Monitor*. November 5, 2013. URL: <http://www.al-monitor.com/pulse/en/originals/2013/11/hamas-salafist-gaza-reconciliation.html>.

с исламистами разного толка — от умеренных «Братьев-мусульман» (БМ) до радикальных сторонников «Аль-Каиды» и ИГИЛ. Одним из проявлений конфликта стал вооруженный мятеж сторонников ИГИЛ на Синайском полуострове с опорой на протестный потенциал местного бедуинского населения.

Палестинские джихадисты посчитали, что аффилиация с могущественным ИГИЛ — это их шанс. Активизация террористического подполья в секторе Газа и за его пределами вновь привела к его столкновению с Хамас и стала одним из факторов, способствовавших развитию глубокого кризиса в отношениях сектора Газа и Египта.

Действия салафитско-джихадистских группировок в секторе Газа под влиянием ИГИЛ и «Вилайята Синай» явились серьезным испытанием для Хамас, заставив его скорректировать внутреннюю и внешнюю политику ради обеспечения устойчивости власти и эффективности организации.

Появление сторонников ИГИЛ в секторе Газа

Идеологические различия между Хамас и ИГИЛ очень глубоки и проявляются в некоторых аспектах их религиозно-политического дискурса и практики. Будучи последователями консервативного средневекового арабского богослова Ибн Таймийи, салафиты из ИГИЛ основываются на буквальном понимании Корана, отвергая, в отличие от БМ и Хамас, возможность конструктивного и прагматичного применения и развития шариата. ИГИЛ отрицает демократию и современное государство как форму политической организации общества, в то время как Хамас уже в 1996 г. разрешило своим членам выдвигаться в качестве «независимых» кандидатов на выборах в Палестинский законодательный совет. Позднее Движение принимало участие в выборах в муниципальные советы, палестинский парламент созыва 2006 г. и до сих пор не оставляет попыток формирования совместного с Фатх правительства национального согласия.

Наконец, главной целью Хамас является создание независимого национального палестинского государства, которое встроится в ряд других арабских государств, появившихся

во многом благодаря усилиям европейских держав и модернистски настроенных арабских элит. Существующие арабские и мусульманские государства Хамас признает, в то время как ИГИЛ считает их незаконными, стремится к их уничтожению и поглощению в рамках халифата.

Приоритетом ИГИЛ считает борьбу против своих врагов внутри мусульманского мира: шиитов и светских режимов. Даже организация громких терактов в Европе для ИГИЛ — не главное направление деятельности. Глава террористов Абу Бакр аль-Багдади и его представитель Абу Мухаммад аль-Аднани в своих выступлениях не уделяют Палестине особого внимания, лишь упоминая ее в числе территорий, где мусульмане должны вести борьбу со своими врагами.

Как правило, по палестинской тематике высказываются малозначительные члены ИГИЛ — выходцы из Палестины. Как отмечает Р. Грин, сотрудник американского *The Middle East Media Research Institute*, «ИГИЛ не пренебрегает палестинской проблемой; оно признает ее значение для арабского и исламского мира и использует ее, также как это делают другие режимы, организации и движения [в регионе], в качестве одного из инструментов для привлечения сторонников»⁵. При этом ИГИЛ адресует свои угрозы скорее не Израилю, а Хамас, ведя идеологический спор с палестинскими исламистами. Выходец из Газы Абу Аннас аль-Газави, перебравшийся в провинцию Ракка в Сирии, говорит о том, что боевиками палестинских организаций движет идея национализма, которая была привнесена евреями: «Они [еврей] завоевали умы людей и внедрили в них провальную и ложную веру — веру в нацию, которая подразумевает, что идентичность базируется на национализме и границах, установленных Сайксом и Пико». Так, вполне в духе времени, использует аль-Газави распространенное среди политологов мнение о кризисе столетней системы Сайкса-Пико⁶.

Отношение к последователям других религий и направлений в исламе — еще один вопрос, который разделяет Хамас

---

⁵ Green R. The Islamic State (ISIS) And Palestine — Rhetoric vs Reality // *MEMRI Daily Brief*, No. 66. Nov. 17, 2015. URL: <https://www.memri.org/reports/islamic-state-isis-and-palestine-rhetoric-vs-reality>.

⁶ Ibid.

и ИГИЛ. В своей практике ДАИШ демонстрирует крайне нетерпимое отношение к христианам, курдам-езидам, алавитам и шиитам, практикуя массовые казни, продажу в рабство, введение джизьи (подушного налога с иноверцев, проживающих на землях мусульман). Мусульмане-сунниты, не желающие проявлять лояльность к ИГИЛ, также объявляются вероотступниками.

Хамас показывает иной подход. Движение не использует в своей практике такфир — обвинение других мусульман в неверии, к которому широко прибегают «Аль-Каида» и ИГИЛ. Хамас покровительственно относится к немногим арабам-христианам, оставшимся в секторе Газа. Так, палестинцы-христиане назначались на посты министров, а официальные представители исламистов посещают торжественные мероприятия, проводимые по случаю христианских праздников⁷.

По мнению критиков Хамас, в течение десятилетия, прошедшего после смерти президента ПНА и председателя Фатх Ясира Арафата в 2004 г., Движение кардинально отошло от прежнего курса и идеологических установок. Если с момента своего возникновения в 1987 г. и до окончания интифады аль-Акса в 2004 г. Хамас заслужило репутацию радикальной террористической организации, то затем оно отдало предпочтение политическим методам борьбы за создание палестинского государства: участию в муниципальных и парламентских выборах, формированию правительства автономии, диалогу с «квartetом» мирных посредников и заключению длительного перемирия с Израилем. Это означало движение Хамас в сторону признания итогов мирного процесса. С точки зрения салафитско-джихадистских оппонентов это было равносильно предательству. Различия между палестинскими исламистами и «Аль-Каидой» были очевидны и до 2004 г., но «недостатки» палестинских наследников БМ компенсировались их активным сопротивлением Израилю и Ословским соглашениям. После затухания второй интифады у Хамас не было существенных достижений в борьбе с Израилем. Регулярные столкновения с ЦАХАЛ не выходили за рамки ограниченных вооруженных

---

⁷ Shobaki Belal. Why It's Dangerous to Conflate Hamas and Daesh // Al-Shabaka: The Palestinian Policy Network. February 22, 2016. URL: <https://al-shabaka.org/briefs/why-its-dangerous-to-conflate-hamas-and-daesh/>.

операций, руководство Движения принимало помощь арабских посредников для достижения режима прекращения огня с Израилем, довольствуясь лишь некоторыми уступками со стороны Тель-Авива. Сложившаяся ситуация воспринималась критиками как застой в борьбе с еврейским государством и даже как фактическое принятие со стороны Хамас раздела Палестины и принципа сосуществования с Израилем.

Если курс Движения на компромисс с Израилем можно объяснить тем, что силы исламистов и израильтян неравны, то отказ правительства Хании от немедленного построения в секторе Газа шариатского государства вызывал у критиков еще большее непонимание. Хамас выглядело организацией, которая идет по пути Фатх и стремится соответствовать реалиям палестино-израильского конфликта, которым оно не так давно бросало вызов. Копившееся разочарование подталкивало джихадистов к тому, чтобы либо укрепить радикальное подполье в секторе Газа и добиваться статуса эмирата в составе ИГИЛ, либо примкнуть к игиловцам за пределами Палестины, вступая в ряды членов террористических группировок, в первую очередь тех, что действовали на Синайском полуострове.

Палестинские джихадисты обратили внимание на ИГИЛ, когда оно быстро осуществляло экспансию на территории Ирака и Сирии, но еще не успело достичь пика своего могущества. На протяжении 2013 и начала 2014 г. на фоне успехов боевиков ИГИЛ в Сирии и Ираке нарастали его трения с другими террористическими организациями: «Аль-Каидой» и связанной с ней сирийской организацией «Джабхат ан-Нусра». Некоторые палестинские джихадисты заняли сторону главы ИГИЛ. Одна из наиболее авторитетных группировок радикального толка «Маджлис шура аль-муджахидин» («Совет шуры муджахедов») распространила 2 февраля 2014 г. соответствующее заявление. Через несколько дней в социальных сетях появился видеоролик, в котором неизвестные в масках заявляли о преданности палестинских джихадистов аль-Багдади и обещали внести вклад в общее дело на палестинском фронте. Наблюдатели отнеслись к таким новостям осторожно, отмечая, что свидетельств появления ячеек сторонников ИГИЛ в Газе пока мало, и анонимных заявлений недостаточно. Официальные представители

Хамас также отрицали появление ИГИЛ в Газе. Опрошенные палестинскими журналистами местные джихадисты и эксперты по радикальному исламу сошлись во мнении, что в секторе Газа действительно есть незначительное число палестинцев, которые воевали в Сирии и Ираке на стороне аль-Багдади и вернулись на родину; есть и те, кто симпатизирует набирающему популярности эмиру. Респонденты не исключали, что кто-то из палестинских джихадистов и в самом деле выступил в социальных сетях в поддержку ИГИЛ, но это не означает, что на подконтрольной Хамас территории сформировалась устойчивая группировка готовых к активным действиям последователей аль-Багдади⁸.

Если в отношении численности, степени консолидации и имеющихся ресурсов сторонники ИГИЛ действительно были слабы, то опасность их идеологии, подкрепленной успехами боевиков в Ираке и Сирии, Хамас оценивало серьезно. На одном из хамасовских сайтов появился раздел, посвященный критике такфиристской идеологии. Игиловцев называли хариджитами и обвиняли в том, что их борьба не имеет ничего общего с джихадом и нацелена на убийство самих же мусульман⁹.

Дальнейший рост популярности ИГИЛ в секторе Газа был связан с расширением подконтрольной террористам территории в Ираке и Сирии и провозглашением «халифата» в июне 2014 г. В середине июня 2014 г. в городе Рафахе на юге сектора Газа прошел митинг в поддержку ИГИЛ и борьбы против Израиля. Мероприятие было разогнано хамасовскими силовиками. 8 июля 2014 г. в Интернете появилась видеозапись нескольких ночных запусков ракет в сторону Израиля, сделанных, по словам авторов, последователями ИГИЛ в Газе¹⁰. Но в целом реакция палестинских джихадистов на успехи

---

⁸ Al-Ghoul Asmaa. Gaza Salafists pledge allegiance to ISIS // Al-Monitor. February 27, 2014. URL: <http://www.al-monitor.com/pulse/iw/originals/2014/02/isis-gaza-salafist-jihadist-qaeda-hamas.amp.html>.

⁹ Expressions of support in the Gaza Strip for the Islamic State in Iraq and Al-Sham (ISIS), which is affiliated with the global jihad. During Operation Protective Edge, Salafist-jihadi operatives, who identify with ISIS, fired a number of rockets at Israel // The Meir Amit Intelligence and Terrorism Information Center (TIC). July 16, 2014. P. 3. URL: http://www.terrorism-info.org.il/Data/articles/Art_20675/E_107_14_1436723911.pdf.

¹⁰ Ibid. P. 2–4.

боевиков-исламистов в Сирии и Ираке была вялой и растянутой во времени. В первую очередь это было связано с отсутствием в секторе Газа единой сильной группировки такфиристского толка, чье заявление в поддержку аль-Багдади могло бы прозвучать действительно весомо. Некоторую роль сыграло недоумение палестинцев по поводу того, что ИГИЛ не оказало помощи «палестинским братьям» во время вооруженного конфликта с Израилем в секторе Газа летом 2014 г. (израильская операция «Несокрушимая скала»). Действительно, несколько атак с территории Синайского полуострова, предпринятых египетскими боевиками «Ансар Бейт аль-макдис» в поддержку палестинцев, не нанесли Израилю существенного урона и изначально были задуманы скорее как пропагандистская акция¹¹.

Упрек в адрес руководства ДАИШ потребовал ответа от сторонников аль-Багдади. Надо было объяснить палестинцам, сосредоточившимся исключительно на борьбе с Израилем, различия в идеологии и приоритетах между ИГИЛ и Хамас. В интервью игиловскому информагентству «Амак» Абу Аззам аль-Гази, выходец из сектора Газа, перебравшийся на территорию халифата, заявил, что в настоящее время борьба Хамас, Фатх и других организаций против Израиля направлена лишь на освобождение оккупированных территорий, а задача создания шариатского государства ими игнорируется. По его словам, для подлинного освобождения Палестины недостаточно уничтожить Израиль. Она должна войти в состав халифата — наряду с другими мусульманскими странами, которые предстоит избавить от тиранических светских режимов. Решение палестинской проблемы — это долгосрочная цель. Аль-Гази провел параллель с действиями пророка Мухаммада, который совершил хиджру из Мекки в Медину и создал там исламское государство, затем вернулся и установил исламское государство на родине. Между хиджрой и подчинением Мекки была долгая и напряженная борьба, напоминал аль-Гази. Намерения

---

¹¹ Schweitzer Y. Hamas and the Islamic State Organization: Toward a Head-On Collision in the Gaza Strip? // *INSS Insight*. No. 697, May 17, 2015. URL: <http://www.inss.org.il/publication/hamas-and-the-islamic-state-organization-toward-a-head-on-collision-in-the-gaza-strip/?offset=26&posts=128&outher=Yoram%20Schweitzer>.

Мухаммада не ограничивались Меккой. Истинная цель — это распространение ислама по всему миру. Она гораздо важнее, чем освобождение конкретной мусульманской территории (Палестины), какой бы значимой ни была эта земля. Хамас, как отмечалось в публикации, взял под контроль сектор Газа, но за восемь лет так и не построил там исламское государство, продолжая управлять, основываясь на «придуманных Фатх светских законах». Салафитов, которые пытаются противостоять этой политике, хамасовцы убивают. В конце интервью аль-Гази отметил, что Хамас ничего не добилось в результате двух конфликтов с Израилем (вероятно, он имел в виду «Литой свинец» 2009 г. и «Несокрушимую скалу» 2014 г.). Ракетные обстрелы израильской территории давали скорее пропагандистский эффект, создавая видимость военной мощи Хамас в глазах палестинцев. Реальные результаты этих кампаний — лишь разрешение палестинским рыбакам ловить рыбу в нескольких милях от побережья Газы и увеличение поставок товаров и стройматериалов в блокадный сектор, иронизировал аль-Гази. Заключительный вывод и квинтэссенция его послания к палестинцам состояли в следующем: «Мусульмане должны переселяться в Исламское государство и вести джихад под его знаменами. Аллах поможет тем, кто решит переселиться, а те, кто не станет, могут поддержать ДАИШ в любом месте и любыми возможными способами»¹².

В очередной раз противоречивые сведения о появлении в Газе последователей аль-Багдади появились в декабре 2014 г., когда почти два десятка палестинских писателей и общественных активистов в секторе получили сообщения с угрозами в свой адрес, якобы отправленные местными ячейками ИГИЛ. Однако несколько дней спустя от палестинских салафитов последовало заявление о своей непричастности. Некоторые из адресатов выразили уверенность что за распространением угроз стоит Хамас, недовольное их правозащитной деятельностью. Фавзи Бархум, пресс-секретарь Движения в Газе, традиционно обвинил в рассылке сообщений спецслужбы Израиля, стремящиеся дискредитировать Хамас

---

¹² Al-Banna, Yassir. Talking Palestine with Islamic State. Liberating Gaza is not among IS' short-term goals // *The New Arab*. 31.10.2014. URL: <https://www.alaraby.co.uk/english/features/2014/11/1/talking-palestine-with-islamic-state>.

и представить сектор в глазах мирового сообщества рассадником экстремизма. Израильские и палестинские эксперты сошлись в том, что ИГИЛ вряд ли присутствует на территории Палестины и предположили, что либо угрозы были разосланы, чтобы заставить жителей Газы думать, что жить под властью Хамас лучше и безопаснее, чем под контролем ИГИЛ, либо это сделали местные джихадисты, решившие использовать бренд ДАИШ для привлечения к себе внимания¹³.

Затем последовали еще несколько акций, по поводу организаторов которых осталось много неясного. В октябре и декабре 2014 г. прогремели взрывы около Французского культурного центра в Газе. В обоих случаях никто не пострадал, зданию был нанесен незначительный ущерб. Между этими двумя инцидентами было еще несколько взрывов около домов палестинцев, связанных с Фатх. Другим взрывом была разрушена сцена, подготовленная для митинга по случаю 10-летия смерти Арафата. Ответственность за теракты взяли на себя неизвестные, назвавшиеся членами местной ячейки ИГИЛ.

Сложилась странная и противоречивая ситуация. Большинство нападений были направлены против оппонентов Хамас — Фатх и палестинской интеллигенции, на которых власти действительно периодически оказывали давление. СМИ отмечали тот факт, что «члены ИГИЛ» избегали атаковать объекты Хамас, несмотря на враждебные отношения между двумя организациями. При этом Движению, стремившемуся сохранять респектабельный имидж, было невыгодно, чтобы его подозревали в причастности к нападениям. Заявление официального представителя Хамас Сами Абу Зухри, который призвал не придавать значения попыткам неизвестных изобразить себя в соцсетях членами могущественной террористической организации, ситуацию не прояснило¹⁴.

---

¹³ In Gaza, The Specter Of ISIS Proves Useful To Both Sides // National Public Radio. December 17, 2014. URL: <http://www.npr.org/sections/parallels/2014/12/17/371409435/in-gaza-the-specter-of-isis-proves-useful-to-both-sides>.

¹⁴ Al-Ghoul, Asmaa. Who keeps bombing French Cultural Center in Gaza? // *Al-Monitor*. December 17, 2014. URL: <http://www.al-monitor.com/pulse/originals/2014/12/gaza-bombing-french-consulate-accusations-hamas.html#ixzz5Yp9HWsSo>.

Конфликт между палестинскими салафитскими активистами и Хамас

Обстановка начала меняться, когда местные воинственные салафиты стали проводить публичные акции, используя бренд ИГИЛ. Так, в январе 2015 г. они организовали митинг около Французского культурного центра в поддержку нападения боевиков ИГИЛ в Париже на редакцию сатирического журнала *Charlie Hebdo*, публиковавшего карикатуры на пророка Мухаммада. Один из палестинских салафитских лидеров Абу Абдалла аль-Макдиси заявил, что хотя ислам предписывает уважать последователей всех религий, он также повелевает убивать тех, кто оскорбляет пророка. Митинг стал первой публичной акцией джихадистов, санкционированной Хамас¹⁵. По местным меркам мероприятие выглядело невинно — люди пришли выразить возмущение нападениями безбожных европейцев на ислам. Однако нехотя давая разрешение, хамасовское руководство все же колебалось и испытывало беспокойство по поводу активизации оппозиции, что в итоге и привело к разгону митинга полицией.

В апреле 2015 г. салафитское информагентство в Газе, медицентр «Ибн Таймийя», начало выпуск ежемесячного журнала, который по содержанию напоминал другие экстремистские издания, распространяемые сторонниками «Аль-Каиды» и ИГИЛ по всему мусульманскому миру. Судя по материалам, издатели дистанцировались от конфликта между ИГИЛ и «Аль-Каидой». На его страницах была опубликована статья о «халифе» аль-Багдади и стихи Усамы бен Ладена. Об ориентации издания именно на палестинскую аудиторию говорили познавательные материалы о ЦАХАЛ и статьи о шахидах из Газы, сражавшихся на стороне ИГИЛ в Сирии и Ираке¹⁶. Другим направлением работы центра «Ибн Таймийя» стал сбор

---

¹⁵ Gaza jihadist supporters rally against France, praise Islamic State // *Reuters*. January 19, 2015. URL: <http://www.reuters.com/article/us-mideast-palestinian-s-france-idUSKBN0KS1AH20150119>.

¹⁶ Gilad, Shiloach. In Gaza, ISIS Affiliate Publishes Its First Magazine // *Vocativ*. April 16, 2015. URL: <http://www.vocativ.com/usa/nat-sec/in-gaza-isis-affiliate-publishes-its-first-magazine/>

пожертвований в пользу палестинских джихадистов. Впервые кампания, приуроченная к Рамадану, прошла в июле 2015 г., а в 2016 г., чтобы обеспечить анонимность жертвователей, исламисты стали принимать помощь в биткоинах¹⁷.

Очевидное превосходство Хамас над аморфной салафитско-джихадистской оппозицией не исключало, что экстремисты бросят Движению прямой вызов, как это уже случилось в 2009 г. Конфликт начался после ареста в апреле 2015 г. известного салафитского проповедника шейха Аднана Майита, а затем еще почти тридцати активистов, именовавших себя «сторонниками исламского государства». Задержания последовали после трех взрывов, два из которых прогремели около офисов Ближневосточного агентства ООН для помощи палестинским беженцам и организации работ (БАПОР). Представитель салафитов Абу аль-Айна аль-Ансари заявил об их непричастности к терактам, но не упустил возможности обвинить Хамас в том, что после визита в середине февраля 2015 г. в Газу представителя квартета по ближневосточному урегулированию Тони Блэра Движение присоединилось к западной коалиции против ИГИЛ и начало репрессии против его палестинских сторонников. Намерение Хамас начать борьбу против исламистской оппозиции (хотя это не доказывало наличие договоренности с Западом) подтверждали слова заместителя министра внутренних дел в Газе Камалья Абу Мади, который сказал, что власти готовы мириться с присутствием салафитов, но при условии, что те не будут связаны с какими-либо внешними силами¹⁸.

К этому времени свидетельств о наличии в секторе Газы сторонников ИГИЛ становилось все больше. О своей поддержке аль-Багдади заявили несколько местных салафитских организаций. Наибольшую известность приобрела группировка

---

¹⁷ Ben Solomon, Ariel. Gaza-based pro-ISIS group urges Muslims on social media to donate for weapons // *The Jerusalem Post*. June 25, 2016. URL: <http://www.jpost.com/Middle-East/ISIS-Threat/Gaza-based-pro-ISIS-group-urges-Muslims-on-social-media-to-donate-for-weapons-457680>; Fanusie Yaya. The New Frontier in Terror Fundraising: Bitcoin // *The Cipher Brief*. August 24, 2016. URL: <https://www.thecipherbrief.com/column/private-sector/the-new-frontier-in-terror-fundraising-bitcoin>.

¹⁸ Shuttleworth K. Gaza's next war: Will Isis-inspired Salafi jihadis overthrow Hamas? // *International Business Times*. May 26, 2015. URL: <https://www.ibtimes.co.uk/gazas-next-war-will-isis-inspired-salafi-jihadis-overthrow-hamas-1502336>.

«Сторонники Исламского государства» («Ансар ад-дауля аль-исламия»), которая чаще всего выступала в СМИ и социальных сетях и стала своего рода главным представителем проигиловского подполья в секторе Газа. «Сторонники Исламского государства» в июне 2015 г. даже обзавелись вооруженным крылом — «Бригадами шейха Омара Хадида», названным так в честь известного сподвижника Абу Мусаба аз-Заркауи, внесшего заметный вклад в становление «Аль-Каиды в Ираке» в первые годы американской оккупации¹⁹.

В ответ на усиление репрессий со стороны Хамас джихадисты решились на открытый конфликт с властями. Группировка «Ансар ад-Дауля аль-исламия» 3 мая 2015 г. в твиттере выдвинула Хамас ультиматум: в течение 72 часов отпустить всех задержанных, иначе салафиты найдут способ отреагировать. Власти сектора усилили меры безопасности, на въезде в Газу появились КПП. В салафитскую мечеть в Газе, связанную с группировкой, наведались хамасовские силовики, которые арестовали ее имама, шейха Ясира Абу Хули и несколько прихожан, после чего мечеть была разрушена. На следующий день около офиса службы безопасности Хамас в Газе была взорвана бомба. 8 мая из минометов была обстреляна база боевого крыла Движения — «Бригад Изз ад-Дина аль-Кассама» — в Хан-Юнисе. Ранее у себя дома был убит один из хамасовских полевых командиров.

Лидер одной из салафитских группировок в Газе Абу Бакр аль-Ансари пояснил, что теракты стали ответом на действия силовиков, но салафиты заинтересованы в возобновлении заключенного в 2013 г. перемирия. Представитель Хамас на условиях анонимности сообщил изданию Al-Monitor, что стороны ведут переговоры об урегулировании кризиса²⁰. Чтобы разрядить ситуацию, власти перевели аль-Майита под домашний арест и выпустили из тюрем нескольких недавно задержанных салафитов (впоследствии, когда договориться

---

¹⁹ Moubayed, Sami. Hamas powerless as ISIS gains ground in Palestine // *The Asia Times*. January 11, 2017. URL: <http://www.atimes.com/article/hamas-powerless-isis-gains-ground-palestine/>.

²⁰ Al-Ghoul, Asmaa. Hamas cracks down on Salafists in Gaza Strip // *Al-Monitor*. May 10, 2015. URL: <http://www.al-monitor.com/pulse/originals/2015/05/palestine-gaza-strip-hamas-salafist-attack-kidnapping-mosque.html#ixzz4qxumfOPo>.

не получилось, они вновь были арестованы). Джихадист Махмуд ас-Салфити, отбывавший 15-летний тюремный срок за убийство итальянского левого активиста и пацифиста Витторио Арригони в 2011 г., получил «отпуск» и сбежал в Сирию, чтобы воевать на стороне ИГИЛ²¹. Достичь компромисса не удалось, продолжалась эскалация насилия, тем более что джихадисты начали ракетные обстрелы территории Израиля²².

Хотя движение Хамас признавало существование в Газе салафитско-джихадистской оппозиции, официальные его представители продолжали отрицать связь своих идеологических оппонентов с ИГИЛ в Сирии и Ираке. Последнее, как заявил Абу Зухри, существовало в Палестине лишь виртуально, проявляясь в форме активности его сторонников в Интернете. Чиновники неизменно подчеркивали, что ситуация в сфере безопасности находится под контролем. Палестинские эксперты столь же осторожно оценивали ситуацию, отмечая, что скорее речь идет об активизации «старых» палестинских салафитов, вдохновленных успехами ИГИЛ в Ираке, Сирии и на Синайском полуострове. Израильские спецслужбы тоже не спешили с выводами. По словам одного из высокопоставленных израильских силовиков, не было секретом, что в Газе есть исламисты, которые настроены гораздо радикальнее, чем Хамас, но такая ситуация наблюдается уже несколько лет, и если кто-то из них решил выступить в поддержку ИГИЛ, то не стоит преувеличивать значение этого²³. Осторожность оценок как представителей Хамас, так и наблюдателей в секторе Газа и в Израиле касалась не только присутствия сторонников ИГ в анклав, но и их способности бросить реальный вызов Хамас. В разгроме салафитов, если те продолжат силовое противостояние с властями, не сомневались ни Ахмад Юсеф, директор аффилированного

---

²¹ Diaan Hadid; Al-Waheidi, Majd. ISIS Allies Target Hamas and Energize Gaza Extremists // *The New York Times*. June 30, 2015. URL: <https://www.nytimes.com/2015/07/01/world/isis-allies-target-hamas-and-energize-gaza-extremists.html?mcubz=3>.

²² Klein J. Islamic state at Israel's gate? // *FrontPage Magazine*. December 5, 2018. URL: <http://www.frontpagemag.com/fpm/258326/islamic-state-israels-gate-joseph-klein>.

²³ Al-Mughrabi, Nidal. Hamas says ISIS has no foothold in Gaza Strip // *Al Arabiya News Channel*, 14 May 2015. URL: <http://english.alarabiya.net/en/News/middle-east/2015/05/14/Hamas-says-ISIS-has-no-foothold-in-Gaza-Strip.html>

с Хамас аналитического центра «Бейт аль-хикма», ни независимый исследователь из университета аль-Азхар в Газе Мухаймар Абу Сада, напоминая, что Хамас располагает 35-ю тысячами своих вооруженных членов²⁴.

Некоторая эволюция салафитско-джихадистского движения все же наблюдалась. Так, со стороны Хамас отмечалось, что новые группировки такфиристов отличаются от тех, с которыми Движению приходилось иметь дело ранее. Многие «старые» салафиты усвоили урок 2009 г. и предпочитали не идти на открытый конфликт с властями. На смену им пришли джихадисты младшего поколения. Полной статистики, конечно, не было, но косвенным подтверждением служил молодой возраст палестинцев (как правило, не более 20–22 лет), уехавших в Сирию и Ирак сражаться на стороне ИГ²⁵.

Затянувшийся конфликт между Хамас и палестинскими джихадистами привлек внимание руководящих структур ИГИЛ в сирийско-иракском регионе. В конце июня 2015 г. одно из медиа-подразделений ДАИШ в Алеппо выпустило 16-минутный видеоролик под названием «Послание нашим людям в Иерусалиме». В нем член организации, Иса аль-Лакта из Газы, бывший член Хамас, в 2013 г. перебравшийся в Сирию, озвучил целый список претензий и угроз в адрес «тиранов из Хамас». Он объяснил, что смысл джихада не в освобождении Палестины от евреев, а в распространении шариата. Аль-Лакта обвинил Хамас в связях с шиитами — Ираном и Хизбаллой, в насаждении палестинского национализма вместо воспитания палестинских детей в духе преданности умме и пообещал, что ИГИЛ уничтожит Израиль, Хамас, Фатх и всех поборников светскости²⁶.

Резкое видеобращение, прозвучавшее как вызов со стороны ИГИЛ, регулярные акции его сторонников в Палестине,

---

²⁴ Hamas seeks to stamp out Isis in Gaza John Reed in Gaza City // *The Financial Times*. June 1, 2015. URL: <https://www.ft.com/content/7d6c49d0-0547-11e5-9627-00144feabdc0>.

²⁵ Carlstrom G. Is the Islamic State on the Rise in Gaza? // *The Foreign Policy*, June 17, 2015. URL: <http://foreignpolicy.com/2015/06/17/is-the-islamic-state-on-the-rise-in-gaza-hamas-israel/>.

²⁶ Mandelbaum A., Schweitzer Y. The Influence of the Islamic State on Israel's Arab Citizens and on Palestinians in Gaza and the West Bank. Tel Aviv: Institute for National Security Studies, 2016. P. 158 URL: <http://daatsolutions.co/inss/wp-content>.

число которых за год стало критическим, и широкое внимание СМИ и общественности к этой проблеме заставляло Хамас постепенно признавать наличие в секторе Газа людей, лояльных аль-Багдади. Член Политбюро Хамас Муса Абу Марзук в интервью телеканалу «Аль-Кудс» сообщил, что в секторе Газа есть несколько десятков сторонников ИГИЛ, но они не организованы, не способны претворить в жизнь свои угрозы и скоро окажутся в тюрьме²⁷.

Действительно, силовые возможности мелких салафитских группировок многократно уступали клановым милициям, которые были сильным вооруженным оппонентом Хамас до 2007–2008 гг., а затем либо разгромлены, либо приведены в повиновение²⁸. Хамас беспокоил идеологический вызов со стороны салафитов, их внимание к тем направлениям (борьба с Израилем, введение шариата), в которых Движение избегало радикальных шагов. В подконтрольных Хамас СМИ и мечетях развернулась пропагандистская кампания против сторонников ИГИЛ, которых власти предпочитали называть такфиристами и хариджитами²⁹. Хамас стало терпимее относиться к деятельности в секторе Газа другой халифатистской организации — «Хизб ут-Тахрир», которая 17 мая 2015 г. с разрешения властей провела в Газе митинг по случаю 94-й годовщины ликвидации халифата³⁰. Предпочитавшая не втягиваться в силовые акции «Хизб ут-Тахрир» в новой ситуации рассматривалась Хамас в качестве идеологического противовеса ДАИШ.

Обстановка в Газе продолжала оставаться напряженной. 19 июля 2015 г. были взорваны пять автомобилей, принадлежавших членам хамасовских силовых структур. Теракты произошли рано утром, пострадавших не было. Хотя никто не взял на себя ответственность, подозрение пало на джихадистов, и ходили

---

²⁷ Halevi D., Soffer A. Hamas Finally Admits: ISIS Active in Gaza // *Arutz Sheva*. 04.07.2015. URL: <http://www.israelnationalnews.com/News/News.aspx/197681>.

²⁸ Подробнее об этом см.: Демченко А.В. Клань в политической жизни сектора Газа // *Религия и общество на Востоке*. 2018. Вып. II. С. 14–46.

²⁹ Shuttleworth K. Op. cit.

³⁰ Batrawi S. Islamic State Affiliates Press Hamas // *Combating Terrorism Center*, August 2015, Vol. 8, Issue 8. URL: <https://ctc.usma.edu/islamic-state-affiliates-press-hamas/>; Salah H. Hamas struggling with emerging Islamist parties // *Al-Monitor*. May 28, 2015. URL: <https://www.al-monitor.com/pulse/originals/2015/05/hamas-gaza-support-salafist-groups-islamic-state.html>.

слухи, что незадолго до взрывов поблизости появились проиگیловские граффити. Ряд известных группировок, заявивших ранее о своей поддержке аль-Багдади, отвергали обвинения в причастности к взрывам и подчеркивали, что никак не связаны с филиалом ИГИЛ на Синайском полуострове. Радикалы хотели избежать дальнейшей эскалации конфликта с Хамас, очевидно, не желая повторения событий августа 2009 г. Примирительный жест со стороны салафитов последовал в конце июля 2015 г., когда шейх Иссам Салех, бывший лидер «Джейш аль-ислам», собрал пресс-конференцию и объявил о создании Комитета по примирению с Хамас³¹.

Вместе с тем, среди местных салафитов обозначились сторонники жесткой линии. В начале сентября 2015 г. от имени «Джейш аль-Ислам» и ее лидера Мумтаза Дугмуша в социальных сетях было распространено заявление, в котором группировка провозглашала себя частью «Вилайята Синай» и приносила клятву верности «Абу Бакру аль-Багдади аль-Курайши, халифу всех мусульман» и обещала вести борьбу против евреев, а также вероотступников в секторе Газа и на Синайском полуострове, пока на этих землях не будет поднят флаг «Исламского государства». Подтверждения от самого Дугмуша не последовало. Противоречивая ситуация вокруг заявления имела несколько объяснений. С одной стороны, клятву верности аль-Багдади могли принести некоторые наиболее непримиримые салафиты, чтобы подтолкнуть Дугмуша занять четкую проиگیловскую позицию. С другой, видео могли распространить власти сектора Газа, чтобы оправдать жесткие репрессии против исламистской оппозиции и опять же заставить лидера «Джейш аль-Ислам» или подтвердить свою преданность ИГИЛ и тем самым поставить себя под удар хамасовских силовиков, или отвергнуть обвинения в симпатиях к ИГИЛ и вести себя соответствующим образом, следя, чтобы его боевики не переходили границу дозволенного. Заметим, что к видеоролику наблюдатели сразу отнеслись скептически, так как казалось маловероятным, что Дугмуш, с трудом уцелевший в конфликте

---

³¹ Pro-ISIS Salafi groups seek presence in the Gaza Strip // *The Middle East Monitor*. July 29, 2015. URL: <https://www.middleeastmonitor.com/20150729-pro-isis-salafi-groups-seek-presence-in-the-gaza-strip>.

с Хамас в 2007–2008 гг. и озабоченный сохранением позицией своего клана, вновь решится открыто бросить вызов властям³².

Другой причиной, вынуждавшей Хамас, несмотря на успокоительные публичные заявления серьезно относиться к появлению сторонников ИГИЛ в секторе Газа, стало то, что ряды салафитско-джихадистских группировок пополнялись за счет перехода боевиков из Хамас и «Исламского джихада», разочаровавшихся в Движении.

Бедуинское движение и «Вилайят Синай» – новые союзники палестинских радикалов

Деятельность сторонников ИГИЛ в секторе Газа в 2014–2015 гг. хотя и стала заметной, особенно на фоне стагнирующей ситуации в зоне палестино-израильского конфликта, все же выглядела менее тревожно, чем рост числа выходцев из сектора Газа, отправлявшихся воевать на стороне ИГИЛ в Сирию, Ирак и особенно в Египет в рядах боевиков «Вилайята Синай».

По оценке израильских наблюдателей, в первые два года к ИГИЛ присоединились около 200 выходцев из сектора Газа; на протяжении 2015 г. в боях за «халифат» в месяц погибали в среднем два палестинца. Большинство из них происходили из сектора Газа, некоторое количество с Западного берега – Хеврона, Наблуса, Дженина. За пределы Палестины они выехали под предлогом получения образования за рубежом. Многие боевики в прошлом были либо членами Хамас, либо входили в состав палестинских салафитских группировок³³. В Сирии из палестинцев была сформировано небольшое подразделение – «Бригада шейха Абу Нура аль-Макдиси», названное в честь палестинского салафитского проповедника, провозглашавшего создание в секторе Газа исламского эмирата и убитого силовиками Хамас³⁴. Участие палестинцев в боях на стороне ИГИЛ было очень скромным, но зато имело пропагандистское

---

³² Bydov L. Powerful militant group in Gaza allegedly pledges allegiance to ISIS // *The Jerusalem Post*. 15.09.2015. URL: <http://www.jpost.com/Middle-East/ISIS-Threat/Powerful-militant-group-in-Gaza-allegedly-pledges-allegiance-to-ISIS-415869>.

³³ Mendelbaum A., Schweitzer Y. Op. cit. P. 6.

³⁴ Expressions of support in the Gaza Strip...

значение. За пределами Палестины ДАИШ опубликовало в своих СМИ интервью с палестинскими боевиками, а в секторе Газа медиацентр «Ибн Таймийя» распространял сообщения о палестинцах, принявших «мученическую смерть» в борьбе против режима сирийского президента Башара Асада.

Хамасовские спецслужбы арестовывали палестинцев при попытке покинуть сектор Газа. В рамках борьбы с пропагандой ИГИЛ представители Движения осуждали палестинских сторонников «халифата» за то, что они покинули сектор Газа вместо того, чтобы вести борьбу с Израилем на родине³⁵.

Отъезд палестинцев на подконтрольные ИГИЛ сирийские и иракские территории не сопровождался формированием устойчивых связей джихадистов с их единомышленниками на родине. Бóльшую угрозу представляло то, что уроженцы сектора Газа в основном отправлялись не в Сирию и Ирак, а в соседний Египет и вступали в ряды боевиков «Вилаята Синай». Это способствовало укреплению позиций джихадистов и в секторе Газа, и на Синайском полуострове и стало одним из значимых факторов, определивших развитие отношений между Хамас и Египтом, пережившими глубокие изменения в результате «Арабской весны».

Свержение в феврале 2011 г. президента Хосни Мубарака способствовало ослаблению в Египте силовых структур и подъему политического ислама, в том числе радикального толка. Итоги парламентских выборов, которые прошли в три тура в ноябре 2011 – январе 2012 г., вывели на первое место БМ, создавших свою Партию свободы и справедливости (ПСС). На президентских выборах в июне 2012 г. победил представитель исламистов Мухаммад Мурси (формально он дистанцировался от БМ и позиционировал себя как общенародный кандидат).

Политические изменения в Египте после Мубарака сопровождались ослаблением государственных институтов и нарастанием проблем в сфере безопасности. В стране вырос уровень преступности, регулярно происходили теракты и столкновения

---

³⁵ Barnett D. Salafi jihadist from Gaza reportedly killed fighting for ISIS in Syria // *The Long War Journal*, September 19, 2013. URL: http://www.longwarjournal.org/archives/2013/09/salafi_jihadist_from.php; Hamas denies ISIS presence after Gaza jihadist killed in Syria // *Al-Monitor*. 29 May 2014. URL: <http://www.al-monitor.com/pulse/ru/originals/2014/05/gaza-denies-isis-presence-jihadist-killed-syria.html>.

между мусульманами и христианами-коптами. Самым напряженным регионом стал Синайский полуостров (61 тыс. км²), который и до революции имел репутацию одной из наиболее проблемных египетских территорий. Население полуострова численностью 587 тыс. человек, составляет менее 1% жителей Египта. В административном отношении полуостров делится на провинции Северный Синай и Южный Синай примерно равные по площади. В северной части проживают 422 тыс., в южной — 165 тыс. человек. Около 70% синайского населения составляют бедуины, на уровне идентичности тесно связанные с бедуинами пустыни Неgev (Израиль) и сектора Газа.

Большая часть Синайского полуострова, за исключением южных курортных городов, района Суэцкого канала и специальных индустриальных зон, — это отсталая бедная территория. После возвращения Синай Израилем Египту в 1982 г. по условиям Кэмп-Дэвидского мирного договора власти приняли меры для экономического освоения региона, которое в основном развернулось в 1990–2000-е гг. Почти все инвестиции были направлены на развитие курортов Южного Синай, центр и север полуострова остались в стороне. Бедуины были недовольны изъятием земель под строительство курортов и газопроводов в Израиль и Иорданию. Власти поощряли переезд людей на Синай из перенаселенной долины Нила, и демографические изменения вызывали тревогу у коренного населения. Бедуины не могли конкурировать с переселенцами из долины Нила в современных секторах экономики. Многие, особенно племенная верхушка, скорее были заинтересованы в денежных субсидиях от властей, чем в работе в сфере услуг или других областях. Власти со своей стороны проводили по отношению к бедуинам политику ограничения в правах. Их, как правило, не призывали в армию, около четверти из них не имели египетских паспортов. Бедуины были исключены из политической жизни, не имели представительства в местной администрации и парламенте страны³⁶. Таким образом, отчуждению между бедуинами, с одной стороны, и египетскими властями

---

³⁶ Dentice G. The Geopolitics of Violent Extremism: The Case of Sinai // European Institute of the Mediterranean. February 2018. URL: <https://www.euromesco.net/wp-content/uploads/2018/02/EuroMeSCo36-Geopolitics-of-Violent-Extremism.-The-Case-of-Sinai.pdf>. P. 15, 19–20.

и переселенцами с другой, способствовало не только отношение самих бедуинов к политике Каира как к попытке нарушить веками сложившийся уклад жизни и лишить их независимости, но и дискриминационные действия со стороны властей.

Проблемы, вызванные диспропорциями в развитии Синайского полуострова и усилением негативного отношения коренного населения к властям, к началу «арабской весны» приобрели серьезный масштаб и выразились в криминализации бедуинов, выстраивавших таким образом альтернативную экономику, и их вовлечении в деятельность террористических группировок. Обычными сферами активности бедуинов стали контрабанда оружия, наркотиков, различных товаров, содействие незаконной миграции африканцев в Израиль, похищения людей ради получения выкупа³⁷. Доходы бедуинов от контрабанды увеличились после того, как Хамас в 2007 г. захватил власть в Газе и анклав попал в блокаду со стороны Израиля и Египта. Тогда подземные тоннели на 12-километровой границе с Египтом стали основным каналом перемещения людей и снабжения сектора товарами, оружием и боеприпасами. Отношения с синайскими бедуинами приобрели для Хамас стратегический характер, так как от их услуг по ту сторону границы стала зависеть экономика Газы и способность Движения поддерживать минимально приемлемый уровень жизни и порядок в секторе, а также получать контрабандное оружие из-за рубежа.

Ситуация на Синайском полуострове привлекала внимание египетских и зарубежных джихадистов. Очаги вестернизации — заполненные иностранными туристами приморские курорты, где жизнь контрастировала с традиционными бедуинскими и исламскими нормами, — представлялись идеальными целями для резонансных террористических атак. Наличие на Синае неблагополучного, склонного к протестам и неподчинению центральной власти, отчасти криминализованного населения позволяло джихадистам надеяться, что им удастся найти там сторонников. Наконец, Синайский полуостров в течение трех десятилетий выступал в качестве

---

³⁷ Хлебникова Л. Р. Проблема депортации африканских мигрантов из Израиля: внутриполитические и внешнеполитические аспекты // *Ученые записки Института Африки РАН*. 2018. № 3. С. 55–56.

буферной зоны, от стабильности в которой зависела безопасность южных границ Израиля. Террористы неоднократно — в 2004, 2005 и 2006 гг. — совершали на популярных курортах нападения, целью которых были иностранцы, египетские чиновники и военные. В ответ Каир ужесточал антитеррористические меры на полуострове. Особое внимание уделялось охране туристических объектов, нефтяной инфраструктуры и правительственных учреждений.

Египту удавалось поддерживать в регионе приемлемый уровень безопасности, но иѳѳѳѳ властей заключалась в том, что ими был избран метод массовых репрессий. При этом не принимались кардинальные меры по улучшению бедственного положения бедуинов, среди которых салафитско-джихадистская пропаганда находила все больший отклик. Террористы позиционировали себя в качестве защитников обездоленных. Даже если бедуины не разделяли экстремистские идеи, для укрепления их связей с террористами было достаточно общей для обеих сторон ненависти к властям, основывавшейся на представлениях, что египетское государство является порочным по своей сути.

В начале 2011 г. бедуины приняли активное участие в борьбе за свержение Мубарака, но ожидания, что после революции их положение изменится к лучшему, не оправдались. В голосовании на выборах в парламент Египта в ноябре 2011 — январе 2012 гг. многие коренные жители Синайского полуострова не участвовали, так как не имели египетских паспортов. Ни один представитель бедуинов не попал в новый состав законодательного органа. Впрочем, в отличие от остального Египта, охваченного жадной перемен, бедуины мало размышляли о перспективах демократизации страны и о своей роли в этом — скорее они хотели ослабления контроля над своей жизнью со стороны властей, какими бы те ни были.

Падение режима Х. Мубарака коренным образом изменило ситуацию на Синайском полуострове в худшую сторону. Мятельный характер региона проявился уже в самом начале антипрезидентских протестов. Местное население не просто приветствовало уход диктатора: в отличие от мирных протестов в Каире и Александрии, многие синайские бедуины выходили на улицы с оружием. Еще до того, как было объявлено об отставке Мубарака, полицейские покинули главные

города на севере полуострова — Рафах и Шейх-Зувейд, власть фактически перешла в руки местных лидеров. Бедуины напали на полицейские участки, захватывали оружие, блокировали междугородные шоссе и т. п. Были зафиксированы случаи похищения египтян и иностранцев с целью получения выкупа или освобождения бедуинов, арестованных за совершение преступлений. Последовали погромы административных зданий, нападения на тюрьмы. Бедуины мстили представителям властей, которые прежде препятствовали их вольнице, мешали контрабанде и наркоторговле. Восставшие вели борьбу со всем тем, что в их глазах символизировало государство. Дело дошло до того, что, по рассказу одного из жителей Рафаха, был разрушен местный мемориал неизвестному солдату, сооруженный в память о павших в войнах с Израилем. Очевидцы свидетельствовали о нападениях бедуинов на автомобили с номерами других регионов, о требованиях к местным бизнесменам платить за покровительство новым «властям». В условиях упадка легального сектора экономики и бездействия египетской полиции стал расцветать традиционный бедуинский криминальный бизнес, тем более что одна из его составляющих — незаконная торговля оружием — из-за событий в Ливии была на подъеме. Активность бедуинов создала угрозу важным сферам экономики Египта — туризму, экспорту газа в Израиль и Иорданию и индустриальным зонам в долине Нила³⁸.

Египетские сторонники «Аль-Каиды» воспользовались возникшим вакуумом власти. Силы безопасности на Синайском полуострове ослабели, а джихадисты получили подкрепления, т. к. из египетских тюрем во время революционных беспорядков бежали тысячи членов экстремистских группировок. Продолжилось активное проникновение исламистов в среду бедуинов, традиционно далеких от салафизма и практиковавших суфийский ислам. Радикалы вели пропаганду среди молодежи и налаживали отношения с племенными авторитетами. Тесные связи сложились между исламистами и бедуинскими лидерами, сделавшими состояния на контрабанде, организации незаконной миграции в Израиль, торговле оружием и наркотиками.

---

³⁸ Pelham N. Sinai: The Buffer Erodes // Chatham House (The Royal Institute of International Affairs). September 2012. P. 5–6, 8. URL: <https://www.chathamhouse.org/sites/default/files/public/Research/Middle%20East/pr0912pelham.pdf>.

В результате в социальной структуре племен начались подвижки. Бедуинские шейхи, принадлежавшие к старшему поколению, постепенно теряли влияние, а на первый план выходили клановые лидеры, вовлеченные в преступный бизнес и связанные с радикальными исламистами, а также молодежь. В условиях растущего вакуума власти на Синае вновь стали возможны громкие теракты против Израиля. Так, в апреле 2011 г. в сторону израильского курорта Эйлат было выпущено несколько ракет. 18 августа 2011 г. на юге страны произошла серия скоординированных антиизраильских терактов. Боевики обстреляли и пытались подорвать несколько гражданских транспортных средств и вступили в перестрелку с силами ЦАХАЛ неподалеку от границы с Египтом. По мнению английского исследователя Н. Пелэма, теракт был спровоцирован ужесточением израильских мер по охране границы с Синайским полуостровом, что привело к сокращению доходов бедуинов от контрабанды³⁹.

В конце 2011 г. синайские джихадисты объявили о создании организации «Ансар Бейт аль-макдис» Из ее названия видно, что Израиль входил в число ее главных врагов. Базой группировки стал район провинции Северный Синай, граничащий с сектором Газа. В этот период боевики предпочитали устраивать атаки против Израиля (нападения на военных и гражданских лиц, ракетные обстрелы израильской территории, взрывы газопровода Египет–Израиль–Иордания). После военного переворота 2013 г. в Египте и начала репрессий против исламистов боевики «Ансар Бейт аль-макдис» объявили приоритетом борьбу с властями, позиционируя себя как защитников мусульман⁴⁰.

Военный переворот и преследования БМ, предпринятые президентом ас-Сиси, не только способствовали активизации синайских исламистов, но и затронули интересы их единомышленников из сектора Газа. И тех, и других не устраивало, что к власти в Каире пришли силовики, готовые к наведению порядка на Синайском полуострове. В середине августа 2014 г.

---

³⁹ Ibid. P. 6–7.

⁴⁰ Wilson T. Egypt, ю Hamas and Islamic State's Sinai Province // The Henry Jackson Society. Centre for the New Middle East Policy Paper. No. 12 (2016). P. 3–4. URL: <http://henryjacksonsociety.org/wp-content/uploads/2016/10/Egypt-Hamas-and-Islamic-States-Sinai-Province.pdf>.

Абу Хафс аль-Макдиси, лидер «Джейш аль-умма», выпущенный из хамасовской тюрьмы в декабре 2013 г., призвал к джихаду против новых египетских властей⁴¹.

«Ансар Бейт аль-макдис» 10 ноября 2014 г. присягнула на верность «халифу Исламского государства» аль-Багдади. Группировка сменила название на «Вилайят Синай» («Исламское государство в провинции Синай»). По мнению эксперта американской военной академии Вест-Поинт Н. Лахуд, связать себя с могущественной исламистской организацией было давним желанием синайских и палестинских боевиков. Ранее члены группировки неудачно пытались получить признание со стороны «Аль-Каиды», и когда появилась влиятельная и авторитетная ИГИЛ, они сделали выбор в ее пользу. С конца 2014 г. «Вилайят Синай» отодвинула палестинскую проблему на второй план, все больше сил отдавая борьбе против египетских властей. Действительно, режим ас-Сиси представлял главную опасность для группировки, а устраивать громкие теракты на территории Египта было проще и эффективнее, чем атаковать Израиль. Но помимо этого джихадисты показывали, что они ратуют за очищение исламского мира от порочных светских режимов и отличаются от Хамас, замкнувшегося на палестинской национальной повестке⁴².

Ухудшение отношений между Египтом и Хамас после свержения администрации БМ

Хамас имело натянутые отношения с Египтом с момента захвата власти в секторе Газа в 2007 г. Президент Мубарак, оказывавший содействие процессу палестино-израильского

---

⁴¹ Barnett D. Gaza jihadists call for 'jihad' against Egypt's el Sisi // *The Long War Journal*. August 15, 2013. URL: https://www.longwarjournal.org/archives/2013/08/gaza_jihadists_call.php; Al-Ghoul Asmaa. Gaza Salafist Leader Calls for Jihad Against Egyptian General // *Al-Monitor*. August 22, 2013. URL: <http://www.al-monitor.com/pulse/en/contents/articles/originals/2013/08/salafist-gaza-hamas-egypt-sinai.html>.

⁴² Lahoud N. The Province of Sinai: Why Bother with Palestine if You Can Be Part of the "Islamic State"? // *Combating Terrorism Center*. March 2015. Vol. 8, Issue 3: Bay'a Special Issue. URL: <https://ctc.usma.edu/the-province-of-sinai-why-bother-with-palestine-if-you-can-be-part-of-the-islamic-state>.

мирного урегулирования в 1990–2000-е гг., присоединился к израильской блокаде сектора Газа. Однако оказывая давление на Движение, Каир играл важную посредническую роль в попытках примирить Фатх и Хамас, чтобы преодолеть раскол в палестинской автономии, а также помогал поддержанию режима прекращения огня между Израилем и сектором Газа. Некоторое потепление в отношениях между Египтом и Хамас наступило в период короткого президентства умеренного исламиста Мурси.

После переворота 2013 г. в Египте отношения между Газой и Каиром вновь серьезно ухудшились, причем их уровень понизился даже по сравнению с периодом правления Мубарака. Новые власти были настроены против палестинских исламистов по идеологическим мотивам, памятуя о том, что Хамас было создано палестинскими сторонниками египетских БМ. В адрес Движения Египтом был выдвинут ряд спорных обвинений, в том числе в связях с БМ, признанными властями в декабре 2013 г. террористической организацией, в помощи боевикам «Вилайята Синай» и причастности к убийству генерального прокурора Египта Хишама Барката в июне 2015 г.⁴³

Учитывая, что египетскими властями Мурси было предъявлено обвинение в сотрудничестве с иностранными организациями, в том числе с Хамас, ливанской Хизбаллой и иранским Корпусом стражей исламской революции с целью проведения террористических актов в Египте, антихамасовская риторика Каира была важна уже сама по себе, так как оправдывала преследование египетских БМ и представляла их как часть опасной транснациональной сети экстремистских организаций. В марте 2014 г. на территории Египта была запрещена деятельность Хамас, представительства Движения закрыты, а его счета в египетских банках заморожены. Высокопоставленные члены Хамас, постоянно проживавшие в Египте, в том числе Муса Абу Марзук, покинули страну, опасаясь арестов. В конце января 2015 г. «Бригады Изз ад-Дина аль-Кассама» были

---

⁴³ ХАМАС отвергает причастность к убийству генерального прокурора Египта // *Газета.ру*. 06.03.2016. URL: https://www.gazeta.ru/social/news/2016/03/06/n_8337287.shtml?updated; Court in Egypt bans Palestinian group Hamas // BBC. March 4, 2014. — <https://www.bbc.com/news/world-middle-east-26432122>.

внесены в список террористических организаций, а в конце февраля аналогичное решение было принято применительно к Хамас⁴⁴. Вместе с тем, Египет не исключал изменения отношений с Движением с лучшей стороны и посылал Газе соответствующие сигналы. Так, в июне 2015 г. египетский Апелляционный суд отменил недавнее постановление о причислении Хамас к террористическим организациям⁴⁵.

Одним из пиковых и показательных событий в отношениях режима ас-Сиси и Хамас стал вооруженный конфликт в секторе Газа между Движением и другими палестинскими группировками, с одной стороны, и Израилем, с другой (израильская операция «Несокрушимая скала» 7 июля – 26 августа 2014 г.) По мнению наблюдателей, Египет не спешил с мирными инициативами по прекращению боевых действий будучи заинтересован, чтобы израильская армия сначала подорвала потенциал Хамас. В египетских городах не было привычных массовых митингов в поддержку палестинского народа, что отчасти связано с эффективностью египетской антихамасовской пропаганды, а отчасти с запретительными мерами властей, которые к тому же не дали неправительственным организациям отправить гуманитарные конвои в сектор Газа⁴⁶. В заключенном при посредничестве Каира соглашении о прекращении огня между Хамас и Израилем не были отражены требования Движения восстановить в секторе Газа аэропорт и открыть морской порт, а также освободить боевиков, выпущенных из израильских тюрем в 2011 г. в обмен на плененного исламистами израильского капрала Гилада Шалита, а затем снова арестованных израильтянами⁴⁷.

---

⁴⁴ Court in Egypt bans Palestinian group Hamas // *Ibid.*; Egypt Lists Hamas as Terrorist Organization // *Alalam News*. February 28, 2015. — <https://en.alalam.ir/news/1680889/egypt-lists-hamas-as-terrorist-organization>,

⁴⁵ Egyptian court cancels Hamas listing as terrorist organization: sources // *Reuters*, June 6, 2015. URL: <https://www.reuters.com/article/us-egypt-hamas-idUSKBN00M0BZ20150606>.

⁴⁶ Hamzawy A. Egypt and Palestine: The Hamas Factor // The Carnegie Endowment for International Peace. 08.09.2017. URL: <https://carnegieendowment.org/2017/09/08/egypt-and-palestine-hamas-factor-pub-73039>.

⁴⁷ Соглашение с ХАМАСом: о разоружении пока речи не идет // 9 Канал израильского телевидения, 26.08.2014. URL: <http://9tv.co.il/news/2014/08/26/183805.html>.

Серьезным ударом по Хамас стало уничтожение Египтом туннелей на границе с сектором Газа. После вывода израильских поселений и войск из палестинского анклава в 2005 г. на Египет легла ответственность за сообщение сектора Газа с внешним миром. После захвата Хамас власти в секторе, когда Газа оказалась в изоляции со стороны Израиля, Египта и ПНА, а социально-экономическое положение сильно ухудшилось, палестинцами был найден выход в расширении контрабанды из Египта через подземные туннели, что позволяло снабжать сектор не только оружием, но и дефицитными товарами. Несмотря на свою ограниченность, такой подход для Газы оказался эффективным и позволил Хамас, опираясь также на финансовую помощь из-за рубежа и переводы на зарплаты бюджетникам от властей ПНА, обеспечивать сносное существование основной массе населения. Эта модель получила название «туннельной экономики» и удовлетворительно работала до того времени, когда после прихода к власти ас-Сиси Египет усилил борьбу с контрабандой, уничтожая туннели. Египтяне расширили буферную зону на границе с сектором Газа, для чего разрушили около 3 тыс. домов в приграничной полосе⁴⁸. В своей борьбе с туннелями Каир опирался на данные израильской разведки⁴⁹. Для Египта и Израиля сложившаяся ситуация на Синайском полуострове представляла общую угрозу безопасности, что повлекло за собой усиление сотрудничества силовых структур двух государств. Так, Тель-Авив не стал возражать против увеличения египетского военного присутствия на Синайском полуострове, которое лимитировалось согласно египетско-израильскому мирному договору 1979 г.

Вопрос о наличии и масштабах взаимодействия между Хамас и «Вилайятом Синай» остается очень неясным, дискуссионным и зависимым от пропагандистских усилий израильских и египетских властей. По мнению генерал-майора И. Мордехая,

---

⁴⁸ Hochberg M. The Five Factors Slowing Gaza Reconstruction // The Washington Institute for Near East Policy. Research note № 31. February 2016. URL: <https://www.washingtoninstitute.org/uploads/Documents/pubs/ResearchNote31-Hochberg.pdf> P. 3.

⁴⁹ Blum R. Report: Egypt Using Israeli Intel to Destroy Hamas Tunnels // *The Algemeiner*. February 8, 2016. URL: <https://www.algemeiner.com/2016/02/08/report-egypt-using-israeli-intel-to-destroy-hamas-tunnels/>.

занимавшегося в Минобороны Израиля вопросами палестинских территорий, между Хамас и ИГИЛ на Синайском полуострове установились тесные отношения. В интервью саудовскому изданию *Elaph* он утверждал, что боевики Движения отправлялись на Синай, чтобы воевать в отрядах ДАИШ против египетских сил, и что Движение тренировало и снабжало оружием египетских боевиков, а раненые джихадисты переправлялись в сектор Газа на лечение. Израильская пресса также писала о том, что ИГИЛ в Сирии и Ираке критиковало свой египетский филиал за сотрудничество с Хамас⁵⁰. Министр разведки и атомной энергии Израиля И. Кац в июне 2015 г., выступая на одной из конференций по вопросам безопасности, заявлял о наличии сотрудничества между Хамас и «Вилайятом Синай», которое не мешало Движению устраивать репрессии против сторонников ИГИЛ в самом секторе Газа⁵¹.

Обвинениям в адрес Хамас в том, что оно снабжает оружием синайских боевиков, недоставало обоснованности. Например, аХамас всегда выступал в качестве получателя контрабандного оружия из-за рубежа, а не его поставщика в Египет. Египетские боевики с 2011 г. смогли захватить много оружия, принадлежавшего египетскими силовикам и вряд ли нуждались в палестинской помощи⁵². Но не исключено, что Хамас вынуждено было делиться частью поставляемого в Газу контрабандного оружия, чтобы «Вилайят Синай» не блокировал этот канал.

В СМИ часто упоминалось, что разыскиваемые египетскими властями игиловцы, перебравшиеся на территорию сектора Газа на лечение, находятся под покровительством

---

⁵⁰ Weber K. Israel Defense Forces General Warns Hamas, ISIS Formed Alliance in Egypt // *Christian Post Reporter*. March 16, 2016. URL: <http://www.christianpost.com/news/israel-defense-forces-general-warns-hamas-isis-formed-alliance-in-egypt-159310/>; Okbi B. Isis Terrorist Snuck Into Gaza Strip Through Hamas Tunnels, Israel Says // *The Jerusalem Post*. May 13, 2016. URL: <http://www.jpost.com/Arab-Israeli-Conflict/ISIS-terrorist-snuck-into-Gaza-Strip-through-Hamas-tunnels-Israel-says-453916>.

⁵¹ Islamic State threatens to topple Hamas in Gaza Strip in video statement // *The Guardian*, June 30, 2015. URL: <https://www.theguardian.com/world/2015/jun/30/islamic-state-threatens-hamas-gaza-strip>.

⁵² Alexandrani I. ISIS in Egypt's Sinai: The next regional hotspot in the making // Center for Applied Policy Research (Ludwig-Maximilians-Universität Munich). № 1. February 2015. P. 2. URL: <http://www.cap-lmu.de/download/2015/CAPerspectives-2015-01.pdf>

боевиков из «Бригад Изз ад-Дина аль-Кассама», либо последние воюют и тренируют членов «Вилайята Синай» в самом Египте. Но вполне возможно, что речь шла о бывших участниках вооруженных формирований Хамас, отправлявшихся воевать на стороне «Вилайята Синай». Западные и израильские наблюдатели, не сомневаясь в наличии связей между Хамас и «Вилайят Синай», оценивали это взаимодействие как ситуативное и вынужденное для Движения. Вероятнее всего, руководство Хамас намеренно проводило политику двойных стандартов в отношении джихадистов, подвергая репрессиям последователей ИГИЛ на территории сектора Газа, когда они бросали вызов Движению, и помогая сторонникам аль-Багдади на Синае⁵³.

Израильский эксперт Б. Ганор отмечал, что для Хамас не составило бы труда уничтожить джихадистов в секторе Газа, но Движение было не намерено это делать, так как ему выгодно наличие в Палестине более радикальных сил, чем оно само. В этой ситуации власти сектора Газа представляли как разумная и стабилизирующая сила. Такая стратегия, указывал Б. Ганор, приносила свои результаты. Так, Израиль во время вооруженного конфликта летом 2014 г. действовал в ограниченных масштабах, чтобы не ослаблять чрезмерно Хамас и не создавать вакуум в анклав, которой мог бы быть заполнен салафитско-джихадистскими группировками⁵⁴.

Разрядка между Хамас и Египтом и их совместная борьба против последователей ИГИЛ

Критическая масса накопившихся проблем делала необходимой нормализацию отношений между Египтом и сектором Газа. Каир намеревался вернуть себе статус основного регионального посредника в палестино-израильском мирном

---

⁵³ Abu Toameh K. ISIS Comes to Gaza // Gatestone Institute, July 11, 2016. <https://www.gatestoneinstitute.org/8431/isis-gaza-sinai>; Wilson T. Op. cit. P. 7–9.

⁵⁴ Lappin Y. With Israel on the Sidelines, Hamas and ISIS Fight in Gaza // *Jewish News Syndicate*. February 16, 2017. URL: <http://www.jns.org/latest-articles/2017/2/16/with-israel-mostly-on-the-sidelines-hamas-islamic-state-conflict-intensifies-in-gaza#.WKA7nFdOLzI=>.

процессе, что было невозможно без восстановления прежних контактов с «Исламским движением сопротивления». Египет, а также Саудовская Аравия и ОАЭ рассчитывали ослабить связи Ирана, Катара и Турции с Хамас, с которыми палестинские исламисты сблизились в последние годы, видя в них альтернативных союзников. Немаловажную роль играли планы Каира по изоляции египетских БМ, которые в случае отказа от сотрудничества с ними со стороны Хамас, равно как и в условиях преследований со стороны Саудовской Аравии, ОАЭ и Иордании, все более низводились египетскими властями до уровня страновой организации, а не общеарабского движения. Наконец, главной причиной начала диалога с Хамас для Египта была необходимость усилить давление на «Вилайят Синай», изолировав его от единомышленников в секторе Газа.

К примирению с Египтом Хамас подталкивало, прежде всего, резкое ухудшение социально-экономического положения в секторе Газа из-за уничтожения сотен подземных тоннелей на границе и прекращения денежных переводов со стороны ПНА для выплаты зарплат бюджетникам. Лидеры Движения опасались оказаться в еще большей изоляции, тем более что власти Израиля и Египта в ходе пропагандистской войны против Хамас обвиняли его в связях с ИГИЛ. Немаловажное значение имела озабоченность Хамас тем, что среди палестинцев сектора Газа становилось все больше сторонников «халифата», которые вели пропагандистскую работу дома или вливались в ряды боевиков «Вилайята Синай».

Переговоры между Хамас и Египтом о нормализации отношений начались в марте 2016 г., когда состоялись два визита палестинской делегации в Каир. Во время первого египетская сторона озвучила свои требования Движению, выполнение которых увязывалось с прекращением блокады сектора Газа. Власти Египта ожидали от Хамас невмешательства во внутренние египетские дела, помощи в расследовании убийства генпрокурора Бараката, разрыва отношений с египетскими БМ, сотрудничества с Каиром по вопросам безопасности, прекращения проникновения экстремистов и контрабанды из сектора Газа на Синайский полуостров и возобновления переговоров

с ПНА о создании правительства национального согласия при посредничестве Египта⁵⁵.

Демонстрируя серьезность намерений во время первой встречи в Каире, Хамас расположило вдоль египетско-палестинской границы около 500 военных и широко осветило в СМИ этот шаг, как способствующий укреплению безопасности Египта. В мае 2016 г. властями сектора Газа были арестованы несколько боевиков, подозревавшихся в связях с «Вилайятом Синай». Один из лидеров Хамас Халил аль-Хайя заявил, что Движение действует только в пределах Палестины и никому из жителей Газы не позволит делать что-либо, угрожающее безопасности Египта. Что касается щепетильного вопроса о связи Хамас с египетскими БМ, то в Движении подчеркивали, что имеет место лишь идеологическое родство двух организаций. Хамас также декларировало свою готовность к примирению с Фатх. В обмен на эти уступки египетские власти возобновили практику временного открытия пограничного перехода «Рафах» на границе с сектором Газа⁵⁶. В следующие месяцы визиты делегаций Хамас в Каир выполнение властями Газы отдельных египетских требований и временные открытия Египтом сообщения с сектором приобрели регулярный характер.

Стремление Хамас улучшить отношения с Египтом и репрессии против сторонников ИГИЛ в секторе Газа вызвало осложнения с «Вилайятом Синай» и имело риск того, что джихадисты в Газе начнут целенаправленно подрывать позиции Движения, а также будут стараться спровоцировать Израиль на проведение военной операции в секторе. После ареста сотен салафитов в секторе Газа в декабре 2016 г., в том числе тех, кто не был вовлечен в вооруженное подполье, сторонники ИГИЛ начали обстреливать ракетами израильскую территорию. Некий Нур Исса, успевший повоевать в Ливии лидер салафитской группировки «Ахфад аль-сахаба — Акнаф Бейт аль-макдис», ответственной за неоднократные пуски ракет в сторону

---

⁵⁵ Eleiba A. Hamas seeking to mend strained relations with Egypt: Palestinian diplomat // *Ahram Online*, Sunday March 27, 2016. URL: <http://english.ahram.org.eg/NewsContent/1/64/198026/Egypt/Politics-/Hamas-seeking-to-mend-strained-relations-with-Egypt.aspx>; Egypt and Hamas — Cooperation in the Works? // Middle East Institute. June 16, 2016. — <https://www.mei.edu/publications/egypt-and-hamas-cooperation-works>.

⁵⁶ Egypt and Hamas — Cooperation in the Works? // *Ibid*.

Израиля с 2014 г., был объявлен властями в розыск (арестован в октябре 2018 г.)⁵⁷. В начале 2017 г. после задержания в секторе Газа палестинца Абеда аль-Вахада, бывшего бойца одного из элитных хамасовских подразделений, который воевал на Синае, а потом вернулся на родину, «Вилайят Синай», требуя освобождения поделщика, ограничил поставки товаров через туннели из Египта в сектор Газа и добился, чтобы аль-Вахад был отпущен⁵⁸. В январе 2017 г. в Каире прошел очередной раунд переговоров руководства египетской разведки с Хамас. Вслед за этим начались ракетные обстрелы южных районов Израиля с территории Синайского полуострова, за которыми стояли джихадисты, решившие оказать давление на Хамас и сорвать возможность нормализации отношений организации с египетскими властями⁵⁹.

На протяжении первой половины 2017 г. регулярные сообщения о ликвидации на Синае египетскими силовиками выходцев из сектора Газа, в том числе бывших боевиков «Бригад Изз ад-Дина аль-Кассама», свидетельствовали о том, что за три года палестинцы стали заметной частью египетского террористического подполья⁶⁰.

Силовые методы противодействия оппозиции Хамас сочетало с пропагандистско-идеологическими. 7–8 марта 2017 г. в Университете Газы прошла международная конференция на тему «Кризис понимания [ислама] и его связь с феноменом экстремизма и насилия», в которой приняли участие ученые, представители духовенства, депутаты Палестинского

---

⁵⁷ Lieber D. Gaza rocket attacks sparked by Hamas crackdown on pro-IS groups — report // *The Times of Israel*, March 2, 2017. URL: <http://www.timesofisrael.com/rocket-attacks-on-israel-sparked-by-hamas-crackdown-on-pro-is-groups-report/>; Hamza Abu Eltarabesh. Showdown looms between Hamas and Gaza Salafis // *The Electronic Intifada*. 13.10.2017. URL: <https://electronicintifada.net/content/showdown-looms-between-hamas-and-gaza-salafis/21966>.

⁵⁸ McKernan B. Elite Hamas soldiers defecting to Isis from Gaza-based group in increasing numbers // *The Independent*, February 8, 2017. URL: <http://www.independent.co.uk/news/world/middle-east/hamas-fighters-defect-isis-islamic-state-nukhba-commando-iz-ad-din-al-qassam-gaza-palestinian-group-a7569786.html>.

⁵⁹ ISIS to Drag Israel into a War on Gaza // *Asharq Al-Awsat*. February 22, 2017. URL: <https://english.aawsat.com/theaawsat/news-middle-east/isis-drag-israel-war-gaza>.

⁶⁰ While fighting with ISIS: More Palestinians from Gaza killed in Egypt's Sinai // *Al Bawaba*. 02.06.2017. URL: <http://www.albawabaeg.com/92998>.

законодательного совета, высокопоставленные функционеры Хамас, в том числе заместитель главы Политбюро Халил аль-Хаййя и представитель министерства вакфов Юсеф Фархат. Последний отметил, что ложная интерпретация религиозных текстов оказывает на ислам опасное влияние, что ведет росту насилия со стороны экстремистов, неверно понимающих, что такое джихад⁶¹.

Серьезное противодействие нормализации отношений между Хамас и Египтом исходило не только от салафитско-джихадистских группировок по обе стороны от египетско-палестинской границы. Перспектива прекращения блокады сектора Газа вызывала озабоченность властей ПНА. В Рамалле преобладало мнение, что вернуть сектор Газа можно только путем жесткого давления на Хамас, чтобы лишить его возможностей эффективно управлять сектором и обеспечивать там приемлемый уровень жизни. В крайней ситуации Хамас либо должно столкнуться с широким недовольством населения, и тогда его власть будет свергнута, либо, чтобы предотвратить этот сценарий, Движение согласится на требования властей ПНА отдать им контроль над финансами и силовыми структурами в Газе. Для Хамас выполнение подобных требований означало риск потерять статус равного Фатх игрока и почти вернуться к положению до победы исламистов на парламентских выборах 2006 г. В рамках этой стратегии Аббас рассматривал любые успехи Хамас, будь то соглашение о перемирии с Израилем или прекращение изоляции со стороны Египта, как усиление позиций исламистов на переговорах с руководством ПНА.

Обвиняя Хамас в срыве договоренностей 2014 г. о создании правительства национального единства, Рамалла усиливала давление на своих оппонентов. В апреле 2017 г. она уменьшила переводы денежных средств для выплаты зарплат бюджетникам в секторе Газа на 30%⁶². Несколько позже по просьбе

---

⁶¹ Adnan Abu Amer. Will IS find popular base in Palestine? // *Al-Monitor*. March 20, 2017. URL: <http://www.al-monitor.com/pulse/originals/2017/03/palestine-isis-hamas-israel-youth-salafist.html#ixzz4qq0povVS>.

⁶² Kershner E. Challenging Hamas, Palestinian Authority Cuts Electricity Payments for Gaza // *The New York Times*. April 27, 2017. https URL: <https://www.nytimes.com/2017/04/27/world/middleeast/palestinian-authority-hamas-gaza-electricity.html>.

ПНА Израиль сократил поставки электричества в палестинский анклав⁶³.

Очередным шагом Хамас, который способствовал продолжению диалога с Египтом и свидетельствовал о росте прагматических настроений в руководстве Движения, стало принятие в мае 2017 г. новой Хартии Хамас. Документ обнародовал в Дохе председатель политбюро Х. Машаль. В целом Хартия сохранила жесткий антиизраильский характер. Так, Израилю по-прежнему отказывалось в праве на существование, говорилось о едином и неделимом Иерусалиме как столице палестинского государства, о противодействии «сионистской оккупации» всеми доступными методами, необходимости возвращения палестинских беженцев и их потомков на территории, вошедшие в состав Израиля в 1948 и 1967 гг. Тем не менее сдвиги в идеологии Хамас все же были очевидны, и Хартия 2017 г. стала самым заметным тому доказательством. В отличие от Хартии 1988 г. исчезло упоминание о связи Хамас БМ. Из новой редакции был убран пункт с открытым призывом к уничтожению еврейского государства, а Движение было готово согласиться на создание палестинского государства в границах 1967 г.⁶⁴ Решение об исправлении Хартии не было одномоментным. Еще начиная с 2005 г., когда Хамас приняло участие в кампании по выборам в парламент ПНА, его руководители неоднократно делали заявления, которые шли в разрез с максималистскими и бескомпромиссными формулировками Хартии 1988 г.⁶⁵ Другим изменением в Хамас, также позитивно воспринятым в Египте, стала смена руководства Движения в течение 2017 г. По результатам выборов в феврале и октябре заместителем главы Политбюро

---

⁶³ Al-Mughrabi N. Improving ties between Egypt and Hamas unsettle Palestinian politics // *Reuters*. July 5, 2017. URL: <https://www.reuters.com/article/us-palestinians-gaza-hamas/improving-ties-between-egypt-and-hamas-unsettle-palestinian-politics-idUSKBN19Q1S4>.

⁶⁴ The Islamic Resistance Movement «Hamas» — A Document of General Principles and Policies. May 1, 2017. URL: <http://hamas.ps/en/post/678/a-document-of-general-principles-and-policies>; Смотряев М. 30 лет ХАМАС: не истек ли срок годности? // Русская служба BBC, 14.12.2017. — <https://www.bbc.com/russian/features-42344417>.

⁶⁵ Демченко А. Сдвиги в идеологии ХАМАС: тактический маневр или дорога к миру? // Фонд исторической перспективы. 25.11.2011. URL: http://www.perspektivy.info/oykumena/vostok/sdvigi_v_ideologii_khamas_takticheskij_manevr_ili_doroga_k_miru_2011-11-25.htm.

стал Салех аль-Арури, а Яхья аль-Синвар региональным руководителем Хамас в секторе Газа. Оба они, хотя имели репутацию «ястребов», отсидевших в израильских тюрьмах, оказались настроены очень прагматично и продолжили переговоры с Египтом и возобновили диалог с ПНА⁶⁶.

Следуя курсу на дальнейшие взаимные уступки, Египет после очередного раунда переговоров с Хамас в июне 2017 г. поставил около миллиона литров топлива в Газу, что позволило ослабить санкции со стороны ПНА и Израиля. В конце месяца Хамас приступило к созданию буферной зоны вдоль границы сектора Газа с Египтом. Ее ширина составила от 50 до 150 метров, на которых бульдозерами были снесены все постройки, установлены камеры наблюдения и посты охраны, была проложена дорога для патрулей. Заместитель министра внутренних дел в Газе Тауфик Абу Наим подтвердил, что буферная зона создается, чтобы предотвратить незаконные переходы границы. Мероприятие было широко разрекламировано высокопоставленными хамасовскими чиновниками, которые тем не менее в своих интервью уклонились от обещаний уничтожить все подземные туннели⁶⁷.

Налаживание сотрудничества между Каиром и Газой в сфере безопасности продолжало вызывать на Синае ответные шаги боевиков ИГИЛ, которые предпочитали выбирать цели на границе Египта и сектора Газа. 7 июля 2017 г. «Вилайят Синай» совершил крупнейшее за последние несколько лет нападение на египетских военных. Террорист-смертник на заминированном автомобиле врезался в контрольно-пропускной пункт возле деревни Эль-Барта, расположенной к юго-западу от Рафаха, а затем его сообщники обстреляли египетских военных. Сторонники ИГИЛ в секторе Газа заявили о том, что в нападении

---

⁶⁶ Alsoos I., Brown N.J. Hamas: Constrained or Nimble? // The Carnegie Endowment for International Peace, 11.04.2018. URL: <http://carnegieendowment.org/2018/04/11/hamas-constrained-or-nimble-pub-76047>.

⁶⁷ Hamas begins building security 'buffer zone' on Egypt border // *The Middle East Eye*, 28.06.2017. URL: <http://www.middleeasteye.net/news/hamas-begins-building-security-buffer-zone-egypt-border-819754626>; Hamas constructs a buffer zone to secure its border with Egypt in response to a demand from the Egyptian regime // The Meir Amit Intelligence and Terrorism Information Center, July 16, 2017. P. 5. — https://www.terrorism-info.org.il/Data/articles/Art_21240/E_135_17_1659884799.pdf.

участвовали трое палестинцев, двумя месяцами ранее, по данным палестинских спецслужб, бежавших на территорию Египта. После этого, как писала газета «Аш-Шарк аль-Аусат», власти Газы провели массовые аресты экстремистов, в том числе и тех, кого ранее уже задерживали, но выпустили на свободу. Численность хамасовских сил на границе с Египтом была увеличена. В самом городе Газа появились дополнительные посты полиции. Глава хамасовского правительства Исмаил Хания провел ряд совещаний по вопросам безопасности и подчеркнул, что сделает все возможное, чтобы обеспечить безопасность Египта. В память о погибших египетских военных Хамас организовало траурные мероприятия, а фотографии жертв боевиков были развешаны на улицах сектора Газа, также как Движение вывешивает плакаты с изображением палестинцев-шахидов, павших в борьбе с Израилем⁶⁸.

Активизация сторонников ИГИЛ в ответ на диалог Хамас и Египта произошла не только на Синайском полуострове, но и в самом секторе Газа. Самым серьезным сигналом стал переход «Армии ислама» и клана Думуш на сторону ИГИЛ в конце июня 2017 г. Решение присоединиться к террористической организации было продиктовано в большей мере не идеологическими соображениями, а недовольством действиями Хамас и Египта по созданию буферной зоны на границе с сектором Газа, что ставило под угрозу контрабандный бизнес клана⁶⁹. В августе 2017 г. в южной части сектора при попытке задержать двух салафитов, приблизившихся к границе с Египтом, один из них привел в действие взрывное устройство, в результате чего погиб сам смертник и один из хамасовских сотрудников службы безопасности⁷⁰.

---

⁶⁸ Abu Middain, Yosor. Hamas Wages Campaign Of Mass Arrests Against Extremists In Gaza Strip // The Gaza Post. 10.07.2017. URL: <http://the-gazapost.net/2017/07/10/hamas-declares-state-alert-gaza/>; Salem A. Gaza Jihadists Undermine Egypt-Hamas Cooperation // The Atlantic Council. 22.09.2017. URL: <http://www.atlanticcouncil.org/blogs/menasource/gaza-jihadists-undermine-egypt-hamas-cooperation>.

⁶⁹ Gaza's Army of Islam joins ISIS against Hamas-Cairo security zone // DEBKAFfile. June 29, 2017. URL: <http://www.debka.com/newsupdate/20951/Gaza%E2%80%99s-Army-of-Islam-joins-ISIS-against-Hamas-Cairo-security-zone>.

⁷⁰ Hamas guard killed in suicide bombing in southern Gaza // *Al-Jazeera*. 17.08.2017. URL: <http://www.aljazeera.com/news/2017/08/hamas-guard-killed-suicide-bombing-southern-gaza-170817004203179.html>.

В конце 2017 г. переговоры в Каире, касавшиеся преодоления раскола палестинской автономии, совместных мер Египта и сектора Газа в сфере обеспечения безопасности и открытия пограничного перехода Рафах на регулярной основе оказались под угрозой. В начале октября в Каире Фатх и Хамас подписали очередное соглашение о примирении. 1 декабря 2017 г. должно было начать работу правительство национального согласия. Причиной провала соглашения стали не только противоречия между двумя палестинскими организациями, но и израильская политика американского президента Д. Трампа и противодействие внутripалестинскому диалогу со стороны Тель-Авива, который устраивала ситуация, сложившаяся в зоне палестинско-израильского конфликта. С августа 2017 г. в Конгрессе США ускорилась подготовка к принятию «Акта Тейлора Форса» (принят 23 марта 2018 г.) — закона, приостанавливающего любую поддержку Палестине до тех пор, пока ПНА не выполнит четыре условия: прекращение финансирования террористов; отмена закона, позволяющего делать такие выплаты; принятие «заслуживающих доверия шагов» для прекращения «палестинского терроризма»; «публичное осуждение» и расследование таких актов насилия. 6 декабря 2017 г. Трамп объявил о своем решении признать Иерусалим столицей Израиля и перенести туда американское посольство из Тель-Авива, после чего и Хамас, и ООП констатировали смерть мирного процесса, который и так на протяжении премьерства Нетаньяху переживал застой. В секторе Газа и на Западном берегу реки Иордан начались акции протеста и столкновения гражданского населения с израильскими военными.

На этом фоне реализовать планы Египта стало возможным только в усеченном виде, то есть в той их части, которая касалась сотрудничества с Хамас в борьбе с общей угрозой со стороны ИГИЛ. Тем более что «Вилайят Синай», ранее воздерживавшийся от нападений на гражданское население на Синае, начал совершать все более громкие теракты. Так, в результате теракта в суфийской мечети города аль-Ариш в ноябре 2017 г. погибло более 300 человек.

Сотрудничество Хамас с Египтом, переговоры с Фатх, репрессии против сторонников ИГИЛ в секторе Газа и глубокие идеологические различия между двумя исламистскими

организациями привели к тому, что 5 января 2018 г. «Вилайят Синай» опубликовал 22-минутный видеоролик, в котором обвинил Движение в отступлении от ислама, объявил ему джихад и казнил одного из членов организации, который ранее присоединился к ИГИЛ, но, по словам боевиков, был пойман на контрабанде оружия «Бригадам Изз ад-Дина аль-Кассама». Хамас был обвинен в неспособности помешать США признать Иерусалим столицей Израиля, а также в том, что борется с Израилем не потому, что евреи являются приверженцами ложного вероучения, а из-за сионистской оккупации Палестины. Другим традиционным выпадом со стороны ИГИЛ в адрес Хамас стало напоминание о сотрудничестве с шиитским Ираном, воюющим против боевиков ДАИШ в Сирии и Ираке. Представитель Хамас Салах Бардавил, видимо желая отвести от Движения удар джихадистов, заявил, что видео было сфабриковано сионистами⁷¹.

Вопреки угрозам со стороны «Вилайта Синай» Хамас должно следовать избранному курсу, направленному на прекращение изоляции сектора Газа. Египет, несмотря на диалог, продолжал использовать свой контроль над пограничным переходом Рафах как инструмент давления на Хамас. Так, в 2017 г. переход был открыт в сумме только 20 дней⁷². В марте 2018 г. были возобновлены переговоры между Фатх и Хамас, впрочем, сорванные после покушения неизвестных на премьер-министра ПНА Рами Хамдаллу во время его визита в сектор Газа.

В палестино-израильских отношениях весной 2018 г. также обозначился новый виток многолетнего кризиса. 30 марта в секторе Газа начался «Марш возвращения» — мирные митинги и насильственные попытки палестинцев прорвать границу с Израилем, чтобы вернуться на родные земли. Иницилируя «Марш возвращения», основные события которого продолжались до 15 мая 2018 г. и унесли жизни более ста палестинцев, Хамас стремилось привлечь внимание международного

---

⁷¹ «Исламское государство» объявило войну ХАМАСу // *MIGnews.com*. 05.01.2018. URL: http://mignews.com/news/arabisrael/world/050118_163237_95334.html

⁷² Howeidy A. Hamas-Egypt entente for reconciliation with Fatah // *Al-Ahram Weekly*. 01.03.2018. URL: <http://english.ahram.org/NewsContent/1/64/291951/Egypt/Politics-/HamasEgypt-entente-for-reconciliation-with-Fatah-.aspx>.

сообщества и исламского мира к палестинской проблеме, бедственному положению сектора Газа, становившемуся все более непригодным для жизни, продемонстрировать приверженность Движения борьбе с Израилем, при этом не вступая с ним в вооруженных конфликт, который бы грозил исламистам ощутимыми потерями. Исламисты также надеялись переиграть Фатх, которое со времени окончания интифады, в отличие от Хамас, полностью воздерживалось от жестких и массовых антиизраильских акций. «Исламскому движению сопротивления» действительно удалось добиться некоторых успехов. Во время обсуждения событий в секторе Газа в Совете Безопасности ООН 30 марта 2018 г., большинство выступавших осудили Израиль за непропорциональное применение силы против палестинцев⁷³.

Будучи незаинтересованными в начале третьей палестинской интифады, международные игроки видели выход в исправлении гуманитарной ситуации в секторе Газа. Эту позицию разделял Израиль, продолжавший переговоры с Хамас через египетских посредников о прекращении насилия и смягчении блокады. К зависимости анклава от международной помощи, которая далеко не покрывала его нужды, в 2018 г. добавились нехватка финансов в бюджете ООН (так как США урезали свои взносы для БАПОР) и новые санкции в отношении Хамас со стороны властей ПНА, которые весной 2018 г. досрочно отправили на пенсию 60 тыс. госслужащих в Газе, а остальным сократили зарплаты на 20%⁷⁴.

В результате были приняты некоторые меры, улучшившие положение в секторе Газа. В начале ноября 2018 г. Израиль позволил палестинским рыбакам вести промысел в двенадцати морских милях от берега (ранее для них была открыта только трехмильная зона). Катар, вопреки возражениям со стороны руководства ПНА, предоставил Хамас деньги для выплаты

---

⁷³ Security Council Members Condemn Killing of Palestinian Civilians in Clashes at Israel-Gaza Border after Peaceful Protest Turned Violent. SC/13273. 30 March 2018. Security Council 8219th Meeting. URL: <https://www.un.org/press/en/2018/sc13273.doc.htm>.

⁷⁴ Сурков Н. Израиль и Газа: решимость против отчаяния // Российский совет по международным делам. 10.08.2018. URL: http://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/izrail-i-gaza-reshimost-protiv-otchayaniya/?sphrase_id=21594989.

долгов по зарплате чиновникам. Также Доха с согласия Израиля профинансировала поставки топлива для единственной электростанции в Газе. Со своей стороны Саудовская Аравия начала компенсировать недостаток средств БАПОР⁷⁵.

Стремление сторон к реализации соглашения о смягчении блокады сектора Газа подтвердило то, что кратковременная эскалация конфликта между Израилем и Хамас 11–13 ноября 2018 г. не прервала процесс нормализации ситуации в секторе Газа. Предполагалось, что рамках заключенного в начале месяца соглашения будут предприняты три последовательных шага: стабилизация обстановки на границе (прекращение протестов и смягчение блокады), улучшение гуманитарной ситуации в Газе и обмен пленными, начало восстановления Газы и постепенное возвращение ее под контроль ПНА⁷⁶. Однако весной 2019 г. на фоне подготовки партии «Ликуд» к парламентским выборам и годовщины «Марша возвращения» напряженность вновь усилилась.

Перспективы выполнения условий договоренностей ноября 2018 г. и возобновления и успеха внутрисекторного диалога остаются неясными из-за сложности внутрисекторной ситуации в Израиле, где в апреле 2019 г. прошли досрочные парламентские выборы и у власти остался правый премьер-министр Б. Нетаньяху, и в ПНА, где возраст действующего президента приближается к 85 годам. Но более важным представляется то, что отношения между основными участниками конфликта испытывают глубокий кризис доверия. Непримируемость позиций Хамас и Фатх и односторонние действия США и Израиля ставят под сомнение возможность возобновления и тем более успеха каких-либо переговоров в двустороннем или многостороннем формате.

На Синайском полуострове ситуация в 2018 г. развивалась более обнадеживающе. В феврале Египет развернул в регионе масштабную антитеррористическую операцию с привлечением

---

⁷⁵ Беленькая М. От «Хамаса» до зарплаты // *Коммерсантъ*. 10.11.2018; Хвостик Е. Саудовская Аравия компенсирует Палестине нехватку помощи из США // *Коммерсантъ*. 28.11.2018.

⁷⁶ Сурков Н. Однодневная война за перемирие // Российский совет по международным делам. 21.11.2018. URL: http://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/odnodnevnyaya-voyna-za-peremirye/?sphrase_id=21594989.

сухопутных, морских и воздушных сил, а также полиции и пограничной охраны. В течение года властям действительно удалось добиться определенных успехов: были ликвидированы около 300 боевиков (при общей численности членов «Вилайята Синай» около 2 тыс. человек), ряд лидеров организации, в том числе выходец из сектора Газа Абу Хамза аль-Макдиси. Руководство Египта, сознавая, что одной из причин распространения исламского радикализма на Синае является недовольство бедуинского населения отсутствием внимания со стороны властей их проблемам, заявило о планах потратить на развитие полуострова до 2022 г. 15,6 млрд долларов. Проект предусматривает улучшение сети коммуникаций и коммунального хозяйства строительство жилья, больниц, промышленных объектов, мощностей по опреснению воды⁷⁷.

Есть и негативные промежуточные итоги операции, о которых сообщают египетские и международные правозащитники, и которые способствуют воспроизводству условий, толкающих местных жителей в ряды «Вилайята Синай». По данным Human Rights Watch, египетская армия практиковала массовый снос домов (около 3 тыс. в первые месяцы 2018 г.), уничтожение сельскохозяйственных угодий в зонах безопасности около Рафаха и аль-Ариша, применение силы против гражданского населения⁷⁸.

* * *

Переход джихадистов сектора Газа на сторону ИГИЛ не привел к качественным изменениям в палестинском экстремистском подполье. Число сторонников глобального джихада, переориентировавшихся с «Аль-Каиды» на более многообещающий «халифат», оставалось незначительным, а группировки разрозненными. Их движению, несмотря на ренессанс, не удалось

---

⁷⁷ Shay D. Comprehensive Operation Sinai 2018: Interim Summary // *Israel Defense*. 31.07.2018. URL: <https://www.israeldefense.co.il/en/node/35134>.

⁷⁸ Egypt: Looming Humanitarian Crisis in Sinai // Human Rights Watch. April 23, 2018. URL: <https://www.hrw.org/news/2018/04/23/egypt-looming-humanitarian-crisis-sinai>; Egypt: Army Intensifies Sinai Home Demolitions // Human Rights Watch. May 22, 2018. — <https://www.hrw.org/news/2018/05/22/egypt-army-intensifies-sinai-home-demolitions>.

эволюционировать ни в качественном, ни в количественном отношении. Если рассматривать достижения экстремистов только в секторе Газа, то произошла главным образом смена аффилиации. Конкретные акции салафитов хоть и носили тревожный характер, но оставались эпизодическими и скромными по масштабу. Во многом ячейки последователей ИГИЛ были виртуальными, а их деятельность носила ситуативный характер. Палестинские джихадисты даже не попытались создать на территории сектора Газа некую исламистскую автономию (вероятно, опасаясь, что Хамас тут же силой положит конец их активности), которая выглядела бы как реальная провинция ИГИЛ, как это случилось в Нигерии, Ливии, Афганистане и, соответственно, не могли рассчитывать на статус эмирата или вилайета.

Палестинские сторонники аль-Багдади по численности, арсеналу оружия, финансовым ресурсам и уровню консолидации серьезно уступают таким организациям как «Вилайят Синай», «Вилайят Западная Африка» и филиалы ИГИЛ в Афганистане и Ливии. Перспективы экспансии ИГИЛ в секторе Газа сдерживает географическая замкнутость этой территории, находящейся в египетской и израильской блокаде. Наконец, несмотря на то, что квазигосударство Хамас является неблагополучной во многих отношениях территорией, управляющие им исламисты жестко держат бразды правления в своих руках, и в этом отношении палестинский анклав нельзя отнести к числу территорий с ослабленной государственной властью. Компактность сектора Газа и сами структурно-организационные особенности Хамас, имеющего разветвленные связи в низах палестинского общества, препятствуют деятельности конкурентов.

Даже наиболее опасный вызов — идеологический — не нанес Движению большого урона. Это объясняется сильной и специфической национально-гражданской идентичностью палестинцев. Они мало интересуются идеями глобального джихада. Для них на протяжении десятилетий главными целями остаются создание жизнеспособного палестинского государства со столицей в Иерусалиме и повышение уровня жизни, поэтому наиболее популярными будут те политические силы, которые на первое место ставят национальные интересы, пусть даже,

как это делает Хамас, придавая им религиозную окраску. Ради этого палестинцы готовы терпеть внутренние проблемы в секторе Газа, а главным виновником их трудностей в первую очередь считать не Хамас или Фатх, а Израиль.

Контроль Хамас над сектором Газа ограничил возможности последователей ДАИШ и привел к их выталкиванию за рубеж, тем более, что по соседству, на Синайском полуострове террористическая организация «Вилайят Синай» предъявляла спрос на палестинцев и предоставила возможности для их экстремистской «самореализации». Миграция палестинских боевиков на Синай представлялась естественной и логичной еще и потому, что в сознании местного населения обе территории представляют общее историко-географическое и криминализованное экономическое пространство. Более глубокая вовлеченность такфиристов из сектора Газа в региональные процессы и их способность стать важным фактором в отношениях Хамас и Египта все-таки означали некоторый успех движения. Но если сравнивать с другими арабскими странами, например, Тунисом, то число боевиков, которые отправились из сектора Газа для участия в войне на стороне ИГИЛ и «Вилайята Синай», оказалось скромным, что, на наш взгляд, объясняется трудностями с перемещением через границу и все той же сосредоточенностью палестинцев на антиизраильской повестке.

Последователи ИГИЛ в секторе Газа и на Синае сталкиваются со значительными сложностями. Дело не только в наращивании Египтом масштабов антитеррористической операции на полуострове, но и в том прагматизме, который проявили Газа и Каир, пойдя на сближение. Кризис 2014–2015 гг., возникший из-за ухудшения отношений с Египтом, осложнения экономического положения в секторе из-за проблем в сфере «туннельной экономики» и активизации пропаганды и актов насилия со стороны ячеек ИГИЛ, Хамас смогло обернуть в свою пользу, найдя в сложившейся ситуации новые возможности. Движение стало полезным партнером Египта в борьбе с угрозой ИГИЛ в регионе, нашло новые источники финансирования и доказало, что, вопреки критике и санкциям со стороны Израиля и Фатх, является системообразующей и стабилизирующей силой в зоне палестино-израильского конфликта, о чем свидетельствует парадоксальное на первый взгляд сотрудничество

в рамках треугольника Египет-Хамас-Израиль. Тем не менее дальнейший застой в процессе палестино-израильского мирного урегулирования и исключение из него Хамас, сохранение изоляции и бедственного социально-экономического и экологического положения в секторе Газа будут способствовать росту радикальных настроений и продуцировать напряженность.

Глава IX

ВЛИЯНИЕ ВОЕННОГО ФАКТОРА НА ПОЛИТИЧЕСКИЕ И ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В ЙЕМЕНЕ (2015–2019 гг.)

Военная операция «Буря решимости» в Йемене с участием арабской коалиции (АК) во главе с Саудовской Аравией (КСА), о которой было объявлено саудовским послом в Вашингтоне 26 марта 2015 г., натолкнулась на непредвиденные трудности. По мере смещения фокуса конфликта в геополитическое соперничество за доминирование в Аравии нарастала и роль специфического йеменского социокультурного фактора, менявшего характер восприятия и реагирования йеменцев на связанные с войной и блокадой вызовы. Социокультурный фактор генерировал сопротивление навязываемой извне парадигме, до неузнаваемости меняя ход и основные ориентиры этого военного конфликта.

Военное вмешательство привело к срыву многолетней миссии ООН, направлявшей транзитный процесс в Йемене в рамках поэтапного международного плана мирного урегулирования кризиса (т. н. «Инициативы»), который действовал в период с ноября 2011 до момента объявления войны. Интервенция застигла страну в крайне уязвимом положении, обусловленном обострением внутренней борьбы за лидерство в выборах, намеченных ООН на конец 2015 г., а также частичным демонтажем государственной системы в связи с ожидаемым переходом к новой федеративной модели государственного устройства. В основе государственной реформы лежали итоговые решения инклюзивного Национального Диалога (2013 г.), в которых утверждался курс на децентрализацию, дальнейшее развитие

Автор главы – *Серебров Сергей Николаевич*

демократизма и гражданских свобод в рамках исламских ценностей. Раскол в армии не позволил временному главе государства А.М. Хади стать реальным лидером, способным действовать без опоры на внешних кураторов процесса. Его влияние внутри страны, особенно, после подачи им прошения об отставке 22 января 2015 г., упало. В стране началось брожение, усилились трения в армии. Некоторые крупные национальные проблемы Йемена, решенные с точки зрения кураторов ООН по ходу имплементации проекта, в действительности, остались открытыми. Среди них выделялись вопрос о статусе Юга (бывшей НДРЙ) и о схеме федерализации Йемена¹. План разделения страны на шесть штатов (араб. — *иклим*), принятый Президентской комиссией А.М. Хади в феврале 2014 г., вызвал острые разногласия и был подвергнут основательной критике всеми крупными йеменскими политическими акторами, включая южнотийменский Хирак (т. н. Мирное движение Юга), добивавшийся безоговорочного признания права Юга на самоопределение в границах на 21.05.1990 г.

Выбор момента военного вмешательства АК в Йемен не был случайным, но ожидаемой легкой победы мощной коалиции под командованием молодого наследного принца КСА Мухаммада бин Салмана не произошло. Попытки придать вмешательству характер защиты в гражданской войне интересов законной власти президента А.М. Хади против обвиненных в перевороте хуситов — не увенчались успехом. Гораздо более сложная реальная структура конфликта резко контрастировала с вмененной ему извне парадигмой. В действие вступил мощный фактор сопротивления плану военного командования АК со стороны йеменцев, что повлекло прогрессирующую утрату контроля над ситуацией во всех частях расколотого войной на два лагеря Йемена со стороны лидера АК, успех которого в этой кампании был увязан с другими аспектами его внутренней и внешней политики. Война и блокада погрузили

---

¹ Примечание: южнотийменский Хирак опротестовал как решение об образовании на Юге двух иклимов — Адена и Хадрамаут, так и включение Юга в состав Йемена без референдума, а ведущие партии Севера — ВНК и «Ислах», правившие Йеменом, де-факто, выразили сомнение самой идее передачи новым штатам максимально широких административных, законодательных и экономических прав, опасаясь, что это быстро приведет к фактическому распаду страны.

в состояние гуманитарной катастрофы не только контролируемый хуситским альянсом Север, но и формально вошедший в лагерь законного президента А.М. Хади Юг. Около 80% обнищавшего населения попало в прямую зависимость от внешней гуманитарной помощи. Уже в июне 2015 г. Генеральный Секретарь ООН Пан Ги Мун назвал ситуацию в Йемене «тикающей бомбой»².

Официальная поддержка АК со стороны США и Великобритании, а также участие их офицеров в штабе операции, оказали двойственное влияние на течение кризиса. Присоединение к КСА еще восьми участников — Кувейта, Бахрейна, ОАЭ и Катара (всех членов ССАГПЗ, кроме отказавшегося сразу Омана — единственного, кроме КСА государства, имевшего общую сухопутную границу с Йеменом на востоке страны), а также Египта, Судана, Иордании и Марокко, оказалось весьма формальным. Только два члена коалиции — КСА и ОАЭ, приняли активное участие в наземной операции в Йемене. Однако, присутствие сверхдержав, державшихся на заднем плане, но игравших ключевую роль в поставках оружия, разведданных, планировании и проведении воздушных операций командования АК, усилило геополитическое звучание всей военной кампании, развернувшейся вблизи стратегического международного Баб-эль-Мандебского пролива, роль которого в мировой торговле XXI в. для Европы будет расти. Затянувшийся конфликт порождал конкуренцию, развитие дисбалансов в региональной системе безопасности, что в присутствии сверхдержав усиливало соперничество внутри коалиции. В результате, Кувейт, по примеру, Омана выступил активным помощником всех миротворческих миссий ООН в Йемене, а Египет, получивший горький опыт военного участия в гражданской войне в Йемене в 1960-х гг. ограничил свое участие в АК военным патрулированием акватории Красного моря, проявляя растущую озабоченность негативным влиянием войны в Йемене на усиление неарабского военного присутствия в красноморском бассейне и акватории Аденского залива. Катар (июнь 2017) и Марокко (февраль 2019) официально покинули коалицию. Деградация

---

² U.N. Leader Calls Yemen a 'Ticking Bomb,' Amid Delay in Cease-Fire Talks. By Cumming-Bruce Nick // NY Times, 15.06.2015. URL: <https://www.nytimes.com/2015/06/16/world/middleeast/yemen-cess-fire-talks-geneva-houthis.html>

межарабских отношений отразилась на работе арабских международных форумов – ССАГПЗ, ЛАГ и большинства других региональных организаций. Среди прочих стран-участниц АК, только Судан согласился на коммерческих условиях поставить под командование АК в Йемен свои военизированные формирования джаджавит, воевавшие ранее в очаге гуманитарной катастрофы на территории Судана – Дарфуре³. Постоянный суданский контингент военных наемников в зоне йеменской операции оценивался в диапазоне 8–14 тыс., но после переворота в Хартуме против президента О. Аль-Башира в апреле 2019 г. продолжение этой практики оказалось под вопросом. КСА и ОАЭ поспешили предоставить 3 млрд долларов в поддержку военной фракции путчистов, захватившей власть в Хартуме, чтобы сохранить их в распоряжении командования АК⁴. Полемика вокруг продолжения суданского участия в Йемене стала одной из осей внутреннего политического конфликта с участием военного и гражданского крыла оппозиции, продолживших борьбу за власть в Судане после переворота. Эти и тысячи других профессиональных «солдат удачи» из десятка других стран, нанятых КСА и ОАЭ у западных частных военных компаний для участия в боях с силами хуситского альянса, несли основные боевые потери в ходе операций в Йемене, так и не принеся своим заказчикам ощутимого результата.

Очевидно, что война за более, чем четыре года не приближала ситуацию в Йемене ни к одной из политических целей, установленных в Резолюции СБ ООН 2216 (апрель 2015). Президент А.М. Хади, которого планировалось вернуть в Сану в считанные месяцы, остался в Эр – Рияде, а ответные военные удары со стороны хуситского альянса поставили под реальную угрозу также и безопасность стратегических объектов на территории обоих воюющих в Йемене участников АК. Город Аден, объявленный временной столицей государства, так и не стал очагом утверждения законной власти президента А.М. Хади

---

³ Kirkpatrick, David D. On the Front Line of the Saudi War in Yemen: Child Soldiers From Darfur // The New York Times, 28.12.2018. URL: <https://www.nytimes.com/2018/12/28/world/africa/saudi-sudan-yemen-child-fighters.html>.

⁴ Abdelaziz, Khalid. Saudi Arabia, UAE to send \$3 billion in aid to Sudan // Reuters, 21.04.2019. URL: <https://www.reuters.com/article/us-sudan-protests/saudi-arabia-uae-to-send-3-billion-in-aid-to-sudan-idUSKCN1RX0DG>.

в стране, превратившись в арену перманентного противоборства разных фракций из лагеря АК и незаконных вооруженных группировок. Обстановка хаоса на Юге способствовала взлету влияния исламистских террористических организаций, в т.ч. запрещенных в России аль-Каиды Аравийского полуострова (АКАП) и ИГ Йемена, вышедшей на сцену синхронно с началом военной интервенции, и также, как и АКАП опиравшейся на идеологию джихадистского салафизма.

Несмотря на острые множественные внутренние политические расколы и высокую роль племенного элемента в социальной структуре общества, повлиявших на мозаичную конфигурацию зоны конфликта, его динамика целиком формировалась решениями иностранных акторов, что стимулировало быструю актуализацию социокультурного фактора в качестве источника формирования неожиданных политических и идеологических трендов во всех фрагментах зоны конфликта. На старте кампании не были учтены ни перспектива затягивания войны на годы с катастрофическими гуманитарными последствиями, ни бюджет кампании, который, по нашим оценкам, составил для КСА в среднем 6–7,5 млрд долл. в месяц, ни беспрецедентная эрозия системы региональной безопасности внутри Аравии и в акватории Красного моря на почве геополитической конкуренции в Йемене. Степень реальности угроз безопасности КСА со стороны хуситского движения «Ансарулла», чьи действия были квалифицированы как переворот против законной власти переходного президента А.М. Хади, также изначально вызывала обоснованные сомнения. Находившаяся в гуще всех событий миссия специального представителя Генсека ООН Дж. Беномара, ведшая мониторинг и направлявшая «дорожную карту» Инициативы в Йемене, даже не зафиксировала факта переворота ни в 2014, ни, несмотря на вызванные отставками президента и правительства осложнения, — в начале 2015 гг. Заявление президента Хади о добровольной отставке, поданное в январе 2015 г., целый месяц оставалось неутвержденным парламентом, контролируемым партией А.А. Салеха ВНК позже вошедшим в Санский альянс (СА) с хуситами.

Теория угрозы военного проникновения Ирана на плечах хуситов в тыл КСА вышла на авансцену только в марте 2015 г., непосредственно с началом военного вмешательства как один

из ведущих мотивов интервенции, так и не получив позже конкретных подтверждений. Если реальный источник угроз для безопасности с точки зрения КСА лежал в идеологии шиитских лидеров «Ансарулла», то их призыв к народам и правительствам исламских государств отказаться от взаимной конфронтации, чтобы защитить себя от террористических угроз и враждебных планов, направленных на порабощение региона, исходивших, по их мнению, от США и Израиля, стал в результате более услышанным, поскольку сама интервенция с чудовищными гуманитарными результатами превратилась в сильный аргумент их пропаганды.

Консолидация населения Севера вокруг санского режима, установленного паритетным участием Ансарулла и ВНК (крыла А.А. Салеха) в 2016 г. стала закономерным результатом иностранной военной интервенции. Ход кампании подтвердил исторически сложившийся образ Йемена как «крепкого орешка» для иностранных претендентов на влияние. Закрепленная сакральными преданиями исключительная роль южной Аравии в истории арабов и ислама, значимость генеалогических корней аравийских племен в иерархии статусов того или иного этноса, придали военному вмешательству в Йемен со стороны его главного исторического соперника дополнительное культурологическое измерение, выразившееся в нарастании конфликта идентичностей на этнокультурной почве по оси Йемен-КСА. Его конфессиональная проекция развивалась не в плоскости суннитско-шиитских противоречий вообще, а в плане мобилизации населения на защиту йеменской исламской традиции в любых традиционных проявлениях от отвергаемых им чуждых модификаций вероучения, превращенных в инструмент иностранного вмешательства.

«Натовская» тактика, принятая командованием АК в начале войны сопровождалась молниеносным уничтожением всей инфраструктуры, контролируемых альянсом территорий с воздуха под лозунгом борьбы с хуситами, представленных им врагами арабов и иранскими агентами. Эта тактика сделала мишенями около 3/4 населения страны (ок. 20 млн чел.), проживавшего в зоне боевых действий коалиции без всякой связи с хуситскими симпатиями или антипатиями. Война вызвала небывалый прилив патриотизма в обществе и потребность

в образовании нового государственного ядра. Из более 19 тыс. авиаударов по Йемену (26.03.2015–31.01.2019 г.) 2/3 пришлось на гражданские объекты. Потери гражданского населения к началу 2019 г. оценивались в 60 тыс. чел. убитыми, но более сотни тысяч мирных жителей, особенно детей, не вошедших в статистику, погибли от голода и болезней, вызванных войной. Более 4 млн чел. были вынуждены покинуть свои дома и ок. 3,4 млн оказались в лагерях беженцев; 11 млн детей нуждались в помощи и страдали от голода⁵. Превращение Йемена в самый масштабный очаг гуманитарной катастрофы на планете вызвало кардинальную перестройку всей довоенной политической комбинации внутри страны. Те, кто ранее следовал за партиями, лидеры которых переехали в Эр-Рияд (в т. ч. лидеры главного фаворита левого фланга сцены – ЙСП), осудив хуситское движение, в результате бомбардировок, разрухи и голода, начали вливаться в ряды сопротивления агрессии, попадая под крыло коалиционного санского режима. Ситуация на Юге, избравшем сторону АК, развивалась не менее драматично. Вместо утверждения законной власти все побережье Аравийского моря от аль-Шихра на востоке до пригородов Адена на западе уже в начале апреля 2015 г. попало в руки террористической группировки «Ансар аль-шариа», лояльной АКАП. Масштабы гуманитарной катастрофы в этой части страны даже без авиабомб были сравнимы с Севером в результате упадка экономики, хаоса и экономической блокады, установленной коалицией.

Война задала принципиально новые параметры для политической аффилиации населения. Манифестацией новой системы стали неоднородные по составу конгломераты, сложенные из фрагментов бывших партий и общественных организаций страны, разделенные линией фронта на два лагеря. На них делали ставку либо участники АК, либо их противники в Сане. Старые политические лидеры, по-видимому, в обозримом будущем уже не смогут вернуть себе свое былое место на политической сцене страны. По этой причине ожидания возврата к довоенному формату политического диалога стало утопией уже в начале конфликта. Сохранила актуальность лишь главная

---

⁵ Death from above. Every Saudi coalition air raid on Yemen // Al Jazeera, 25.03.2019. URL: <https://interactive.aljazeera.com/aje/2018/Saudi-Arabia-air-raids-on-Yemen/index.html>.

тематика диалога — проблема государственного строительства в Йемене, но и она претерпела качественные изменения. В ее центре оказалась задача спасения государственности и суверенитета, борьбы с навязываемыми формами иностранной зависимости будь-то в форме прямого военного подчинения или в форме реализации на территории Йемена политических проектов в духе создания квазигосударств. Поэтому в предстоящем после завершения военной фазы конфликта диалоге ведущая роль перейдет к новым центрам политического влияния (ЦПВ), оттеснившим за годы войны все классические йеменские политические партии мирного времени.

В зоне конфликта сформировалось два лагеря — сторонников АК и сторонников СА, обычно именуемого «хуситским», но число значимых ЦПВ — существенно больше. Для облегчения аналитической задачи, мы рассмотрим только три ведущих на текущий момент йеменских ЦПВ, один из которых расположен в Эр-Рияде, другой — в Адене (оба — в составе лагеря АК), а третий — в Сане.

Три ведущих йеменских ЦПВ

В лагере АК сложилась дуальная конфигурация, образованная двумя ЦПВ — «просаудовским» и «проэмиратским». Оба формально признали законность власти президента А.М. Хади (*шарыйя*), но на деле руководствовались собственными политическими интересами и программами. Постоянное пребывание А.М. Хади в Эр-Рияде помогло просаудовскому ЦПВ разместиться в КСА, что дает нам основание именовать его «Саудовским ЦПВ». Он представлен самым широким конгломератом йеменских партий, представленных, главным образом, их руководящими звеньями или их фракциями. В него вошли как исламистские партии салафитского толка («Ислах» и «Рашад»), так и фракции ВНК, отколовшиеся в разное время от своего лидера — А.А. Салеха, а также некоторые лидеры левого фланга, включая ЙСП. Ядром ЦПВ де-факто стало объединение «Ислах», которое пользовалось традиционной поддержкой КСА с момента образования и уведшее за собой часть йеменской армии. Неформальный лидер военного крыла этой

партии — генерал-полковник Али Мохсин в начале 2016 г. получил пост вице-президента Йемена и заместителя Главкома вооруженных сил. Второе, проэмиратское, крыло АК разместились в Адене и его йеменским ядром выступил учрежденный в мае 2017 г. Южный переходный совет (ЮПС) во главе с генералом Эйдарусом ал-Зубейди (бывшим губернатором Адена). Аденский ЦПВ превратился в оппозиционера Саудовскому и стал средоточием серьезных политических трений между ОАЭ и КСА в вопросах определения всей стратегии военной кампании коалиции в Йемене. Для южнотийеменских фракций Аденский ЦПВ также стал каналом продвижения программы, в принципе отвергшей курс президента А.М. Хади как на сохранение территориального единства Йемена, так и на реализацию проекта федерализации страны на основе плана «шести климов».

Аденский ЦПВ вел активную критику Саудовского ЦПВ (*шарыйя*) за уступку решающего места в нем партии «Ислах», чье религиозное крыло в лице «Братьев-мусульман» (*икхван аль-муслимин*) было признано им не меньшим врагом, чем хуситы. Военная активность генерала Али Мохсина на Юге (особенно во внутреннем Хадрамауте и в Адене) квалифицировалась лидерами ЮПС как оккупационная и враждебная коренным интересам южан. В свою очередь, находившийся в КСА глава *шарыйя* А.М. Хади, считал ЮПС источником помех для переноса своей резиденции из Эр-Рияда во временную столицу возглавляемого им государства — Аден.

Идеология ЮПС строилась на приоритете возвращения независимости Югу в границах НДРЙ 1990 г., а ее социокультурная проекция состояла в исключении использования этнонима «йеменский» в названии южной части страны и возвращении к термину «Юг Аравии», применявшемуся до 1967 г.

С 2018 г. в Аденском ЦПВ активизировалась другая фракция южнотийеменского Хирака, не вошедшая в ЮПС — т.н. Революционный Совет Хирака (РСХ) во главе с основателем Мирного движения Юга (2006 г.) Х. Баумом. Она не опиралась на поддержку ни одной из участниц АК и претендовала на более высокий статус в Аденском ЦПВ в качестве почвенной южнотийеменской силы, разработавшей политическую программу движения, перенятую затем ЮПС. Эта фракция в перспективе может стать

новым полюсом йеменских событий на почве критики «оккупационной» политики КСА и ОАЭ на Юге, где наблюдалось наращивание их военного присутствия в геополитически ценных точках этой части страны без всякой привязки к хуситскому фактору. Конкуренция ЮПС со стороны РСХ отражала растущее недоверие южан к командованию АК за его попытки «проксизации» конфликта и закрепление Юга в орбите своей внешней политики.

Пестрота участников лагеря АК определяла хрупкость и подвижность отношений в нем. Катализатором размежевания между ЦПВ в составе лагеря АК послужило назначение генерала Али Мохсина на вторые роли в режиме йеменской законной власти в начале 2016 г. Партия «Ислах», чьи интересы он представлял, находилась в эпицентре всех крупных политических расколов Йемена с момента объединения ЙАР и НДРЙ в 1990 г. Она стояла у истоков гражданской войны между Севером и Югом в 1994 г. и играла роль катализатора разжигания религиозной розни во время саадских войн с хуситами в 2004–2010 гг., в которых генерал Али Мохсин командовал правительственными войсками. Он же осуществил первый раскол йеменской армии, перейдя из лагеря президента А.А. Салеха на сторону «Ислах» в марте 2011 г., уведя с собой около $\frac{1}{4}$ армии страны. Несмотря на мощную политическую и финансовую поддержку переходного президента А.М. Хади, основные ресурсы КСА направлялись на укрепление военного могущества генерала Али Мохсина, что для всех его противников в Йемене, как в лагере АК, так и в лагере СА, означало курс на усиление партии «Ислах». Ему по статусу предназначались подготовленные КСА за годы войны шесть новых йеменских бригад и даже новые структуры спецназа в составе президентской гвардии. Его возвышение в *шарыйя* привело к резкому падению влияния собственно президента А.М. Хади в южной части страны, что сделало его возвращение в Аден проблематичным из-за крайне негативного отношения южан к «Ислах».

Фигура генерала Али Мохсина крайне затруднила продвижение к политическому урегулированию йеменского кризиса со стороны ООН. Срывы миротворческих миссий ООН не в последнюю очередь были обязаны шаткости положения партии «Ислах» в Йемене — без постоянной внешней силовой

поддержки ей не было гарантировано место на политической сцене страны. Наиболее показательным в этом смысле был итог третьего, кувейтского раунда консультаций под эгидой ООН (март – август 2016 г.)⁶, закончившегося внезапным провалом после, казалось, достигнутого решения о формировании переходного правительства в Йемене на коллективной основе.

В политике текущего лидера Аденского ЦПВ – ЮПС прослеживалось четыре синхронных направления: а) курс на восстановление независимости Юга и замещение штата сотрудников институтов власти *шарыйя* своими назначенцами; б) демонстрация лояльности АК (особенно ОАЭ) в форме антихуситской направленности своей структуры и политической поддержки участия южнотиморских военизированных структур, сформированных ОАЭ – бригад «аль-Амалика» в наступательных операциях АК на порт Ходейда в Тихаме в 2018 г.; в) наращивание противоборства с присутствием генерала Али Мохсина и партии «Ислах» на Юге и; г) борьба за официальное международное признание статуса ЮПС с перспективой подключения его к переговорному процессу в качестве отдельной от *шарыйя* стороны.

Перспективы ЮПС остаются во главе Аденского ЦПВ ввиду присутствия имманентных противоречий в указанных выше направлениях его деятельности не очевидны. Одобренное им участие южан в наступательной операции под командованием эмиратского фланга АК в направлении порта Ходейда, подучившей название «Золотая победа», ослабило его способность преодолеть состояние хаоса и разрозненности самого Юга, часть территории которого по-прежнему находится в руках террористических структур АКАП и ИГ(Й). Разногласия внутри южнотиморских фракций по вопросу участия в операциях на Севере могут служить индикатором роста сопротивления в влиятельной части политических элит южной части страны тенденции «проксизации» конфликта со стороны участниц АК.

Третий ЦПВ, возникший в Санае сразу после объявления о вмешательстве, дает наиболее яркий пример сплава

---

⁶ Кувейтский, третий с начала войны раунд консультаций в рамках миссии ООН был последним в трехстороннем формате *шарыйя*--ВНК (Сана)--«Ансарулла». После формирования коалиционного режима в Санае в сентябре 2016 г. санский ЦПВ в Швеции (декабрь 2018 г.) был представлен уже единой делегацией, имевшей единую платформу.

политической и социокультурной специфики Йемена. Он сплотил вокруг себя большую часть населения страны, увидевшего в нем то политическое ядро, которое было способно если не защитить от ударов АК, то организовать оборону и работу тыла, чтобы избавить от унижительной капитуляции перед традиционным соперником – соседней КСА. Как только обнаружилось, что на фронтах, открытых АК в середине 2015 г., основной контингент составляли иностранные военные наемники из более, чем 10 стран мира, законтрактованные ОАЭ и КСА у западных частных военных компаний и некоторых африканских стран, порицаемый Эр-Риядом за незаконный захват власти хуситский альянс, получил массовую поддержку населения для защиты своей родины. Новый режим в Санае, характеризуемый вовне как режим путчистов, обрел в глазах этой части населения образ последнего символа йеменской государственности.

СА опирался на оба полярных фланга политической сцены Севера (бывшей ЙАР), усилившихся на волне т.н. «йеменской революции» 2011 г. – «консервативный» и «молодежный» (искавший перемен), которые не были сторонниками партии «Ислах». А.А. Салех, сохранивший контроль над элитной частью армии и ядром бюрократии, символизировал старый режим и порядок, уже вызывавший к 2015 г. сильную ностальгию. Хуситское движение «Ансарулла», не имевшее внутри страны репутации иранского агента, а наоборот, выступавшее за защиту исконных йеменских ценностей и культурных традиций от атаки «такфиристов» (как они называли «Братев-мусульман»), символизировало в альянсе «революционный» фланг общества и выступало в роли гаранта искомым им перемен. Оба участника СА подчеркивали приверженность республиканским и демократическим принципам государственного строительства, территориальному единству страны и отстаиванию ее суверенитета на международной арене, перенеся центр тяжести своей совместной работы в органах власти на оборону и поддержание внутренней сплоченности. В северной части страны война с участием АК была квалифицирована как акт агрессии, а все йеменские участники военной кампании на стороне АК, награждались презрительными эпитетами.

Альянс называли хуситским, хотя его природа и характер деятельности определялись больше логикой сопротивления внешним угрозам, чем общностью политических и идейных платформ. Стороны альянса остались противоположными полюсами сцены, объединившимися во имя самозащиты от общих внешних угроз. Ни в военном, ни в административном отношении «Ансарулла» не могли конкурировать с влиянием и опытом бывшего президента, правившего страной более 33 лет. Однако лидеры движения «Ансарулла» быстро обучались администрированию, расширяли свое участие в органах безопасности и несомненно стремились к захвату идеологического первенства. Их владение современными методами обращения с информационными ресурсами и широкие контакты в племенах помогли хуситам усиливать свое влияние. Можно уверенно констатировать, что основным драйвером функционирования СА в качестве единого ЦПВ была иностранная военная интервенция. Отношения столь разноплановых партнеров не были равными и гармоничными, но СА, пережив несколько потрясений и даже вооруженную усобицу, в которой погиб А.А. Салех (декабрь 2017 г.), сумел избежать расколов, от которых зависела судьба всей военной кампании АК в Йемене. Исследование причин этого феномена позволяет заглянуть не только в политическую и ситуативную, но и в социокультурную составляющую, рисуя также и его перспективы.

Санский ЦПВ: генезис и основные вехи развития

СА складывался в 2011–14 гг. с целью не допустить к власти в Йемене партию «Ислах», на которую делал ставку первоначальный проект Инициативы ССАГПЗ, отвергнутый президентом А.А. Салехом в мае 2011 г. Кандидатура генерала Али Мохсина, имевшего в тот момент преимущества перед прочими оказалась неприемлемой ни для А.А. Салеха, ни, особенно — хуситов⁷. В августе 2011 г. представительная племенная

---

⁷ Генерал Али Мохсин аль-Ахмар, сводный брат президента А.А. Салеха, перешел на сторону «Ислах», а в марте 2011 г. после утраты статуса второго лица в армии, где его место занял сын президента, генерал Ахмад б. Али Салех, командовавший с начала 2000-х элитной Республиканской Гвардией,

конференции в Сане впервые приняла сторону А.А. Салеха в его конфликте с партией «Ислах», отказав клану верховного вождя конфедерации племен хашед — шейхам аль-Ахмар из верхушки «Ислах», выступить против президента. В обращении А.А. Салеха на этом влиятельном форуме прозвучал тезис о культурной несовместимости и вредоносности идеологии «Братьев-мусульман» для Йемена⁸. Его тезис совпал с выводами зейдитских улемов, называвших их ваххабитами. Основатель зейдитской партии «аль-Хакк» сейид Ахмад М. аль-Шами в 1990 г. писал: «Ваххабизм есть дитя империализма и острое копье, торчащее в нашей стране. Они идентичны. Как можно противостоять врагу, которого мы не видим? Мы видим империализм в нашей стране в исламском обличье. На самом деле мы имеем дело с нечто более опасным, чем империализм — с его законным порождением... Ваххабизм ... есть иррациональная и бескомпромиссная версия нашей веры, без которой мы можем обойтись»⁹. Этот эпизод впервые открыл возможность сближения Салеха с хуситским движением на антиислахской основе.

Антагонизм хуситов с религиозным крылом «Ислах» уходил корнями в 1980–90-е гг., в историю функционирования курируемой «Ислах» сети салафитских школ «*маахид ыльмия*», финансируемых КСА, и салафитского учебного центра «Дар аль-хадис» в Даммадже (в сердце зейдитской по составу населения провинции Саада), контролируемого «Братьями-мусульманами». Осуждение преподавателями и слушателями этих заведений местных зейдитских сакральных обычаев постепенно переросло в атаки на духовных лидеров зейдитской общины из страты *сада* (потомков «дома пророка» из рода *хашимитов*) и конфликты с простыми верующими. Саадские войны с *хуситами* (2004–2010 гг.) углубили назревавший сектантский раскол. Странником использования радикальных исламистов, в т. ч. вернувшихся из Афганистана боевиков аль-Каиды,

---

которая составляла ок. 60% численного состава всей йеменской армии. Этот статус ела его обладателя главным претендентом на преемство власти в стране.

⁸ Ближний Восток, Арабское пробуждение и Россия: что дальше? / Отв. ред. В.В. Наумкин, В.В. Попов, В.А. Кузнецов. М.: ИВ РАН, 2012. С. 292.

⁹ Цит. по: Naykel, Bernard. Rebellion, migration or consultative democracy & The zaydis and their detractors in Yemen // Le Yemen contemporain / ed. by Remy Leveau, Franck Mermier et Udo Steinbch. Paris, 1999. P. 198.

на стороне правительственных сил считался командующий северным фронтом — генерал Али Мохсин. Его персональные связи с КСА помогли также подключению саудовских военных к операции против хуситов в 2009 г., которое, как отмечал американский востоковед Б. Хайкель, сопровождалось принятием саудовским советом ваххабитских улемов фетвы, приравнявшей конфликт в соседнем государстве к джихаду¹⁰.

Это был не первый случай, когда идеология «Ислаха» оказывала существенное влияние на внутреннюю политику государства, внося в нее религиозный мотив. В 1994 г. фетвы, изданные духовными лидерами этой партии в разгар гражданской войны, объявили население Юга вероотступниками за социалистическое прошлое, придав последующей политике Саны на Юге религиозный менторский оттенок, вызвавший законное возмущение местного населения. В идеологии южно-йеменского Хирака этот эпизод зазвучал как пример социокультурной несовместимости народов Севера и Юга, «радикального исламизма «северян» и «религиозной терпимости» (и «умеренности») южан.

На протяжении саадских войн посольство США в Йемене, в целом, одобряло карательную операцию правительства против хуситов, закрывая глаза на привлечение к ней джихадистских структур из йеменской аль-Каиды, уже тогда признанной главной глобальной угрозой безопасности и основной мишенью руководимой США антитеррористической кампании. Хуситская *сарха* (клич)¹¹, называвшая США и Израиль врагами мусульман, по-видимому, стала не только одним из главных поводов для решения президента Салеха покончить с движением в 2004 г. во имя дальнейшего развития стратегического партнерства с США, но и перевесила официальные подходы Вашингтона к проблеме терроризма в Йемене.

---

¹⁰ Salmoni, Barak A. Regime and periphery in Northern Yemen: the Huthi phenomenon / Barak A. Salmoni, Bryce Loidolt, Madeleine Wells / The RAND Corporation, Pittsburgh, 2010. P. 155–156.

¹¹ Хуситская «сарха» прочно вошла в идеологический обиход Саны с сентября 2014 г. Ее сформулировал в одной из своих лекций основатель движения сейид Хусейн аль-хуси 17.01.2002 г. в школе имама Хади в Марране: «Аллах Акбар! Смерть Америке! Смерть Израилу! Позор иудеям! Победа исламу!». В июле 2018 г. ее годовщину отмечали в Сане при массовом стечении народа под лозунгом «Наш клич в лицо высокомерным!».

Провальные для правительства саадские войны помогли выдвижению нового лидера хуситского движения сейида Абдул-Малика аль-Хуси (с 2006 г.) на позиции влиятельного политического деятеля национально-патриотического фланга, выступавшего за защиту йеменской идентичности внутри страны в контексте необходимости борьбы с такфиристскими течениями вообще, поскольку они были названы главным источником конфликтов в регионе.

К началу революционного взрыва в Йемене в феврале 2011 г. в его распоряжении имелось сплоченное общей идеологической базой ядро опытных единомышленников, ТВ канал «аль-Масира» и достаточно закаленная, чтобы противостоять боевикам партии «Ислах», вооруженная «милиция», численностью от 5 до 15 тыс. человек. Сейид Абдул-Малик аль-Хуси провозгласил свое движение «авангардом йеменской революции», но как только свои притязания на лидерство в ней заявили партия «Ислах» и перешедший в оппозицию генерал Али Мохсин, хуситы стали потенциальными союзниками президента А.А. Салеха в борьбе за исключение этого сценария. В последней редакции «Инициативы», принятой в ноябре 2011 г. к исполнению под эгидой ООН, все йеменские движения (кроме экстремистов) получили легитимное право на участие в Национальном диалоге. Хуситы использовали эту возможность для прямого оппонирования «Братьям-мусульманам» из партии «Ислах» на этом ключевом форуме, на котором, по задумке кураторов проекта, должна была решаться самими йеменцами политическая судьба страны. Южнойеменский Хирак пошел по пути усиления сепаратизма и даже отказался от участия в выборах временного президента Хади в феврале 2012 г. Поэтому судьба транзитного плана ООН решалась преимущественно в треугольнике ВНК — «Ислах» — хуситы (с 2013 г. — «Ансарулла»). Точку в этом противостоянии поставило решение шейхов всех крупнейших племен конфедерации хашед о прекращении поддержки политики «Ислах» в своей стране. В январе 2014 г., когда в ответ на указ президента А.М. Хади об эвакуации салафитского учебного центра Дараль-хадис из Даммаджа и переводе его в другую провинцию, лидеры «Ислах» призвали на помощь всех братьев-мусульман для новой войны с хуситами под лозунгом защиты этого

учебного Центра. Синхронно джихад хуситам был объявлен также лидером йеменской ячейки АКАП. Начавшиеся приготовления к большому конфликту заставили местные племена ощутить серьезную угрозу безопасности своих территорий, не успевших еще оправиться после самой продолжительной в истории объединенного Йемена саадской гражданской войны. Поэтому, когда хуситам удалось обратиться в бегство скопившихся в Даммадже джихадистов в своей провинции Саада, племена соседней провинции Амран не стали препятствовать ни бегству первых, ни преследованию их хуситами. Боевики «Братьев-мусульман» отступали в сторону Саны в расчете, что генералу Али Мохсину удастся уговорить президента Хади направить против хуситов армию и спасет их. Но президент А.М. Хади по рекомендации ООН соблюдал нейтралитет, а пытавшийся бросить против хуситов лояльные части армии в нарушение приказа Главнокомандующего генерал Али Мохсин, потерпел неудачу. Летом 2014 г. хуситы почти без сопротивления подошли к столице и 21 сентября 2014 г. мирно вступили в город, встретив довольно доброжелательный прием местного населения. Синхронно ими был подписан «Договор о мире и национальном партнерстве» при участии специального посла ООН в Йемене Дж. Беномара, президента А.М. Хади и всех лидеров партий и движений, участвовавших в Национальном диалоге. Верхушка радикального крыла «Ислах» — шейх А.М. аль-Зиндани, шейх Х.А. аль-Ахмар и генерал Али Мохсин бежали в Эр-Рияд, сумев удержать лишь свои плацдармы в пограничном с КСА Марибе и в Таизе, отказавшемся допустить хуситов на территорию своей провинции. Остальная территория Севера к декабрю 2014 г. лишилась влияния ислахского руководства и одновременно была зачищена от присутствия террористов АКАП, причем в контртеррористических операциях приняли участие объединенные силы правительства президента Хади и хуситской милиции. Дата вступления хуситов в Сану была позже признана Эр-Риядом датой хуситского переворота против законного президента страны, который, впрочем, успешно продолжил свою деятельность и в декабре 2014 г. сформировал новое правительство.

Очевидно, что антиислахские настроения в племенах, опрокинувшие социальную базу этой партии в Йемене, развивались

на протяжении всего периода революционного подъема в 2011–2014 гг. и что их решение помочь хуситам и Салеху в 2014 г. не было спонтанными. Отказ шейхов конфедерации племен хашед поддержать действия «Ислах» против хуситов был вызван нежеланием новых столкновений внутри зейдитской общины на племенных территориях, а также углубления религиозного раскола всего йеменского общества с неизбежной эрозией модели, в которой им принадлежали значительные привилегии. Племя президента Салеха — санхан, также входившее в эту конфедерацию, играло ключевые роли в армии и структурах безопасности. Другие племена хашед пользовались преимущественным правом на участие во властных структурах в благодарность за их поддержку республиканской революции 26 сентября 1962 г. в войне с роялистами, длившейся до 1970 г.

За четыре года текущего регионального военного конфликта с участием АК санский ЦПВ прошел три фазы развития. Первая характеризовалась сохранением бинарной композиции внутри альянса с прочным закреплением лидерства «Ансарулла» в идейно-политическом спектре совместной борьбы альянса. При высоком совпадении идеологием, использованных ВНК и «Ансарулла» для мобилизации своих сторонников для отпора силам АК, лидеры «Ансарулла» интегрировали конфликт в гораздо более широкий цивилизационный контекст, не стесняясь ссылаться на ошибки правления А.А. Салеха, поддерживая тем самым свой имидж лидера революции. А.А. Салех, со своей стороны подчеркивал свои заслуги на посту президента, особо отмечая достигнутое им «историческое единство Йемена» и успехи в строительстве оборонного потенциала, который был использован членами альянса для организации обороны в этой войне. Он винил в создании условий для интервенции революцию 2011 г. и переходного президента А.М. Хади.

Первая фаза закончилась в августе 2016 г. переходом участников альянса от военного партнерства к политическому. Его основное содержание определяло восстановление государственных институтов в Сане, позволившее альянсу поставить оборону на новый уровень и прочно закрепить свой контроль почти над всем Севером. Была возобновлена работа парламента (избранного в 2003 г.), сформированы профессиональное коалиционное правительство во главе с доктором

А.С. Бин-Хабтуром (ВНК) и Высший Политсовет из 10 членов (по 5 от «Ансарулла» и ВНК), в котором пост председателя был отдан движению «Ансарулла». Очевидно, что толчком для перехода на этот качественно новый этап служили, во-первых, назначение генерала Али Мохсина на ведущие роли в саудовском ЦПВ (*шарыйя*) и, во-вторых, неожиданный крах в августе 2016 г. кувейтских переговоров. Оба события показали сторонам СА невозможность достижения политического компромисса с лидером АК в обозримом будущем и заставили их готовиться к затяжной войне.

Отсутствие официального международного признания санского режима не помешало ему успешно осуществить свою легитимацию на контролируемых территориях Севера путем объявления возврата к действующей конституции Йеменской республики. Название «хуситского» было закреплено за ним ввиду передачи поста председателя ВПС руководству движения «Ансарулла», а также для сохранения пропагандистского клише о якобы проиранской сущности этого режима. Паритетное участие в нем бывшего стратегического партнера США — А.А. Салеха снижало убедительность этого тезиса. Эта же причина побудила контролируемые партнерами АК СМИ сильно занижать его реальную роль в альянсе.

В марте 2017 г. властные структуры СА окончательно дезавуировали переходного президента А.М. Хади, а суд вынес ему, а также некоторым другим функционерам *шарыйя*, смертный приговор «за измену родине, нанесение вреда безопасности государства и соучастии в агрессии КСА против Йемена»¹². Лозунг защиты отечества от иностранных агрессоров занял в идеологии режима ведущее место, а опора на лояльные племена стала ключевым фактором его устойчивости.

Племена образуют один из наиболее архаичных элементов социальной и социокультурной специфики Йемена. Их удельный вес в социальных структурах Севера достигает 70%. Большинство из них сохранило приверженность древним обычаям племен — урфу. Этот неписанный кодекс чести *кабили* (членов

---

¹² Аль-хукм фи кадыйят аль-`удван ракм 68 аль-кхасса би-иттихам аль-фарин `ан видж аль-`адала. Хади ва акхирын. (Приговор по делу об агрессии № 68 в части подозреваемых лиц, скрывшихся от правосудия: Хади и др.) // *Almethaq*, 25.03.2017. URL: <http://www.almethaq.net/news/news-49692.htm>.

племени) требовал от них консолидации для защиты своих племенных территорий, которыми они владели сотни лет, от общих угроз, невзирая на взаимные противоречия. Исторически племена обладали монополией на воинские функции во всех традиционных типах йеменских государств на всем обозримом отрезке истории, протяженностью более тысячи лет, но с появлением регулярной армии у основателя Йеменского мутаваккилийского королевства имама Яхьи Хамидуддина в первой половине XX в. и военного ополчения в составе британской колониальной администрации Адена примерно в тот же период, государство стало быстро превращаться в бесспорного фаворита в военной силе, постепенно приняв на себя и защитные функции границ. Полностью этот процесс завершился лишь в современный республиканский период истории йеменских государств – ЙАР и НДРЙ. Образование единой Йеменской республики в 1990 г. вызвало болезненные процессы в армии, повлекшие гражданскую войну 1994 г., после которой в единой армии северянам досталась львиная доля. Армия пользовалась приоритетом в государственной политике А.А. Салеха и ее мощь окончательно сделала военный потенциал племен второстепенным фактором политики. Власти тщательно старались избегать прямых столкновений с ними, но довольно часто использовали межплеменные конфликты в своих интересах.

Лояльность племен осталась ключом к успеху любой военной кампании на территории гористого Йемена на Севере. Застывание фронтовых линий между силами АК и СА на начальных рубежах являлось надежным индикатором отношения племен к участникам этой войны. Даже щедрые финансовые и материальные вливания со стороны лидера АК шейхам прифронтовых племен не изменили общей ситуации в этой сфере. Известно, что йеменское государство играло колоссальную роль в жизнеобеспечении племен, причем около 20% племенных домохозяйств Йемена получали весь или часть своего дохода от государства. Недоверие племен Севера к планам АК в Йемене, с одной стороны, и древние обычаи, с другой, обусловили выбор большинства племен в пользу режима власти, возникшему в Сане в 2016 г. Причем, ключевым фактором, повлиявшим на их выбор был факт войны. В мирное время их отношение к разным членам санского альянса могло быть

диаметрально противоположным, да и самого альянса, скорее всего, просто бы и не могло возникнуть.

Третья, текущая, фаза развития Санского ЦПВ началась после трагической гибели А.А. Салеха 4 декабря 2017 г. в ходе вспышки внутренней усобицы с хуситами, которая хотя и закончилась восстановлением статус-кво, показала уязвимые точки режима. Обстоятельства, побудившие А.А. Салеха выступить 2 декабря 2017 г. с публичным призывом к своим сторонникам разорвать альянс «Ансарулла» и объявить саботаж (*интифада*), были расценены следствием как «заговор». Действительно, на призыв лидера ВНК никто не откликнулся, включая командование АК, которому Салех предлагал «открыть новую страницу в отношениях» в обмен на прекращение войны. Лидер «Ансарулла» пытался 3 декабря 2017 г. сгладить конфликт в ответном публичном обращении, но маховик распри остановить не удалось. Эскалация бомбовых атак АК на всех фронтах показала, что единственным приемлемым сценарием для АК станет капитуляция, отвергаемая всеми участниками СА в принципе. Уже на следующий день наступил трагический финал, создавший обстановку кризиса внутри СА, от которого АК ожидала его полного развала, открывавшего путь к победе. В результате трагического инцидента отмечался переход лишь шефа личной охраны президента А.А. Салеха, его племянника генерала Тарика М. Салеха, уцелевшего в столкновении, на сторону эмиратского фланга АК. Остальные структуры санского режима пережили его без ощутимых сбоев в работе.

Среди мотивов решения А.А. Салеха о разрыве с хуситами были попытки внедрения ими в практику работы госаппарата чрезвычайных институтов власти, наделенных репрессивными функциями для борьбы с коррупцией, которую хуситы пытались позиционировать как квинтэссенцию «революционных» изменений. В частности, он считал неоправданным и антиконституционным сохранение Высшего Ревсовета во главе с М.А. аль-Хуси в качестве такого надзорного силового ведомства после создания коалиционного правительства в 2016 г. После гибели А.А. Салеха в декабре 2017 г. хуситам пришлось внести в работу аппарата серьезные коррективы, чтобы избежать рецидива кровавой усобицы, ставившей под угрозу сохранение альянса. Избранный на место Салеха новым председателем ВНК, шейх

С.А. Абу-Рас, принимавший участие в учреждении этой партии вместе с Салехом в 1982 г. и пользовавшийся полным доверием прежнего лидера, остался наиболее авторитетным лицом в структурах ВНК, с которыми лидерам «Ансарулла» приходится считаться не меньше, чем с его суперавторитетным предшественником. Стиль отношений внутри альянса начал меняться от открытой демонстрации сторонами своего веса и влияния через регулярное проведение «миллионных» акций поддержки своих лозунгов на главных площадях Саны к более уравновешенному сотрудничеству. Борьба за доминирование в альянсе сменилась тщательной выработкой совместной стратегии в военной кампании, ориентированной перспективу. Антикоррупционная деятельность хуситских силовиков была передана прокуратуре, а М.А. аль-Хуси был инкорпорирован в состав ВПС. Ожидаемого развала СА не произошло. Гладкая передача власти в руки М. Машат после гибели первого председателя ВПС С. Саммада в апреле 2018 г. в результате саудовской спецоперации, не вызвала никаких новых потрясений. Санский режим посвятил утвержденную им «Национальную концепцию» памяти первого главы ВПС, который выдвинул идею ее разработки в марте 2018 г. и придумал ей девиз — «рука защищает, и рука созидает». В мае 2019 г. глава ВПС после встречи с М. Гриффитсом отдал распоряжение силам СА приступить к одностороннему выполнению стокгольмских договоренностей по передислокации сил в районе порта Ходейда, что было ими исполнено уже в июне. Это изменение позволило специальному послу Генсека ООН выразить оптимистический взгляд на завершение войны в Йемене уже в 2019 г.¹³ Среди важных событий 2019 г. в развитии СА отметим также согласие сына бывшего президента страны — посла Ахмада Али Салеха, бывшего командующего Республиканской гвардией страны, проживавшего с 2013 г. в ОАЭ, на свою кооптацию на пост заместителя председателя ВНК в Сане. Этот шаг стал знаковым в развитии политической интриги вокруг дальнейшей роли ВНК в Йемене в связи с попытками Эр-Рияда перенести ядро партии в отколовшиеся от Саны фракции.

---

¹³ Yemen: UN Envoy 'guilty' of optimistic hope that war is 'nearing the end'// UN News, 18.07.2019. URL: <https://news.un.org/en/story/2019/07/1042771>

В «Национальной концепции строительства современного йеменского государства», утвержденной 26 марта 2019 г. парламентом и переданным на реализацию в правительство были зафиксированы актуальные приоритеты Санского ЦПВ. Ориентация на итоговые документы Национального диалога, зафиксированная в преамбуле документа, сопровождалась констатацией новаторского духа проекта. Искомое «современное йеменское демократическое стабильное объединенное государство с сильными институтами, реализующими принципы справедливости, развития, обеспечения достойной жизни гражданам, защищающими границы родины и ее независимость, укрепляющими мир и равноправное сотрудничество с другими государствами» позиционировалось как государство, «которого в Йеменской республике до этого никогда не было»¹⁴. Девиз документа «рука защищает и рука создает» в честь первого главы режима С. Саммада означал, что его реализация начнется не после завершения войны, а сразу. Среди целей он упоминал господство закона, высокие темпы экономического роста, снижение уровня неграмотности населения и применение современных экологически чистых моделей роста. В предисловии председателя правительства СА А.С. Бин-Хабтура (ВНК) отмечалось: «Понятие “государства” <...> пронизывает документы, оставленные нашими предками от разных эпох...как бы далеко мы не углублялись вглубь веков <...> жизнь людей на этой земле была четко организована на основе правил <...> древними нам оставлено огромное наследие, которым мы гордимся...сменявшие друг друга йеменские цивилизации с древнейших времен, не имея ни рек, ни озер пресной воды, у которых обычно строили городища и крепости в древности, создавали все это человеческим трудом <...> йеменская цивилизация исключительна: гигантские плотины, террасы на горных склонах для выращивания плодовых и зерновых культур <...> выделили “счастливую” йеменскую цивилизацию из всех прочих, таких

---

¹⁴ Аль-Маджлис аль-Сийяси аль-А`ля. Аль-Руйят аль-ватанийя ли-бина аль-доулят аль-йаманийя аль-хадиса. (Высший политический совет. Национальная концепция строительства современного йеменского государства.) 26.03.2019 — С. 15. URL: <http://yemenvision.gov.ye/upload/Yemen%20Vision%20-%20ar.pdf>.

как вавилонская, шумерская, фараонская, китайская, греческая, римская, каждая из которых была основана на великих реках...»¹⁵.

Структура документа выдержана в стиле современного проекта с выделением генеральных направлений, целей и способов их достижения. Среди 12 генеральных направлений проекта, приоритет был отдан задаче национального примирения и разрешения внутренних политических проблем силами самих йеменцев путем возврата к диалогу¹⁶. В 11 разделе «Оборона и безопасность» был особо выделен пункт подготовки национальной программы борьбы с терроризмом и «выкорчевывания такфиризма, как его источника, внесенного в Йемен извне и ставшего угрозой национальной безопасности страны»¹⁷.

Институализация санского режима в качестве государственной структуры, его готовность к конструктивному сотрудничеству для мирных переговоров под эгидой ООН и активная внешнеполитическая деятельность, в т. ч. по межпарламентским каналам, не позволили командованию АК добиться военной победы, поставить режим в состояние полной международной изоляции и привести его к банкротству. По мере усиления военно-политического и экономического давления на него со стороны коалиции наблюдалось усиление идеологической составляющей его выживания, основанная на хусизме, который вышел далеко за границы зейдитской общины Йемена и начинает привлекать к себе сторонников не только среди суннитского большинства Севера, но и на Юге в качестве идеологии защиты эндогенной культурной идентичности от поглощения могущественным противником. Ее интерпретация в терминах усиления иранского влияния, доминирующая в подходах АК и экспертных оценках, с нашей точки зрения, является проявлением влияния мощной пропагандистской войны, питавшей этот конфликт с момента зарождения.

---

¹⁵ Ibid. С.15

¹⁶ Ibid. С. 33

¹⁷ Ibid. С. 64

Идеология СА и эволюция хусизма

Развитие идеологической платформы СА шло параллельными усилиями лидеров «Ансарулла» и ВНК. Каждый обосновывал свое лидерство приверженностью к социокультурным корням йеменского народа, апеллировав к присущему ему чувству гордости за свою уникальную историю и культуру, ответственности за защиту этого достояния и долге перед будущими поколениями. ВНК особо выделяло республиканские праздники, включая революционные даты южной части страны (14 октября, 30 ноября и др.), и день объединения ЙАР и НДРЙ (22 мая). «Ансарулла», в свою очередь, существенно сместил акцент с республиканских дат на знаковые события в исламской истории (такие как день рождения пророка, день имама Али, день переселения пророка — *хиджры*, День прощальной проповеди и др.) и современной истории арабского региона (день Иерусалима, день Палестины и др.). Ранее большинство дат из списка добавленного хуситами «расширения» не отмечалось в стране в формате официальных торжеств с выступлениями первых лиц государства. Хуситы добавили к праздничному календарю также и 21 сентября в качестве дня победы последней «йеменской революции» (2014 г.). Кроме того, хуситы существенно расширили и обновили пантеон национальных героев, выделив в нем основателя хуситского движения — сейида Хусейна Б. аль-Хуси (брата нынешнего лидера «Ансарулла»), убитого в 2004 г. Даже придуманный им клич (*сарха*), размещаемый на плакатах рядом с фотографиями павших в войне бойцов «армии и народных комитетов» и заполнивший все улицы и площади столицы и других городов Севера, получил статус национального праздника. Благодаря расширению праздничного календаря хуситы намного превосходили ВНК по частоте прямых контактов с массовой аудиторией, превратив их в трибуну для пропаганды своей идеологии и сохранения альянса с бывшей правящей партией страны. Цензирование массовых мероприятий помогло СА избежать превращение их в инструмент взаимной внутренней борьбы между членами альянса, что помогло ему добиваться постоянного роста доверия и лояльности со стороны населения в условиях чудовищного гуманитарного бедствия и военных рисков.

При жизни А.А. Салеха критика «Ансарулла» среди сторонников ВНК была перенесена на площадку собраний местных партийных активов, а также в молодежные и женские ячейки ВНК. Через них он транслировал лидерам хустского движения свои критические замечания и претензии к ним как к партнеру по властной коалиции. В некоторых случаях те же платформы служили трибуной для важных внешнеполитических инициатив и заявлений, направленных на информирование международного сообщества о взглядах лидера ВНК на те или иные проблемы, если они расходились с официальной политической режимом. Так, на заседании комитета ВНК 21 августа 2017 г. генеральный секретарь партии А. аль-Зука (погибший вместе с А.А. Салехом в декабре 2017 г.) заявил: «Подтверждаю вам, что как только А.М. Хади подал прошение об отставке с поста главы государства (22 января 2015 г. — прим. авт.) мы приняли решение созвать заседание парламента и принять его отставку, а они («Ансарулла» — прим. авт.) пришли и потребовали задержать решение на два дня, потом они заняли парламента (6 февраля 2015 г. хуситы потребовали роспуска парламента и ввели чрезвычайное положение — прим. авт), и вы знаете к чему привела эта задержка в принятии отставки А.М. Хади и какую цену нам приходится платить за это сегодня»¹⁸. 23 августа 2017 г. А.А. Салех заявил о готовности вступить в «мужественный диалог с КСА, лидером АК, с позиций «нет вреда и нет вредителя» и договориться с нашими саудовскими братьями, как мы договорились с ними в 1970 г. после 8 лет агрессии против революции 26 сентября 1962 г., когда мы положили конец той войне договором 1970 г., давайте начинать диалог! <...> К чему вести войну под необоснованным предлогом обвинения Йемена в связях с Ираном <...> У нас нет никаких связей с Ираном, ВНК не допускает никаких связей своих членов с иностранными государствами, мы признали предателями тех, кто встал на сторону агрессора ВНК — плоть от плоти земли Йемена <...> Остановите вашу агрессию, прекратите ваши авианалеты на Йемен и кровавые

---

¹⁸ Нусс калимат аль-амин аль-`ам ли-ль мутамар фи аль-лика аль-мувасса` а ли-кыйадат аль-мутамар ва аль-тахалуф. (Текст речи генерального секретаря Конгресса на расширенном совещании партии Всеобщий Народный Конгресс и коалиции)// Almethaq, 21.08.2017. URL: <http://www.almethaq.net/news/news-51429.htm>.

бойни вроде той, которая была сегодня ранним утром в селе-нии Санхан (вотчине А.А. Салеха — прим. авт.)! Они удлиняют список военных преступлений, преступлений против человечности, против детей и женщин, мы их осуждаем, они неприемлемы <...> ВНК их осуждает! Остановите войну — это единственный выход для вас и для нас!»¹⁹. Газеты отмечали напряженность между сторонами альянса в Сане в день проведения фестиваля ВНК, посвященного 35-й годовщине основания партии 24 августа 2017 г., но цель живого выступления перед огромной толпой сторонников А.А. Салеха на главной площади столицы состояла в том, чтобы подчеркнуть «авангардную роль партии на йеменской сцене, против которой направлялись агрессии и заговоры, начиная с 2011 г. Они же были направлены против земли и народа всей страны, превратив его мечты в прах. Их целью было сломить сознательность народа, дух армии, сил безопасности и народных комитетов, приносивших одну жертву за другой для защиты Родины бессмертного 26 сентября (дата революции ЙАР — прим. авт.). Всех вас я горячо приветствую! Продолжение войны имеет целью расчленение и раздел Родины <...> Стойкость и терпение разрушат все эти заговоры, а мы уже сейчас готовы поддержать фронты новыми десятками тысяч воинов, которых сбежавший Хади считал своими <...> Но они остались дома и готовы отправиться на поля битвы»²⁰.

Ведущим идеологом хусизма официально признан сейид Хусейн Б. аль-Хуси, погибший в 2004 г., заложивший принципы метода актуализации ислама для анализа современных политических проблем региона и общества. Начало этой работы было положено в деятельности молодежного клуба «Аш-шабаб аль-му'мин» («Правовой молодежи»), основанного в середине 1990 х гг. Мухаммадом Аззаном, позже издавшим несколько работ с критикой хусизма с позиций зейдитской школы ислама за чрезмерную политизацию ислама. Учение основоположника хусизма было собрано в виде магнитофонных записей

---

¹⁹ Калимат мухимма ли-ль-за`ым `Али `Абдаллах Салех (Важное выступление вождя Али Абдаллаха Салеха) // Аль-мисак, 23.08.2017. URL: <http://www.almethaq.net/news/news-51485.htm>.

²⁰ Нусс калимат аль-за`ы м амам аль-хушуд аль-малайин фи майдан аль-саб`ын (Выступление вождя перед миллионной аудиторией на площади Саб`ын) // Al-mutamam-net, 24.08.2017. URL: <http://www.almotamar.net/pda/139163.htm>

его выступлений и лекций перед слушателями клуба в мирное время, но формирование современного хусизма пришлось преимущественно на период после гибели основоположника в 2004 г. под влиянием шести актов саадских войн и военного вмешательства АК. Военное давление извне обусловило его эволюцию в направлении дальнейшей фокусировки на политических проблемах исламского общества, а в последний период — на теме особой исторической ответственности Йемена за судьбу всей исламской цивилизации. Его главным идеологом стал нынешний лидер «Ансарулла», младший брат основателя (по отцу) — сейид Абдул-Малик аль-Хуси.

Уверенный выход влияния хусизма за пределы провинции Саада на политическую сцену северной части Йемена произошел в 2011 г. на волне молодежного революционного брожения, охватившего все слои йеменского общества. В 2015 г. он перешел в новое качество после начала иностранной интервенции, позволившей ему стать неотъемлемой частью идеологии нового непризнанного режима правления в Санае.

Восприятие хусизма как враждебного политического движения характерно как для *шарыйя*, так и для правящих элит КСА и ОАЭ, но корни хусизма и причины роста его популярности ими видятся исключительно в контексте иранской политической экспансии и насильственных методах насаждения ими своей идеологии. Игнорирование ими почвенности этой идеологии и потребности погруженного в состояние войны социума в адекватном ответе поступавшим вызовам позволяло апологетам продолжения войны в Йемене сводить эту проблему к внешнему фактору, выдавая хуситов за иранских «прокси». С 2017 г. они же стали добиваться официального международного признания хуситов террористической группировкой, как АКАП или ИГ, против которых направлено острие хусизма. Недооценка йеменской исторической и социокультурной специфики в появлении и развитии хусизма, по нашему мнению, была и осталась одним из главных источников крупных политических просчетов в политике командования АК. Перенос упора борьбы с этой идеологией в силовое поле только содействовал повышению остроты ее политической составляющей во враждебном членам АК русле, а также расширению круга ее адептов в Йемене.

Хусизм зародился в Сааде в качестве идейного и социального течения, направленного на защиту зейдитского мазхаба, составлявшего одну из важнейших историко-культурных черт северной части Йемена, от агрессивной политики партии «Ислах», ускоренно внедрявшей в зейдитскую среду учение салафизма (в форме ваххабизма). Одной из целей лидера хуситов в конце 1990-х гг. было более справедливое, с его точки зрения, перераспределение финансовой государственной поддержки в пользу развития почвенных йеменских школ ислама — зейдизма и шафиизма, а не прозелитского ваххабизма, получавшего щедрое финансирование от соседнего королевства. Последующая эволюция хусизма определялась переходом государства в 2004 г. к карательной операции против хуситов и поддержавших их зейдитских племен, переросшей в длившуюся до февраля 2010 г. шестиактную гражданскую войну и гуманитарную катастрофу в провинции Саада и еще трех зейдитских провинций Севера — Хаджа, Амран и Джоуф. Эта война потребовала выдвижения лидера хуситского лагеря и придала импульс для возрождения в религиозной общине т. н. «хадавитской», ортодоксальной традиции йеменского зейдизма, заложенной первым имамом Йемена — Яхьей Аль-Хади иля-ль-Хакк в конце IX в., которая среди основных критериев отбора кандидатур на роль предводителя общины (имама) установила монополию страты сада — хашимитов, принадлежавших к т. н. «ахль-бейт» («Дому пророка») — потомкам пророка Мухаммада через его дочь Фатиму и зятя Али бин Аби Талиба (четвертого «праведного» халифа). Принадлежность клана сада аль-Хуси к хашимитам способствовала развитию этого тренда, но значительная часть хашимитской духовной аристократии осталась приверженной реформаторской части зейдизма, которая выступала за смягчение принципа хашимитской исключительности в руководства религиозной общиной. В условиях республиканского строя они считали этот принцип не только анахронизмом, но и отклонением от учения основоположника зейдизма — имама Зайда бин Али бин Хусейна, правнука четвертого халифа²¹, призывавшего почитать *ахль-бейт* наряду со сподвижниками пророка — «сахаба».

---

²¹ См. например: 'Azzan M. Yahya. Al-Sahabat 'inda al-Zaidiya (Сподвижники (сахаба) в зейдизме) / Yemen Heritage Research Centre. USA, 2015. С. 257 (на араб. яз.)

Ссылаясь на терпимое отношение имама Зайда ко всем четырем первым «праведным» халифам (в противоположность джаафаризму), некоторые из них допускали переход права предводительства общиной обладателю необходимых качеств из любой страты общества. Эволюция хусизма шла в направлении возвращения к *хашимитской* традиции зейдизма и, по мнению, критиков хусизма из зейдитской богословской среды, перешла даже к сакрализации роли *вали* (повелителя — имама, исполнявшего кроме духовных, также и политические роли), что проявилось в придании основоположнику хусизма — сейиду Хусейну свойств спасителя ислама, продолжателя дела самого пророка в критический исторический период истории, когда под угрозой оказалось будущее мусульманской цивилизации. Некоторые из них стали упрекать хуситских лидеров в политически мотивированных уступках иранскому джаафаризму, с которым йеменский зейдизм традиционно кардинально расходился как в части религиозной, так и политической составляющей доктрины, особенно в том, что касается статуса имама. В зейдизме имам — выборное лицо, лишенное сакральных черт и непогрешимости (*ма'сум*). В области толкования шариата — исламского права (*фикх*), этот *мазхаб* неотличим от суннитской школы (имама Абу Ханифа), близкой к учению другого суннитского имама Шафи`и, которому следует вся шафиитская община страны. Некоторые критики хусизма усматривали в его эволюции движение в сторону принципов *вилаят-аль-факих* (учения о временном замещении на посту предводителя общины скрытого имама) и непогрешимости имама, абсолютно чуждых зейдизму. При этом они ссылались на опубликованный в 2012 г. документ — «Идейный манифест»²², подписанный сейидом Абдул-Маликом аль-Хуси, в отдельных формулировках которого подчеркивались исключительная роль потомков «Дома пророка» в руководстве исламской *уммой* и обязанность верующих неукоснительно следовать указаниям таких лидеров в качестве прямых наследников «повелителей *уммы*», упомянутых в *хадисах*, направлявших ее

²² Цит. по копии с оригинала на 9 страницах: Аль-васика аль-фикрийя ва аль-сакафийя (Идейный и культурный манифест). 13.02.2012// в: хаза хува аль-барнамадж аль-сийаси ли-ль-хусийин ... Аллах истаффана `аля аль-`аламейн (Вот политическая программа хуситов... Аллах выстроил нас на оба мира). // Al-yemeny, 24.03.2012. URL: <https://www.alymeny.com/news.php?id=8260#.XRi4IfZuJZU>.

по «праведному пути с первых шагов ислама и до нашего времени. Таких вождей можно считать самыми близкими примерами к кораническому методу и божественному промыслу»²³. Впрочем, никаких прямых подтверждений оправданности утверждений о крене хусизма в сторону джаафаризма в этом документе не содержалось. Как хусизм, так и его критика оказались вовлеченными в острую политическую борьбу, вызывавшую множество кривотолков и политически мотивированных домыслов под маской сугубо богословской полемики.

О наличии трений в зейдитском богословском дискурсе вокруг роли хусизма в современном Йемене красноречиво говорит факт появления раскола даже внутри самого сейидского клана аль-Хуси: одна фракция клана критикует другую за чрезмерный уход в политику, несущий вред зейдизму как признанному исламскому мазхабу.

История зейдизма подтверждает прямую корреляцию кризисных периодов развития общества со взлетом *хадавизма*, ставившего во главу угла фигуру политического вождя зейдитской общины и, наоборот, — резком снижении роли имама в обществе в периоды появления на территории Йемена стабильного, сильного и экономически успешного государства. Текущая парадигма, в принципе, не является исключением. Политические потрясения в Йемене и личные трагедии, пережитые семьей аль-Хуси с начала века (из-за саадских войн 2004–2010 гг.), направили хусизм в сторону максимальной интеграции политической составляющей зейдитского мазхаба в свою идеологическую систему, но вопрос о покидании им дозволенных рамок зейдизма, поднимаемый его критиками как в Йемене из зейдитской среды, в силу сохранения чрезвычайных обстоятельств в стране, на данном этапе решен в пользу хусизма не только большинством зейдитской общины Йемена, но и суннитским большинством Севера.

В выступлениях сейида А.М. аль-Хуси сформулированы основные политические проблемы, на которых концентрировалась идеология хусизма:

- 1) Поддержка судьбоносного для всей исламской *уммы* «коранического проекта», основоположником которого

---

²³ Ibid.

- был также признан сейид Хусейн Бадруддин аль-Хуси, а датой начала — 17 января 2002 г. (в мемориальном календаре хуситов — последняя пятница лунного месяца шавваля). Его задача — консолидация исламской уммы перед лицом атак со стороны США, Израиля и их пособников внутри региона, которые уже ввели в действие план раскола уммы изнутри (используя джихадистов, такфиристов, сектантские противоречия и др. методы) для установления иностранного господства над ее ресурсами;
- 2) Проблема духовного и политического лидера — покровителя (*вали*) и строгой лояльности ему (*вилайя*) со стороны верующих. Большое внимание уделено вопросу критериев распознавания праведного покровителя от ложных, маскирующих свои враждебные замыслы цитатами из священных книг ислама и демонстрацией своего богатства и силы. Среди этих критериев часто фигурировала родовая принадлежность к *ахль-бейт* («дому пророка»), т. е. хашимитам;
  - 3) Ключевая роль йеменцев на всех исторических этапах развития исламской цивилизации в нахождении и защите этого коранического пути.

В порядке иллюстрации этих тезисов приведем несколько изложений и цитат его выступлений.

Лейтмотивом выступлений лидера Ансарулла является подчеркивание актуальности проекта «коранического пути», в котором «умма испытывала крайнюю нужду еще вчера и необходимость которого подтверждается событиями каждого дня»²⁴. Суть проекта — раскрытие враждебных планов, реализуемых США против мусульманского мира и противодействие им. «После 11 сентября в начале третьего тысячелетия США и Израиль вместе с теми, кто вращается в их орбите, перевели колонизаторские атаки на нашу умму в новую важную, чувствительную и опасную, фазу, начав всеобъемлющее широкое наступление со всех сторон с использованием множества инструментов под самыми разными личинами. Она опасна тем,

---

²⁴ Калимат ли-ль-сайед `абд аль-малик аль-хуси фи аль-зикра аль-санавийя ли-ль шахид аль-каид 1440 х. (Речь сейида Абдул-Малика аль-Хуси по поводу годовщины вождя-шахида. 1440 г. х.) //Almasira 02.04.2019. URL: http://almasirah.net/details.php?es_id=37798&cat_id=8.

что не сводится к военным действиям и методам...она концентрируется на уничтожении *уммы* изнутри <...> Ее цель состоит в установлении своего полного господства над ней — над людьми, богатствами и землей, ради эксплуатации ее по своему произволу <...> Весь наш географический регион должен стать вотчиной врага — Америки и Израиля, опорой для их планов завоевания всего остального мира и устранения всех своих конкурентов на глобальном уровне. Для нас, мусульман, это — катастрофа <...> если мы потеряем свободу, честь, ценности, мы потеряем все как в этом, так и в потустороннем мире <...> Нас перестанут считать людьми <...> Поэтому по долгу людскому и религиозному, в силу нашей природы и принадлежности к исламу <...> Мы будем противостоять этому вызову и этой угрозе. Среди членов *уммы* есть такие режимы и правительства <...> течения и структуры <...> которые встали совершенно открыто на ложный путь, угодный врагу, на подчинение ему и стали орудием врага <...> Для своей кампании лжи эти режимы используют такфиристов, выполняющих эту грязную работу, опасную и <...> влекущую *умму* к краху <...> Они направляемы врагом, претендующим стать ее повелителем <...> Американцы и Израильяне в наше время стали “группами зла” из “сынов писания”, на которых указывает Благородный Коран <...> Сегодня они играют негативную роль, роль саботажников и врагов этой *уммы*. Коранический путь сейида Хусейна Бадрудина аль-Хуси берет начало <...> из анализа логики врага, событий <...> понимания происков и интриг врага, природы этой борьбы <...> с опорой на Благородный Коран <...> Цель коранического проекта — укрепление *уммы* изнутри с помощью наставлений Корана, делая их смыслом и сутью движения <...> источником духовно-нравственной мобилизации и воспитателем чувства высокой ответственности <...> необходимого для противостояния таким вызовам <...> Коранический проект обладает всеми атрибутами (*хасаис*) Благородного Корана, прочно связан с жизненными реалиями и чутко реагирует на них <...> давая верное представление о них — и это главное, в чем мы нуждаемся для нашей битвы»²⁵.

---

²⁵ Ibid.

По поводу фигуры предводителя (*вали*), которому можно доверить направление *уммы* по кораническому пути, сейид Абдул-Малик аль-Хуси часто цитировал слова т. н. «прощальной проповеди» пророка Мухаммада, взятые из хадисов, где говорилось о наместничестве Али бин Аби Талиба.

«Когда посланник возвращался из прощального паломничества, он остановился в местечке Гадир Хум. Затем он сказал: «Поистине, я был призван, и я ответил на призыв. Среди вас я оставляю две весомые вещи, одна больше другой. Это — книга Аллаха и мое семейство, обитатели моего Дома. Так будьте же внимательны к ним после меня, ведь они не разлучатся, пока не вернуться к источнику (Каусар)». После этого он сказал: «Воистину, Аллах — мой покровитель, а я покровитель каждого верующего». Затем он взял руку ‘Али и сказал: «Чьим покровителем являюсь я, тому покровителем является и он!.. О Аллах! Возлюби того, кто возлюбил его, и враждуй с тем, кто враждует с ним!»»²⁶.

Характерное для шиитов толкование этого хадиса в смысле приоритета Али и Дома пророка, сочеталось в его выступлениях с мыслью об исключительной важности для *уммы* вопроса о выборе своего лидера именно на данном историческом отрезке, когда без срочного возвращения к «кораническому пути», ложный путь, на который толкает искуситель, идол — *Тагут*, приведет к катастрофе. Он подробно разъяснял как отличить истинного *вали* от ложного. Первый — учит различать дозволенное (*хальяль*) от запретного (*харам*), а второй специально смешивает эти начала, чтобы верующий предался его власти и утратил связь с источником веры. Он привел в пример сохранение Мекки в руках язычников на протяжении почти всей жизни и пророческой миссии посланника Бога только потому, что хозяева Мекки хотели контролировать паломников, при этом вводя их в заблуждение относительно правил веры, «приписывая Аллаху, его учению и законам лживые правила, отделяя людей от источников верного пути, используя религиозные аргументы для утверждения власти *Тагута*, утверждая, что действуют якобы во имя постулатов

---

²⁶ Нишапури, Хаким, ал Ас-Сахихайн, Мустадрак. Завещание пророка относительно Корана и семейства / Познание сахабов (сподвижников), Т. 4, С. 72–73.

веры <...> Вот когда мы постигаем значение слов Аллаха Всемогущего: “И если не совершишь — то оставишь Его Послание не довершенным” <...> Только божественный путь дает людям спасение и истинный свет <...> совершенство веры в этот день состояло в объявлении великого <...> принципа связи с источником верного пути <...> принципом лояльности Покровителю — принципу *вилайя*»²⁷. Принцип лояльности покровителю был поставлен им в один ряд с пятью столпами ислама (*тоухид, сылят, сыйям, закят и хадж*), без которого вероучение теряло устойчивость и надежность.

Война и блокада Йемена с точки зрения хусизма — это попытка уничтожения одного «из лучших народов региона». В речи, посвященной четвертой годовщине «великой бойни» в Йемене, сейид Абдул-Малик аль-Хуси назвал отпор агрессии со стороны йеменского народа проявлением высокой ответственности, «предначертанной религией, гуманизмом и патриотизмом», борьбой, «адекватной идентичности этого народа с его глубоким историческим наследием, заключенным в вере, гуманизме, ценностях и принципах, в его социальных структурах, обычаях, обрядах племен, воспитанных примерами отцов стойкости, честь и достоинстве, нетерпимости к унижению и рабству, обману и насилию. Все это имманентные свойства этого народа. Эта борьба — верный выбор <...> Те отбросы, кто совершил предательство, предались силам агрессора и пошли с ним на сделку, вместе с ним выступил против своего собственного своих родичей (*коум*), своей страны и народа, имя их выбору — предательство!»²⁸. Там же он сопроводил хадис, в котором посланник Аллаха сказал: «Пришли жители Йемена — у них самые мягкие души. Вера — у йеменцев, понимание (Религии) — у йеменцев, мудрость — у йеменцев»

---

²⁷ Калимат ли-ль-сайед `абд аль-малик аль-хуси фи зикра `ыд аль-гадир йоум аль-вилайят аль-имам `али `алеихи аль-салям 1439 х. (Речь сейида Абдул-Малика аль-Хуси по поводу годовщины `Ыд аль-Гадир, дня наместничества имама Али, мир Ему). / Al-Masira 29.08.2018. — http://alasilrah.net/details.php?es_id=28037&cat_id=8

²⁸ Калимат ли-ль-сайед `абд аль-малик бадруддин аль-хуси фи аль-зикра аль-раби`а мин аль-сумуд би-виджх аль-`удван. (Речь сейида Абдул-Малика Бадруддина аль-Хуси по поводу четвертой годовщины стойкости перед лицом агрессии). // Al-Masira, 25.03.2019. URL: http://almasirah.net/details.php?es_id=37463&cat_id=8

актуальным комментарием: «Это (высказывание – прим. авт.) – великая награда, которой гордится народ <...> Во всех помыслах он руководствуется верой в принципы и нравственные ценности, положения закона шариата <...> И мы говорим, что Аллах Славный и Всемогущий вменил нам в обязанность как молитву, пост, закят и хадж (кто это способен его совершить) и как все религиозные предписания и долг веры противостоять этой агрессии, не сдаваться, не подчиняться и не вставать на колени – вот наш религиозный долг»²⁹.

И еще одна цитата лидера «Ансарулла» из публичного обращения по случаю годовщины «Сархи» (2019 г.), где он подчеркивает «коренное» положение йеменцев в ряду исламских народов, дающее ему право взять миссию верховенства в направлении по кораническому пути. Объясняя причину агрессии против народа Йемена А.-М. Аль-Хуси говорил: «Их главная проблема с нашим народом в том, что он занял принципиальную позицию, предписанную ему долгом веры, религиозной идентичностью, принадлежностью к исламу, его естеством, его свободой и его достоинством. В том, что он хочет быть независимым, связанным с центральными задачами всей уммы и, прежде всего – палестинской проблемой и национальными святынями в Палестине, являющейся частью уммы, что он отвергает подчинение и лояльность врагам уммы <...> Вот откуда у них трудность с этим народом! Что им от нас нужно? Чтоб мы сдались, подчинились, капитулировали, стали покорными, покорными Америке, покорными Израилю и тем, кто стал покорным Америке и покорным Израилю. Вот откуда эта “мастерская”, устроенная аль-Халифа несколько дней назад на Бахрейне (имеется в виду экономическая секция международной конференции “Мир во имя процветания”, проходившей в Манаме 25–26 июня 2019 г. – прим. авт.) как первый шаг грандиозного предательства этой умме, который по милости Аллаха обречен на провал, но он позорен и показателен, сделал явной и ясной всю подлинную картину как никогда прежде <...> Они собрались вокруг своего учителя Кушнера <...> а он им рассказывал и рисовал шаги <...> вехи предательства и позора, шаги,

---

²⁹ Ibid.

которые будут делать они сами – в угоду кому? В угоду Америке, в угоду Израилю, для предательства *уммы*»³⁰.

Моральное осуждение агрессора и участие в обороне своей страны у А.-М. аль-Хуси приравнено к подлинному джихаду во имя спасения всей *уммы*. Он обращается к жителям страны с риторическим вопросом: «Разве права Америка, Израиль, саудовский или эмиратский режимы, их пособники-предатели, начав агрессию против нашего любимого народа? Или народ, противостоящий этой войне всем миром, про который сам пророк говорил, что вера – у него, совершает героизм? <...> С какой стати противоправная агрессия, обрушившаяся неожиданно посреди ночи на наших жителей 26 марта стала законной? Не потому ли, что Америка дала ей политическое прикрытие или Израиль ее поддержал и принял в ней участие, признав это открыто?». В своих речах лидер хуситов часто применяет иронию, чтобы усилить ощущение своей правоты и предать осмеянию врага. Опровергая защиту законной власти в Йемене в качестве ведущего мотива вмешательства, он насмешливо утверждает приоритет защиты любой власти, лояльной США. Он считает, что критерий лояльности определяет в наши дни политику США по всему миру: «даже если тебя не выбирал народ, даже если твой срок прошел, если ты никогда не был на стороне закона, как в Венесуэле³¹ – взял и просто объявил себя президентом за то, что подчинился Америке и был ею поддержан вообще без всяких выборов, со всей простотой сказал: “я – президент Венесуэлы”, а те ответили: “Точно!”, не успел тот заявить! <...> Или как президент Трамп взял и подарил Голанские высоты Израилю, которые как всем известно принадлежат Сирии <...> А “сделка века” Трампа по конфискации дальних святынь *уммы*, не только Аксы в Иерусалиме и не только самого Иерусалима в Палестине,

---

³⁰ Калимат ли-ль-сайед `абд аль-малик бадруддин аль-хуси фи аль-зикра аль-санавийя ли-ль аль-саркха фи аль-виджх аль-мусткбарин 1440х. (Речь сейида Абдул-Малика Бадруддина аль-Хуси по поводу годовщины клича перед лицом высокомерных) // Al-Masira 02.06.2019. URL: http://almasirah.net/details.php?es_id=41710&cat_id=8

³¹ Прим. автора: речь идет о Хуане Гуайдо, провозгласившем себя президентом Венесуэлы в январе 2019 г. вместо законно избранного президента Николаса Мадуря

но всей страны с выселением ее народа — может ли он выступать блюстителем закона?»³².

Актуализация хусизмом религиозного подхода к анализу политических событий в регионе лучше всего достигала своей цели в условиях катастрофы, которая повлекла упадок системы образования и здравоохранения и отбросила страну в социальном развитии на несколько десятилетий, создав в зейдитских районах Йемена целое поколение войны, если учитывать гражданскую войну 2004–2010 гг.

Эволюция идеологии и политики Аденского ЦПВ

В августе 2017 г. ЮПС опубликовал принципиальные политические установки своего движения, провозгласив Южную Аравию в границах до 22 мая 1990 г. родиной и «национальной идентичностью всех ее сынов», сувереном которой является народ. И ЮПС, действуя на основе декларации, поддержанной миллионной демонстраций в Адене 4 мая 2017 г. будет добиваться возвращения суверенитета и независимости, строительства федеративного государства, освобождения территории Юга от всех «оккупационных и захватнических» сил, укреплять основы административной самостоятельности, бороться с экстремизмом и укреплять узы сотрудничества со странами АК — КСА и ОАЭ³³.

Стремительное развитие Аденского ЦПВ началось в 2018 г. с формирования Генеральной ассамблеи, в которой были представлены все провинции, а число депутатов соответствовало количеству парламентариев — 303 человека. В октябре 2018 г. ЮПС объявил *шарыйя* ультиматум, пригрозив интифадой, если административная власть на Юге будет отдаваться

---

³² Калимат ли-ль-сайед `абд аль-малик бадруддин аль-хуси фи аль-зикра аль-раби`а мин аль-сумуд би-виджх аль-`удван. (Речь сейида Абдул-Малика Бадруддина аль-Хуси по поводу четвертой годовщины стойкости перед лицом агрессии). // Al-Masira, 25.03.2019. URL: http://almasirah.net/details.php?es_id=37463&cat_id=8

³³ Уля васанк «мабадиа ва ахдаф ва усус бина аль-маджлис аль-интикалий аль-джанубий (Первые документы: Принципы, цели и основания для учреждения Южного переходного совета). // STCADEN, 13.08.2017. URL: <http://stcaden/com/news/7459>.

лицам, не согласованным с ЮПС. Официальный спикер ЮПС С. С. аль-Ауляки заявил, что никакого урегулирования и устойчивого мира не может быть достигнуто без учета интересов Юга и путем его привязки к другим политическим проектам, добавив, что отношения ЮПС с АК — это отношения партнеров, но не подчиненных. «Будущее Юга будет определять его свободный народ <...> В сравнении с 2015 г. Юг стал гораздо сильнее...»³⁴.

В марте 2019 г. во время визита в Москву президент ЮПС Э. аль-Зубейди презентовал текст обновленной политической концепции своего совета³⁵, в которой большое внимание уделялось вопросу об исторической обособленности Юга от Йемена и особой идентичности южан по отношению к жителям бывшей ЙАР. Конфликт с Севером в этой концепции представлен как конфликт идентичностей: «Санская оккупация покушалась на стирание южной идентичности во всех ее проявлениях (политических и культурных), чтобы утвердить навсегда свое господство над родиной южан и поглотить их территорию под лживым предлогом единства территории и народа»³⁶.

Гражданская война 1994 г. характеризовалась в нем как разрушение и ликвидация благородных принципов и целей объединения «в душах южан» и превращение мечты о национальном единстве в «настоящий кошмар». Под лозунгом единства «народ лишился прав, был ограблен, унижен <...> Одновременно с планомерным его уничтожением возникло движение южан против деспотии»³⁷.

---

³⁴ Аль-`ауляки ли-арам ньюс: `алакатуна би-аль тахалуф ширакат ля таба `ийя ва ля халл би-таджавуз аль-джануб (Аль-Ауляки Ерем-пресс: Наши отношения с коалицией — партнерство. Нет зависимости и нет урегулирования вне Юга). //STCADEN: 12.11.2018. URL: <http://stcaden.com/news/8975>.

³⁵ Маджлис аль-интикалий аль-джанубий фи аль-йаман йатруху руйят аль-сийсийя `аля масулин аль-руси фи муску (Южный переходный совет Йемена делает презентацию своей политической концепции российским ответственным лицам в Москве). // RT, 22.03.2019. URL: https://arabic.rt.com/middle_east/1008679-.

³⁶ Электронный документ в виде файла pdf. 20 стр.: Аль-руйят аль-сийсийя ли-ль маджлис аль-интикалий аль-джанубий (Политическая концепция Южного переходного совета)/ Southern Transitional Council. Presidency of Sothern Council. С.4 (вручен руководством ЮПС в ходе презентации в Москве 22.03.2019).

³⁷ Ibid. С. 7

Появление Мирного Движения Юга в 2007 г. авторы документа назвали революцией против оккупации и угнетения. События после начала военной интервенции АК 2015, связанные с деятельностью террористических групп, авторы также приписали действиям Саны, хотя все это происходило уже после начала интервенции АК.

Первоочередные задачи ЮПС видел в пресечении деятельности террористических группировок и защите молодежи от влияния экстремистов, а также восстановлении и формировании армии и спецназа как опоры государства.

Целью внешнеполитической деятельности на этом этапе ЮПС считал поиск влиятельных внешних акторов, способных способствовать легитимации его политической платформы.

ЮПС увязывал восстановление суверенитета и независимости Юга с развитием сотрудничества с обеими странами АК — КСА и ОАЭ, хотя оба государства не были готовы официально признать свою поддержку этому проекту и вступили в противостояние друг с другом, расширяя поле для внутренних межрегиональных конфликтов на Юге.

Йеменский цивилизационный рубеж

В цивилизационном измерении йеменского конфликта можно обнаружить социокультурные элементы, совершенно выпадавшие из анализа политологов, но оказавших значительное влияние на динамику конфликта. Среди них отметим отзвуки, казалось, давно угасшего соперничества между кахтанидами (южными арабами) и аднанидами (северными арабами) за престиж и влияние в исламской умме. В истории раннего периода арабского халифата в VII–VIII вв. академик М.Б. Пиотровский выделил существенную роль этого соперничества для всей политической истории арабов: «В своей начальной фазе противопоставление потомков южан и северян появилось в ходе конфликта между ансарами и мухаджирами (мединскими и мекканскими сподвижниками пророка) в середине VII в. *ансары*, в дополнение к своим заслугам перед исламом, похвалялись и прошлой славой Южной Аравии, преемниками которой они якобы являлись... *Ансары* первыми придали

политическому объединению генеалогическую окраску, первыми стали использовать языческое прошлое в политической борьбе»³⁸. Разве не тот же мотив использовал сейид А.-М. аль-Хуси в приведенных выше выступлениях (хотя его род и является аднанидским по происхождению)? Нет никаких оснований считать, что война в Йемене снова не вернула этот мотив к жизни. Угроза стирания древней йеменской цивилизации внесла свой вклад в наблюдаемое ухудшение отношений внутри всех ведущих арабских и исламских международных правительственных организаций по ходу конфликта. В этом состояла двойственность влияния поддержки США и Великобритании лидера АК при объявлении им военной кампании в Йемене. Она выступала дополнительным катализатором возрождения элемента соперничества хахтанидов, гордившихся своей принадлежностью к «коренным арабам» с аднанидами — «арабизированными арабами» за статус в арабо-мусульманском мире, уходящего корнями в тысячелетия. Не случайно противопоставление истинного (коранического) и ложного (*тагут*) пути иллюстрировалось хуситами на примере миссии пророка Мухаммада в Мекке, оставшейся в руках аднанидов-курейшитов, изгнавших его из города, игравших в этом примере роль ложных пастырей.

В условиях военного конфликта начали проецироваться на современность былые заслуги южных арабов Йемена перед исламом, начиная с самых первых шагов — перехода пророка Мухаммада в 622 г. из Мекки в Ясриб (Медину), где его поддерживали два племени — ауситы и хазраджиты, оба ведшие свою генеалогию от южноаравийского племени *азд*³⁹. Лидеры СА прямо говорят жителям Йемена, что для них вновь открылся шанс подтвердить свой приоритет путем выражения стойкости и воли к победе ради успеха их спасительной миссии и доказательства своего морального превосходства перед несравненно более могущественным в военном отношении противника.

Война на территории одной из колыбелей арабо-мусульманской цивилизации сопровождалась гибелью сотен

---

³⁸ Пиотровский М.Б. Предание о химьяритском царе Ас`аде ал-Камиле. М.: Наука, 1977. С. 12.

³⁹ Ibid.

археологических и историко-культурных памятников (крепостей, мечетей, культовых сооружений), угрозой коллапса одной из древнейших антропогенных экосистем на планете, что придало моральному аспекту пропаганды СА высокую убедительность не только внутри Йемена. Отсутствие серьезного осуждения этих аспектов конфликта со стороны ведущих стран, претендовавших на роль мировых гарантов в соблюдении гуманистических ценностей и международного права, таких как США и Великобритания, которые выкачивали сотни миллиардов долларов из Аравии на военных поставках, наживаясь на этой трагедии, помогало СА усиливать цинизм лидеров западного мира. Конфликт вызвал беспрецедентную милитаризацию региона. КСА заняла третье место в мире по военным расходам после США и Китая. В период с 2015 по 2018 г. они составляли более 72 млрд долл. в год⁴⁰. Протесты в США и Великобритании против продолжения этой политики, вспыхнувшие особенно бурно после убийства саудовского журналиста Дж. Хашоги в Стамбуле в октябре 2018 г., ничего не достигли. В апреле 2019 г. президент США Д. Трамп наложил вето на резолюцию Конгресса, требовавшую не только запрета на поставки американского оружия КСА, но и расследования всего комплекса вопросов, связанных с участием США в этом конфликте⁴¹.

Геополитическая игра с участием партнеров АК начала оказывать ощутимое влияние на политику всех йеменских ЦПВ, которые в 2019 ускорили восстановление альтернативных государственных институтов, чтобы предотвратить захват страны иностранными акторами.

Социокультурная специфика Йемена не позволила придать конфликту видимость эпизода в тотальном суннитско-шиитском противостоянии, хотя в момент формирования АК на нем ставился один из главных акцентов. Обе традиционные доминантные исламские общины Йемена — шафииты (сунниты)

---

⁴⁰ Подсчитано по: Military expenditure by country, in constant (2017) US\$ m., 1988–2018 // SIPRI 2019. URL: <https://www.sipri.org/sites/default/files/Data%20for%20all%20countries%20from%201988%E2%80%932018%20in%20constant%20%282017%29%20USD%20%28pdf%29.pdf>.

⁴¹ Malloy, Allie. Trump vetoes Yemen War Powers Resolution, his 2nd veto since taking office // CNN, 17.04. 2019. URL: <https://edition.cnn.com/2019/04/16/politics/trump--vetoes--yemen--war--powers--resolution/index.html>.

и зейдиты (шииты) остались, в целом, в обычной для них дружеской и благожелательной парадигме, соответствовавшей длительной исторической традиции. Более того, попытки раскатать эту ситуацию со стороны радикальных исламистов, используя такфиристскую и антишиитскую риторику для разжигания конфессиональной розни, получили решительный отпор как со стороны духовных лидеров обеих общин, так и племен. Участие в кампании разжигания конфессиональной розни «Братьев-мусульман» только усилило отчуждение от них в обеих частях разделенной страны.

Антишиитская риторика в Йемене была подхвачена в основном террористическими структурами, которые в первый год войны добились господства на огромных просторах побережья Аравийского моря от Хадрамаута на востоке почти до Адена на западе, 100% населения которого составляли сунниты. Хозяиничая в административном центре Хадрамаута — г. Мукалле, салафитские джихадисты взрывали мавзолеи местных святых — куббы, посещение которых составляло важную часть местного обряда. Учитывая запрограммированный характер конфессионального мотива конфликта, приход к власти на южном побережье Йемена террористических структур «Ансар аль-Шариа», продлившийся целый год, трудно назвать случайным совпадением. Борьба с ними не прекращалась со стороны местного населения весь период их господства, а после их вытеснения из всех занятых ими городов побережья в апреле 2016 г. объединенными усилиями спецназа ОАЭ и сил в составе т. н. «южного сопротивления», южане быстро приступили к формированию собственного ЦПВ, альтернативного шарыйя, демонстрируя свою утрату доверия к нему. Проведенное в тот момент исследование проблемы салафитского джихадизма в Йемене подтвердило, что «сердцевиной этой проблемы является “эндемический вакуум” государственной власти, который создавал пробелы в сфере безопасности, экономической ситуации и в образовании»⁴². Полевые социологические исследования International Centre for Religion and Diplomacy (ICRD) дали показательные результаты, отражавшие

---

⁴² McDonnell, Andrew, Burbridge, Henry, Dr. Zgheib Salloum Yara. Addressing Jihadi Salafism in Yemen: the role of religion and community in the midst of civil war // ICRD, August, 2017, P. 1.

восприятие местных жителей происходящего в стране после начала интервенции. Они показали, что почти 85% йеменских респондентов, опрошенных авторами после выдворения террористов из *джалаата* «Ансар аль-Шариа» из прибрежных городов Юга, на второе место среди факторов, способствующих появлению экстремизма у себя на родине, поставили НАТО (США и Европу), а на первое (90%) — отсутствие закона и порядка. Почти 70% опрошенных указали, что их пособниками выступали также страны ССАГПЗ⁴³. Участие ОАЭ в формировании военизированных структур в рамках проектов «элита» и «пояс безопасности» («*нукхба*» и «*хизам амний*»), осуществивших военную операцию по выводу боевиков «Ансар аль-Шариа» из занимаемых ими портовых городов Юга, обеспечило им преимущество перед КСА и опекаемыми ею структурами партии «Ислах» на Юге.

Йеменский конфликт выявил существенные расхождения между европейскими и американскими партнерами по западному блоку. Германия давно приступила к активной работе по достижению консенсуса между йеменскими сторонами в вопросе скорейшего перехода к политическому диалогу, не дожидаясь пока йеменская «тикающая бомба» взорвет весь Ближний Восток⁴⁴. Она же вместе со многими другими западноевропейскими странами (Норвегией, Финляндией и Голландией) в 2018–2019 гг. ввела эмбарго на поставки оружия воюющим в Йемене странам АК⁴⁵. Об угрозах безопасности, генерируемых войной в Йемене для всего региона предупреждал бывший Генсек ООН Пан Ги Мун в 2015 г.⁴⁶

---

⁴³ Ibid. P. 8.

⁴⁴ Simsek, Ayhan. Germany to host international conference on Yemen. Foreign Minister Maas invites key actors for meeting in Berlin on Wednesday to support UN's peace efforts // Anadolu, 15.01.2019. URL: <https://www.aa.com.tr/en/europe/germany-to-host-international-conference-on-yemen/1365785>.

⁴⁵ Germany extends ban on arms exports to Saudi Arabia by a further six months // TheDefensePost, MARCH 29, 2019. URL: <https://thedefensepost.com/2019/03/29/germany-extends-saudi-arabia-arms-export-ban-september/>

⁴⁶ Cumming–Bruce, Nick. U.N. Leader Calls Yemen a «Ticking Bomb», Amid Delay in Cease–Fire Talks // The New York Times, 15.06.2015. URL: <https://www.nytimes.com/2015/06/16/world/middleeast/yemen-cessate-fire-talks-geneva-houthis.html>.

Эволюция отношения стран Запада к войне в Йемене

Пробуксовка стокгольмских соглашений, подписанных саудовским и санским ЦПВ в декабре 2018 г. в результате миссии нового специального посланника Генсека ООН в Йемене М. Гриффитса, подтверждает необходимость выработки новой платформы для политического урегулирования этого кризиса. Положение в зоне порта Ходейда и двух расположенных рядом терминалов — Салиф и Рас-Иса осталось крайне напряженным, а самого М. Гриффитса саудовский ЦПВ упрекал в «прохуситских симпатиях» за его положительные оценки одностороннего исполнения ими своих обязательств по передислокации своих сил в районе порта⁴⁷. Однако, затягивание конфликта только повышало риски для всех участников. Появление в 2018 г. на вооружении Санского ЦПВ беспилотных летательных аппаратов и плавучих средств, способных нести летальное оружие, их использование наряду с баллистическими ракетами для нанесения ударов по объектам на территории КСА побудило командование АК усилить пропагандистскую привязку войны в Йемене к политике Тегерана. Иранская тема стала одной из главных в повестке всех трех экстренных форумов на высшем уровне (ЛАГ, ССАГПЗ и ОИС), состоявшихся в Мекке (30–31 мая, 1 июня 2019 г.). В резолюции встречи лидеров ЛАГ содержалось предупреждение о том, что поведение Ирана «представляет прямую, серьезную угрозу, требующую от международного сообщества твердого противодействия Ирану и его дестабилизирующей роли в регионе»⁴⁸. Невозможность поставок иранского оружия в зону йеменского конфликта из-за установленной командованием АК блокады всех границ страны, работы спецслужб многих стран, оснащенных спутниковыми системами слежения, работы саудовских

---

⁴⁷ Knecht, Eric. Yemen president slams U.N. envoy's handling of war in letter to secretary-general // Reuters / ed. by Susan Thomas. 24.05.2019. URL: <https://af.reuters.com/article/worldNews/idAFKCN1SU2CF?feedType=RSS&feedName=worldNews>.

⁴⁸ The Mecca summits. The Arab summit's final statement warned that Iran's behaviour "poses a direct and serious threat" // The Arab weekly, 02.06.2019. URL: <https://thearabweekly.com/mecca-summits-1>.

пограничников по всему периметру и поддержки этого режима кораблями ВМФ КСА, ОАЭ, Египта, а также эпизодическим подключением кораблей Пятого флота ВМС США, базирующихся в Манаме – не мешало продолжению «иранского вектора» йеменского конфликта. Наоборот, разрыв между сопровождавшими его фактами и мифами продолжал нарастать и дальше. Так, диверсия неустановленным способом против двух танкеров (принадлежавших Норвегии и Японии) в Оманском заливе в июне 2019 г., в которой США обвинили Иран, были также увязаны с атаками силами СА саудовских нефтяных объектов в районе Эр-Рияда, положив начало новому витку пропагандистской риторики, призванной как можно сильнее привязать Йемен к саудовско-иранским противоречиям. Эти разрозненные события были сплетены в единую стратегию, якобы направляемую Ираном против всех стран Аравии. Отсутствие доказательств снова не имело никакого значения⁴⁹. Специальный представитель США в Иране Б. Хук заявил, что «попытки Ирана использовать суррогаты для атаки КСА и дестабилизации региона требуют ответных мер <...> и важно, чтобы Иран не получил в Йемене плацдарм, угрожающий проливу Баб-эль-Мандеб»⁵⁰. Б. Хук выражал готовность США к «противодействию иранской угрозе в Йемене всеми средствами»⁵¹, что, по-видимому, означает сохранение курса влиятельной части американского внешнеполитического истеблишмента на использование конфликта в Йемене для наращивания своего военного присутствия в этом стратегическом районе Аравии, не считаясь с негативными последствиями этой войны для всех вовлеченных в нее сторон.

---

⁴⁹ МИД РФ выразил обеспокоенность напряженностью в Оманском заливе и отметил: «Фиксируем свидетельства искусственного нагнетания обстановки, чему во многом способствует иранофобская линия США. Призываем все стороны к сдержанности» // ТАСС. Москва, 14.06.2019. URL: <https://tass.ru/politika/6552092>.

⁵⁰ Brian Hook: If Iran is not countered in Yemen, conflict risk will increase // Al Arabiya, 21.06.2019. URL: <https://english.alarabiya.net/en/News/gulf/2019/06/21/Brian-Hook-If-Iran-is-not-counterred-in-Yemen-regional-conflict-risk-will-increase.html>.

⁵¹ US vows to 'spare no effort' to combat Iranian threat in Yemen // The National, 25.04.2019. URL: <https://www.thenational.ae/world/mena/us-vows-to-spare-no-effort-to-combatiranian-threat-in-yemen-1.853342>.

* * *

Переход инициативы от саудовского к внутрииemenским ЦПВ повлек изменение всей внутренней динамики конфликта в сторону усиления социокультурного фактора, задавшего разнонаправленные векторы развития политической и идеологической ситуации на Севере и на Юге страны. Альтернативные ЦПВ в Сане и в Адене обрели массовую базу поддержки, ориентируя свои идеологии и политические программы на запросы соответствующих частей разделенного общества, выраженных в стремлении к скорейшему восстановлению полноценной государственности и признанию легитимности, преодолении хаоса, с которым связано сохранение повышенной террористической опасности в этой стране. Застывание процесса урегулирования кризиса под эгидой ООН на мертвой точке после завершения Стокгольмского раунда в декабре 2018 г. повысило актуальность задачи выработки новых подходов к этому сложному по структуре и составу участников региональному конфликту, который продолжал генерировать растущие угрозы безопасности всей Аравии. Геополитическое соперничество в регионе продолжало усиливаться, давая новые стимулы для неоправданного увязывания ситуации в Йемене и в зоне Баб-эль-Мандебского пролива с ситуацией в соседних областях Аравии, расположенных ближе к границам Ирана, но также связанных с главными глобальными артериями для транспортировки энергоносителей. Развитие нового витка эскалации конфликта может быстро привести к сползанию ситуации в зоне конфликта к необратимому гуманитарному коллапсу и дальнейшему росту неопределенности. Наблюдаемое с 2017 г. проявление негативного отношения со стороны ряда стран ЕС к продолжению войны в Йемене стало трендом, который способен обеспечить перелом ситуации в пользу мирного урегулирования под эгидой ООН уже в 2019 г. За этот сценарий выступала Россия с самого начала кризиса и она сохранила широкие возможности активного содействия этому процессу в сотрудничестве со всеми йеменскими и иностранными заинтересованными сторонами.

Глава X

КУРДСКАЯ ГОЛОВОЛОМКА БЛИЖНЕГО ВОСТОКА (НА ПРИМЕРЕ ИРАКА)

Одна из бесспорных черт динамично меняющейся сегодня ситуации в регионе Ближнего и Среднего Востока — быстрый рост национального самосознания курдов и усиление их роли в экономической и политической жизни государств, где они традиционно проживают. Примыкающие друг к другу территории компактного массового расселения курдов расположены в имеющих общие границы государствах региона: в Турции, где находится самая многочисленная курдская община — по разным оценкам (точной статистики нет), около 15 млн, Ираке — более 5 млн, Иране — более 5 млн, Сирии — более 2 млн человек. Менее многочисленные курдские общины населяют и некоторые другие государства, курды живут, в том числе, на Южном Кавказе, куда они переселялись с середины XIX в.). Известный французский исследователь Жиль Кепель говорит о 40 млн «курдофонов»¹. Вышеназванные территории курды считают своей исторической родиной, на которой они не просто живут с древности на протяжении многих веков, но и являются большинством (и в этом смысле термин «меньшинство» к ним не применим).

На этом основании курды рассматривают себя как «разделенный народ» и часто говорят о «Курдистане», понимая под этим всю совокупность этих местностей. Считается, что первым это название использовал один из сельджуцких султанов

Автор главы — *Наумкин Виталий Вячеславович*

¹ Kepel G. *Sortir du chaos. Les crises en Méditerranée et au Moyen-Orient*. Paris Gallimard, 2018. P. 397.

в XII в². Согласно известному курдскому художнику и историку Фархату Пирбалу, это был последний султан из династии Великих Сельджуков Санджар (XI–XII вв.), который в 1150 г. создал автономный район для курдов³. Курдистан часто упоминается в фундаментальной исторической хронике «Шараф-наме» (см. о ней ниже).

О курдах иногда говорят как о народе без государства (например, Офра Бенгио употребляет термин «a non-state nation»⁴). При этом нельзя не отметить, что курды ввиду объективных и субъективных обстоятельств, в какой-то мере, упустили предоставленную им после Первой мировой войны возможность создания собственной государственности на территории бывшей Османской империи⁵. В трех статьях заключенного в 1920 г. Севрского договора (62, 63 и 64) предусматривались создание там трех автономных курдских областей и возможность обращения курдов в Лигу Наций с просьбой о предоставлении им независимости, но уже в Лозаннском договоре 1923 г. курды не упоминались. МакДоуэлл полагает, что период между 1918 и 1925 гг. давал курдам «золотой шанс»⁶.

Впервые воссоздал их историю и заявил о курдах в 1597 г. как об обладающем своей идентичностью едином народе (a distinct group), по выражению Хакана Озоглу, «один из вождей курдских племен»⁷ Шараф-хан, создавший прославивший его как историка эпос «Шараф-наме». Книга была написана на персидском языке. Джаффер Шейхолислами также подчеркивает, что она стала первым фундаментальным источником по истории курдов. Полное имя ее автора — Шараф ад-Дин Битлиси, правитель эмирата Битлис. Труд эмира-историка в наше время увидел свет и в русском переводе⁸.

² Bengio O. Separated but Connected: The Synergic Effects in the Kurdistan Sub-System // The Kurdish Question Revisited / Ed. by Stansfield G., Shareef M. London: Hurst & Co., 2017. P. 78.

³ *Kurdish Globe*, 19.02.2019. URL: www.kurdishglobe.net.

⁴ Bengio O. Op. cit. P. 88.

⁵ *Kurdish Globe*, 19.02.2019.

⁶ McDowall D. A Modern History of the Kurds. London: I.B. Tauris, 1997. P. 9.

⁷ Özoğlu H. Politics of Memory: Kurdish Ethnic Identity and the Role of Collective Forgetting // The Kurdish Question Revisited. P. 51.

⁸ Шараф-хан ибн Шамсаддин Бидлиси. Шараф-наме / пер., предисл., примеч. и прил. Е.И. Васильевой. М.: Наука. Т. I, 1967, 619 с.; Т. II, 1976, 357 с.

Курды пережили множество трагических эпизодов в своей истории. Они подвергались завоеваниям, физическому истреблению, этническим чисткам (в том числе со стороны правящих режимов стран их проживания, а в последние годы также террористических исламистских группировок), переселениям, сопровождаемым арабизацией их поселений, к чему можно добавить и временами становившуюся кровопролитной междоусобицу, о чем подробно рассказано в недавно увидевшей свет фундаментальной коллективной работе о курдах российских исследователей⁹. Пройдя через эти страшные испытания, курды так и не смогли создать свою государственность, но выработали различные механизмы сохранения своей идентичности. В районах исторического расселения курдов сохранение весьма архаичных патриархальных отношений, огромная роль родоплеменных и клановых структур сочетаются с завоевываемой все большее пространство модернизацией, развивающимися элементами современного общества. Все больше представителей курдского народа становятся крупными государственными и политическими деятелями стран региона. Курды добились немалых успехов в тех районах, где они завоевали право на самоуправление в рамках сложившейся здесь государственной системы. Можно говорить и о серьезном росте влияния «курдского фактора» на мировую политику. Курдские вооруженные отряды сыграли важную роль в борьбе с транснациональными террористическими группировками в Ираке и Сирии, в первую очередь с законодательно запрещенными в России так называемым ИГИЛ/ДАИШ и «Джабхат ан-Нусра» (переименовавшая себя в «Хай'ат Тахрир аш-Шам»). Этническая идентичность курдов получает признание со стороны все большего числа глобальных и региональных держав, международных организаций, что усиливает тягу этого народа к самоопределению. Этому также способствуют успехи в экономическом развитии районов их обитания, включенность в региональную и даже глобальную политику и появление в их рядах высокообразованных модернизированных

---

⁹ Курды. Легенда Востока / Науч. рук. Наумкин В.В., Попова И.Ф. М.: Арбор, 2018. 456 с.

элит с высоким уровнем притязаний, удовлетворению которых мешает целый ряд ограничителей.

Возрастающую роль в мировой политике и в экономической и общественно-политической жизни стран ее расселения играет курдская диаспора, которую вполне можно охарактеризовать как «транснационального актора»¹⁰.

Различия в этническом, конфессиональном и родоплеменном составе, в языке, культуре, обычаях и обрядах, историческом прошлом и самосознании курдов, не говоря об отсутствии собственной государственности, предопределяют разобщенность курдов, отсутствие национальной солидарности. Представляющие их интересы организации, каждая из которых имеет свою, предопределенную конкретными обстоятельствами повестку дня, нередко остро враждуют друг с другом, вплоть до перерастания розни в вооруженное противостояние. Одна группа курдов в русле общего стремления к самоопределению выдвигает максималистские требования вплоть до создания независимого панкурдского государства, что решительно отвергается правительствами всех четырех государств. Другая группа, ей противостоящая, отвергает это требование, считая его, как минимум, несвоевременным, и ориентируется на достижение максимально высокого статуса в экономической и политической жизни государств, гражданами которых они являются, хотя это не означает полного преодоления ими дефицита общегражданской самоидентификации. В той же Турции, к примеру, курды составляют немалую часть населения Стамбула (по оценкам, около одной пятой), среди них есть парламентарии, министры и другие видные представители истеблишмента, а также успешные бизнесмены, многие из которых не склонны участвовать в угрожающей им потерей привилегированного положения опасной борьбе с их сородичей за национальные права, даже если ей и сочувствуют. Кстати, курдом был первый премьер-министр и второй президент Турецкой Республики Мустафа Исмет Иненю.

---

¹⁰ Bengio O. Op. cit. P. 88.

Глубокая разделенность

Преодолевать существующую между общинами много-составную разобщенность курдам мешали тяжелые условия, в которых они жили на протяжении веков. При этом очевидно, что разноликость курдских общин, их культурное многообразие являются, как и у многих других народов, элементом цивилизационной состоятельности.

Часть обществ, в которых обитают курды, сегодня относят к числу *глубоко разделенных* (deeply divided societies), что отражает глубину существующих в них противоречий и проблем¹¹. Иногда трудно сделать однозначный вывод, можно ли включить тот или иной социум в категорию глубоко разделенных или речь идет о более низком уровне разобщенности, который характерен для довольно значительного числа обществ. Критерии их отнесения к числу глубоко разделенных обществ (ГРО) довольно размыты, кроме того, обострение внутренней ситуации в тех или иных странах под воздействием различных причин, в том числе экономических, часто «активизирует» фактор разобщенности, который способен повысить градус конфликта, выводя его на уровень насильственного. В отдельных случаях следует уверенно говорить лишь об элементах разделенности, которые в определенные периоды порождают всплески конфликтности.

Можно выделить несколько основных параметров, которые позволяют отнести то или иное общество к категории ГРО. В литературе по теории ГРО обычно делается акцент на так называемых двоичных, или бинарных, этноконфессиональных делениях, которые, как считается, и вызывают (но могут и не вызывать) наибольшую поляризацию. Однако еще в 2012 г. британский автор Андриан Гелке обратил внимание на два

---

¹¹ Наумкин В.В. Глубоко разделенные общества Ближнего и Среднего Востока: Конфликтность, насилие, внешнее вмешательство // *Вестн. Моск. ун-та. Сер. 25: Международные отношения и мировая политика*. 2015. № 1. С. 66–96; Guelke A. Democracy and ethnic conflict: advancing peace in deeply divided societies. New York: Palgrave Macmillan, 2004. 254 p.; Guelke A. Politics in deeply divided societies. Cambridge: Polity Press, 2012. 184 p.; Kumar R. Negotiating Peace In Deeply Divided Societies: A Set of Simulations. New Delhi: Sage Publ., 2009. 424 p.; McCulloch A. Power-sharing and political stability in deeply divided societies. Hoboken: Taylor and Francis, 2014. 188p. См. об этой теории: Horowitz D. Ethnic Groups In Conflict. Berkeley: Univ. of California Press, 1985.

важных исключения из этого правила: Босния и Герцеговина и Ирак¹². Применительно к Ираку отмечается троичное деление — на арабов-суннитов, арабов-шиитов и курдов. В то же время в рамках этого деления пересекаются конфессиональные и этнические идентификационные маркеры (не говоря уже о прочих, в первую очередь родоплеменных), поэтому, на наш взгляд, можно говорить скорее о двух линиях бинарного разделения: арабы — курды и мусульмане-шииты — мусульмане-сунниты (с учетом того, что большинство курдов являются суннитами).

Важным типом дифференциации, которая может приводить к появлению ГРО, считается этническая. Иными словами, этнически фрагментированные общества часто становятся глубоко разделенными. Надо полагать, что и религиозные различия ничуть не реже приводят к значительной поляризации, только религиозно разделенных обществ меньше, чем этнически разделенных, а религиозная идентичность в большей их части не столь сильна, как этническая. А. Гелке называет и такие источники размежевания в обществах, как класс, каста, язык, раса, клан (добавим к этому еще как минимум племя, род, общину, секту, регион) и ряд социальных дихотомий: автохтонное население и поселенцы, кочевники и оседлые, крестьяне и землевладельцы, горожане и сельские жители, центр и периферия¹³ (а также межрегиональные противоречия). Все это есть в курдских «квадрантах».

Для возникновения серьезного конфликта с применением насилия недостаточно просто существования глубокого разделения в обществах, непременным условием для этого служит *высокий уровень антагонизма* между разобщенными частями. Как пишет в этой связи А. Гелке, «глубоко разделенные общества отличаются от других тем, что в них конфликт проходит по присущим им глубоко укорененным и повторяющимся линиям разлома, которые создают потенциал насилия между сегментами»¹⁴. Однако довольно часто эпизодические акты насилия возникают и в социумах, которые нельзя отнести

---

¹² Guelke A. Politics... P. 13–14.

¹³ Ibid. P. 14.

¹⁴ Ibid. P. 30.

к ГРО, при том, что полностью социально гомогенных обществ не существует в принципе.

Авторы работ по теории ГРО обычно предлагают два типа «лечения» межэтнической напряженности в глубоко разделенных обществах: *интеграционистский* и *консоционалистский*¹⁵. Интеграционисты (термин отчасти говорит сам за себя) выступают за «использование институтов или создание флюидной динамики плюрализма», причем термин «плюрализм», как и «федерализм», различные авторы описывают по-разному¹⁶. Однако плюрализм помогает «деинтенсифицировать» разделение. Создаваемые институты дают этническим лидерам и группам населения «стимулы в пользу умеренности против экстремизма». Американский политолог Лайам Андерсон удачно поясняет: «Интеграционисты выступают за конструирование федеральных систем для максимизации подгрупповой разнородности, чтобы лишить любую отдельную группу статуса большинства в подгруппе. В свою очередь это дает политическим лидерам сильные стимулы для формирования коалиций с другими группами, чтобы создать большинство, необходимое для того, чтобы управлять»¹⁷.

Линии разобщенности, наблюдающиеся в государствах обитания курдов на Ближнем Востоке, хорошо описаны. Как уже упоминалось, они охватывают широкий спектр этнических, религиозных и конфессиональных, родоплеменных, социальных, патронажно-клиентельных, межрегиональных и иных

---

¹⁵ См. подробнее: Lijphart A. Consociational democracy // *World Politics*, 1969. No. 21, pp. 207–225; Sisk T.D. Power sharing and international mediation in ethnic conflicts. Washington: USIP6, 1996; Anderson L. Power-sharing in Kirkuk // *Power sharing in deeply divided places* / ed. by McEvoy J., O'Leary B. Philadelphia: Univ. of Pennsylvania Press, 2013. P. 364–385. Арендт Лейпхарт и Герхард Лембрух (Gerhard Lehmbruch) независимо друг от друга впервые выдвинули концепцию консоционализма в 1967 г. В русском переводе книги А. Лейпхарта термин *consociational democracy*, на наш взгляд, не совсем удачно переведен как со-общественная демократия.

Гораздо удачнее перевод термина *plural societies* как многосоставные общества, хотя следует иметь в виду, что в работах названных и иных авторов принято различать *plural societies* (плюральные общества) и *diverse societies* (разнородные общества); не все разнородные общества, в которых существует несколько языков, религий и т. д., являются плюральными, термин многосоставность игнорирует это различие.

¹⁶ Anderson L. Op. cit. P. 371.

¹⁷ Ibid. P. 372.

делений. Можно представить эту структуру разобщенности в виде некоего графика, в котором на вертикальной оси находится ее численная характеристика делений (двоичные, троичные и т. п.), а на горизонтальной — их существенные параметры (вышеназванные этнические, конфессиональные, родоплеменные и т. п.).

Различные *эксклюзивистские* притязания выступают в качестве катализатора конфликтности между сегментами. Например, этнонационализм «служит мощным основанием для притязаний меньшинств на сецессию и образование новых государств»¹⁸. В Ираке одним из факторов перерастания конфликта в острую фазу послужило ущемление прав суннитского меньшинства правительством шиитского большинства, которое, в свою очередь, подвергалось дискриминации в период правления Саддама Хусейна.

Разобщенности курдов способствует фактическое отсутствие у них единого языка. Курдский язык представляет собой настолько разветвленную и иерархическую систему диалектов, что это дает повод одним исследователям называть его «макроязыком»¹⁹, а другим даже говорить о нескольких курдских языках. Так или иначе, курдский язык (или курдские языки) занимает по числу говорящих на нем четвертое место на Ближнем Востоке и сороковое в мире²⁰. Шейхолислами выделяет пять основных диалектальных групп этого языка: северную (курманджи), центральную (сорани), южную (кирманшани/фаили/калхури), зазаки и горани/хаврами, входящие в северозападную подгруппу иранских языков в составе индоевропейской языковой семьи. Рассмотрим в качестве примера центральную группу.

Сорани, на котором говорят в Ираке и Иране, стал языком литературы, СМИ, телерадиовещания, образования и административного управления. В нем, по Шейхолислами, выделяются такие диалекты, как бабани (на нем разговаривают в Сулейманийе), хайлери (Эрбиль/Хаулер, Равандуз), мукрияни

---

¹⁸ Kumar R. Op. cit. P. 32.

¹⁹ См., например: Sheyholislami J. The Language Varieties of the Kurds // The Kurds History-Religion-Language-Politics / ed. by Taucher W., Vogl., Webinger P. Vienna: Austrian Federal Ministry of the Interior, 2015. P. 29.

²⁰ Ibid.

(Мехабад и другие части), ардалани (Санандадж и соседние районы). В Ираке говорят на бабани и хайлери, в Иране — на других диалектах. Литературный стандарт сорани исходно был основан на диалекте бабани (сулеймани), но в последние десятилетия, как сообщает Шейхолислами, испытал влияние хайлери, мукрияни и ардалани. Именно сорани был официальным языком Курдской Республики в Мехабаде, существовавшей в 1946 г. При письме курды здесь используют арабско-персидскую систему письма, в отличие от курдов, живущих в Турции и в странах Запада (США, Великобритания, Германия), где пишут на латинице. Соответственно, курды, живущие в России, используют кириллицу.

Описанная выше классификация курдских диалектов не является единственной, их довольно много, о чем подробно рассказано в очерке видного российского курдоведа-лингвиста З.А. Юсуповой, которая пишет: «Территориально-государственная расчлененность Курдистана (заметим, российский автор говорит именно о «расчлененном Курдистане». — *В. Н.*), а отсюда чрезвычайно сложные пути его исторического развития во многом обусловили полидиалектальное существование курдского языка, что в значительной мере препятствовало его консолидации и, как следствие, созданию единого литературного языка»²¹.

Консолидации курдов не способствует и поликонфессионализм курдских общин как Ирака, так и трех других трех ближне-средневосточных государств их расселения. Большая часть курдов в Ираке исповедует суннизм шафиитского мазхаба, но среди них есть и шииты. Поэтому в какой-то мере они вовлечены в суннитско-шиитское противоборство, хотя в подавляющем большинстве курды не очень религиозны и традиционно терпимы в религиозном отношении. Исключение составляют салафиты, которых было немало среди населения города Халабджа и окрестностей, где в начале 2000-х годов ими была образована экстремистская исламистская группировка «Ансар аль-ислам»²². Среди суннитов много последователей суфизма,

---

²¹ Юсупова З.А. Курдский язык, фольклор, литература в исследованиях // Курды. Легенда Востока. С. 26–65.

²² Ibid. P. 22.

принадлежащих к тарикатам кадирийя и накшбандийя²³. Тарикаты представляют собой особые группы солидарности, оказывающие большое влияние на политическую жизнь.

Только среди курдов можно обнаружить довольно заметную группу принявших христианство бывших мусульман, которые не подвергаются преследованиям со стороны своих сородичей-мусульман. В то же время в большинстве мазхабов такой поступок рассматривается как вероотступничество, которое запрещается и, как правило, карается смертной казнью.

Приведу в этой связи пример, касающийся Всеобщей декларации прав человека 1948 г. В ее создании от арабского мира непосредственно участвовал известный в то время ливанский политический деятель, христианин Шарль Малик, который позднее, во время гражданской войны 1975–1990 гг. был «идеологическим наставником» Ливанских сил — правой христианской милиции²⁴. Лишь позднее в исламском мире возникло неприятие отдельных положений Декларации, в частности, статьи 18, гарантирующей свободу выбирать веру и менять ее. В результате в рамках Организации Исламская Конференция (ОИК) в противовес Всеобщей декларации была разработана Каирская декларация прав человека, которая была принята на саммите ОИК в Каире в августе 1990 г. Нетрудно догадаться, что в Каирской декларации базовых противоречий с нормами шариата, прежде всего положений ст. 18 Всеобщей декларации, уже не было.

Помимо суннитов, шиитов и небольшой группы неохристиан, среди курдов Иракского Курдистана встречаются другие этноконфессиональные группы. Это, например, *ахль аль-хакк* — группа, которую еще называют *какаи*, то есть «братья». В их общине существует строгая духовная иерархия. Специфическая система верований *какаи*, вдаваться в детали которой не входит в задачи данной статьи, восходит к учениям крайних шиитов, чьи основные святыни расположены в районе Сулейманийи, а религиозные тексты написаны на диалекте горани. *Какаи* не соблюдают большей части традиционных обрядов мусульман, в том числе поста

---

²³ Leezenberg M. Religion Among the Kurds: Between Naqshbandi Sufism and IS Salafism // The Kurdish Question Revisited. P. 33–36.

²⁴ Allawi A.A. The Crisis of Islamic Civilization. New Haven and London, Yale University Press 2009. P. 189.

в рамадан и хаджа²⁵. Есть здесь и община алевитов, или кызылбашей, в которой состоят как курды, так и живущие в этом регионе туркоманы. Их иракскую ветвь называют *шабаками*.

Ярко выраженной обособленностью своих верований обладают езиды, которые иногда позиционируют себя как отличная от курдов особая этническая группа²⁶. Когда законодательно запрещенное в России ИГИЛ/ДАИШ захватило район их обитания со столицей в Синджаре (Шингале), экстремисты жестоко расправились с не успевшими бежать семьями езидов, которых они считали безбожниками. Мужчин истребляли, а женщин и девочек продавали в рабство, используя в основном для сексуальных утех. До сих пор не вернулись из плена более 3 тысяч женщин-езидок. После освобождения района Синджара от террористов (город был почти полностью разрушен) многие вернувшиеся в места своего обитания езиды считали своим долгом отомстить своим соседям-арабам, с которыми они веками жили в мире, но которые поддались соблазну захватить их собственность. Теперь этот постконфликтный этап позади, но езиды доверяют свою защиту только местному ополчению, сформированному исключительно из езидов.

Среди населения Иракского Курдистана есть ассирийцы, исповедующие восточное христианство несторианского толка, причем некоторые из них, живущие среди курдов, ассоциируют себя с ними, хотя и говорят на арамейском языке. Есть община яковитов с их особым конфессиональным своеобразием, а также униатов-халдеев, исповедующих католицизм.

Проживающим в различных государствах Ближнего и Среднего Востока курдам преодолевать существующую между ними разобщенность зачастую мешают действия региональных держав, пытающихся манипулировать ими в своих собственных геополитических интересах, используя их в соперничестве за влияние в регионе. Курдским национальным движениям приходится в своей деятельности сопрягать собственные интересы с общенациональными интересами стран их обитания, между которыми существуют соперничество, а в некоторых вопросах

---

²⁵ См. подробнее: Колесников А.И., Базиленко И.В., Воднева О.А. Религии и Верования в Курдистане // Курды. Легенда Востока. С. 83–88.

²⁶ Там же. С. 91–96; King D. A religious landscape of the Kurds // The Kurds History-Religion-Language-Politics. P. 23–24.

и враждебность. Естественным образом, между различными отрядами курдского национального движения складывались непростые отношения.

Курды и символическая политика

Курдская проблема столь многопланова и многозначна, что при ее изучении лучших результатов можно достичь при помощи комбинации нескольких теоретических подходов, в том числе вышеупомянутой теории ГРО, в русле которой работают такие исследователи, как, к примеру, Брендан О'Лири²⁷, а также *теории социального движения* (theory of social movement), в контексте которой курдскую проблему изучает Д. Романо²⁸, *теории символического выбора* (ТСВ), или *символической политики* (theory of symbolic choice, or symbolic policy)²⁹. Для общей характеристики последней можно упомянуть подход Кроуфорда Янга³⁰, который принято называть *этносимволизмом* (ethnosymbolism). Корделл и Вулф³¹, ссылаясь в этой связи на еще одного классика символизма Энтони Смита, пишут, что, в соответствии с этносимволистским подходом, этническая группа это «тип культурной коллективности, который подчеркивает роль мифов культурных различий, таких как религия, обычаи, язык или институты». Они отмечают, что этнические группы можно различать по коллективному принятому названию, мифу общего происхождения, общей исторической памяти и связи с одной и той же родиной»³².

---

²⁷ O'Leary. B. Article 140: Iraq's Constitution, Kirkuk and the Disputed Territories. 2008. (Paper for the conference at Rayburn House). URL: http://www.kurd.org/doc/OLeary_Paper.pdf. (accessed 23.02.2019).

²⁸ Romano D. Social Movement Theory and Political Mobilization in Kurdistan // The Kurdish Question Revisited. P. 17–33.

²⁹ См. об этом, в частности: Наумкин В.В. Исламизм, этничность и конфликты: о роли символической политики // *Вестн. Моск. ун-та. Сер. 25. Международные отношения и мировая политика*. 2009. № 1 С. 9–27.

³⁰ Young C. The Politics of Cultural Pluralism. Madison: University of Wisconsin Press, 1976. 574 p.

³¹ Cordell. K., Wolf. S. Ethnic Conflict. UK: Polity Press, 2010. 240 p.

³² Цит. по: Tar U.A., Othman N.O. Iraq's Disputed Territories and the Kirkuk Question: Perspectives of Local Communities. Lambert Academic Publ., 2015. P. 17.

По мнению этих авторов, этносимволистский поход позволяет преодолеть дихотомию примордиализм / конструктивизм. Дискурс теории глубоко разделенных обществ в определенной мере делает острое столкновение живущих в одной стране, но сильно отличающихся друг от друга этнических групп фактически неизбежным. Синтетический же подход этносимволистов подводит к мысли, что такого столкновения можно избежать. «Не является теоретически логичным и эмпирически корректным заключать, что одно лишь существование двух или более различных этнических групп — то есть таких, каждая из которых объединены этнической идентичностью — автоматически приводит к возникновению между ними этнического конфликта»³³.

Тем не менее, иракский пример может привести скорее к печальному выводу об обреченности местных этноконфессиональных групп на то, чтобы жить в условиях конфликтности, периодически переходящей в насильственную фазу. Впрочем, этому способствуют, во-первых, рост самосознания и соответственно усиление стремления к отделению себя от иных групп, во-вторых, компактное расселение, в-третьих, действия внешних акторов, подталкивающих группы к обострению конфликта в своих геополитических интересах, и в-четвертых, корыстные побуждения этноконфессиональных элит.

Соединение нескольких теоретических подходов в изучении «курдской проблемы» позволяет подвести к главному выводу, который делается в данной главе — о противоречивом сочетании двух тенденций «курдскости»: во-первых — к разобщению, партикуляризации, атомизации и, во-вторых — к объединению, универсализации, интегративности.

Элементы исторической памяти почти всегда мифологизируются. Обратимся к инструментарию ТСВ, центральной идеей которой для понимания этничности является идея комплекса «миф — символ». По Маррею Эделману, миф — «разделяемое большой группой людей убеждение, которое придает событиям и действиям определенное значение»³⁴. При таком понимании

---

³³ Ibid. P. 18.

³⁴ Edelman M. Politics As Symbolic Action: Mass Arousal and Quiescence. New York: Academic Press, 1971. P. 14.

не имеет значения, состоялось на самом деле или было вымышлено, сконструировано событие, выполняющее функцию мифа. Символ в свою очередь понимается как «эмоционально заряженная ссылка на миф». Один из авторов, работающих в жанре ТСВ и внесших немалый вклад в ее применение к исследованию конкретных этнических конфликтов, в том числе и на постсоветском пространстве, Стюарт Кауфман пишет, что «комплекс «миф–символ»» представляет собой «сеть мифов и связанных с ним символов»³⁵. Иначе говоря, люди совершают политический выбор не столько по расчету, сколько руководствуясь эмоциями и отвечая на предлагаемые им символы.

По Доналду Хоровицу³⁶, непосредственным побудителем к этническому насилию выступают эмоции, к примеру, страх перед угрозой исчезновения группы, а Крауфорд Янг фокусирует внимание на важной роли стереотипов (мифов) и символов в поддержании идентичности и продвижении групповой мобилизации³⁷. Таким образом, парадигма возникновения этнической конфликтности, которую в русле теории символической политики предлагают К. Янг и Д. Хоровиц, выглядит следующим образом: страх перед уничтожением группы (или уничтожением ее идентичности) ведет к возникновению чувства враждебности, а затем и к групповому насилию. Согласно К. Янгу, атмосфера враждебности и угроз повышает групповую солидарность, побуждает людей рассматривать события в этнических терминах. Все это хорошо объясняет поведение курдов в кризисных ситуациях.

В рамках данного теоретического дискурса понятие идентичности занимает видное место, при этом она фактически выступает и как фактор мировой политики (не случайно с 1990-х гг. это понятие стало разрабатываться и наукой о международных отношениях). Через комплекс «миф–символ» — с помощью разжигания враждебности на основе разного рода сконструированных исторических и историко-религиозных

---

³⁵ Kaufman S.J. *Modern Hatreds: The Symbolic Politics of Ethnic War*. Ithaca — London: Cornell Univ. Press, 2001. P. 16.

³⁶ Horowitz D. *Op. cit.*

³⁷ Young C. *The Dialectics of Cultural Pluralism*. Madison, University of Wisconsin Press, 1979. 574 p.; Young C. *The Rising Tide of Cultural Pluralism*. Madison: Univ. of Wisconsin Press, 1993. 320 p.

мифов – могут преодолеваются слабость идентичности и трудности проведения мобилизационной политики. Такие мифы в свою очередь строятся на интерпретации политики в этнических терминах. Точно так же мифологизация, к примеру, событий первых веков ислама через символы может побудить рассматривать события, в том числе современные, в религиозных терминах. Речь идет не о том, что каких-то событий не было или они были не такими, как их сегодня интерпретируют, а о том, что им придается определенное символическое значение, побуждающее к действиям политического характера. При этом не будем забывать, что этничность и религия насколько тесно связаны, что и этническая мобилизация может апеллировать к религиозным мотивациям, и, соответственно, наоборот. Войну против Ирана Саддам Хусейн называл «своей Кадисией», проводя аналогию с битвой, в которой в 636 г. арабы одержали верх над персами, впоследствии обращенными в ислам: здесь этнический и религиозный мотивы соединены воедино, хотя ирано-иракская война XX столетия велась уже между единоверцами. «Миф-символ» Кадисии, тем не менее, не сработал, и привлечь арабское население Ирана на сторону Ирака не удалось.

Тесно сопряжена с этноконфессиональным символизмом вся эволюция отношений властей и курдов Ирана после исламской революции 1979 г. в этой стране, что имело непосредственное влияние и на ситуацию в Ираке. После разгона празднования Нооруза в Санандадже и столкновений в некоторых других районах курды отказались участвовать в референдуме 1 апреля об исламском характере государства. А 17 августа Хомейни объявил им джихад³⁸. После этого было неудивительно, что с началом ирако-иранской войны 1980–1988 гг. большинство иранских курдов выступило на стороне Саддама Хусейна, тогда как иракские курды, бежавшие от него в Иран, наоборот, заняли сторону режима Хомейни.

Религиозная мифологизация особенно наглядно проявляется в мобилизации современными сетевыми транснациональными структурами «глобального джихадизма» смертников

---

³⁸ Grojean.O. Identities and Ethnic Hierarchy: The Kurdish Question Revisited in Iran // The Kurdish Question Revisited. P. 322.

для совершения террористических актов, среди которых, хотя редко, но встречались и курды. Впрочем, использование смертников для совершения терактов в политических целях на основе религиозной и этнической «мифосимволической» мобилизации известно почти всем конфессиям и многим этническим группам³⁹.

Важным для курдов символом и одновременно инструментом конструирования их единства является использование местными политиками и авторами уже упоминавшегося выше названия «Курдистан». В XX в. деятели курдского национального движения предпочитали везде, где можно, говорить о Курдистане, а не о курдах. Упомянутая выше Офра Бенгио, хотя и называет Курдистан «воображаемым» понятием, все же считает его «подразумеваемой курдской подсистемой»⁴⁰. Употребление этого названия как самими курдами (особенно в названиях политических партий и организаций гражданского общества), так и зарубежными исследователями, вызывало остро негативную реакцию со стороны националистически настроенных представителей правящей элиты из доминирующей этнической группы в странах их проживания. Начиная с Ататюрка, в Турции предпринимались сначала мягкие, а потом более жесткие способы отмены этого названия в подобных организациях, поскольку его использование связывалось с проявлениями курдского сепаратизма, основным носителем которого видится относимая к числу террористических Курдская рабочая партия (КРП, или РКК — акроним курдского названия). Даже в последние годы, когда отношение ко всякого рода маркерам курдской национальной и отчасти даже политической идентичности в этой стране стало гораздо более терпимым, термин «Курдистан» по-прежнему входил

---

³⁹ Приведу один пример — японские летчики-камикадзе. Среди единиц выживших был пилот из самурайского рода по имени Накагава, который, чудом оставшись в живых, в соответствии с самурайским кодексом чести совершил харакири, чтобы не попасть в плен. Находившийся поблизости советский хирург сумел зашить его рану, японец выжил и вплоть до недавнего времени жил в Калмыкии. И в наши дни категорически отказывался вернуться в Японию, объясняя это гостям (в том числе и японским дипломатам) тем, что давно обрусел и на родине у него ничего не осталось. Однако на самом деле он считал, что, не сумев достойно умереть за родину и императора, потерял честь и лишился права на возвращение домой.

⁴⁰ Bengio O. Op. cit. P. 78.

в число нежелательных. А совсем недавно, в начале 2019 г., по сообщению турецкого журналиста Махмута Бозарслана, на широко употребляемый турецкими курдами термин «Курдистан» могло быть снова наложено табу: его в законодательном порядке запретили использовать в названиях организаций, в чем автор сообщения увидел влияние крайне правой Партии националистического движения, с которой вступила в союз Партия справедливости и развития Эрдогана⁴¹. Естественно, что в четырех государствах обитания курдов отрицательно относятся к такому употребляемому некоторыми зарубежными исследователями термину, как «курдские квадранты», что предполагает принадлежность курдских областей четырех стран к некоей общности.

Символами была окружена трагическая история вторжения США и их союзников в Ирак в 2003 г. Последующие события швейцарский исследователь Махмуд Ульд Мохамеду называет «ливанизацией Ирака», за которой последовала «иракизация Ближнего Востока». Он замечает: «Казнь Саддама Хусейна в день большого мусульманского праздника, 'Ид аль-адха, была ключевым моментом в дегенерации политики в Ираке и акселератором радикализации будущих рекрутов ИГИЛ... Когда видеозапись казни была показана по всему миру, это вызвало острое чувство униженности у суннитов и показало им, что межконфессиональная война приобрела широкий масштаб. Особенно резкую реакцию вызвала демонстрация конфессионального триумфа шиитов: перед моментом повешения Саддама находившиеся в помещении, где производилась экзекуция, шииты кричали: "Да здравствует имам Бакр ас-Садр!" и "Муктада! Муктада!" Через восемь лет после этого, в июне 2014 г. боевики ИГИЛ среди своих первых актов возмездия поймали приговорившего Саддама судью, Рауфа Абдель Рахмана, и убили его»⁴².

---

⁴¹ Bozarslan M. Turkish judiciary toughens stance on 'Kurdistan' groups // *Al Monitor*, 22.02.2019. URL: <https://www.al-monitor.com/pulse/originals/2019/02/>.

⁴² Ould Mohamedou, Mohammad-Mahmoud. *A Theory of ISIS: Political Violence and the Transformation of the Global Order*. London: Pluto Press, 2017. P. 85–86.

История и современность

Районы обитания курдов надолго вошли в состав Османской империи во время ее активной экспансии в XVI в., и лишь небольшая их часть оказалась под властью Сефевидской империи в Персии. По мнению американского исследователя, профессора Джанет Клейн, спустя немало лет после установления османами контроля над курдами, когда на месте уничтоженной системы эмиратов наиболее сильную структуру стали представлять племена, на востоке Османской империи наблюдалось нарушение «нормального» правления, и «государство оказалось неспособно обеспечить централизованное управление регионом и заполнить пустоту, оставленную разрушением эмиратов; но и племена, в свою очередь, не могли править в регионе»⁴³. В конце XIX в. османы попытались создать новую версию долгосрочных отношений с курдскими нотаблями, «образовав в качестве бастиона против России кавалерийские полки Хамидийе — курдское родоплеменное ополчение (как это похоже на наши дни! — *В. Н.*), но на самом деле они превратились в местную милицию, которую можно было бы призвать для противодействия националистической активности армян в регионе». Кроме того, турки рассчитывали сделать из курдов «цивилизованных» османов и увести их от кочевого — трудноуправляемого — стиля жизни⁴⁴.

Однако разрушить родоплеменную структуру до сих пор не удалось ни одному из перечисленных четырех государств региона, образовавшихся после Первой мировой войны на обломках Османской империи (в том числе самой Турции). Более того, кризис наций-государств последнего времени на Ближнем и Среднем Востоке на фоне ослабления центральной власти вновь вдохнул жизнь в потерявшие, казалось бы, опору в местных обществах родоплеменные институты, как это было когда-то в Османской империи конца XIX в.

Влияние этих институтов, а также патронажно-клиентельных структур видно в деятельности курдских политических

---

⁴³ Klein J. Kurdish Identity in The Ottoman Empire // The Kurds History-Religion-Language-Politics. P. 10–11.

⁴⁴ Ibid. P. 11.

партий, в том числе в двух главных из них, действующих в Иракском Курдистане: созданной в 1946 г. во главе с муллой Мустафой Барзани (1903–1979) Демократической партии Курдистана (ДПК), современный лидер которой, Масуд Барзани, с 2005 по 2017 год являлся президентом Иракского Курдистана; и образованном в 1966 г. отколовшимся от ДПК в 1964 г. ее крылом во главе с будущим президентом Ирака Джалялем Талабани (1933–2017) Патриотическом союзе Курдистана (ПСК), а также выделившейся из ПСК позднее партии «Горран». Лишь в тех случаях, когда курды сталкиваются с экзистенциальными угрозами, они сплачиваются, и их солидарность берет верх над разногласиями. Когда сирийские курды развернули тяжелейшую борьбу за освобождение своего кантона Кобани от захвативших его террористов ДАИШ, отряды пешмерга из Иракского Курдистана пришли им на помощь. В то же время, когда после не санкционированного иракскими властями и не получившего международного признания референдума о независимости Иракского Курдистана (проводившегося 25 сентября 2017 г. в этой курдской области и некоторых других контролируемых курдами областях, в первую очередь — провинции Киркук) отряды иракской армии и шиитского ополчения начали операцию по установлению контроля над Киркуком, отряды пешмерга, представлявшие ПСК, избегая безрассудного кровопролития, покинули его, что вызвало в их адрес обвинения в предательстве со стороны барзанистов.

Иракский Курдистан добился широкой автономии в составе Ирака в соответствии с конституцией страны, одобренной на референдуме 2005 г. и введенной в действие в 2006 г. Согласно этому закону, регион имеет свое правительство, сохраняет вооруженные отряды — пешмерга, обеспечивающие его безопасность, и имеет право на получение 17% доходов страны от экспорта нефти. Это помогает области успешно решать проблемы своего развития. Тем не менее по вопросам интерпретации права регионального правительства на регулирование нефтяного сектора и на заключение контрактов по разработке местных нефтегазовых месторождений между Багдадом и Эрбилем существуют разногласия. Нефтегазовые резервы Иракского Курдистана весьма велики. Его доказанные извлекаемые запасы, по оценочным данным, составляют

более 2 млрд баррелей, а вместе с вероятностными ресурсами (по оценке группы «Арбат Капитал») — как минимум 17,7 млрд баррелей (сами власти ИК зачастую дают завышенные оценки имеющихся на территории региона запасов).

С середины прошедшего десятилетия производство нефти сильно расширилось за счет включения в оборот богатых месторождений на северо-востоке Эрбиля, в Дахуке и Заху, затем в Сулеймании. Были заключены инвестиционные контракты с иностранными партнерами, среди которых — российские компании «Газпром нефть», «Роснефть», «Союзнефтегаз». По оценкам ряда аналитиков, в ИК добывается до 60% всей иракской нефти. Региональное правительство рассчитывало к 2019 г. довести добычу нефти до 2 млн баррелей в день, а также увеличить ее поставки в Турцию. Была налажена своя нефтепереработка.

Все это помогло иракским курдам добиться более высокого, чем в других районах Ирака, уровня жизни. По некоторым данным, уже к середине прошлого десятилетия доход на душу населения в Курдистане на четверть превышал уровень остального Ирака, тогда же число долларовых миллионеров в регионе выросло с двенадцати человек до двух тысяч. Если бы не противостояние с террористами, которые развернули войну на севере Ирака (а оно требовало мобилизации огромных материальных и человеческих ресурсов) и не необходимость принять у себя большое число беженцев, регион развивался бы еще успешнее. Конечно, на экономике негативно сказалось и падение цен на нефть.

Иракский Курдистан богат не только углеводородами. По подсчетам известного российского исследователя экономики арабских стран А.О. Филоника, «в условиях нарастающего водного кризиса на Ближнем Востоке объемные запасы пресной воды и значимые земельные ресурсы — при условии, если освоение этой части национального экономического ресурса будет поддерживаться новейшими технологиями, — могут превратить Иракский Курдистан в экспортера продовольствия. Уже сейчас этот регион поставляет на рынок до 75% собираемого по Ираку урожая пшеницы, 50% урожая фруктов и почти

100% такой важной технической культуры, как табак»⁴⁵. Не случайно региональное правительство планирует осуществить масштабную диверсификацию экономики, предприняв активные шаги по развитию промышленности, сельского хозяйства, туризма. В Эрбиле небезосновательно смотрят на перспективу осуществления этих планов с оптимизмом. Если бы удалось реконструировать две ГЭС в Дохане и Дербендихане, их мощностей было бы достаточно для покрытия всех потребностей Автономии в электроэнергии. Работают два цементных завода в Сулейманийи, на очереди — третий, в Харире. Возобновлена работа предприятий текстильной и пищевой промышленности, построен трубопрокатный завод в районе Эрбиля, были подготовлены технико-экономические обоснования под строительство нефтеперерабатывающих заводов в четырех городах области.

Основным внешнеэкономическим партнером Иракского Курдистана является Турция, которая, по имеющимся оценкам, к 2017 г. уже инвестировала в экономику региона около 12 млрд долл. Турецкие компании доминируют в сфере строительства и торговли, турецкий капитал активно внедрился в банковско-финансовую сферу. А этот момент имеет важное значение для Иракского Курдистана, поскольку прежде он не имел собственных кредитно-финансовых институтов. К 2017 г. региональное правительство обеспечило выход на рынок облигаций в Лондоне на сумму около 5 млрд долл. В некоторых районах действуют и иранские компании, естественным образом проявляющие интерес к региону. Многие владельцы действующего здесь турецкого и иранского капитала — этнические курды. Они также говорят о возросшей активности в Иракском Курдистане китайского бизнеса, проявляющего особый интерес к нефтегазовой сфере и стремящегося потеснить соседние с Ираком государства. Не исключено, что именно это подтолкнуло региональное правительство к разработке проекта двух зон свободной торговли на границах с Турцией и Ираном.

---

⁴⁵ Филоник А.О. Интервью автору. 2018.

Киркук как «спорная территория»

Одной из сложных проблем во взаимоотношениях между Эрбилем и Багдадом всегда была проблема провинции Киркук. В административном плане она находится за пределами территории Иракского Курдистана, но курды традиционно считают ее своей, а город Киркук — исторической столицей Иракского Курдистана (при этом не совсем понятно, почему немало курдов считают Киркук «курдским Иерусалимом», ведь в отличие от последнего в нем нет никаких «святых мест», которые бы почитались курдским населением). Эта провинция, а также части провинций Найнава, Салахэддин и Диала, относятся к числу так называемых спорных или смешанных территорий (*disputed, or mixed territories*). Соперничество за провинцию Киркук подогревается тем, что в ее недрах располагаются два нефтяных купола, в которых находится примерно 10 млрд баррелей нефти.

Проблема Киркука — классический пример этнической разделенности на местном уровне. Город и провинция, богатые нефтегазовыми ресурсами, с давних пор были яблоком раздора между живущими здесь арабами, курдами и туркоманами. Здесь также проживало небольшое число христиан — ассирийцев и католиков-халдеев. Принято считать, что именно из-за стремления обеспечить стратегический контроль арабов над энергоресурсами этой части страны бывший правитель Ирака Саддам Хусейн нарушил Декларацию о курдской автономии, подписанную им с курдским лидером Мустафой Барзани 11 марта 1970 г., и возобновил военные действия. Он опасался, что Киркук отойдет под контроль курдов (зафиксированная в Декларации договоренность предусматривала проведение переписи, на основе которой должны были быть определены границы автономии). Вслед за этим началась активная арабизация города и провинции. После свержения режима уже в Закон об управлении в переходный период от 2004 г. (ст. 58) по настоянию курдов было включено положение о «нормализации» в Киркуке, обеспечивавшее возвращение курдского, христианского и туркоманского населения. В ст. 140 постоянной Конституции Ирака от 2005 г. помимо нормализации и проведения переписи населения, говорилось еще и о референдуме

(все это так и не было осуществлено). Но на основании подсчетов, сделанных по результатам выборов в декабре 2005 г., уже упоминавшийся американский исследователь Лайам Андерсон утверждал, что в то время в Киркуке жило около 53% курдов, 27% арабов и 13% туркоманов (также еще оставались не сумевшие или не пожелавшие уехать христиане). Он считал, что в этой ситуации имел место почти классический вариант «проблемы 60–40», где большинство, составляющее примерно три пятых населения, не имело сильного стимула к «разделу власти» между ним и меньшинствами.

После проведения 25 сентября 2017 г. несанкционированного референдума, в котором принимали участие и курды, проживающие за пределами Иракского Курдистана, натянутые отношения между Эрбилем и Багдадом сильно обострились, и иракские правительственные силы при помощи шиитского ополчения «Аль-хашд аш-шааби» восстановили полный контроль Багдада над провинцией Киркук, в том числе ее нефтяными месторождениями. Кстати, как предсказывал еще в 2008 г. Брендан О’Лири: «Захват курдами нефтяных полей Киркука ослабит статус и престиж Курдистана как наиболее управляемой законом части Ирака, поставит под угрозу его разумные права по иракской конституции и разрушит планы независимости, поскольку соседние государства, которые отказываются от ее признания, смогут блокировать экспорт его нефти и газа»⁴⁶. Россия выступила за скорейшее преодоление кризиса в отношениях между центральным правительством Ирака и Региональным правительством Курдистана.

Со своей стороны, Турция внимательно присматривается к пока еще разрушенному Мосулу. Там можно услышать утверждения о том, что в Мосуле туркоманы составляют большую часть населения города, хотя после освобождения города от боевиков ИГИЛ их здесь значительно меньше, чем курдов и арабов. Защита туркоманов и арабов-суннитов от якобы угрожающей им экспансии шиитов является предлогом для нахождения на территории этой области турецких вооруженных формирований, чье присутствие иракские власти считают нелегитимным.

---

⁴⁶ O’Leary. B. Article 140...

Курды все время вспоминают о последствиях «арабизации» Киркука, проводимой правившим в Ираке режимом Саддама Хусейна, равно как и предшествовавшими ему постмонархическими режимами, и сопровождавшейся этнической чисткой курдов и депортацией курдского населения с последующим заселением города и провинции арабскими семьями, что вызвало серьезные изменения в их демографической структуре. Ссылаясь на работу Нури Талабани⁴⁷, У. Тар и К. Осман пишут: «Арабизация — это целенаправленный процесс (или кампания), организованный сменявшими друг друга иракскими режимами, особенно интенсивный в 1960-е годы на территории Киркука, долины Найнавы в Мосуле, Ханакине и в других местностях, которые определяют как “спорные территории” с целью изменения демографических фактов и придания им арабского характера, когда тысячи курдских и туркоманских семей были насильственно изгнаны оттуда, а арабские семьи поселены там, получив компенсацию в виде денег и земли»⁴⁸. Главным фактором, определявшим этот курс С. Хусейна, по мнению этих и многих других авторов, была киркукская нефть. Некоторые местные исследователи называют репрессии режима Саддама Хусейна против курдов (с использованием даже химического оружия) геноцидом.

Нельзя не согласиться с Мухаммедом Ихсаном, который пишет: «Даже если нам удастся сегодня покончить с Исламским государством⁴⁹ с помощью военной силы, проблема спорных территорий все равно должна быть разрешена; иначе на смену ИГИЛ придут другие подобные ему силы»⁵⁰.

---

⁴⁷ Talabany N. The Arabization of the Kirkuk Region. 2nd ed. London, 1995. P. 7.

⁴⁸ Tar U.A., Othman N.O. Op. cit. P. 11.

⁴⁹ Законодательно запрещенным в России.

⁵⁰ Ihsan M. Arabization as Genocide: The Case of the Disputed Territories of Iraq // The Kurdish Question Revisited. P. 391.

**СОВРЕМЕННОСТЬ,
ОПРОКИНУТАЯ В ИСТОРИЮ**

СОВРЕМЕННОСТЬ, ОПРОКИНУТАЯ В ИСТОРИЮ

Динамика ближневосточных трансформаций все больше заставляет исследователей искать аналогии в истории региона. Многие нынешние явления напоминают витки спирали, раскручивающейся десятилетиями, но представляющей собой единый исторический процесс — со своими глубинными причинами социально-политического характера, действующими до сих пор. Составные части таких процессов — события истории конкретных ближневосточных общин и сообществ — обнаруживают нередко черты сходные между собой, что не может не вызывать живого научного интереса и даже служить основанием для политического прогнозирования.

Одним из ключевых моментов истории Машрика, бесспорно, было создание в Палестине «еврейского национального очага» и дальнейшее перерастание стремительно увеличивавшейся еврейской иммигрантской общины в самостоятельное государство. Событиям, предшествовавшим начальной стадии этого процесса, посвящена глава Людмилы Самарской, где она анализирует переломный этап в жизни палестинцев — переход их земель под контроль англичан после крушения Османской империи. Автор рассматривает уверенные попытки Соединенных Штатов внести свои коррективы в «империалистическую парадигму» держав, считавших в то время Ближний Восток зоной своих «особых интересов». Международно-политическое основание для последующих событий в жизни подмандатной Палестины было заложено

именно тогда. С того времени и раскручивается историческая спираль трагических отношений палестинских арабов и израильских евреев.

Важный по своему значению для всего региона ранний опыт республиканского правления на светской основе в Турции рассматривается в главе *Дарьи Жигульской*. Эволюция турецкой демократии прослеживается с эпохи Мустафы Кемала, что позволяет поэтапно изложить основные вопросы, стоявшие перед турецким обществом, которое развивалось в условиях двух региональных тенденций — политического оформления сторонников доминирующего религиозного элемента в государстве и борьбы за светское государственное правление на основе идей социальной справедливости.

Выявление исторических корней текущих процессов в Турции выводит автора, в том числе, на постановку вопроса о нынешнем соотношении указанных тенденций, далеко не очевидных за фасадом развитых и во многом очень эффективных демократических институтов. Вместе с тем, столкновение разных общественных мнений в условиях явных проявлений авторитарного правления заключает в себе конфликтный потенциал. Углубляясь в политологические концепции, автор дает характеристику нынешним процессам в стране, опираясь на исторический опыт турецкой демократии.

Эволюция взаимоотношений государства и общества на протяжении всей истории Королевства Саудовской Аравии служит объектом анализа автора следующей главы, Григория Косача. Своеобразие этого государства заключается в сильнейшей исламской составляющей всех сторон его социально-политической жизни. Правящий дом Аль Сауда и могущественная семья Аль аш-Шейх на протяжении многих десятилетий считали своими сферами ответственности, соответственно, государственное управление и религиозную жизнь саудовцев, лишь изредка (например, в эпоху короля Фейсала) смещая их контуры. Нынешние тенденции перехода устоявшихся границ этих сфер уже начинают сказываться на внутривосточной ситуации.

Ясный курс саудовского руководства на технико-технологическую модернизацию при сохранении традиционных устоев не обходится без болезненного передела системы властных полномочий. Религиозный аспект этих многогранных изменений, хотя и является важным, но все же уступает место первейшему вопросу повестки Саудовского королевства — поиску властными элитами опоры в саудовском обществе в условиях воплощаемых масштабных реформ. Задуманные динамичные трансформации идут в ногу со стремлением правящих кругов укреплять и расширять традиционное влияние Королевства в регионе. Плодотворность сравнений этих шагов с теми, что уже имели место ранее, обуславливает обращение автора к событиям саудовской истории, в том числе почти вековой давности.

Широкую картину социально-политического развития Исламской Республики Иран дает автор заключительной главы, Нина Мамедова. Уникальный в новейшей истории опыт исламской теократии анализируется в его динамике — в русле тех изменений, которые претерпевала выстроенная после 1979 г. «гибридная», по сути, политическая система. Основанная на первенстве мнения шиитских богословов и обладающая традиционными авторитарными элементами, она обладает, в то же время, и признаками демократического республиканского строя. Демократические элементы сосуществуют с жесткой иерархичностью власти, напрямую связанной с влиянием шиитского духовенства.

Несмотря на жесткие международные и односторонние санкции, страна еще недавно демонстрировала высокие темпы экономического роста, что заставляет ставить вопрос вообще о степени востребованности демократических начал в традиционных обществах. Предложенный автором подход позволил дать развернутый анализ текущих проблем и вплотную подойти к вопросу будущего этой уникальной системы — в исторической перспективе развития страны.

Глава XI

НАЦИОНАЛИЗМ И «НОВАЯ ДИПЛОМАТИЯ» КАК ФАКТОРЫ ПОЯВЛЕНИЯ ПОДМАНДАТНОЙ ПАЛЕСТИНЫ

Появление подмандатной Палестины и оформление ее границ в 1910–1920-х годах — один из факторов, определивших многие аспекты развития ближневосточного региона в течение XX столетия. Вопрос разграничения этой территории не потерял своей актуальности вплоть до наших дней. И в XXI веке Ближний Восток остается одним из очагов конфликтности в мире, а проблема границ многих стран этого региона, включая Израиль, до сих пор остается не полностью разрешенной, что является одним из ключевых факторов существования и возрастания напряженности. В связи с этим особенно важно рассмотреть ее истоки на примере подмандатной Палестины и появившегося на ее основе государства Израиль, сконцентрировавшись на исследовании административной единицы, возникшей на этой территории непосредственно после распада Османской империи.

Ключевым для понимания нынешней ситуации является факт, что границы современного Израиля в значительной степени совпадают с границами территории, которая была включена в подмандатную Палестину к западу от реки Иордан. Важно понять, каким образом эти границы были сформированы, в какой степени на их образование повлияла специфика международной политики во время и после Первой мировой войны и как появление подмандатной Палестины оказалось возможным в принципе.

Подмандатная Палестина как административная единица появилась в результате создания новой системы внешнего управления территориями Османской империи, распавшейся фактически после Первой мировой войны. Эта территория контролировалась Великобританией, которая, по договоренности держав-победительниц, должна была управлять ею до тех пор, пока народы подмандатных территорий не оказались бы готовы к самоуправлению. Право на это британцы получили во многом благодаря декларации Бальфура — документу в поддержку сионистского движения, опубликованному ими в конце 1917 г. Именно Декларация стала основанием для «восстановления Палестины в качестве национального очага для еврейского народа»¹, впоследствии ставшего еврейским государством, Израилем. Споры относительно его границ, сформированных именно в ходе распределения и разграничения ближневосточных мандатов между Великобританией и Францией, не утихают до сих пор.

Формирование границ любого государства — многофакторный процесс. Одним из важнейших источников определения границ современных государств являются границы исторических регионов или даже древних царств, существовавших на их месте. Не менее значимым фактором является политическая обстановка во время разграничения территорий. При определении границ подмандатной Палестины в тот момент учитывались преимущественно интересы держав, поделивших между собой Ближний Восток, и она стала лишь одной из зон, появившихся и разграниченных после Первой мировой войны. Пример Палестины хорошо демонстрирует сочетание старых и новых принципов мироустройства и распределения территориальных «трофеев» в ходе военных и послевоенных споров.

Национализм и суверенность

Одной из основ создания новых государств и определения их границ является стремление нации к совпадению

---

¹ Balfour Declaration, 2 November 1917 // Firstworldwar.com: A Multimedia History of World War I. URL: <http://firstworldwar.com/source/balfour.htm> (accessed 04.06.2017).

«национально-культурных и государственно-политических границ»² — ключевой элемент национализма. Понятиями, неразрывно связанными с этим феноменом, являются культурная и коллективная память. Любой национализм создается на основе социальной памяти группы, его появление было бы невозможно без нее.

Вторая половина XIX — начало XX века стали периодом формирования сионизма — особой формы еврейского национализма. Существенное влияние на сознание евреев в этот период оказывало несколько факторов. Во-первых, националистические настроения среди народов Европы, неизбежно захватившие и местное еврейское население. Во-вторых, коллективная культурная память евреев, получившая в тот период новую трактовку. В-третьих, агрессия (физическая и социальная) со стороны европейцев по отношению к евреям, даже ассимилированным (в связи с ростом националистических настроений)³. В-четвертых, осознание представителями еврейской интеллигенции («предтечами» и основателями сионистского движения) необходимости решения национального вопроса новыми способами. Все это создало для евреев Европы новую реальность, в рамках которой им было необходимо найти свое место. Попыткой разрешения этой проблемы (в итоге успешной) и результатом слияния идей европейского национализма и еврейской культурной и коллективной памяти стал политический сионизм и стремление к созданию собственного государства в Палестине. При этом одной из его специфических черт стала неразрывная связь с иудаизмом и сформированной им культурной памятью: политический сионизм в определенном смысле оказался его логическим продолжением, хотя и носящим светский характер⁴.

---

² Малахов В.С. Национализм как политическая идеология: Учебное пособие. Москва: КДУ, 2005. С. 5.

³ Негативное отношение к евреям перестало базироваться лишь на их религии: иудей, принявший христианство, не переставал быть евреем — появился новый тип идентичности: этническая (Attwell, Katie. *Jewish-Israeli National Identity and Dissidence: The Contradictions of Zionism and Resistance*. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2015. P. 37).

⁴ О связи национализма и религии писал британский социолог и политолог Бенедикт Андерсон. См.: *Cultural Memory Studies: An International and*

Принимая во внимание, что политический сионизм опирался на религиозную еврейскую традицию, исследователь Шломо Авинери называет его «трансформационной революцией», которой удалось интегрировать историческую память в политическую идеологию и таким образом обеспечить собственную успешность⁵. Частичный разрыв с некоторыми базовыми постулатами иудаизма был неизбежен: идеология сионизма подразумевала активные действия для возвращения евреев в Палестину, что абсолютно противоречило традиционному «стремлению в Сион», предполагавшему терпеливое ожидание прихода Мессии, который должен был вернуть народу Израиля его землю. Это в значительной степени было связано с влиянием европейского национализма, который и спровоцировал возникновение подобных (радикальных для традиционной еврейской мысли) идей⁶: на еврейскую коллективную память наложились европейские представления о нациях и национальных государствах — о территориях и привязанности к ним.

При этом идея о национальном государстве напрямую связана с представлением о его границах. Понять же смысл границ⁷ государств и территорий можно лишь в рамках теорий

Interdisciplinary Handbook / ed. by Astrid Erll, Ansgar Nünning. Berlin: Walter de Gruyter GmbH & Co, 2008. P. 10.

⁵ Avineri, Shlomo. *Zionism and the Jewish Religious Tradition: The Dialectics of Redemption and Secularization // Zionism and Religion / ed. by Shmuel Almog, Jehuda Reinharz, Anita Shapira*. Hanover: Brandeis University Press, 1998. P. 7.

⁶ Ibid. P. 3.

⁷ В английском языке есть некоторое различие между словами «frontier», «border» и «boundary», переводящимися на русский как «граница», причем среди исследователей нет единого мнения относительно того, какой именно оттенок значения имеет каждое из этих слов. Британский политолог Малкольм Андерсон, например, в международном контексте использует первое слово, а второе и третье применяет для обозначения административных границ внутри государств. При этом он указывает на то, что в американской традиции для обозначения международных границ обычно используют слово «border», поскольку термин «frontier» ассоциируется в ней с границей продвижения поселенцев в период колонизации (Anderson, Malcolm. *Frontiers: Territory and State Formation in the Modern World*. Cambridge: Polity Press, 1996. P. 9–10). В то же время британский историк Юджин Роган применяет термин «frontier» для обозначения приграничных зон Османской империи (например, будущей Трансиордании или Сирии) (Rogan, Eugene L. *Frontiers of the State in the Late Ottoman Empire: Transjordan, 1850–1921*. Cambridge: Cambridge University Press, 1999). А шведский политолог Инга Бранделл отмечает, что термин «boundary» часто является «техническим» и подразумевает

политической географии и международных отношений. Границы крайне важны для государств преимущественно потому, что они обозначают пределы их влияния, причем как на административном, так и на политическом уровнях. Обладание определенными территориями подразумевает контроль над ресурсами, может создавать удобные условия для защиты от потенциальных атак соседних государств (или, напротив, для нападения), а также имеет большое идеологическое значение⁸. В этом отношении находящаяся под контролем державы-мандатария Палестина в тексте мандата Лиги наций была названа «страной» («country»)⁹.

Европейские принципы формирования границ появились в результате сочетания универсалистских идеологий и партикуляристского мышления. Суверенность стала базой для всех устойчивых государств. Впервые все принципы, согласно которым границы формируются в наши дни, были применены во Франции после Великой революции конца XVIII века: именно там возникла «демаркированная граница, которая была рубежом для юридической, налоговой, административной, политической и религиозной систем»¹⁰. Впоследствии принцип соединения государства, нации и территории активно использовался европейскими (а затем и перенявшими его у государств-метрополий азиатскими, африканскими и американскими) националистическими движениями XIX и XX веков. У национальных государств фактически появилось четкое представление о территориальной идентичности и целостности¹¹.

Следующим важным этапом стало создание относительно стабильной системы регулирования международных отношений (в том числе новых принципов формирования

«линию на картах и в договорах, иногда отмеченную на земле» (State Frontiers: Borders and Boundaries in the Middle East. Ed. by Inga Brandell. London: I.B. Tauris and Co Ltd, 2006. P. 10).

⁸ Jones, Martin; Jones, Rhys; Woods, Michael. An Introduction to Political Geography: Space, Place and Politics. London: Routledge, 2004. P. 21.

⁹ The Palestine Mandate of the League of Nations (July 24, 1922) // MidEast Web. URL: <http://www.mideastweb.org/mandate.htm> (accessed 27.03.2017).

¹⁰ Anderson M. Op. cit. P. 18–24.

¹¹ Ibid. P. 24–25.

границ) — в рамках Лиги наций после Первой мировой войны. Подобные попытки предпринимались и ранее (неким вариантом подобной системы были правила, установленные после Вестфальского мира 1648 г.), однако никогда до этого не были столь всеобъемлющими. Основной целью создания Лиги наций была необходимость предотвращения возможных войн глобального плана в будущем¹². Одной из ее задач стало определение послевоенных границ государств и территорий — как в Европе, так и в Азии и Африке. В особенности это касалось территории Османской империи, которую союзники планировали разделить еще во время Первой мировой войны. Лига наций фактически легитимизировала этот раздел и сделала предполагаемые границы зон влияния на Ближнем Востоке и в Северной Африке международно признанными.

Лига наций институционализировала идею о поддержании мира в международных отношениях, о необходимости решения конфликтов дипломатическим путем¹³, а также о принципе национального самоопределения на международно-политической основе¹⁴. Изначально, однако, ее функция была лишь формальной: фактическое, а не декларативное влияние она приобрела лишь к середине 1920-х годов, но система мандатов была введена именно под эгидой Лиги наций.

Представление о суверенности со временем менялось. По сути, самостоятельность государства в принятии решений существует лишь при условии ее признания его народом и другими странами. Уже в начале XX века вопрос о суверенности отдельного государства оказался выведен на международный уровень: с момента создания Лиги наций его политика, сам факт и форма существования не всегда зависели только от него¹⁵. Но тогда встал вопрос не только о суверенитете определенного государства, но и о суверенности отдельного

---

¹² Howard-Ellis, Charles. *The Origin, Structure and Working of the League of Nations*. Clark (New Jersey): The Lawbook Exchange, Ltd., 2004 (reprint of Boston: Houghton Mifflin Company, 1929). P. 60–64.

¹³ Yearwood, Peter J. *Guarantee of Peace: The League of Nations in British Policy, 1914–1925*. Oxford: Oxford University Press, 2009. P. 1.

¹⁴ *State Frontiers...* P. 11.

¹⁵ Hurd, Ian. Chapter 17: *Constructivism // The Oxford Handbook of International Relations* / ed. by Christian Reus-Smit, Duncan Snidal. Oxford: Oxford University Press, 2008. P. 300.

народа. Таким образом, возникла проблема соотношения нации с государством.

Представление о суверенности национального государства после Первой мировой войны было двояким: с одной стороны, оно должно было обладать «неприкосновенным правом на территорию»; с другой, каждому народу давалось «право... на самоопределение, если он того пожелает»¹⁶. Однако мнение народов на бывшей территории Османской империи, а особенно желание некоторых из них реализовать это право часто противоречили планам великих держав, в особенности Британии и Франции. Попыткой разрешения этого несоответствия стало создание системы мандатов, которая определяла статус территорий, на которые она распространялась, как промежуточный между колонией и независимым государством. Хотя они управлялись извне, заявленной целью этого управления была подготовка к достижению полной независимости. Контролировать реализацию этих задач должна была Лига наций¹⁷.

Соглашение Сайкса – Пико и переписка Мак-Магона – Хусейна

Ближний Восток в целом и Палестина в частности появились в поле зрения европейских политиков в качестве значимого региона ближе к концу 1914 г. Почему вопрос Ближнего Востока и Палестины возник в международной повестке дня в принципе? Какие факторы в наибольшей степени способствовали тому, что Палестина¹⁸ приобрела столь серьезное значение в европейской политике? Очевидно, что причин было много, но можно выделить несколько основных: во-первых, тупиковая ситуация, возникшая на Западном фронте

---

¹⁶ State Frontiers... P. 7.

¹⁷ The Palestine Mandate of the League of Nations (July 24, 1922) // MidEast Web. URL: <http://www.mideastweb.org/mandate.htm> (accessed 27.03.2017).

¹⁸ Палестина была выделена в качестве отдельной провинции комиссией де Бунсена. См.: Kedourie, Elie. In the Anglo-Arab Labyrinth: The McMahon-Hussein Correspondence and its Interpretations 1914–1939. Abingdon: Frank Cass Publishers, 2000. P. 159.

в ноябре–декабре 1914 г.¹⁹, которая привела к необходимости поиска других возможностей для продвижения в войне; во-вторых, вступление Османской империи в альянс с Центральными державами и появившиеся в связи с этим проблемы нанесения по ней военных ударов²⁰ и послевоенного раздела территории (победа османов практически сразу представлялась британским политикам крайне маловероятной)²¹; в-третьих, необходимость привлечь на сторону стран Антанты Италию, для чего были нужны территории, которыми можно было бы ее заинтересовать.

В итоге возникло несколько новых вопросов, которые нуждались в тщательном рассмотрении и решении: проблема раздела территорий после окончания войны, определения их границ, предпочтительности приобретения Британией влияния на определенные зоны, а также вопрос Сирии. Британцы были заинтересованы в проведении собственных интересов на Ближнем Востоке, и с этой целью в 1915 г. ими была создана комиссия, выводы которой стали решающими в определении послевоенного раздела территорий — Комиссия де Бунсена. Это был первый британский правительственный комитет, рассматривавший будущее Палестины²². При разработке возможных планов раздела Ближнего Востока после войны Комиссия учитывала определенные «предпочтения» Британии, в том числе укрепление ее стратегических позиций в Персидском заливе, Восточном Средиземноморье, выполнение обещаний, данных шерифу Мекки (этот вопрос рассматривается ниже), а также решение вопроса Палестины и христианских Святых мест²³.

---

¹⁹ Barr, James. *A Line in the Sand: Britain, France and the Struggle that Shaped the Middle East*. London: Simon & Schuster, 2011. P. 9.

²⁰ Палестина располагалась рядом с крайне важным в коммуникационном плане Суэцким каналом; через нее также проходили пути, связывавшие Средиземноморье и Персидский залив. См.: Батенко А.В., Близняков Р.А., Малышев Д.А., Шевелев С.С. *История Палестины: международный аспект (1897–2009 гг.)*. Симферополь – Киев: Доля, 2011. С. 3–4.

²¹ Fraser, Tom G. *The Middle East: Partition and Reformation // Europe and Ethnicity: the First World War and Contemporary Ethnic Conflict*. Ed. by Seamus Dunn and Tom G. Fraser. London: Routledge, 1996. P. 159.

²² Schneer, Jonathan. *The Balfour Declaration: The Origins of the Arab-Israeli Conflict*. New York: Random House, 2011. P. 43.

²³ Kedourie E. *Op. cit.* P. 59.

Суть другой проблемы заключалась в том, что на Сирию претендовала Франция, а Палестина, представлявшая интерес для Великобритании, являлась ее административной частью в Османской империи, поэтому задача британских дипломатов и политиков состояла в том, чтобы без ущерба для отношений Франции и Британии разделить сферы влияния на территории Османской империи. Это было трудно, поскольку у каждой из сторон были свои территориальные претензии, но в то же время никто не хотел повтора Фашодского кризиса — столкновения этих двух государств-конкурентов в Африке²⁴. Хотя среди французских политиков не было единства в вопросе необходимости Сирии для Франции²⁵, в конце концов британцы были проинформированы, что французское правительство «не потерпит никаких посягательств» на его права в Сирии и Киликии²⁶.

Для разрешения всех этих противоречий в ноябре 1915 г. были начаты секретные англо-французские переговоры о послевоенном разделе Ближнего Востока (Великобритания была готова признать права Франции на часть ближневосточных территорий, в частности на Сирию, в обмен на ее согласие на переброску части британских войск с Западного на Синайский фронт)²⁷. Англо-французские переговоры завершились в апреле 1916 г. обменом письмами между Марком Сайксом, британским дипломатом и основным советником правительства по Ближнему Востоку²⁸, и Франсуа Жорж-Пико, дипломатом, представлявшим Францию на переговорах. Итогом стал раздел Ближнего Востока на зоны прямого и косвенного контроля обеих стран. Под прямой британский контроль попали вилайеты Багдада и Басры, а в зону протектората — территория от Синая до Месопотамии; в зоне французского влияния оказалось побережье Ливана и Сирии, а также Киликия,

---

²⁴ Barr J. *Op. cit.* P. 8.

²⁵ *Ibid.* P. 11–12.

²⁶ *Ibid.* P. 14.

²⁷ Paris, Timothy. *Britain, the Hashemites and Arab Rule 1920–1925: The Sherifian Solution*. London: Frank Cass Publishers, 2003. P. 30.

²⁸ Barr J. *Op. cit.* P. 50.

под ее косвенный контроль попали города Алеппо, Хама, Хомс и Дамаск, а также территория к востоку от них (вплоть до Мосула)²⁹.

Территорией, вызвавшей наибольшее количество споров, стала Палестина. Поскольку она была административной частью Сирии, Франция не была готова ее отдать, но и не в интересах англичан был отказ от стратегически важных территорий: обладание Палестиной открывало возможности укрепления контроля над Египтом. В результате было решено сделать Палестину зоной, находящейся под международным контролем, хотя это стало компромиссом, не устроившим ни одну из сторон: Франсуа Жорж-Пико считал, что это могло с высокой степенью вероятности привести к конфликту в будущем, Марк Сайкс же был недоволен, потому что это не укладывалось в его схему «имперской обороны»; однако это все же позволило прийти к определенному соглашению³⁰.

В течение 1915 г. обрели ясность многие вопросы, возникшие еще в 1914 г. в связи с появившейся заинтересованностью британцев (и европейцев в целом) в Ближнем Востоке и особенно в Палестине, а также необходимостью борьбы с Османской империей. Одним из шагов, предпринятых Британией для ослабления османов, стала организация арабского восстания в Хиджазе. Хотя начало арабо-британским контактам было положено еще в апреле 1914 г.,³¹ возобновлены и развиты они были только в 1915 г., после неудачной Галлиполийской операции: для британцев это было удобным выходом из сложившегося тупика. Ситуация была такова, что шерифу Мекки Хусейну также был необходим союзник: он планировал восстание

---

²⁹ Primary Documents: Sykes-Picot Agreement, 16 May 1916 // Firstworldwar.com: A Multimedia History of World War I. URL: <http://www.firstworldwar.com/source/sykespicot.htm> (accessed 12.04.2017); Paris, Timothy. Op. cit. P. 30.

³⁰ Barr J. Op. cit. P. 25.

³¹ Абдалла, сын шерифа Мекки Хусейна, обратился к британскому верховному комиссару в Египте с вопросом о том, как бы Великобритания отнеслась к восстанию османских арабов. Британцы, придерживаясь политики сохранения целостности Османской империи, тогда ответили неодобрительно (Schneer J. Op. cit. P. 31; Barr, James. *Setting the Desert on Fire: T.E. Lawrence and Britain's Secret War in Arabia 1916–1918*. London: Bloomsbury Publishing, 2006. P. 9; Friedman, Isaiah. *The Question of Palestine: British-Jewish-Arab Relations: 1914–1918*. New Brunswick: Transaction Publishers, 1992. P. 5).

против османов³², вызванное, помимо прочего, тем, что османские власти пытались устроить против него заговор, чтобы утвердить свою власть и в Хиджазе. Поэтому в июле 1915 г. было написано письмо верховному комиссару Египта Генри Мак-Магону, в котором, ссылаясь на переписку 1914 г., Хусейн фактически определил условия своего возможного сотрудничества с британцами, обозначив им желательные границы будущего независимого арабского государства (они включали современные Сирию, Ирак, Израиль, а также часть Турции и весь Аравийский полуостров, кроме Адена)³³.

В британской администрации в Каире требования шерифа Мекки не были восприняты всерьез³⁴, однако Хусейн был полезен в качестве союзника, поэтому переписка была продолжена, причем уже во втором своем письме (от 24 октября 1915 г.) Мак-Магон подтвердил право арабов на большую часть территорий, указанных в первом письме Хусейна (за исключением областей Мерсины, Александретты и частей Сирии, расположенных к западу от районов Дамаска, Хомса, Хамы и Алеппо, так как они не являлись «исключительно арабскими»)³⁵. Впрочем, тон первого письма верховного комиссара Великобритании в Египте был крайне осторожным: он утверждал, что раздел территории, на тот момент находившейся под властью турок, был несколько преждевременным³⁶.

Палестина в переписке не была упомянута ни разу. Это могло быть связано либо с тем, что обе стороны не рассматривали Палестину в качестве отдельной административно-территориальной единицы, поскольку в Османской империи эта зона была включена в Сирийский и Бейрутский вилайеты, а также в Иерусалимский санджак, либо с тем, что только

---

³² Schneer J. Op. cit. P. 49.

³³ Fromkin, David. A Peace to End All Peace: The Fall of the Ottoman Empire and the Creation of the Modern Middle East. New York: First Owl Books Edition, 2001. P. 174–175.

³⁴ Ibid. P. 175.

³⁵ The Hussein–McMahon Correspondence. Letter no. 4 (October 24, 1915) // Jewish Virtual Library. URL: <http://www.jewishvirtuallibrary.org/jsource/History/hussmac1.html> (accessed 2.04.2017).

³⁶ The Hussein–McMahon Correspondence. Letter No. 2 (August 30, 1915) // Jewish Virtual Library. URL: <http://www.jewishvirtuallibrary.org/jsource/History/hussmac1.html> (accessed 2.04.2017).

одна из сторон, а именно шериф Хусейн, не выделяла ее, тогда как Мак-Магон намеренно не поднимал вопрос об этом регионе, чтобы не связывать себя более конкретными обязательствами. Это подтверждает факт, что Комиссия де Бунсена еще в апреле – июне 1915 г. разделила азиатскую часть Османской империи на пять зон, среди которых была и Палестина.

Формулировки Мак-Магона в принципе не отличались конкретностью: до сих пор не ясно, какие административные единицы подразумевались под «районами Дамаска, Хомса, Хамы и Алеппо»: провинции, области или просто территории городов³⁷. Но и шериф Хусейн в своих письмах также не был достаточно точен: он писал о территориях, располагавшихся южнее или западнее определенных городов, что могло трактоваться относительно свободно. Таким образом, очевидно, что обе стороны вели переписку так, как им это было удобно, рассчитывая на то, что в результате они смогут получить выгодные условия, используя неясности, содержащиеся в письмах, в своих целях. Однако в то время как британцы не считали переписку каким-либо образом связывающей их³⁸, Хусейн рассматривал ее в качестве договора, фиксирующего определенные обязательства британцев перед арабами.

Позднее возникали острые споры относительно того, насколько соглашение Сайкса – Пико противоречило договоренностям, достигнутым в переписке Мак-Магона – Хусейна: арабы утверждали, что оно абсолютно их нарушало. В соглашении Сайкса – Пико, бесспорно, были условия, которые согласовывались с англо-арабскими договоренностями: в обоих

---

³⁷ Fromkin D. *Op. cit.* P. 179.

³⁸ На это указывает и тот факт, что они обещали (намеренно неопределенно (Barr, James. *A Line in the Sand*. P. 20–21)) предоставить арабам территории, которые не могли им дать: часть их находилась в сфере интересов Франции, причем британцы знали об этом, а также самой Великобритании, что было в определенной степени оговорено в переписке, однако арабы были с этим не согласны, хотя шериф Хусейн и откладывал решение некоторых спорных вопросов на послевоенное время (The Hussein – McMahon Correspondence. Letter no. 7 (January 1, 1916) // Jewish Virtual Library. URL: <http://www.jewishvirtuallibrary.org/jsourc/History/hussmac1.html> (accessed 2.04.2017), об этом же свидетельствует и то, что еще в ноябре 1915 года – до завершения переписки и начала арабского восстания – начались секретные англо-французские переговоры о послевоенном разделе Ближнего Востока между Великобританией и Францией, которые завершились соглашением Сайкса – Пико.

соглашениях утверждалось создание независимого арабского государства, оба исключали побережье Сирии из его территорий, а в вилайетах Багдада и Басры предусматривался особый административный контроль Британии. Однако между ними существовали и значительные противоречия: «независимое» арабское государство должно было быть создано на территориях, находившихся по соглашению Сайкса — Пико под влиянием Великобритании и Франции, что не было указано в переписке Мак-Магона — Хусейна. Одной из проблемных зон стала Палестина: согласно договоренности Сайкса — Пико, она должна была находиться под международным контролем, а арабы претендовали на нее в качестве части территорий своего независимого государства³⁹. В итоге неопределенный статус Палестины открыл сионистам и просионистским политикам Великобритании возможности для развития своей дипломатии и привел к событиям, не предвиденным ни теми, кто заключал указанные соглашения, ни теми, кто ощутил на себе их последствия.

Англо-сионистская и англо-французская дипломатия

Контакты сионистов с британским правительством во время Первой мировой войны начались, еще когда премьер-министром был Герберт Асквит. Их деятельность была достаточно активной и успешной: сионисты сумели заинтересовать своими идеями некоторых британских политиков и заручиться их поддержкой. В то же время очевидно, что члены британского правительства не были людьми, которых можно было в чем-либо убедить против их желаний⁴⁰. Поэтому можно утверждать, что внутри него были и те, кто выступал на стороне сионистов вне зависимости от их пропаганды. Идея об активной поддержке сионистов (вместо сочувствия их идеям) появилась у членов правительства Асквита после вступления Османской империи

---

³⁹ Paris T. Op. cit. P. 30–31.

⁴⁰ Schmidt, David W. Partners Together in this Great Enterprise: The Role of Christian Zionism in the Foreign Policies of Britain and America in the XX Century. Jerusalem: Xulon Press, 2011. P. 41.

в войну на стороне Германии в ноябре 1914 г.⁴¹ Среди британских политических деятелей были те, кто полагал, что укрепление британских позиций в Палестине могло в значительной степени поднять авторитет Великобритании на международной арене⁴².

Однако лишь к 1917 г. обстоятельства сложились таким образом, что издание декларации со стороны британского правительства в поддержку сионистов, казавшееся невозможным еще в 1915 г., стало вполне реализуемым⁴³. Решающее значение имела смена правительства в декабре 1916 г.: на место умеренного либерала Герберта Асквита, не считавшего приобретение новых территорий на Востоке необходимым для его страны, пришел империалистически настроенный консерватор Дэвид Ллойд Джордж⁴⁴, вместе со своими сторонниками полагавший, что Восток (Ближний Восток в особенности) очень важен не только для победы в войне⁴⁵, но и в качестве духовно значимого региона⁴⁶. Именно этот фактор оказался ключевым в дальнейшем развитии и укреплении связей между сионистами и британскими политическими деятелями.

К лету 1917 г. был открыт путь для создания декларации в поддержку «еврейского национального очага» в Палестине: сионистам удалось получить условные одобрения «дела сионизма» от французского и итальянского правительств (хотя Франция все еще рассчитывала получить южную Сирию (то есть Палестину), несмотря на соглашение Сайкса – Пико, а у Италии были свои планы на Ближний Восток) и нейтральное заявление от Ватикана (что было важно ввиду религиозной

---

⁴¹ Schneer J. Op. cit. P. 125, 127.

⁴² Makovsky, Michael. Churchill's Promised Land: Zionism and Statecraft. New Haven: Yale University Press, 2007. P. 71.

⁴³ См.: Самарская Л.М. Декларация Бальфура в контексте англо-сионистской дипломатии в период Первой мировой войны. М.: ИВ РАН, 2016. С. 42–46.

⁴⁴ Отставка Асквита была вызвана несколькими причинами, основной из которых являлась неудача Галлиполийской операции в 1915–1916 годах, а также выводы комиссии, назначенной для расследования ее причин, которые показали, что она стала следствием деятельности правительства Асквита (Fromkin D. Op. cit. P. 233).

⁴⁵ Ibid. P. 234.

⁴⁶ Многие исследователи полагают, что немалую роль в этом сыграла религиозная значимость Палестины лично для Ллойда Джорджа (Ibid. P. 267–268).

значимости Палестины и Иерусалима). Представители сионистов США и послереволюционной России сообщили, что их правительства (а в первом случае — президент) могли бы нейтрально отнестись к установлению влияния сионистов в Палестине (хотя не одобрили бы власти Великобритании там)⁴⁷.

Декларация Бальфура⁴⁸ была принята на заседании военного кабинета 31 октября 1917 г., а отправлена лорду Ротшильду, неофициальному главе британской еврейской общины⁴⁹, 2 ноября. Этот обтекаемо сформулированный, а потому не привязанный ни к каким конкретным обязательствам документ стал одним из шагов британцев на пути к утверждению их влияния на Ближнем Востоке. В целом, среди всех британских договоренностей военного времени неформальное соглашение с сионистами, выраженное в декларации Бальфура, оказалось наименее конкретным (это было важной особенностью всех вариантов ее текста, включая окончательный): единственным топонимом, упомянутым в ней, была Палестина, которая, однако, никак не была определена ни словесно (как территории в соглашении Сайкса — Пико и переписке Мак-Магона — Хусейна), ни при помощи карты (как в случае с англо-французской договоренностью). Это означало, что вопрос об определении ее границ и статуса оставался открытым и должен был решаться в ходе дальнейших переговоров всех заинтересованных в этом сторон.

Новые политические условия позволили выйти на международную арену представителям еврейского и арабского националистических движений. Во время Парижской мирной конференции они стали одними из основных игроков, заинтересованных в получении территорий на Ближнем Востоке, наряду с державами-победительницами. Сионисты были официально представлены Сионистской организацией, а арабы — семьей шерифа Мекки Хусейна, а также Палестинской арабской делегацией.

---

⁴⁷ Ibid.

⁴⁸ Основным автором декларации фактически был Милнер, а не Бальфур, однако подобный документ мог быть выпущен только от имени министра иностранных дел (Quigley, Carroll. *The Anglo-American Establishment*. New York: Books in Focus, 1981. P. 169).

⁴⁹ Она была адресована барону Ротшильду, поскольку именно он отправил Бальфуру сионистский вариант декларации, а также потому, что его позиция была значительнее положения Вейцмана и Соколова (Fieldhouse D. Op. cit. P. 136).

У каждой из сторон переговоров были свои планы на распределение ближневосточных территорий, которые не всегда совпадали с мнением других игроков на международной арене. Центральными действующими лицами в определении будущего Ближнего Востока, а также границ подмандатной Палестины были британцы, которые старались хотя бы формально согласовать свои военные договоренности с французами, арабами и сионистами наиболее выгодным для себя образом.

После предоставления Франции и Британии права решать, какими будут границы их подмандатных территорий, главными результатами их переговоров стали две официальные договоренности: конвенция декабря 1920 г.⁵⁰ и соглашение марта 1923 г.⁵¹ Второе стало итоговым, определившим северную границу подмандатной Палестины. Между ними было лишь одно существенное различие: последнее не включало в зону британского влияния Голанские высоты, в то время как первое распространяло его на часть этой территории. Сионисты были недовольны итоговым решением, однако были вынуждены его принять. Оно, в любом случае, было для них более выгодным, чем границы, обозначенные в соглашении Сайкса — Пико: граница все же была смещена на север.

Мнение арабов в течение всего этого периода было вполне определенным: они считали Палестину частью своего будущего государства. Хотя декларация Бальфура была принята шерифом Хусейном⁵² и его сыном Фейсалом⁵³ относительно спокойно (но не без некоторого подозрения), они не рассматривали создание еврейского государства на территориях, которые

---

⁵⁰ Franco-British Convention on Certain Points Connected with the Mandates for Syria and the Lebanon, Palestine and Mesopotamia (December 23, 1920) // Wiki-source. URL: https://en.m.wikisource.org/wiki/Franco-British_Convention_on_Certain_Points_Connected_with_the_Mandates_for_Syria_and_the_Lebanon,_Palestine_and_Mesopotamia (accessed 27.04.2016).

⁵¹ Agreement between His Majesty's Government and the French Government respecting the Boundary Line between Syria and Palestine from the Mediterranean to El Hammé (1923). London: His Majesty's Stationery Office, 1923.

⁵² Фридман, Исайя. Мединиота ха-пан-аравит шель Британия 1915–1922: хаараха бикоратит (Панарабская политика Великобритании 1915–1922: критическая оценка). Иерусалим: Эш. Ил. Магнес, 2012. Р. XI.

⁵³ Цитрон Сабина. Ктав ашма: ха-сихсук ха-арави-исраэли бе-перспектива хисторит (Обвинительный акт: арабо-израильский конфликт в исторической перспективе). Иерусалим: Гефен, 2007. Р. 82.

считали своими. А Палестинская арабская делегация, представитель интересов палестинских арабов, в целом негативно относилась к созданию в Палестине «еврейского национального очага» и еврейской иммиграции туда: по мнению членов делегации, переписка Мак-Магона — Хусейна явно включала Палестину в будущее арабское государство⁵⁴. В ответе из британского Министерства по делам колоний на послание арабской делегации было указано, что подобные представления были «основаны на неполном ознакомлении с перепиской 1915 г.» и потому не приняты британским правительством⁵⁵.

Позиция США и «новая дипломатия»

Окончание Первой мировой войны было ознаменовано разрушением старой международной системы и необходимостью создания новой. Ключевую роль в установлении нового мирового порядка сыграли Соединенные Штаты, причем косвенно на это повлияла и послереволюционная Россия: правительство, установившееся после Февральской революции 1917 г., поддержало идеи американского президента Вудро Вильсона еще до их окончательного формулирования в виде Четырнадцати пунктов. Большевистское правительство, пришедшее к власти после Октябрьской революции, сделало еще больше для разрушения старой системы (однако на время было изолировано от международного сообщества и потому влияло на него не так сильно): оно опубликовало все тайные соглашения военного времени, в том числе договоренность Сайкса — Пико, что вызвало волну негодования среди арабского населения Ближнего Востока⁵⁶, в частности Сирии⁵⁷. Эти обстоятельства заставили ведущие державы Старого Света искать новые способы

---

⁵⁴ No. 3. The Palestine Arab Delegation to the Secretary of State for the Colonies (March 16, 1922) // Palestine. Correspondence with the Palestine Arab Delegation and the Zionist Organisation. London: His Majesty's Stationery office, 1922.

⁵⁵ No. 4. The Colonial Office to the Palestine Arab Delegation (April 11, 1922) // Palestine. Correspondence with the Palestine Arab Delegation and the Zionist Organisation. London: His Majesty's Stationery office, 1922.

⁵⁶ Fieldhouse D. Op. cit. P. 52.

⁵⁷ Schneer J. Op. cit. P. 1000–1001.

обоснования своих территориальных претензий, поскольку двусторонние тайные договоренности уже не могли служить их надежной базой. Именно поэтому декларация Бальфура, выпущенная Британией в конце 1917 г., оказалась документом, с которым пришлось считаться, вопреки даже предположениям многих британских и французских политиков: благодаря ее появлению сионисты заручились подтверждением своих прав на Палестину в новых международных условиях.

Роль США заключалась в официальном провозглашении принципов «новой дипломатии», в отличие от старых методов ведения переговоров и произвольного захвата территорий. Президент Вильсон неоднократно провозглашал отсутствие у Америки захватнических целей в войне и ее стремление к созданию равных условий для развития всех народов (что шло вразрез с планами Британии и Франции), но самым известным из этих заявлений стали его Четырнадцать пунктов, которые были составлены и представлены Конгрессу в январе 1918 г. В них Вильсон объявил об отмене тайных соглашений и переговоров, введении свободы морей и торговли, исчезновении экономических барьеров, создании международной организации («ассоциации наций») для обеспечения независимости и территориальной целостности всех народов⁵⁸. В пунктах с 6 по 13 он определял отношение Соединенных Штатов к захваченным в ходе войны территориям и государствам: все они должны были быть освобождены, а народам Османской империи предполагалось обеспечить автономное развитие⁵⁹. Публикация этого и трех других важных заявлений (Четырех принципов⁶⁰, Четырех целей⁶¹ и Пяти деталей⁶²) не была согласована

⁵⁸ Ibid. P. 258; Primary Documents — Woodrow Wilson's «Fourteen Points» Speech, 8 January 1918 // Firstworldwar.com: A Multimedia History of World War I. URL: <http://www.firstworldwar.com/source/fourteenpoints.htm> (accessed 19.04.2017).

⁵⁹ Fromkin D. Op. cit. P. 258.

⁶⁰ The Four Principles (February 11, 1918) // Footprints of the Twentieth Century. URL: <http://www.fransamaltongvongeusau.com/documents/dl1/h1/1.1.10.pdf> (accessed 13.04.2017).

⁶¹ Address of President Wilson Delivered at Mount Vernon (July 4, 1918). Washington: University of Michigan, 1918.

⁶² The Five Particulars (September 27, 1918) // Footprints of the Twentieth Century. URL: <http://www.fransamaltongvongeusau.com/documents/dl1/h1/1.1.10.pdf> (accessed 13.04.2017).

ни с англичанами, ни с французами, поэтому она вызвала их недовольство, хоть и не на официальном уровне. Тем не менее, Четырнадцать пунктов, а также Четыре принципа были одобрены и приняты в качестве основы для послевоенного миростройства и Британией, и Францией осенью 1918 г.⁶³

В этом контексте декларация Бальфура приобрела новый смысл: будучи направленной на создание «еврейского национального очага», то есть самоопределение еврейского народа, согласно одному из принципов Вильсона, она фактически стала абсолютно легальным основанием для британского контроля (по крайней мере временного) над Палестиной, поскольку помощь со стороны развитых держав в достижении самоуправления и независимости не противоречила принципам «новой дипломатии».

В августе 1918 г. президент Вильсон официально объявил о своей поддержке декларации Бальфура и сионистской программы в целом⁶⁴. Вскоре после обнародования заявления американского президента о поддержке сионизма капитулировала Турция. Через несколько месяцев после этого началась Парижская конференция, переговоры в ходе которой оказались не менее сложными и напряженными, чем в течение войны.

Европейские лидеры стремились использовать не очень хорошую осведомленность Вильсона о некоторых приемах ведения переговоров⁶⁵ в своих интересах: целью Ллойд Джорджа во время конференции было отвлечение внимания американского президента от британских претензий на Ближнем Востоке (отчасти завуалированных планами создания «еврейского национального очага») и, вследствие этого, заострение его

---

⁶³ Steel, Ronald. *Walter Lippmann and the American Century*. New Brunswick: Transaction Publishers, 2008. P. 149–150; Британский министр иностранных дел Артур Бальфур, однако, уже в парламентской речи в конце февраля 1918 года объявил о своей поддержке принципов Вильсона (Primary Documents — Arthur Balfour on President Wilson's Addendum to the Fourteen Points (February 27, 1918) // *Firstworldwar.com: A Multimedia History of World War I*. URL: http://www.firstworldwar.com/source/fourteenpoints_balfour.htm (accessed 12.04.2017).

⁶⁴ Letter to Rabbi Wise (August 31, 1918) // *Selected Addresses and Papers of Woodrow Wilson* / ed. by Albert B. Hart. Honolulu: University Press of the Pacific, 2002. P. 272.

⁶⁵ Fromkin D. *Op. cit.* P. 389–391.

внимания на требованиях Франции и Италии⁶⁶. В итоге Ллойд Джорджу удалось убедить Вильсона в том, что территориальные претензии Франции создавали угрозу для независимости Сирии, а Италия в принципе не имела формальных оснований для получения территорий в Малой Азии, на которые претендовала. Так Британия старалась остаться единственным «старым» игроком на Ближнем Востоке, для того чтобы избавиться по крайней мере от традиционных ограничений в виде союзнических обязательств.

В начале ноября 1918 г. британское и французское правительства издали совместную декларацию, в которой объявили своей задачей в отношении народов Османской империи их освобождение, создание национальных правительств и администратий на базе свободного выбора местного населения, а также их экономическое и социальное развитие⁶⁷. Это заявление вполне соответствовало духу «новой дипломатии», однако имело мало отношения к реальным намерениям союзников⁶⁸: их целью было ослабление подозрений арабов (а также американцев) и, соответственно, получение возможности действовать в своих интересах под благовидным предлогом. Одной из целей Лондона являлось также постепенное превращение соглашения Сайкса — Пико в практически невыполнимое (чего не предполагала Франция, считавшая, что эта декларация никоим образом не противоречит их договоренности)⁶⁹.

К концу 1919 — началу 1920 г. Британии и Франции стало очевидно, что еврейское и арабское национальные движения — это новые факторы в международных отношениях, которые необходимо учитывать. Договоренностями, заключенными с ними, уже нельзя было пренебречь, поскольку их влияние

---

⁶⁶ Между тремя государствами в середине 1917 года был заключен еще один договор о послевоенном разделе вражеских территорий (в частности ближневосточных) — соглашение Сент-Жан-де-Марьен — который уточнял, какие именно территории получит Италия после войны. Это было сделано в обмен на активизацию военных действий с ее стороны. Он, однако, так и не вступил в силу, поскольку должен был быть одобрен Россией, в которой осенью произошла большевистская революция, вследствие чего та, естественно, перестала принимать участие в союзнических действиях (Ibid. P. 392).

⁶⁷ Anglo-French Declaration November 7, 1918 // The Balfour Project. URL: <http://www.balfourproject.org/anglo-french-declaration/> (accessed 23.04.2017).

⁶⁸ Fieldhouse D. Op. cit. P. 59.

⁶⁹ Paris T. Op. cit. P. 48.

в новом политическом контексте значительно возросло. Как уже было сказано, ключевым событием Парижской конференции для дальнейшего развития международной системы того периода стало создание в ее рамках Лиги наций, которая была основана в соответствии с принципами Вильсона, формально должна была решать будущее устройство мира (в том числе Ближнего Востока) и стать базой для создания системы мандатов. Для определения мнения местного населения по этому вопросу (хотя бы формального) в тот период было организовано несколько комиссий, а также конференций, которые должны были определить будущее Ближнего Востока. Однако даже выводы наиболее значительной из комиссий (Кинга — Крейна) были проигнорированы, поскольку оказались невыгодны ни британцам, ни французам, а ее отчет был опубликован лишь в 1920 г.

На конференции в Сан-Ремо в 1920 г. Британия получила мандат на Палестину и Ирак, а Франция — на Сирию и Ливан (несмотря на возмущение значительной части местного населения). Уточненные формулировки и момент вступления их в действие предполагались, однако, в недалеком будущем (что и произошло в 1923 г.). Одновременно с обсуждением границ будущих мандатных территорий (которыми союзники фактически начали править еще до официального подтверждения их власти на Ближнем Востоке) формулировался текст самих документов.

Ключевые интересы сионистов при этом были учтены (на тот момент это было выгодно Британии): как в резолюции конференции, так и в тексте самого мандата на Палестину ключевым пунктом было обязательство британцев реализовать декларацию Бальфура (в документе приводился ее текст)⁷⁰. В то же время еще до вступления мандата в силу британцы несколько отступили от приоритетной поддержки сионистов и в ответ на недовольство арабов стали проводить политику, которая бы уравновешивала социальные отношения. Так,

---

⁷⁰ San Remo Resolution (April 25, 1920) // Council on Foreign Relations. URL: <http://www.cfr.org/israel/san-remo-resolution/p15248> (accessed 20.04.2017); Mandate for Palestine (August 12, 1922) // The United Nations Information System on the Question of Palestine. URL: <https://unispal.un.org/DPA/DPR/unispal.nsf/0/2FCA2C68106F11AB05256BCF007BF3CB> (accessed 27.04.2017).

в 1922 г. была выпущена первая Белая книга, цель которой была аналогична предыдущим декларациям, предназначенным для арабов, а именно убедить их в том, что поддержка сионистов не означает ущемления прав прочего населения. Тем не менее, к 1923 г. британцы еще оставались союзниками сионистов, не планируя в то же время скорого создания независимого «еврейского национального очага».

* * *

Итак, борьба старых и новых политических принципов на рубеже 1910–1920-х годов завершилась подстраиванием «традиционных» методов ведения межгосударственных переговоров под «революционные»: тайные договоры были дискредитированы, на смену возможности делить захваченные территории на колонии пришла необходимость обосновывать свое присутствие в том или ином регионе. Это, однако, изменило суть колониальной системы незначительно: мнением народов этих территорий интересовались лишь формально, важнейшие решения принимались без его учета.

Декларация Бальфура в этой ситуации оказалась для Великобритании крайне удобным инструментом для обеспечения контроля над Палестиной и оправдания своего присутствия там. Она в то же время стала причиной появления многих проблем и вопросов, которые оказались крайне сложными для разрешения. На ее основе был получен мандат на Палестину, почти на тридцать лет давший британцам право ее администрирования, но в итоге принесший больше сложностей, чем преимуществ.

Процесс формирования границ подмандатной Палестины был сложным и длительным в силу пересечения интересов всех групп, участвовавших в военных договоренностях. Франция получила Ливан и Сирию в качестве подмандатных территорий и хотела как можно больше расширить их границы (в том числе в южном направлении), что противоречило плану Великобритании и Сионистской организации на создание жизнеспособной Палестины, для которого было необходимо наличие на ее территории достаточных ресурсов (в частности водных).

В условиях начала XX в. было сложно надеяться на реализацию планов сионистского движения — создания еврейского государства на территории древнего Израильского царства, в Палестине. Многие изменила Первая мировая война и возникшие по ее итогам новые подходы к организации международных отношений — принципы «новой дипломатии», сформулированные Соединенными Штатами. Одним из регионов, в которых они были впервые применены на практике, оказался Ближний Восток, в частности Палестина, что позволило сионистскому движению рассчитывать на реализацию своих национальных притязаний.

Необходимость соответствия принципам «новой дипломатии» вынудила Британию и Францию, привыкших действовать и продвигать свои интересы при помощи тайных соглашений и закрытых двусторонних договоренностей, играть по новым правилам. В ходе послевоенного мирного урегулирования им пришлось по крайней мере формально учитывать мнение местного населения при распределении ближневосточных мандатов: издавались «декларации намерений», организовывались комиссии, проводились исследования для видимого соотнесения интересов народов завоеванных территорий и их завоевателей. Для регулирования международных отношений была создана Лига наций, которая должна была стать основным медиатором в новой политической системе. Именно под ее эгидой была создана мандатная система, которая должна была в итоге привести новообразованные страны к независимости. Формы влияния старых колониальных держав быстро менялись, их лидерство на мировой арене оспаривали новые игроки, и бывшие подмандатные территории по истечении определенного времени обрели независимость.

Глава XII

ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ РАЗВИТИЯ ДЕМОКРАТИИ В ТУРЦИИ

ДЕМОКРАТИЯ: ПОЛИСЕМАНТИЧНОСТЬ,
ТИПОЛОГИЯ, ВАРИАБЕЛЬНОСТЬ

Понятие «демократия» чрезвычайно полисеманлично и соотносится с самыми разнообразными политическими принципами и формами общественного (в частности, государственного) устройства. Основным критерием демократии как политического режима, по Аристотелю, принято считать общественное самоуправление ради общего блага. При этом инструментом обеспечения такого самоуправления и не менее важным критерием демократии являются честные состязательные выборы, обеспечивающие легитимность власти. Существенным ее признаком может быть признано также преобладание такой методически детерминированной процедуры коллективного принятия решений, при котором влияние участников на политические процессы характеризуется равным воздействием¹. Однако при этом как многочисленные дефиниции демократии, так и подходы к ее типологии, а также известные формы ее практического воплощения чрезвычайно разнообразны.

Это обусловлено многими объективными причинами. Очевидно, что демократические общественные структуры претерпели весьма долгую и сложную дивергентную эволюцию со времен их первых моделей, сложившихся в античных городах-государствах. Но немалую роль играет здесь и привлекательность самого понятия демократии: это своего рода

Автор главы – Жигульская Дарья Владимировна

¹ Hyland J.L. *Democratic Theory: The Philosophical Foundations*. Manchester: Manchester Univ. Press, 1995.

современный мировой «бренд», семантически соблазнительный для любых, порой даже авторитарных режимов. Соответственно, теория демократии постоянно развивается, следуя как вполне объективному богатому разнообразию ее все новых эмпирических форм, так и явно конъюнктурным стимулам. В частности, неизбежно расширяются (а порой и размываются) представления о допустимых модификациях и пределах демократии, охватывая ее все более разнообразные и спорные пограничные и трансграничные состояния.

С начала третьей волны демократизации и окончания холодной войны исследование демократии и процессов демократизации заняло центральное место в области сравнительной политологии. Ключевые темы работ были разнообразны: от истоков и замысла демократии до ее общего качества и устойчивого развития.

В связи с тем, что после 1989 г. произошел беспрецедентный глобальный сдвиг в сторону демократии, более половины стран мира отвечали необходимым критериям концепции *минималистской демократии*, среди которых:

- 1) всеобщее избирательное право (как для мужчин, так и для женщин);
- 2) свободные, конкурентные, честные выборы;
- 3) наличие более чем одной партии;
- 4) присутствие различных и альтернативных источников информации.

В случае несоответствия хотя бы одному из этих критериев традиционно считалось, что режим нельзя называть демократическим. Таким образом, термин *демократия* приобрел нормативную, идеальную коннотацию, а демократический режим стал единственно правильным выбором (*the only game in town*), который никто не решался оспаривать².

По мнению Дж. Сартори, демократия стала «синонимом цивилизации или результатом («конечным продуктом») западной цивилизации». Вследствие того, что демократия приобрела

---

² Linz J., Stepan A. Problems of Democratic Consolidation: Southern Europe, South America and Post-Communist Europe. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1996; Linz J., Stepan A. Toward Consolidated Democracies, in Larry Diamond / ed. by Marc F. Plattner, and Yun-han Chu // *Consolidating the Third World Democracies*. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1997; Morlino L. Changes for Democracy: Actors, Structures, Processes. Oxford: Oxford University Press, 2012.

статус «повсеместно почетного слова» (*universally honorific word*), многие страны начали утверждать, что они демократичны, из-за чего границы самого понятия *демократия* были размыты³.

Таким образом, возникла необходимость в разработке новых понятий, характеризующих страны *промежуточных категорий*: те, которые не являются ни полностью демократическими, ни явно авторитарными. С. Финнер был одним из первых авторов, разработавших концепцию *фасадных демократий* (*façade democracies*) для описания режимов, которые уже нельзя в полной мере причислить к авторитарным, но в то же время невозможно определить, как минималистски демократические⁴. Позже эта концепция переросла в объемное понятие *гибридного режима* (*hybrid regime*)⁵, которое применяется для определения различных моделей в основном ослабленных форм демократии. В метафорическом смысле это род (*genus*), который включает в себя различные виды (*species*)⁶.

При этом с методологической точки зрения существует проблема определения пороговых значений, устанавливающих границы между категориями и отдельными случаями⁷. Чтобы выделить эти промежуточные категории, политологи решили использовать отличительные прилагательные для встречающихся *ослабленных форм демократии* (*diminished subtypes of democracy*). Конкретные определения, которые были выбраны для описания таких *демократий с прилагательными* (*democracies with adjectives*)⁸, должны были подчеркнуть

---

³ Sartori G. *The Theory of Democracy Revisited*. New Jersey: Chatham House Publishers, Inc., 1987. P. 3–4.

⁴ Finer S.E. *Comparative Government: An Introduction to the Study of Politics*. 1970.

⁵ Karl T.L. *The Hybrid Regimes of Central America* // *Journal of Democracy*, 6/3 (July), 1995. P. 72–87; Diamond L. *Elections Without Democracy: Thinking about Hybrid Regimes* // *Journal of Democracy*, 13/2 (April), 2002. P. 21–35; Diamond L., Morlino L. *The Quality of Democracy: An Overview* // *Journal of Democracy*, 15/4 (October), 2004. P. 20–31; Morlino L. *Changes for Democracy: Actors, Structures, Processes*.

⁶ Morlino L. *Changes for Democracy: Actors, Structures, Processes*.

⁷ Munck G.L. *Drawing Boundaries: How to Craft Intermediate Regime Categories, Electoral Authoritarianism. The Dynamics of Unfree Competition* / ed. by Andreas Schedler, 2006. P. 28.

⁸ Collier D., Levitsky S. *Democracy with Adjectives: Conceptual Innovation in Comparative Research* // *World Politics*, 49/3 (April), 1997. P. 430–451.

структурные дефициты и недостатки политических режимов. Например, в делегативной демократии (*delegative democracies*) неэффективно функционирует система сдержек и противовесов⁹, нелиберальные демократии (*illiberal democracies*) не в силах обеспечивать верховенство закона¹⁰, а клиентелистские демократии (*clientelist democracies*) малоэффективны в программной партийной политике¹¹.

Некоторые концепции рассматривают идею смешанных режимов, расположенных между полюсами демократии и диктатуры: это псевдodemократия (*pseudodemocracy*)¹², полудемократия (*semi-democracy*)¹³, полудиктатура (*semi-dictatorship*)¹⁴, серая зона (*the gray zone*)¹⁵, конкурентный авторитаризм (*competitive authoritarianism*)¹⁶, электоральный авторитаризм (*electoral authoritarianism*)¹⁷, полуавторитаризм (*semi-authoritarianism*)¹⁸ и другие.

Однако подобная, все более дробная терминологическая дифференциация разнообразных проявлений демократии еще

---

⁹ O'Donnell G. Delegative Democracy // *Journal of Democracy*, 5/1 (January), 1994. P. 55–69.

¹⁰ Sakwa R. Russian Political Evolution: A Structural Approach // *Rethinking the Soviet Collapse: Sovietology, the Death of Communism, and the New Russia* / ed. by Michael Cox. New York: Pinter, 1998. P. 181–201; Zakaria F. The Future of Freedom: Illiberal Democracy at Home and Abroad. New York: W.W. Norton, 2003.

¹¹ Kitschelt H. Linkages Between Citizens and Politicians in Democratic Polities // *Comparative Political Studies*, 33/6 (August), 2000. P. 845–879.

¹² Diamond L., Linz J.J., Lipset S.M. Introduction: What Makes for Democracy? // *Politics in Developing Countries: Comparing Experiences with Democracy* / ed. by Larry Diamond, Juan J. Linz, and Seymour Martin Lipset. Boulder, CO: Lynne Rienner, 1995. P. 1–66.

¹³ Case W. Can the «Halfway House» Stand? Semidemocracy and Elite Theory in Three Southeast Asian Countries // *Comparative Politics*, 28/4 (July), 1996. P. 437–464; Smith P. Democracy in Latin America: Political Change in Comparative Perspective. Oxford: Oxford University Press, 2005.

¹⁴ Brooker P. Non-Democratic Regimes: Theory, Government, and Politics. New York: St. Martin's, 2000.

¹⁵ Carothers T. The End of the Transition Paradigm // *Journal of Democracy*, 13/1 (January), 2002. P. 5–21.

¹⁶ Levitsky S., Way L.A. Elections Without Democracy: The Rise of Competitive Authoritarianism // *Journal of Democracy*, 13/2 (April), 2002. P. 51–65.

¹⁷ Schedler A. The Nested Game of Democratization by Elections // *International Political Science Review*, 23/1 (January), 2002. P. 103–122.

¹⁸ Ottaway M. Democracy Challenged: The Rise of Semi-Authoritarianism. Washington, DC: Carnegie Endowment for International Peace, 2003.

не дает ее универсальной типологии и не позволяет четко классифицировать каждый конкретный случай демократизации в мире.

Демократия не состоит из единого уникального набора институтов. Существует множество режимов, которые заимствуют демократическую концепцию, не являясь при этом полной демократией. В свою очередь разнообразные методы дают столь же разнообразные результаты.

По словам И. Турана, учитывая тот факт, что многие страны успешно имплементируют одни аспекты демократии, а в других терпят неудачи, «возможно, предпочтительнее использовать терминологию, которая позволяет ощущать изменения и эволюцию, а не фиксирует окончательное состояние». Таким образом, он предлагает углубление (*deepening*) и созревание (*maturing*) как две концепции, которые могут быть использованы для описания прогресса либеральной демократии. «Углубление относится как к расширению содержания любого измерения либеральной демократии, так и к включению новых измерений в общий пакет либеральной демократии. С другой стороны, созревание относится к эволюции структурированного и, следовательно, предсказуемого поведения». Другими словами, углубление относится к процессу изменения и адаптации, в то время как созревание — к процессу стабилизации¹⁹.

Развитие демократизационных процессов в Турции: основные этапы

Современный политический режим в Турции, согласно некоторым международным классификациям²⁰, является несвободным (*not free regime*). Вместе с тем Турция представляет собой уникальный пример светской страны, большинство населения которой исповедует ислам, а история демократизационных процессов в ней берет свое начало еще в османский

---

¹⁹ Turan I. *Turkey's Difficult Journey to Democracy. Two Steps Forward, One Step Back*. Oxford: Oxford University Press, 2015. P. 28.

²⁰ Например, организация Freedom House назвала режим в Турции в 2019 г. несвободным. Более подробную информацию можно получить на сайте организации <https://freedomhouse.org/report/freedom-world/2019/turkey>

период. Стоит отметить, что такие сложные процессы, как демократизация, никогда не бывают линейными, а скорее переживают упадки и подъемы.

Сегодня наблюдается смещение с раннего курса в направлении демократических реформ, объявленного Партией справедливости и развития (ПСР) в 2002 г., к новой президентской системе правления с авторитарными признаками.

Ретроспективный анализ позволяет выделить следующие этапы довольно сложной динамики турецкого демократизационного процесса:

- позднеосманский период (1839–1922 гг.)
- раннереспубликанский период (1923–1946 гг.)
- период многопартийности (1950-е – 1980-е гг.)
- период экспансии политического ислама (1980-е гг. – начало 2000-х гг.)
- период реформ партии справедливости и развития (ПСР) (2002 г. – по наст. вр.).

Внутри этого периода можно выделить отдельно:

- период после попытки государственного переворота 15 июля (с 15.07.2016 г. по наст. вр.)

Каждый из этих этапов характеризуется выраженной качественной специфичностью эволюции турецкой демократии. Рассмотрим соответствующие особенности выделенных периодов.

Позднеосманский и раннереспубликанский периоды

Турция на протяжении долгого времени, начиная с позднеосманского периода, пыталась адаптировать ислам к условиям вестернизации. Так, 23 декабря 1876 г. в Османской империи была принята Конституция (*Kânûn-ı Esâsî*), которая, ограничив автократические полномочия султана, провозглашала установление конституционной монархии (этот период также называют эпохой *первой Конституции*) и учреждение Парламента. Первая Конституция действовала в течение двух лет, и только в 1908 г. была восстановлена в результате *младотурецкой*

революции, которая ознаменовала начало эпохи второй Конституции в империи.

Одной из причин столь долгого существования Османской империи можно назвать централизованную систему власти, которая стремилась сохранить территориальную целостность государства. Однако с конца XVIII века именно она явилась источником политической и экономической стагнации империи. Реформы *Танзимата* (с 1839 по 1876 г.) и последующих периодов заложили основы светского государства. Реформы были направлены на модернизацию Османской империи и более глубокую интеграцию не-мусульман и не-турок в османское общество путем укрепления их гражданских прав и свобод. Эдикт *Гюльхане* (3 ноября 1839 г.), а позднее *Императорский эдикт о реформе* (18 февраля 1956 г.) внесли важные изменения в области образования, культуры, философии, права, литературы и общества, обещая равенство всем подданным империи независимо от вероисповедания. Реформы *Танзимата* внесли существенные изменения в систему государственного управления. Важнейшим нововведением стало формирование силы закона. За это время судебная система в Турции стала больше похожа на западную, хотя политический застой и поражение в Первой мировой войне в конечном счете привели к краху империи.

Переход к светской республике был осуществлен стремительно: 1 ноября 1922 г. Национальное собрание приняло закон об упразднении султаната; 29 октября 1923 г. Турция была провозглашена республикой; и, наконец, 3 марта 1924 г. халифат был упразднен. Первый президент Турции, Мустафа Кемаль Ататюрк считал, что страна должна быть преобразована в современное государство европейского образца.

После отмены султаната и халифата, новообразованная республика представляла собой светский парламентский режим. Конституция 1924 г. гарантировала равенство перед законом, свободу мысли, слова, публикаций и ассоциаций. Она гласила, что суверенитет принадлежит народу, интересы которого представляет однопалатный парламент — Великое национальное собрание Турции²¹.

---

²¹ Mansfield P. A History of the Middle East. 4th ed. Penguin books, 2013.

В годы правления Ататюрка началась «политическая модернизация» государства. В феврале 1926 г. был принят Гражданский кодекс Турции, провозглашавший равенство между мужчинами и женщинами, и в 1934 г. женщины получили право голосовать.

В контексте отношений между исламом и республиканским строем правления важно подчеркнуть, что в статье 2 Конституции 1924 г. было заявлено: «религия турецкого государства — ислам, его официальный язык — турецкий, столица — город Анкара». Но при помощи закона № 1222 в 1928 г. статья была отредактирована: «официальный язык турецкого государства — турецкий; столица — город Анкара». В 1937 г. законом № 3115 снова были внесены правки: в Конституцию были внесены принципы, иначе известные как шесть стрел Ататюрка — республиканизм, национализм, народность, лаицизм, этатизм и реформизм. Продолжение статьи осталось неизменным: «официальный язык турецкого государства — турецкий; столица — город Анкара».

Одним из основных преобразований, наряду с широким спектром реформ, направленных на модернизацию государства и общества, была языковая реформа и отмена арабского алфавита. На месте османского языка возник новый государственный язык, основанный на сочетании латинского алфавита и разговорной турецкой лексики, равно используемой как в сельской местности, так и в городах. Был принят ряд законов об образовании, учреждено Министерство образования.

Важным шагом на пути к секуляризации страны стало открытие Управления по делам религии. Существенно, что секуляризм в Турецкой Республике не означал полного разделения государства и религии, как это происходит в большинстве западных обществ. Кемалистский режим, вдохновленный в определенной степени французской системой, настаивал на контроле религии со стороны государственных учреждений (так, что принцип секуляризма был реализован в духе лаицизма). Все религиозные практики гетеродоксных течений в исламе находились под строгим запретом. Можно утверждать, что молодая республика не отвергала ислам, а стремилась сохранить свой исторический опыт, но при этом держала

религию под строгим контролем, вырабатывая принцип «одомашненного ислама».

Таким образом можно утверждать, что основы демократического режима в Турции были заложены еще в период Танзимата и развивались непрерывно в течение последующих периодов. Решающим этапом развития демократии, очевидно, явилось создание Турецкой Республики в 1923 г. и реализация большого количества секуляристских реформ. Исключение в 1928 г. из статьи 2 Конституции упоминания о том, что «религией турецкого государства является ислам», и добавление *лаицизма* в качестве одного из основных принципов государства в 1937 г. завершили оформление Турции как современного светского государства. Тем не менее секуляризация не означала отказ от ислама. С другой стороны, важно, что вестернизация страны и имплементация реформ проводились в условиях авторитарного режима, в то время как политическая либерализация началась в 1946 г. До этого в Турции функционировала лишь одна политическая партия — Республиканская народная партия (РНП), созданная Ататюрком.

В период с 1946 по 1952 г. были основаны 28 новых политических партий. Самой влиятельной из них была Демократическая партия (ДП), которую возглавил Джемаль Баяр. В 1946 г. на всеобщих выборах ДП получила 13% голосов, на выборах 1950 г. процент набранных голосов вырос до 55% (4 млн 391 тыс. голосов; 416 мест), по сравнению с 39% РНП (3 млн 148 тыс. голосов; 69 мест)²². Однако стоит отметить, что выборы 1946 г. нельзя считать демократическими, ввиду того, что они проводились методом открытого голосования и тайного подсчета голосов.

Изменение турецкой политической системы с *однопартийного авторитаризма на многопартийную демократию* после Второй мировой войны стало предметом широких научных обсуждений и дебатов. Так, существует мнение, что переход к демократии следует рассматривать как результат международного давления, оказываемого на Турцию со стороны западных держав, и желания Турции присоединиться к группе демократических стран в формирующейся среде биполярности.

---

²² Saraç N. Alevilerin Siyasal Tarihi. Kitap I (1300–1971). İstanbul, 2011. P. 313.

Вместе с тем нельзя не отметить роль структурных изменений и особенно растущее влияние экономических и бизнес-элит, стремящихся к либерализации экономической политики. Кроме того, изменения политической системы также можно отчасти объяснить исторической ролью И. Инёню. Президентство Инёню можно было бы «рассматривать как пересечение двух дорог, и дорога, которая была выбрана, не являлась ни путем к полному подавлению инакомыслия, ни путем к по-настоящему открытой демократии»²³.

Можно утверждать, что переход к многопартийной системе и победа ДП на выборах 1950 г. были сочетанием внутренних факторов и внешних обстоятельств. Появление ДП в 1945 г. можно рассматривать как результат конфликта внутри РНП из-за закона, предполагающего наделение крестьян землями богатых землевладельцев. Закон был ратифицирован по инициативе И. Инёню, но из-за недовольства землевладельцев позже к нему были приняты правки, таким образом правительство сделало шаг назад. Считается, что связь с крестьянством была слабостью РНП. Э. Геллнер справедливо отмечал, что кемализм был более популярен среди высших классов общества²⁴.

19 мая 1945 г. И. Инёню выступил с речью, имеющей большое значение для исторического развития государства: он говорил о необходимости перехода к демократии и назвал этот переход основной целью Турции. И. Инёню подчеркнул две важные особенности перехода: 1) переход должен являться обязательным; 2) он должен быть постепенным и мирным²⁵.

Среди внешних факторов, повлиявших на переход к многопартийной системе, наиболее важным толчком послужили итоги Второй мировой войны. Турция сделала свой выбор в пользу Западного блока в условиях формирующейся bipolarности. В 1952 г. она стала членом НАТО. Таким образом, при обсуждении ранних процессов демократизации в Турции нужно

---

²³ VanderLippe J.M. The Politics of Turkish Democracy: İsmet İnönü and the Formation of the Multi-Party system, 1938–1950. State University of New York Press, 2005. P. 5.

²⁴ Gellner E. Encounters with Nationalism. London. Oxford: Wiley-Blackwell, 1995. P. 81–91.

²⁵ İnönü İ. Konuşma, Demeç, Makale, Mesaj ve Söyleyişler 1944–1950 (29.12.1944–28.05.1950) (hazırlayan İ. Turan). Ankara: TBMM Kültür, Sanat ve Yayın Kurulu Yayınları No:99, 2003. P. 30–32.

принимать во внимание множество факторов. Следует также иметь в виду, что после выборов 1946 г. была проведена важнейшая реформа избирательной системы. 16 февраля 1950 г. был принят закон о выборах, подчеркнувший три основных демократических принципа: тайное голосование, открытый подсчет голосов и защита выборов со стороны судебной системы. Принятие этого закона ознаменовало установление демократического режима в Турции.

Турция после перехода к многопартийной системе: перевороты 1960, 1971 и 1980 гг.

Период между 1950 и 1960 гг. можно определить как десятилетие межпартийной борьбы и поляризации общества, причем проблема взаимоотношений правительства и оппозиции представляется здесь наиболее острой. Однако несмотря на ограничения в политической жизни, введенные после 1957 г., большинство населения было удовлетворено своей повседневной жизнью благодаря экономическому процветанию, достигнутому правительством в период с 1950 по 1954 год. Консерваторы были особенно удовлетворены распространением исламских институтов по всей стране. В этих условиях легкая победа ДП на выборах 2 мая 1954 г. увеличила представительство в Меджлисе с 415 (1950 г.) до 503 мест. Между тем представительство НРП сократилось с 69 до 31 места²⁶.

Это привело к тому, что оппозиция стала слабее, чем когда-либо прежде, и ДП консолидировала власть в своих руках. 30 июня 1954 г. были внесены правки в закон о выборах²⁷, и некоторые ограничения были применены к оппозиционным партиям. Одним из важнейших результатов закона о выборах стал запрет оппозиционным партиям пользоваться государственным радио. Сочетание ухудшающейся экономической ситуации, репрессивных мер правительства и критики оппозиции формировало политическую атмосферу в Турции после

---

²⁶ Ahmad F. The Turkish Experiment in Democracy 1950–1975. Colorado: Westview, 1977. P. 39–49.

²⁷ Milletvekilleri Seçimi Kanunu (Kanun № 6428).

1954 г. Новый закон, принятый 27 июня 1956 г., запретил оппозиционным партиям организовывать общественные собрания и демонстрации²⁸.

В начале 1957 г. считалось, что тяжелую политическую ситуацию могут разрешить только досрочные всеобщие выборы, которые и состоялись 27 октября 1957 г.. Несмотря на то что ДП заняла большинство мест в Парламенте, результаты выборов показали уменьшение поддержки курса правящей партии. Воодушевленная растущей поддержкой, НРП начала активную оппозиционную кампанию. Затем правительство ввело серьезные ограничительные меры в отношении оппозиции. В апреле 1960 г. парламентское большинство ДП проголосовало за создание парламентского следственного комитета, состоящего исключительно из членов правящей партии, для расследования подрывной деятельности оппозиции. Комитету предоставлялась законная компетенция не только собирать свидетельства, но и накладывать запрет на политические собрания и выносить наказание тюремным сроком до трех лет²⁹. После вступления в силу закона, который наделял комитет чрезвычайными полномочиями, начались массовые демонстрации. Все эти факторы создали опасность эскалации ситуации и послужили катализатором военного вмешательства.

Утром 27 мая 1960 г. турецкая армия свергла правительство премьер-министра Мендереса и заменила его Комитетом национального единства (КНЕ) (Milli Birlik Komitesi), который состоял из 38 офицеров, организовавших переворот³⁰. Вскоре после переворота Совет национальной безопасности (Milli Güvenlik Konseyi) объявил, что специальный комитет, состоящий из ученых и экспертов, выбранных лидерами военного переворота, начнет процесс разработки новой демократической Конституции. Отмечалось, что ДП потеряла свою политическую легитимность, неоднократно участвуя в действиях, нарушающих Конституцию; этот факт обеспечил легитимность государственного переворота и потребовал разработки новой

---

²⁸ Toplantılar ve Gösteri Yürüyüşleri Kanunu (Kanun № 6761).

²⁹ Eroğul C. Demokrat Parti: Tarihi ve Ideolojisi. Ankara: Siyasal Bilgiler, 1970. P. 175–176.

³⁰ Weiker W.F. The Turkish Revolution 1960–1961. Washington, D.C.: The Brookings Institution, 1963. P. 113.

Конституции, которая должна была защитить верховенство права и предотвратить возможные угрозы демократии.

Проект новой Конституции был принят Учредительным собранием (Kurucu Meclis) в годовщину переворота (27 мая 1961 г.). Обсуждение документа было вынесено на голосование на референдуме 9 июля 1961 г.³¹, который первым референдумом в истории Турецкой Республики и завершился ратификацией новой Конституции. В нем приняли участие 61,7% избирателей³². Помимо социальных прав, Конституция ввела широкий спектр гражданских свобод, были созданы новые институты, в том числе Конституционный суд (Anayasa Mahkemesi) и Совет национальной безопасности (Milli Güvenlik Konseyi).

В новой Конституции рассматривались вопросы, которые послужили причиной государственного переворота: злоупотребление властью, угнетение политических диссидентов и подрыв основополагающих принципов республики. Также расширились и укрепились права и свободы личности, например, право на неприкосновенность частной жизни, право на свободу перемещений, свободу слова, собраний и объединений.

Статью 2 Конституции 1961 г., определяющую Турцию как *правовое государство*, следует воспринимать как *позитивный шаг в направлении демократизации страны*. Кроме того, Статья 114 доказывает свою приверженность верховенству закона: «ни одно действие администрации не освобождается от контроля судами, обеспечивающими соблюдение законов».

Другим важным событием, обусловленным Конституцией 1961 г., стало отделение президентства от партийной политики. В соответствии со статьей 95 Президент Республики избирался сроком на семь лет Великим Национальным Собранием Турции из числа депутатов не более чем на один срок. Избранный Президент Республики покидал партию и также прекращались его полномочия как члена Парламента³³. Кроме того,

---

³¹ Tanor B. Osmanlı-Türk Anayasal Gelişmeleri: 1789-1980 (Ottoman-Turkish constitutional progress: 1789-1980). Istanbul: Yapı Kredi Yayınları, 2002. P. 375.

³² Aksin S. Turkey from Empire to Revolutionary Republic: The Emergence of the Turkish Nation From 1789 to the Present. New York: New York University Press, 2007. P. 265.

³³ Balkan S., Uysal A.E., Karpat K.H. Constitution of the Turkish Republic // *Middle East Journal*, 16, No. 2, 1962. P. 215-226.

новая Конституция добавила вторую палату Парламента, Сенат: теперь для принятия закона стало необходимым его согласование в обеих палатах (статьи 70, 92).

После референдума по новой Конституции в преддверии демократических выборов, намеченных на осень, Комитет национального единства организовал встречу с лидерами основных политических партий. После встречи лидеры подписали Совместную декларацию, согласившись, помимо всего прочего: 1) защитить реформы и принципы Атартюка; 2) воздерживаться от использования ислама в качестве политического инструмента; 3) не ставить под сомнение легитимность переворота 27 мая 1960 г.; 4) воздерживаться от критики решений Военных трибуналов, которые будут решать судьбу бывшего президента Джелиля Баяра, бывшего премьер-министра Мендереса, а также нескольких бывших членов правительства, представших перед судом за «преступления против Конституции Турции»³⁴.

15 октября 1961 г. состоялись всеобщие выборы. Когда в рамках подготовки к конституционному референдуму и всеобщим выборам запрет на политическую деятельность был снят, было зарегистрировано порядка 20 политических партий, что стало подобным «открытию ящика Пандоры»³⁵. Ни одна партия не получила абсолютного большинства голосов. В четверку сильнейших политических сил вошли Народно-республиканская партия (НРП), Партия справедливости (ПС) (Adalet Partisi), в которую вступили многие бывшие члены запрещенной Демократической партии, Республиканская крестьянская национальная партия (РКПН) (Cumhuriyetçi Köylü Millet Partisi) и Новая Партия Турции (НПТ) (Yeni Türkiye Partisi), которая также состояла из бывших членов ДП, но была более элитарной. НРП и ПС сформировали коалиционное правительство во главе с премьер-министром И. Инёню и Джемалем

---

³⁴ Вердикт Военного трибунала был вынесен 15 сентября 1960 г. 15 лидеров партии были приговорены к смертной казни. Приговоры были исполнены в отношении трех членов партии, остальные были заменены на тюремное заключение. Премьер-министр А. Мендерес, Министр иностранных дел Ф.Р. Зорлу и Министр финансов Х. Полаткан были повешены на острове Имралы. Стоит отметить всестороннюю критику в отношении прозрачности и объективности следствия над лидерами партии.

³⁵ Nye R.P. The Military in Turkish Politics, 1960–1973. Ann Arbor, Michigan: University Microfilms, 1974. P. 107.

Гюрселем в качестве президента. С этого момента и до выборов 1965 г. начался период, когда военные держали власть над парламентом. В течение этого четырехлетнего периода у власти находились четыре различных правительства.

На всеобщих выборах 10 октября 1965 г. Партия справедливости (ПС) одержала убедительную победу, а затем повторила свой успех на выборах 1969 г. Вместе с тем расширение либерализации и политических свобод, закрепленных в Конституции 1961 г., привело к усилению атмосферы постоянных политических дискуссий. Развивались студенческие и университетские политические клубы, происходили столкновения левых и правых. Еще одним фактором эскалации социальных потрясений конца 1960-х г. стала растущая миграция сельских жителей в города, где они организовывали скваттерные поселения.

Эта поляризация внутри страны также отразилась и на результатах выборов 1969 г. Хотя ПС сохранила свое лидерство, внутри партии не было идейного единства. Второе место заняла НРП с 27% голосов. Бюлент Эджевит возглавил партию 24 октября 1966 г. и объявил новый левоцентристский курс партии³⁶.

Несмотря на продолжающееся экономическое развитие Турции, правительство столкнулось с трудностями в разрешении столкновений на улицах и в университетских городках. Увеличились темпы инфляции. С. Шоу характеризует период 1962–1970 г. следующим образом: сельскохозяйственное производство выросло почти на 30%; государственные услуги – на 67%; торговля – на 92%; строительство – на 81%. Промышленное производство выросло примерно на 117%, а ВВП – на 65%. Хотя за этот период численность населения увеличилась с 28,9 млн до 35,2 млн человек, реальный доход на душу населения вырос на 35,3% (с 2,545 до 3,445 турецких лир). Вместе с тем быстрый рост привел к инфляционному давлению. В то время как доход на душу населения вырос в постоянном выражении, рост текущих цен составил 109% (с 1,905 до 3,982 турецких лир)³⁷.

---

³⁶ Vanderclute B.A. *Democracy By Coup: the Turkish Government under Military Control (1980–1983)*. Fort Leavenworth, Kansas, 1984. P. 55.

³⁷ Shaw S.J. *History of the Ottoman Empire and Modern Turkey, Vol. II*. Cambridge: Cambridge University Press, 1977. P. 427.

Борьба между политическими партиями, столкновения левых и правых и инфляция привели к ситуации, в которой 12 марта 1971 г. президенту и премьер-министру был направлен меморандум от имени вооруженных сил республики. Вскоре после получения ультиматума премьер-министр С. Демирель ушел в отставку. Несмотря на то, что было сформировано новое правительство, оно фактически не приступило к работе, поскольку его члены так и не смогли преодолеть непримиримые разногласия. В течение следующих двух с половиной лет после «переворота по меморандуму» (*coup by communique*) Турцией управляла серия «надпартийных» коалиций.

Проблема заключалась в том, что коалиционные правительства очень часто вовлекали в коалицию партии с диаметрально противоположной философией, которые участвовали в ней только для продвижения собственных интересов.

Атмосфера политического хаоса способствовала росту недовольства среди населения, что в итоге привело к третьему перевороту менее чем за 25 лет. 12 сентября 1980 г. турецкие вооруженные силы во главе с начальником Генерального штаба вооруженных сил Турции генералом Кенаном Эвренем совершили государственный переворот. В результате чего парламент и правительство были распущены, и Национальный совет безопасности во главе с Кенаном Эвренем взял на себя управление страной.

20 сентября 1980 г., через восемь дней после переворота, отставному адмиралу и бывшему главнокомандующему Военно-морскими силами Бюленту было предложено занять пост премьер-министра и сформировать правительство. Менее чем через неделю был объявлен Совет Министров. «Главной миссией» правительственной программы было установление мер и внесение изменений в законодательство, так чтобы «Турецкая Республика больше не испытала подобные трудности». Конституция 1961 г. была оценена как слишком либеральная: «Разделение властей, введенное этой Конституцией, привело, по сути, к их конфликту», — заявил Улусу³⁸.

Началась работа над новой Конституцией. Проект был представлен 17 июля 1982 г. После обсуждений он был вынесен

---

³⁸ Vanderclute B.A. Democracy By Coup... P. 102.

на всенародное голосование, состоявшееся 7 ноября 1982 г., и получил поддержку более 90% граждан.

Новая Конституция предоставила Президенту беспрецедентные полномочия и наложила некоторые ограничения на гражданские права, свободу печати и т. д. В статье 14, например, говорится, что индивидуальные свободы не должны угрожать национальному единству и территориальной целостности Республики. Эта же идея отражена в статье 68 в отношении политических партий. Статьи 33, 34, 52 и 54 новой Конституции запрещали различным ассоциациям и профсоюзам участвовать в политической деятельности, а также развивать связи с политическими партиями, сотрудничать или координировать свою деятельность с ними, получать или оказывать им помощь³⁹. Статья 3 отмечала наличие одного официального языка — турецкого. В этой связи запрещалось оказывать государственные услуги на курдском языке или языке других меньшинств. В соответствии с Конституцией 1982 г. двухпалатный парламент был заменен однопалатным (избранием на 5 лет). Президент, который по-прежнему избирался на семилетний срок, наделялся полномочиями объявлять досрочные выборы в отсутствие правительства или при условии, что правительство не может быть сформировано в течение 45 дней. Данная мера была нацелена на предотвращение попыток переворотов во время кризиса⁴⁰.

22 апреля 1983 г. был принят закон о политических партиях⁴¹, а 13 июня — закон о выборах⁴². Законы содержали несколько положений, направленных на снижение вероятности повторения хаоса в политической системе, предшествовавшей перевороту. Их основные положения были направлены на то, чтобы предотвратить появление мелких, фракционных или региональных партий: был установлен 10%-ный барьер. Партии, набравшие меньше голосов, не могли быть представлены в парламенте.

---

³⁹ Turan I. Turkey's Difficult Journey to Democracy. Two Steps Forward, One Step Back. P. 117.

⁴⁰ Vanderclute B.A. Democracy By Coup... P. 130–133.

⁴¹ Siyasi Partiler Kanunu (Kanun № 2820).

⁴² Milletvekili Seçimi Kanunu (Kanun № 18076).

К всеобщим выборам 6 ноября 1983 были допущены только три партии: Партия отечества (Anavatan Partisi) во главе с Тургутом Озалом, Национально-демократическая партия (НДП) (Milliyetçi Demokrasi Partisi) во главе с Тургутом Суналпом и Народническая партия (Halkçı Parti) во главе с Недждетом Джальпом. Результаты были следующие: Партия отечества Озала набрала 45% голосов и получила 211 мест в парламенте (из 400), Народническая партия получила 30,4% голосов и 117 мест в парламенте, Национально-демократическая партия — 23,2% и 71 место⁴³.

Годы с 1945 по 1960 ознаменовались первым экспериментом Турции с конкурентной многопартийной системой. С изменением политического правления в 1950 г. началась новая эра в турецкой политике. Десятилетие с выборов 14 мая 1950 г. до военного вмешательства 27 мая 1960 г. характеризовалось постоянно растущей поляризацией между «республиканцами» и «демократами», возрастающей ролью религии в повседневной жизни и нетерпимостью правящей партии по отношению к оппозиции. ДП потеряла свою легитимность в глазах бюрократических слоев и военной элиты. В апреле 1960 г. серия масштабных студенческих демонстраций привела к кровавым столкновениям с полицией. Введение военного положения не позволило восстановить порядок. Таким образом, одним из главных аргументов, использованных военными для оправдания переворота 1960 г., было то, что правительство Мендереса потеряло свою демократическую легитимность. Иными словами, военные считали себя ключевым институтом продвижения нации к демократии и либерализму западного образца. Однако переворот 1960 г. никак не вписывается в демократические рамки. Морис Дюверже определил режим того времени в Турции как *демократию под опекой*⁴⁴.

Тем не менее сменявшие друг друга новые правительства не смогли положить конец конфронтации и поляризации левых и правых сил внутри страны. Пожалуй, самым значительным шагом на пути к дальнейшей демократизации в Турции в этот период стало принятие Конституции 1961 г., в которой особое

---

⁴³ Vanderclute B.A. Democracy By Coup... P. 136.

⁴⁴ Duverger M. Institutions Politiques et Droit Constitutionnel, 1970.

внимание уделялось правам и свободам человека. Однако неэффективность центрального правительства явилась важным фактором, приведшим к перевороту на основе меморандума 1971 г.

Политика Турции в 1970-е гг. характеризовалась отсутствием решительности со стороны правительства, а также фрагментацией и поляризацией между социальными группами и на политической сцене. Два предыдущих переворота не увенчались успехом в восстановлении прочной и стабильной представительной демократической системы в Турции. Кризис, который привел к военному перевороту 1980 г., был многоаспектным, обусловленным экономическим упадком, гражданским насилием и открытыми вызовами секуляризму. Переворот 12 сентября был предпринят для того, чтобы предотвратить реальную возможность гражданской войны. За ним последовали принятие Конституции 1982 г. и всеобщие выборы 1983 г.

Иными словами, три государственных переворота 1960, 1971 и 1980 г. подорвали процесс демократического развития Турции. Вместе с тем период с 1960-х по 1980-е гг. также способствовал продвижению политической культуры и укреплению потребности в демократии среди турецкого общества.

Турция в конце XX в.: политический ислам и его влияние на демократию

После турбулентного периода с 1960-х по 1980-е гг., характеризовавшегося сильной политической поляризацией в обществе, турецкий электорат искал центристское решение проблем партийной системы, чтобы обеспечить стабильность режима⁴⁵. Этот факт отчасти объясняет успех правоцентристской Партии отечества (ПО) во главе с Тургутом Озалом на всеобщих выборах 6 ноября 1983 г. Основной политической целью эпохи

---

⁴⁵ Kalaycıoğlu E. The Motherland Party: The Challenge of Institutionalization in a Charismatic Leader Party // Political Parties in Turkey / ed. by B. Rubin and M. Herper, London: Frank Cass Publishers, 2002. P. 48; Tunay M. The Turkish New Right's an Attempt at Hegemony // The Political and Socioeconomic Transformation of Turkey / ed. by Atilla Eralp, London, Westport, Connecticut, Praeger Press, 1993. P. 21; Mert N. Türkiye'de Merkez Sağ Siyaset: Merkez Sağ Politikaların Oluşumu // Türkiye'de Sivil Toplum ve Milliyetçilik / ed. by S. Yerasimos Stefanos, Günter Seufart, K. Vorhoff. Ankara: İletişim Yayıncılık, 2000. P. 56.

Озала была либерализация экономики, включая приватизацию, отмену импортных ограничений, сокращение государственных расходов, содействие развитию экономики, ориентированной на экспорт и т. д.⁴⁶ Считалось, что политическая либерализация может быть достигнута только путем экономической либерализации⁴⁷.

Несмотря на высокие темпы экономического роста в период с 1983 по 1987 год, программа экономической модернизации Озала столкнулась с серьезными проблемами, включая ползучую инфляцию, которая возросла с 30% в 1983 г. до 80% в 1988 г.⁴⁸ Кроме того, экономическая политика усугубила разрыв между богатыми и бедными, поскольку последние столкнулись с резким снижением уровня жизни и реальных доходов. Эти и некоторые другие факторы привели к неуклонному сокращению поддержки Партии Отечества⁴⁹.

К началу 1987 г. в Турции наблюдался рост межпартийной конкуренции и раздробленности внутри партийной системы. В политику возвращались лидеры ранее существовавших партий. Следует отметить, что Озал активно выступал против восстановления старых партий. Он утверждал, что этот шаг дестабилизирует хрупкую политическую систему и поставит под угрозу шансы консолидации демократии в Турции⁵⁰.

Результаты выборов 29 октября 1987 г. ясно показали, что Партия отечества теряет поддержку избирателей: она получила лишь 36% голосов по сравнению с 45% в 1983 г. Эпоха партии завершилась поражением на выборах в октябре 1991 г.⁵¹ В Турции было создано коалиционное правительство из двух

---

⁴⁶ Yeldan E. Küreselleşme Sürecinde Türkiye Ekonomisi: Bölüşüm, Birikim ve Büyüme. İstanbul: İletişim Yayınları, 2002. P. 25.

⁴⁷ Cemal H. Özal Hikayesi. İstanbul: Bilgi Yayınevi, 1989. P. 294.

⁴⁸ Ergüder Ü. Post-1980 Parties and Politics in Turkey // Perspectives on Democracy in Turkey / ed. by E. Ozbudun, Ankara, Türk Siyasi Bilimler Derneği Yayını, 1988. P. 160; Cemal H. Özal Hikayesi. İstanbul: Bilgi Yayınevi, 1989. P. 256–283.

⁴⁹ Ergüder Ü. Post-1980 Parties and Politics in Turkey. P. 160–161; Kalaycıoğlu E. The Motherland Party: The Challenge of Institutionalization in a Charismatic Leader Party. P. 47; Özkazanç A. Türkiye'nin Neo-Liberal Dönüşümü ve Liberal Düşünce // *Modern Türkiye'de Siyasi Düşünce*, 7. İstanbul: İletişim Yayınları, 2005. P. 1222–1223; Tunay M. The Turkish New Right's an Attempt at Hegemony. P. 25.

⁵⁰ Cemal H. Özal Hikayesi. P. 211–221.

⁵¹ Sakallıoğlu-Cizre Ü. 1983–1984: Siyasal Parti Topografyası // *Cumhuriyet Dönemi Türkiye Ansiklopedisi*, 15. İstanbul: İletişim Yayınları, 1996. P. 1251.

партий — Партией верного пути (ПВП) (Doğru Yol Partisi), возглавляемой С. Демирелем и Социал-демократической народной партией (СДНП) (Sosyal Demokrat Halkçı Parti). Результаты этих выборов с участием пяти партий в парламенте ознаменовали возвращение к тренду фрагментации в национальной политике.

Чтобы охарактеризовать влияние курса Т. Озала на процессы демократизации в период после военного переворота 1980 г. в Турции, следует отметить два основных результата деятельности правительства того времени: 1) повторное появление идентичностей в Турции; 2) активизация политического ислама. В то время как первое явление можно рассматривать как общую позитивную тенденцию, последнее оказало неоднозначное воздействие на демократию Турции. Действительно, Партия отечества успешно зарекомендовала себя как политическая сила «для смягчения политического конфликта» и создания «политически ориентированного диалога» в жизни Турции после 1980 г..⁵² Различные проблемы (в основном курдский вопрос), которые ранее были известны как «запретные/табуированные темы»⁵³ стали предметом обсуждений в период правления Партии отечества. Наряду с курдами в турецкой общественной сфере появилось много новых участников, таких как защитники окружающей среды, борцы за права женщин, религиозные сообщества. Это было новое явление для турецкой политики: новые электораты выступали с требованием, чтобы их принимали так же, как и других. Таким образом, классовая борьба периода до 1980-х г. сменилась «микроборьбой» вновь возникших идентичностей.

Однако попытка Т. Озала синтезировать рыночную экономику с мусульманской идентичностью под общим названием «консервативного национализма»⁵⁴ привела к переосмыслению роли ислама в турецкой политике и обществе. Сочетая

---

⁵² Göle N. 80 Sonrası Politik Kültür // Türkiye'de Politik Kültür ve Modernleşme / ed. by E. Kalaycıoğlu and A. Y. Sarıbay. İstanbul: AlfaYayıncılık, 2000. P. 425.

⁵³ Acar F. Turgut Özal: Pious Agent of Liberal Transformation // Political Leaders and Democracy in Turkey / ed. by M. Heper and S. Sayarı. Lexington Books, Maryland, 1991. P. 177.

⁵⁴ Özal T. Anavatan Partisi Nedir, Ne Değildir? Anavatan Partisi Ne Yaptı, Ne Yapıyor, Ne Yapacak? Anavatan Partisi Basın-Yayın Dağıtım ve Halkla İlişkiler Başkanlığı, Ankara, 1987. P. 137.

прежние культурные ориентации с экономическим ростом и пытаюсь отвечать критериям западной демократии, правящие силы «всторили» ислам в политику, сделав его частью политического дискурса.

В результате экономических реформ в провинциальных городах Анатолии, включая Денизли, Газиантеп, Кайсери и Кахраманмараш, возник новый класс предпринимателей и бизнесменов. Этот средний класс — так называемая Анатolianская буржуазия — имел прочные корни в мусульманской культуре. Ввиду более свободного подхода Т. Озала к религии, конфессиональным группам и братствам были предоставлены более широкие свободы: им разрешалось финансировать строительство частных школ и университетов.

Таким образом, в 1980-е гг. во многом благодаря политике Т. Озала, ислам был аккуратно встроен в турецкий национализм. Этот шаг приобрел оформление в концепции турецко-исламского синтеза⁵⁵. Реализацию этой концепции можно рассматривать как попытку создать более однородное сообщество и оградить население от воздействия левых идеологий. Однако влияние этой концепции на общественно-политическое развитие страны весьма неоднозначно. С одной стороны, в соответствии с Конституцией 1982 г. Турция имела статус светского государства. С другой стороны, усиление роли религии в школах и образовании использовалось как средство укрепления турецкого национализма, что, собственно, ослабляло акцент на светскость⁵⁶.

Одним из ярких примеров смещения в область религиозных референций в политике можно считать Партию благоденствия (Refah Partisi), которая была образована в 1983 г. и считалась преемницей Партии национального спасения (Milli Selamet Partisi), которая, в свою очередь, была основана в октябре 1972 г. Неджеметтинем Эрбаканом и запрещена после переворота 1980 г. Партия национального спасения призывала вернуться к «мусульманскому образу жизни». Вместо связей с Западом партия выступала за создание общего мусульманского рынка

---

⁵⁵ Çaha Ö. Ana Temalarıyla 1980 Sonrası İslami Uyanış // *Modern Türkiye’de Siyasi Düşünce*, 6. İstanbul: İletişim Yayınları, 2004. P. 477.

⁵⁶ Rabasa A., Larrabee F.S. The Rise of Political Islam in Turkey. RAND National Defense Research Institute, 2008. P. 38.

с динаром в качестве валюты и развитие мусульманского оборонного альянса⁵⁷. После закрытия партии ее лидер Н. Эрбакан и некоторые другие члены были отстранены от политической деятельности на 10 лет. Однако в 1983 г. партия вновь возникла под новым названием — Партия благоденствия, идеология которой мало чем отличалась от идеологии Партии национального спасения. Она выражала такую же враждебность по отношению к вестернизации и выступала за более тесную интеграцию с мусульманским миром.

На общенациональных выборах 1995 г. Партия благоденствия получила 21,6% голосов избирателей и сформировала коалицию с Партией верного пути (преемница Партии справедливости С. Демиреля). Премьер-министром был назначен Н. Эрбакан. Победа Партии благоденствия нанесла удар по всему светскому истеблишменту: впервые с 1923 г. Турцией управляла исламистская партия с исламистским премьер-министром⁵⁸. Однако партия была неэффективна в решении внутренних проблем в стране. Н. Эрбакан затруднялся балансировать свою антисистемную предвыборную риторику с необходимостью учитывать интересы светского истеблишмента, который с большим подозрением относился к его политическим целям, а также к его приверженности к демократическим ценностям. Таким образом, вместо снижения социальной напряженности правительство Эрбакана еще больше поляризовало турецкое общество по светско-исламскому принципу. 28 февраля 1997 г. Совет национальной безопасности представил премьер-министру список рекомендаций по сдерживанию антисекулярной деятельности⁵⁹. В июне того же г. Н. Эрбакан был вынужден уйти в отставку под давлением военных и светского истеблишмента. Эта отставка носит название *постмодернистского переворота*.

В январе 1998 г. решением Конституционного суда Партия благоденствия была закрыта, а Эрбакану и некоторым другим ключевым членам партии было запрещено заниматься

---

⁵⁷ Landau J. The National Salvation Party in Turkey // *Asian and African Studies*, Vol. 11, 1976. P. 1–57.

⁵⁸ Rabasa A., Larrabee F.S. The Rise of Political Islam in Turkey. P. 42.

⁵⁹ Günay N. Implementing the 'February 28' Recommendations: A Scorecard // *Research Notes*, No. 10. Washington Institute for Near East Policy, 2001.

политикой в течение пяти лет. Процесс 28 февраля стал важным политическим переломным моментом, который «означивал отказ от идеи о том, что религия может быть использована для консолидации общества, которая лежала в основе турецко-исламского синтеза»⁶⁰.

В то же время этот факт оказал серьезное влияние на ориентацию и развитие исламистских движений в стране: он, как бы подчеркивал, что прямая исламская повестка дня не может увенчаться успехом и вызовет сильное сопротивление секуляристов. За этим последовали активные внутренние дискуссии и процесс переосмысления в исламском движении его будущей политической стратегии и повестки дня.

Философский и политический раскол возник между двумя группами: «традиционалистов» (*Gelenekçiler*) во главе с Н. Эрбаканом и его главным помощником Реджаи Кутаном, которые выступали против каких-либо серьезных изменений, и «модернистов» или «реформистов» (*Yenilikçiler*), возглавляемых в то время мэром Стамбула Реджепом Тайипом Эрдоганом и его ближайшим соратником Абдуллахом Гюлем, заявлявших, что партии необходимо переосмыслить свой подход к ряду принципиальных вопросов, в частности, демократии, правам человека и отношениям с Западом.

Этот внутренний спор привел к тому, что Партию благоденствия сменила Партия добродетели (*Fazilet Partisi*). Несмотря на то, что новая партия продолжала линию Партии благоденствия, она существенно отличалась в некоторых вопросах. Это проявлялось, прежде всего, в терпимости к Западу и попытке установить с ним контакты.

После того, как Партия добродетели была закрыта Конституционным судом в июне 2001 г., движение раскололось. Традиционалисты создали Партию счастья (*Saadet Partisi*), формально возглавляемую Р. Кутаном, в то время как реальное лидерство лежало на Н. Эрбакане. Реформисты основали новую партию — Партию справедливости и развития (*Adalet ve Kalkınma Partisi*), с Р.Т. Эрдоганом в качестве председателя. Партия определяла себя не как исламскую, а как консервативную демократическую партию, отмечая сходство с христианскими демократическими

---

⁶⁰ Rabasa A., Larrabee, F.S. *The Rise of Political Islam in Turkey*. P. 44.

партиями в Западной Европе. В своем публичном дискурсе она делала акцент на западные политические ценности, такие как демократия, уважение прав человека и верховенство закона. При этом Запад и особенно ЕС руководство партии рассматривало в качестве важного союзника в борьбе с ограничениями кемалистского государства⁶¹.

Можно заключить, что османский опыт конституционной монархии и парламентской традиции, хотя и не являлся непрерывным движением в направлении демократии, оказал сильное влияние на дальнейшие процессы демократизации в Турции в XX веке. Демократия как идеология была завезена из Западной Европы османской военно-бюрократической элитой, но социально-экономические условия страны, а также ее историческое и культурное наследие (сложный этнический и религиозный состав, социальная диверсификация, существенные различия уровня грамотности и образования населения и т. д.), ускорили процессы демократизации на закате Османской империи и в раннереспубликанский период.

Эти факторы обусловили необходимость консолидации власти и государственного строительства, осуществляемого республиканским правительством и известного как культурные и политические реформы Ататюрка. Однако специфика модернизационных реформ привела к культурной бифуркации общества. Распространено мнение, что «модернизирующийся кадровый состав ранней Республики проводил жесткую политику лаицизации и пытался максимально вытеснить религию за пределы политики. Эти и другие факторы наложили свой отпечаток на то, как развивалась демократия в Турции и с какими проблемами она столкнулась на своем пути»⁶².

Однопартийный режим в Турецкой Республике (1923–1946 гг.) нельзя считать демократическим, но наследие этого периода способствовало формированию некоторых фоновых условий для демократической системы. Тот факт, что на следующий день после смерти Ататюрка Инёню был избран президентом без кризиса преемственности, указывает на определенную степень институционализации режима, который

---

⁶¹ Ibid. P. 47.

⁶² Turan I. Turkey's Difficult Journey to Democracy... P. 24.

впоследствии сделал возможным плавный переход к демократии. Одной из важных особенностей демократизации Турции являлся тот факт, что она в значительной степени стимулировалась внутриэлитной борьбой. Именно внутриэлитный характер политических изменений оказал сдерживающее влияние на политическую конкуренцию, «оставив жесткость на уровне риторики и не позволив ей перерасти в кровопролитную физическую борьбу за демократизацию»⁶³. Иными словами, тот факт, что лидеры новой оппозиции пришли из общего с республиканцами прошлого, способствовал переходу к многопартийной системе и интеграции других групп турецкого общества (сельское и малообеспеченное городское население) в политическую жизнь страны.

После завершения перехода к конкурентной политике Турция испытывала периодические кризисы в виде прямых и косвенных военных интервенций, демонстрируя, насколько проблематична любая смена режима с точки зрения ее влияния на демократизацию политической системы. В период между 1950 и 1980 г. (и особенно в 1960–1980-е гг.) Турция прошла через ряд социально-экономических изменений, которым сопутствовали массовая миграция из сельских районов и интенсивная урбанизация, индустриализация и развитие сферы услуг, увеличение дифференциации и фрагментации общества. В этот период, а также позднее, фундаментальным расколом во внутренней политике страны оставался культурный разрыв между прозападными светскими элитами и традиционными провинциальными элитами и массами⁶⁴. Это привело к формированию турецко-исламского синтеза и дальнейшей фрагментации общества. Эта тенденция прослеживается в результатах выборов 1991, 1995 и 1999 г. Однако выборы 2002 г., на которых порог прохождения для партий составил 10%, привели в парламент только две партии — ПСР и НДП, при этом первая получила комфортное большинство для формирования однопартийного правительства.

---

⁶³ Ibid. P. 83.

⁶⁴ Kalaycıoğlu E. Turkish Dynamics: Bridge Across Troubled Lands. New York: Palgrave, 2005. P. 50–53.

Политическая идентичность ПСР и некоторые демократические преобразования (2002–2010 гг.)

ПСР одержала уверенную победу на выборах 3 ноября 2002 г., набрав 34% голосов, при этом намного опередив секуляристскую НРП, которая заняла второе место с 19%. Только двум этим партиям удалось превысить 10-процентный порог и войти в парламент. Таким образом ПСР получила почти две трети мест в Национальном Собрании, что позволило ей сформировать правительство самостоятельно.

Успех ПСР на выборах можно отчасти объяснить неэффективностью центристских партий в период 90-х г., коррупцией и серьезным экономическим кризисом 2000–2001 г., умеренным и прагматичным политическим посланием партии, а также характером избирательной базы ПСР, включающей растущий городской и сельский рабочий класс с его более консервативными и религиозными взглядами по сравнению с традиционной городской элитой.

Когда ПСР возникла в результате раскола с главным преемником Партии благоденствия, это вызвало споры и путаницу в отношении того, как маркировать партию в Турции и на Западе. Некоторые ученые называли ее «исламистской» и предсказывали, что она будет пытаться воссоздать Турцию как государство, опирающееся на законы ислама⁶⁵, в то время как другие именовали Эрдогана и его друзей «светскими исламистами»⁶⁶, «мусульманскими демократами»⁶⁷ или «революционными консерваторами»⁶⁸. Сама партия характеризовалась как «европейская социал-демократическая партия типа

---

⁶⁵ Bölügiray N. AKP Değişiyor mu? İstanbul: Tekin Yayıncılık, 2004.

⁶⁶ Owen M., Power C. Europe Stumbles: By Rights, the EU Should be Celebrating. Instead, It's Ensnarled in Debate over Turkey ö Its Own Identity, Newsweek, 02.12.2002, P. 19.

⁶⁷ Jenkins G. Muslim Democrats in Turkey? // *Survival: Global Politics and Strategy*, Vol. 45, 2003. P. 45–66.

⁶⁸ Термин, используемый турецким исследователем Муратом Бельге (M. Belge). На турецком языке звучит как «devrimci muhafazakâr». <http://www.radikal.com.tr/yazarlar/murat-belge/devrimci-muhafazakrlar-698120/> (Дата обращения: 30.07.2019).

третьей волны»⁶⁹ или «турецкая версия христианских демократов Западной Европы»⁷⁰.

Однако с момента создания партии элита ПСР отвергала формальные ссылки на ислам или на термин «мусульманские демократы», который часто использовался в Европе. Согласно официальным заявлениям представителей партии, она не является исламской (тур. İslami) и не основана на религии⁷¹.

Таким образом, предпочтительным определением для партии являлось «консервативная демократия». Эта концепция представляла собой попытку синтезировать неолиберальный контекст, предложенный правоцентристской политикой ПО, и традиционные консервативные ценности. ПСР «деполитизировала» ислам и «перевела» его из политической категории в категорию социального ислама. Эрдоган неоднократно подчеркивал нейтралитет государства по отношению ко всем религиозным доктринам, определяя таким образом принцип секуляризма, подчеркивая при этом роль ислама на индивидуальном уровне: «государство может быть светским, но не люди» (тур. «devlet laiktir, insanlar laik olmaz») ⁷². Ислам стал своеобразным «клеем», который определяет и объединяет национальное сообщество, заменяя предыдущие «скрепы», такие как этнический тюркизм ⁷³.

В ходе избирательной кампании 2002 г. и в партийном манифесте большое внимание уделялось правам человека

---

⁶⁹ Öniş Z., Keyman F. Turkey at the Polls: A New Path Emerges // *Journal of Democracy*, No. 14, 2003. P. 102.

⁷⁰ Такая характеристика партии была, в частности, озвучена известным французским исламоведом Оливье Руа (O. Roy). Цитата из статьи Р. Чакыра (R. Çakır) в газете *Vatan* от 04.10.2003 г. <http://www.gazetevatan.com/-akp-hiristiyen-demokratlarla-ayni-saflarda-yer-aliyor-15276-gundem/> (Дата обращения: 30.07.2019).

⁷¹ С момента возникновения партии по сегодняшний день было сделано довольно большое число заявлений на эту тему. В частности, довольно информативна статья в газете *Milligazete* от 25.11.2013 г. <https://www.milligazete.com.tr/haber/763608/bizi-islami-parti-zannediyorlar> (Дата обращения: 30.07.2019).

⁷² Это утверждение было озвучено Р.Т. Эрдоганом многократно на протяжении его политической карьеры. Для более подробного ознакомления: <https://www.haberler.com/basbakan-erdogan-bizim-laiklik-anlayisimizda-5400093-haberi/> (Дата обращения: 30.07.2019).

⁷³ Çınar A. The Justice and Development Party: Turkey's Experience With Islam, Democracy, Liberalism, and Secularism // *Int. Journal of Middle East Studies*, No. 43, 2011. P. 540.

и демократии. К числу вопросов, которые были широко освещены в предвыборной программе, относятся основные права и свободы, демократия и гражданское общество, правосудие и верховенство права, а также государственная реструктуризация. Разнообразие социальной, этнической, политической и религиозной идентичности членов турецкого общества рассматривалось не как угроза, а как источник богатства страны.

В отличие от своих предшественников, которые выстраивали исламскую политическую идентичность путем оппозиции Западу и западным ценностям, ПСР сделала акцент на интеграции с Западом при сохранении своей религиозной идентичности. Таким образом, эти две вещи больше не рассматривались как взаимоисключающие.

Принятие ПСР другого политического дискурса помогло партии расширить ее политическую привлекательность и поддержку. На выборах 22 июля 2007 г. ПСР набрала 46,6% голосов избирателей, что превысило предыдущий результат более чем на 12%. Наибольшие успехи были достигнуты в преимущественно курдских районах Юго-Восточной Анатолии. ПСР также увеличила свою поддержку в пяти крупнейших городах Турции, получив в Стамбуле почти столько же голосов, сколько все конкуренты вместе взятые. Это свидетельствовало о том, что партия постепенно распространяла свое влияние с периферии на городские центры⁷⁴ — факт, который помог ей обеспечить 49,9% голосов 4 года спустя, на всеобщих выборах сентября 2011 г..

Можно заключить, что ПСР удалось заручиться поддержкой различных социальных групп, смешав культурные предпочтения, характерные для правых, с социально-экономической политикой, которая, как правило, ассоциируется с левыми и импонирует широкому кругу избирателей. По этой причине ПСР может рассматриваться как *catch-all* партия⁷⁵ с референциями в сторону ислама, хотя значение религиозных ценностей всегда подчеркивалось в ее манифесте⁷⁶.

---

⁷⁴ Rabasa A., Larrabee F.S. The Rise of Political Islam in Turkey... P. 49.

⁷⁵ Характер Партии справедливости Демиреля и Партии Отечества Озала также во многом соответствовали принципу *catch-all party*.

⁷⁶ Tosun T. The July 22 Elections: A Chart For the Future of Turkish Politics // *Private View*, No. 12, 2007. P. 54–56.

Конец международного коммунизма и растущее мировое влияние западных либеральных экономик повлияли на растущее ожидание того, что политика ПСР, укрепляя неолиберальную перестройку Турции, разрушит прежде существовавший так называемый «кемалистский опекунский режим». В тот период лидеры ПСР видели в ЕС «машину» демократизации и стабилизации, и поэтому приняли «стратегию демократизации через европеизацию». Переговоры о вступлении Турции в ЕС начались в октябре 2005 г., через шесть лет после того, как ЕС подтвердил официальный статус страны-кандидата на саммите 1999 г. в Хельсинки.

Перспектива членства стимулировала стремление Турции выполнить Копенгагенские критерии. В период между 2002 и 2007 г. правительство ПСР осуществило значительное количество реформ, стремясь к вхождению в ЕС. Эти реформы включали полную отмену смертной казни⁷⁷, распространение прав меньшинств на курдов, а также более широкие определения свободы слова и объединений. В 2004 г. в дополнение к пакетам гармонизации правительство Эрдогана предприняло далеко идущие изменения Уголовном кодексе Турции, не менявшемся 78 лет, чтобы привести его в соответствие с европейскими нормами⁷⁸. Принятыми в 2004, 2007 и 2010 г. поправками были изменены также несколько статей Конституции⁷⁹.

Начиная с 2007 г. конституционные поправки были направлены на преодоление формирующегося конституционного кризиса путем укрепления демократии в стране. Именно президентские выборы 2007 г. привели к кризису, когда семилетний срок полномочий Ахмета Недждета Сезера подошел к концу. ПСР выдвинула на пост президента еще одну ведущую фигуру от правящей партии, министра иностранных дел

---

⁷⁷ В последний раз смертная казнь применялась в Турции в 1984 г. 9 августа 2002 г. Законом № 4771 была отменена смертная казнь в мирное время. Полная отмена смертной казни была введена Законом № 5218 от 14 июля 2004 г.

⁷⁸ Avcı, G. Turkish Political Parties and the EU Discourse in the Post-Helsinki Period: a Case of Europeanization, in Turkey and European Integration. Accession Prospects and Issues / ed. by M. Uğur & N. Canefe. Routledge, New York, 2004. P. 194–214.

⁷⁹ Türkiye Cumhuriyeti Anayasasının Bazı Maddelerinin Değiştirilmesi Hakkında Kanun. URL: <https://www.tbmm.gov.tr/kanunlar/k5170.html>.

Абдуллаха Гюля, но вооруженные силы и верховная судебная власть выступили против его кандидатуры⁸⁰. Одним из главных секуляристских возражений было то, что его жена носит платок. Можно заключить, что президентские выборы в мае 2007 сыграли заметную роль в формировании сопротивления правлению ПСР⁸¹.

Позднее правительство ПСР внесет поправки в Конституцию, чтобы проводить прямые президентские выборы во избежание любых аналогичных конфликтов в будущем. Стоит отметить, что президент Сезер наложил вето на конституционную поправку и обратился в Конституционный суд, после чего парламент вновь принял ее без изменений, а суд признал законной. В ответ президент Сезер созвал конституционный референдум, на котором за поправку проголосовали 68,95% населения⁸².

Во внутренней политике Турции 2007 год можно охарактеризовать как «год конституционных сражений». Отчасти эти сражения способствовали тому, что ПСР получила дополнительную поддержку на парламентских выборах в июле 2007 г. Хотя вполне вероятно, что экономическая стабильность была главной заботой избирателей и ключевым фактором в электоральном успехе ПСР. Так называемый *полуночный меморандум* военных от 27 апреля 2007 г., угрожающий возможным военным вмешательством, также повысил популярность и народную поддержку партии.

Следующая серия важных демократических реформ была начата в 2009 г. В основном они были направлены на снижение роли военных и судебных органов в турецкой политике. Таким образом, Парламент принял закон, наделяющий гражданские суды полномочиями судить военнослужащих за преступления, угрожающие национальной безопасности или связанные

---

⁸⁰ В ночь первого тура выборов 27 апреля 2007 г. военные опубликовали на сайте Генштаба светское предупреждение, которое было воспринято многими как угроза переворота.

⁸¹ Aydın-Düzgüt S., Çarkoğlu A. Turkey: Reforms For a Consolidated Democracy // *International Actors, Democratization and the Rule of Law, Anchoring Democracy?* / ed. by Amichai Magen and Leonardo Morlino, Routledge, 2009. P. 131.

⁸² Coşkun V. Constitutional Amendments Under the Justice and Development Party // *Insight Turkey*, Vol. 15, No. 4, 2013. P. 104.

с организованной преступностью. В августе 2009 г. Правительство утвердило стратегию судебной реформы⁸³.

После 2009 г. был выдвинут ряд инициатив, с помощью которых ПСР стремилась решить проблемы этнического и религиозного разнообразия в Турции. «Пакет демократизации» (также называется «Демократизационный пакет» или «Пакет демократических преобразований») (“Demokratikleşme Paketi”) является одной из самых известных реформ периода правления ПСР. Он предусматривал снижение 10-процентного порога для представительства в парламенте и облегчал требования для создания политических партий. Он также допускал ведение политической деятельности, а также обучение в частных школах на других языках и диалектах, помимо турецкого. Пакет вводил административные наказания в случае проявления нетолерантности и преступлений на почве ненависти. Был достигнут значительный прогресс в создании турецких правозащитных механизмов и институтов, улучшении жизни широкого круга меньшинств, таких как немусульманские религиозные общины, а также курдов, алевитов и других.

С этой целью в 2009 г. был запущен специальный «Проект единства и братства» (Milli Birlik ve Kardeşlik Projesi), или «Процесс демократической инициативы» (Demokratik açılım süreci). Этот проект получил положительную оценку в докладах ЕС.

Конституционные поправки 2010 г. делились на две общие категории: свободы и верховенство закона. Таким образом, референдум утвердил право на защиту личной информации (Статья 20/3), права детей (Статья 41/3-4) и право на доступ к информации (Статья 74/3). Поправки, касающиеся верховенства права, были направлены на внедрение новых путей правовой защиты в случае нарушений прав и свобод граждан и расширение сферы общественной ответственности. Еще одной весьма важной конституционной поправкой является отмена временной Статьи 15, предоставлявшей всем членам законодательной и исполнительной ветвей власти иммунитет перед законом в отношении всех их решений. Конституционные поправки 2010 г. также реорганизовали высшую судебную

---

⁸³ Avcı G. The Justice and Development Party and the EU: Political Pragmatism in a Changing Environment // *South European Societies and Politics*, Vol. 16, No. 3, Routledge, 2011. P. 417.

власть — Конституционный суд и Верховный Совет судей и прокуроров (Hâkimler ve Savcılar Yüksek Kurulu)⁸⁴.

Референдум по конституционным поправкам от 12 сентября 2010 г. стал, пожалуй, одним из самых социально поляризованных эпизодов в новейшей истории Турции. Сторонники пакета конституционных поправок утверждали, что он приблизит турецкую правовую и политическую системы к европейским стандартам, в то время как противники, уделяя большое внимание судебной реформе, заявили, что это приведет к тому, что ПСР будет иметь полный контроль над судебной системой. Действительно, референдум был явным проявлением религиозно-секуляристского раскола Турции. В то время как ПСР утверждала, что пакет конституционных поправок сделает Турцию более либеральной и демократичной, позволяя парламенту избирать больше членов Конституционного суда и Верховного Совета судей и прокуроров, секуляристская РНП заявляла, что эти действия на самом деле являются попытками устранить противовесы, сдерживающие повестку дня ПСР. Наконец, пакет поправок был одобрен 58% турецкого электората.

Еще одной важной инициативой в области демократизации стало создание в октябре 2011 г. Комиссии по конституционному примирению при равном участии всех политических партий, представленных в парламенте, независимо от числа занимаемых ими мест. Все члены комиссии достигли консенсуса по разработке новой Конституции, но в ноябре 2013 г. комиссия была распущена. Тем не менее она проделала важную работу, и был достигнут консенсус относительно внесения поправок примерно в 70 статей Конституции 1982 г., чтобы гарантировать более широкие гражданские права и свободы.

В период после референдума 2010 г. Турция пережила политическую поляризацию, которая переросла в социальную, что также связано с вопросом о религиозных свободах. Хорошо известно, что правительства ПСР последовательно расширяли границы религиозного самовыражения. Сегодня люди имеют бóльшую свободу проявления исламской идентичности: одним

---

⁸⁴ Coşkun V. Constitutional Amendments Under the Justice and Development Party // *Insight Turkey*, Vol. 15, No. 4, 2013. P. 106–108.

из примеров этого является поправка к предписанию⁸⁵, разрешающая ношение платков в государственных учреждениях. Действительно, платок стал чрезвычайно уместным символом в дебатах внутри Турции о роли религии и государства. По мнению ПСР, ношение головного платка является вопросом личного выбора, а ограничения на его использование — нарушением индивидуальных прав.

Следует отметить, что запрет на ношение головных платков является давней проблемой, спровоцировавшей в 2008 г. политический кризис, который мог бы завершиться закрытием ПСР. После того, как Парламент принял конституционную поправку, положившую конец запрету на ношение головных платков, главный прокурор Абдурахман Ялчынкая представил Конституционному суду заключение, в котором обвинил ПСР в том, что она «стала центром антисекулярной деятельности». Он потребовал, чтобы партия была объявлена вне закона и чтобы 71 член партии, включая Президента Гюля и премьер-министра Эрдогана, были отстранены от политики. Однако суд постановил, что ПСР может продолжить свою политическую деятельность, несмотря на то, что постановление сократило финансовую помощь партии в два раза. Если бы семь судей Конституционного суда проголосовали за отстранение ПСР от политики, партия прекратила бы свое существование, для этого не хватило всего одного голоса (голоса распределились 6 к 5).

Можно заключить, что появление ПСР на политической сцене Турции было связано с особым сочетанием внутренних и внешних факторов, в том числе с упадком правоцентристских партий в стране, а также растущей мировой тенденцией развивать либеральную демократию в условиях глобализации. С момента своего создания ПСР отличалась от предшествующих политических исламских партий, отвергая идею о том, что она была их продолжением. Образ ПСР может служить своеобразным примером изменения политических ценностей в мире, отмечая смещение к политике прагматизма.

Все вышеперечисленные факторы, наряду с ростом активности гражданского общества, ускорили процесс реформ в Турции.

---

⁸⁵ Поправка в предписание № 2413 от 2.09.1925 г. Kamu Kurum ve Kuruluşlarda Çalışan Personelin Kılık ve Kıyafetine dair Yönetmelik.

На демократизацию страны большое влияние оказала цель вступления в ЕС, приведшая к конституционным и правовым изменениям: особенно это заметно в первое десятилетие 2000-х г. В последующие годы динамика переговоров с ЕС замедлилась. Характер отношений неустойчивый и сильно зависит от принятия и осуществления реформ, с одной стороны, и политической обстановки в регионе и за его пределами — с другой.

Всеобщие выборы 2011 г. и президентские выборы 2014 г.

Политика ПСР и ее партийная идентичность оказались стратегически эффективными в краткосрочной перспективе, но партия все больше подрывала свою собственную власть и долгосрочный вклад в демократию Турции своими авторитарными тенденциями, которые стали более явными с начала третьего срока ПСР в правительстве.

Учитывая действующий 10%-й порог, только четыре партии действительно имели шанс на выборах в июне 2011 г.: правоцентристская ПСР, левоцентристская РНП, крайне правая ПНД (Партия националистического движения) (Milliyetçi Hareket Partisi) и ряд независимых кандидатов курдского блока, объединенных в ПМД (Партию мира и демократии) (Barış ve Demokrasi Partisi).

На выборах 12 июня 2011 г. ПСР одержала победу, набрав 49,95% голосов избирателей, тем самым продолжая свою почти десятилетнюю восходящую траекторию с ростом с 34,28% на выборах 2002 г. Однако из-за распределения мест между конкурентами ПСР не заняла необходимое количество мест в Парламенте (330) для разработки новой Конституции и проведения национального референдума.

Что касается оппонентов ПСР, РНП получила заметное увеличение поддержки и укрепила свое присутствие в меджлисе. В 2007 г. за партию проголосовало только 20,84% населения, и она смогла обеспечить себе 112 мест в парламенте. На этот раз народная поддержка РНП выросла до 25,94%, и партия получила 135 мест. Нет сомнений в том, что эти успехи были достигнуты в основном благодаря приходу нового партийного руководства. После отставки Дениза Байкала партию возглавил Кемаль

Кылычдароглу, пытаясь реформировать ее имидж и объявив новый «всеохватывающий» подход.

ПНД ждала трудная кампания, но, тем не менее, ей удалось набрать почти 13% голосов избирателей и 53 места в парламенте.

Самые неожиданные результаты на выборах в июне 2011 г. были для левой ПМД, которая представляла курдское движение. ПМД не преодолела 10%-й порог, набрав лишь 6,6% голосов избирателей. Тем не менее, поскольку члены партии выступали в качестве независимых кандидатов, как и ожидалось, в конечном итоге партия была перегруппирована. Количество голосов ПМД увеличилось лишь немногим более чем на 2% по сравнению с выборами 2007 г., однако это позволило ей усилить свое представительство в Парламенте с 22 до 36 мест. Наряду с традиционными сторонниками левых политических взглядов, ПМД включила в свои списки ряд видных консервативных политиков, тем самым завоевав большинство мест в некоторых наиболее политически важных провинциях юго-востока, населенных курдами. В Ване, Диярбакыре, Мардине, Ширнаке и Хаккари было избрано в общей сложности 19 независимых депутатов по сравнению с 13 депутатами ПСР⁸⁶.

Таким образом, после выборов 2011 г. ПСР четко зарекомендовала себя как доминирующая партия, одержавшая три победы подряд на парламентских выборах (2002, 2007 и 2011 г.), каждый раз с большей долей голосов; также на трех всеобщих муниципальных выборах (2004, 2009 и 2014 г.) и двух конституционных референдумах (2007 и 2010 г.). Все большая уверенность руководства ПСР в своих силах, а также уменьшение роли военных в политической жизни страны и растущее чувство «миссии» сделать Турцию ведущей страной в регионе превратили ПСР из консервативной демократической партии в своего рода популистскую партию с сильной мусульманской идентичностью и все более авторитарными тенденциями.

Одним из важнейших политических событий в новейшей истории Турции, отразившим политические тенденции в обществе и роль правящей партии и ее руководства, без сомнения,

---

⁸⁶ Fabbe K. Doing more With Less: The Justice and Development Party (AKP), Turkish Elections, and the Uncertain Future of Turkish Politics // *Nationalities Papers*, 39:5, 2011. P. 660–662.

стали первые прямые президентские выборы в истории республиканской Турции.

10 августа 2014 г. по официальным результатам выборов бывший премьер-министр и глава правящей партии Эрдоган был избран в первом туре 12-м президентом Турецкой Республики сроком на пять лет, набрав более 52% голосов избирателей. Двумя другими кандидатами были Экмеледдин Ихсаноглу и Селахаттин Демирташ, которые получили 38,44% и 9,76% голосов соответственно⁸⁷.

Экмеледдин Ихсаноглу, генсек Организации исламского сотрудничества (ОИС) с 2004 по 2014 г., был кандидатом от оппозиционных РНП и ПНД (Партии националистического движения) (*Milliyetçi Hareket Partisi*), а также девяти более мелких политических партий. Селахаттин Демирташ был турецко-курдским кандидатом от ПМД и пользовался поддержкой семи других левых политических партий. Других кандидатов на пост президента не было, поскольку возможность участия отдельных кандидатов в выборах была ограничена требованием, чтобы кандидаты пользовались поддержкой по меньшей мере 20 членов парламента.

Следует отметить, что явка избирателей составила 74,12% — много ниже, чем на недавних парламентских выборах. Для такой низкой явки есть различные объяснения: во-первых, сроки проведения выборов; во-вторых, недовольство избирателей РНП и ПМД по поводу выбора их совместного кандидата Ихсаноглу; и в-третьих, многие ведущие предвыборные опросы показали, что Эрдоган является уверенным победителем с 56–58% голосов — запасом, который, возможно, заранее разочаровал некоторых потенциальных сторонников оппозиции в результатах голосования⁸⁸.

Кампания была отмечена неравным освещением в средствах массовой информации трех кандидатов. Согласно докладу БДИПЧ/ОБСЕ, правовая база в целом способствовала проведению демократических выборов, хотя ключевые области нуждались в улучшении. Свобода собраний и ассоциаций была

---

⁸⁷ Öztürk A.E. The Presidential Elections in Turkey: History and Future Expectations, Election Analysis // *Contemporary Southeastern Europe*, 1 (2), 2014. P. 110.

⁸⁸ Özbudun E.. The 2014 Presidential Elections in Turkey: A Post-election Analysis // *Policy Brief* 18, 2014. P. 2.

соблюдена, однако использование премьер-министром своего служебного положения⁸⁹ и предвзятое освещение в средствах массовой информации давали ему явное преимущество перед другими кандидатами. Закон о президентских выборах был принят в срочном порядке в условиях ограниченных дебатов и отсутствия консультаций с общественностью и поддержки со стороны оппозиционных партий. В качестве положительного шага в сообщении подчеркивается разрешение проводить предвыборную кампанию на языках, отличных от турецкого⁹⁰.

Будучи избранным президентом, Эрдоган продолжал прикладывать усилия по формированию политического ландшафта — он принимал решения о том, кем должны быть премьер-министр и новый лидер ПСР. Министр иностранных дел Ахмет Давутоглу был назначен премьер-министром 21 августа 2014 г. А на внеочередном съезде ПСР 27 августа 2014 г. он также был избран новым лидером ПСР, завершив процесс правопреемства.

Так, 29 августа 2014 г. 26-м премьер-министром Ахметом Давутоглу было сформировано и объявлено 62-е правительство Турции. В течение нескольких дней после формирования нового кабинета Давутоглу обнародовал дорожную карту для своего правительства, в которой был сделан сильный акцент на экономику, ориентированную на диалог внешнюю политику и более демократическую среду во внутренней политике.

Программа 62-го правительства⁹¹ Турции отмечала, что президентские выборы 10 августа 2014 г., на которых новый президент республики впервые был избран путем всенародного голосования, распахнули двери «новой Турции» (*Yeni Türkiye*), в то же время утверждая, что без шагов, предпринятых во время 12-летнего правления ПСР, новая Турция была бы невозможна.

---

⁸⁹ Например, в период с 14 по 20 июля время освещения кампаний, выделенное трем кандидатам на национальном государственном новостном канале — Турецкой радио и телевизионной корпорации (TRT) — было следующим: Эрдоган — 8 часов, Ихасаноглу — 3 часа, Демирташ — 1,5 часа. Неравенство было еще больше в первые недели официальной кампании.

⁹⁰ OSCE/ODIHR. Republic of Turkey, Presidential Elections // *Limited Election Observation Mission Final Report*, 2014.

⁹¹ Манифест 62-го правительства Турции можно найти: <http://www.basbakanlik.gov.tr/docs/KurumsalHaberler/HProgram.pdf>

Руководство ПСР приняло популистское направление. Считается, что «популизм — это поучительная концепция в политике, а популист — это политик, который утверждает, только он (она) и никто другой — действительно представляет народ, тем самым низводя всех политических оппонентов на роль несправедливых притворщиков. За этим заявлением стоит дальнейшее предположение о том, что у народа есть общая воля, которая действительно направлена на общее благо, и что подлинный лидер народа <...> может определить и реализовать ее. Популисты, в этом случае являются не только антиэлитарными, но антиплюралистическими и, следовательно, антилиберальными. Их политика всегда поляризует общество...»⁹². Это утверждение может быть проиллюстрировано заявлением, сделанным Давутоглу во время его выступления на первом внеочередном съезде партии 27 августа 2014 г.: «ПСР не является партией, созданной для служения определенной группе <...> ПСР является выражением священного марша, который будет длиться вечно. ПСР — это сама нация, это проявление воли нации»⁹³.

Подводя итог, после президентских выборов в августе 2014 г., когда Эрдоган заявил, что не собирается ограничиваться символической ролью президента, и назначил лояльного себе премьер-министра и Кабинет, политическая структура Турции стала неясной. Такая властная система фактически утратила идентификационные критерии, поскольку вышла за рамки как парламентской, так и полноценной президентской.

Всеобщие выборы 2015 г. и их влияние на демократию в Турции

Всеобщие выборы 7 июня 2015 г. в Турции имели большое значение для определения будущего всей страны и, в частности, режима — должна ли политическая система Турции эволюционировать в сторону авторитарной квазидемократии или двигаться в направлении более либеральной демократии

---

⁹² Mueller J.-W. Erdoğan and the Paradox of Populism // *Project Syndicate*, 2014.

⁹³ Полную речь можно найти здесь: <https://www.akparti.org.tr/site/haberler/sayin-davutoglundun-ak-parti-1-olagustu-buyuk-kurultayinda-yaptigi-konusman/66351#1>.

с функционирующей системой сдержек и противовесов и верховенства закона.

Несмотря на формальную победу ПСР, результаты выборов следует воспринимать как временное поражение партии⁹⁴ и признак того, что значительная часть населения страны выражала свое неудовлетворение курсом и политикой, осуществляемыми руководством ПСР.

ПСР получила 40,86% голосов, что более чем на 9% меньше, чем на выборах 2011 г. 10%-й порог и понимание того, что потенциальная неспособность некоторых партий его превысить непременно приблизит ПСР к цели занять 330 мест в парламенте, которые необходимы для внесения конституционных поправок путем референдума, обратили симпатии избирателей к ДПН (Демократической партии народов) (тур. Halkların Demokratik Partisi), которая получила 13,1% народных голосов.

Тот факт, что ДПН необходимо было преодолеть 10%-й порог для того, чтобы войти в парламент, мобилизовал избирателей в пользу партии. Плюралистический характер партии был связан с отбором кандидатов из широкого круга турецких политических и социальных движений. Кампания ДПН была определена призывами к демократизации. Требование упразднить Управление по делам религии стало центральной темой в ходе кампании. Избиратели, которые склонялись к ДПН из тактического желания лишить ПСР большинства для внесения поправок в Конституцию, тем самым дали понять, что предложенная Эрдоганом президентская система их не устраивает.

РНП — традиционная оппозиция ПСР — получила 25,16% голосов, потеряв три места в меджлисе. Это можно объяснить смещением части голосов в сторону ДПН.

Однако в целом избирательная кампания РНП, в которой основное внимание уделялось экономической и социальной политике, была весьма успешной. Партия была гораздо лучше воспринята в средствах массовой информации, чем в прошлом,

---

⁹⁴ По иронии судьбы, учитывая 10-процентный порог, ПСР с 34% голосов на выборах 2002 г. смогла сформировать однопартийное правительство. Однако при тех же условиях, набрав почти 41% голосов в 2015 г., партия не набрала абсолютного большинства и тем самым лишилась возможности сформировать однопартийное правительство.

потому что на этот раз ей удалось избежать полемики, направленной против ПСР.

ПНД, набравшая 16,29% голосов избирателей, показала значительный рост по сравнению с результатами парламентских выборов 2011 г. В ходе своей кампании ПНД обвинила правительство в предательстве национальных интересов путем переговоров с Рабочей партией Курдистана (РПК)⁹⁵ и ее лидером А. Оджаланом. В своих выступлениях председатель Партии Девлет Бахчели последовательно подчеркивал обвинения правительства в коррупции⁹⁶ и обвинял ПСР в стремлении к тайной коалиции с ДПН, которую он расценивает как ответвление РПК. Отчасти это было попыткой привлечь на свою сторону избирателей, которые ранее отказались от ПНД в пользу ПСР, но еще не приняли окончательного решения. Результаты голосования не дали явного большинства для формирования правительства. Впервые с основания ПСР в 2002 г. партия не имела абсолютного большинства⁹⁷.

В соответствии с Конституцией Турции, партии в течение 45 дней должны были сформировать правительство. Однако коалиция не была сформирована, и на 1 ноября 2015 г. были назначены новые выборы. Это решение казалось оптимальным для Эрдогана, который не привык делиться властью с другими.

Результаты ноябрьских выборов оказались удовлетворительными для Эрдогана, партия которого на этот раз получила 49,5% голосов и 317 мест в Парламенте (на 59 больше, чем на июньских выборах). Оппозиционная НРП с 25,3% голосов получила 134 места в меджлисе. В результате ПСР вновь удалось сформировать однопартийное правительство. Таким образом, за исключением короткого периода с 7 июня по 1 ноября 2015 г., в Турции

---

⁹⁵ Рабочая партия Курдистана (РПК) рассматривается турецким правительством, ЕС и США в качестве террористической организации.

⁹⁶ Эрдоган, будучи премьер-министром, ответил на обвинения в коррупции, в которой также обвинялись 4 министра из его Кабинета, утверждая, что против него организован международный заговор, и обвинил сотрудников полиции, участвующих в расследовании дела о коррупции, в том, что они являются агентами религиозного лидера Фетхуллага Гюлена, чья группа пытается создать «Параллельное государство», чтобы захватить контроль над бюрократией.

⁹⁷ Подробную информацию, касающуюся выборов в Турции, можно получить на сайте Высшего избирательного совета Турции (тур. Yüksek Seçim Kurulu) <http://www.ysk.gov.tr>

с 2002 г. у власти находились однопартийные правительства, сформированные ПСР.

Турция после попытки государственного переворота 15 июля: курс на авторитаризм?

Неудавшаяся попытка государственного переворота, совершенная последователями Движения Гюлена⁹⁸ в июле 2016 г., стала переломным моментом для демократии в Турции.

События путча 15 июля разворачивались, прежде всего, в Анкаре и Стамбуле. Авианалеты, атака на Парламент, штаб-квартиру сил специального назначения, штаб-квартиру полиции, а также здание Национальной разведывательной организации и президентский дворец. Заговорщики похитили высших военных руководителей, включая главу Генштаба Турции Хулуси Акара. В Стамбуле они перекрыли два моста через Босфор — наиболее стратегически важные магистрали города. Здесь по гражданским лицам был открыт пулеметный огонь с вертолетов. Путчисты штурмом взяли офис Турецкой телерадиокомпании TRT, заставив диктора зачитать заявление от имени так называемого «Мирного совета» (Yurtta Sulh Konseyi), название которого отсылает к афоризму Кемала Ататюрка «мир в стране — мир во всем мире». Президент Эрдоган, отдыхавший в это время в Мармарисе, дал в прямом эфире интервью каналу CNNTurk по FaceTime и призвал своих сторонников выйти на улицы, игнорируя установленный хунтой комендантский час. К утру 16 июля правительство полностью восстановило контроль в стране. В ходе неудавшегося переворота 161 человек погиб, 1440 получили ранения, 20 путчистов было убито, 2839 солдат было задержано⁹⁹.

---

⁹⁸ Нелегальная организация последователей Фетхуллага Гюлена нередко характеризуется в Турции как «параллельное государство». Считается, что ее члены были внедрены в стратегические государственные институты, такие как полиция, вооруженные силы и судебные органы власти, а также в некоторые министерства. В связи с деятельностью организации против национальных интересов Турции и попыткой государственного переворота 15 июля официальные власти страны относят ее к террористическим и именуют «Террористической организацией фетхуллахистов» (FETO).

⁹⁹ The Day After: Turkey's Recovery Following the Failed Coup Attempt. Iktisadi Kalkinma Vakfi (Economic Development Foundation). Publication № 287, 2016. P. 12.

Подробный анализ хронологии и событий попытки переворота не входит в цели и задачи данной работы. Основное внимание уделено его социальным и политическим последствиям.

Это событие привело к важным изменениям социальной структуры страны – впервые в новейшей истории Турции раскол между сторонниками светского государства и приверженцами традиционных исламских ценностей был преодолен, и представители светских и религиозных сил сплотились против группы людей, злоупотреблявших религией ради достижения своей цели. Во время попытки переворота представители различных политических, религиозных и этнических групп объединились, чтобы вместе противостоять заговорщикам. Роль простых людей и их внезапной самоорганизации с целью предотвращения государственного переворота трудно переоценить. Их присутствие на улицах ясно продемонстрировало нежелание народа отказываться от достигнутого демократического порядка. Правящая и оппозиционные партии также объединились в борьбе с Движением Гюлена. В самом начале попытки переворота Конституционный суд Турции сделал заявление для прессы, которое деморализовав заговорщиков, воодушевило турецкий народ, сыграв, таким образом, важную роль в защите конституционного порядка и демократических ценностей. За жесткой реакцией Конституционного суда на попытку государственного переворота последовали аналогичные заявления других органов судебной власти: Государственного совета, Кассационного суда и Военного суда. Четыре парламентские партии сделали совместное заявление, осуждающее действия путчистов.

16 июля прокуратура Турции потребовала арестовать сотни тысяч человек по подозрению в причастности к заговору или к деятельности организации, стоящей за попыткой переворота. 20 июля 2016 г. Совет министров принял решение о введении в стране чрезвычайного положения на 90 дней (впоследствии продленного 7 раз: с 21.07.2016 до 19.07.2017).

Чрезвычайное положение послужило инструментом сдерживания оппозиции. В течение года в отношении 169013 человек, необоснованно обвиненных в связях с террористическими

организациями, были возбуждены уголовные дела, и еще 50,5 тыс. человек было арестовано¹⁰⁰.

Было закрыто множество каналов СМИ, многие журналисты оказались за решеткой по подозрению в связях с террористическими организациями. Кроме того, усилились ограничения доступа к социальным сетям, такие как блокировка доменов и URL, а также отключение интернета в стране¹⁰¹. Несмотря на то, что правительство так или иначе контролировало большинство государственных СМИ, освещение попытки государственного переворота было сокращено с помощью последовавших юридических мер. Еще одной областью контроля над распространением новостей был парламент, где собственные эффективные каналы проведения расследования были заблокированы. Президент Эрдоган не приветствовал внесенное оппозиционными партиями предложение об учреждении парламентской комиссии по расследованию попытки государственного переворота. Когда комиссия все-таки собралась 4 октября, все ключевые должности в ней занимали представители ПСР¹⁰².

Лидеры оппозиции Кемаль Кылычдароглу и Селухаттин Демирташ заявили, что Эрдоган знал о подготовке путча, но допустил проведение «контролируемого переворота» с целью оправдания репрессий в отношении оппозиции. В связи с этим доклад НРП в парламентской комиссии о событиях 15 июля назывался «Контролируемый путч, который был предвиден, не был предотвращен, и результаты которого были использованы»¹⁰³. Тем не менее ПСР умело нейтрализовала версии конкурентов, придерживаясь курса *политики здравого смысла* в отношении событий 15 июля.

По версии Эрдогана переворот был организован зарубежными странами, и сценарий его был написан за пределами Турции. Исследование, проведенное в декабре 2016 г. показало, что 76% турок верит в то, что за «террористической деятельностью

---

¹⁰⁰ Darbelere geçit yok! İlelebet demokrasi // *Hürriyet*, 15.07.2017.

¹⁰¹ Yeşil B., Sözeri E.K. Online surveillance in Turkey: Legislation, technology and citizen involvement // *Surveillance & Society* 15, No. 3/4, 2017. P. 543–549.

¹⁰² Taş H., 2018b. The 15 July abortive coup and post-truth politics in Turkey // *Southeast European and Black Sea studies*, 18(1). P. 7.

¹⁰³ Öngörülen, Önlenmeyen ve Sonuçları Kullanılan Konrollü Darbe // *CHP Darbe Raporu*, 2017.

Рабочей партии Курдистана, ИГИЛ и ФЕТО» стоят иностранные силы, в частности США¹⁰⁴.

По версии ПСР стране был необходим сильный лидер, который стал бы спасителем нации. Таким образом, в руках популистской элиты риторика жертвенности, восходящая к 15 июля, становится политическим продуктом, преобразующим чувство беспомощности в грубую силу — требование наведения порядка железной рукой при ограничении критического мышления и анализа политической ситуации. Этот сценарий встретил поддержку большей части общества¹⁰⁵

Цель Эрдогана разработать концепцию «Новой Турции» не нова, но теперь этот идеал был окружен ореолом 15 июля и жертв этих событий. Были переписаны учебники истории Турции, в которых теперь меньше места отводится Кемалю Ататюрку, но значительное внимание уделяется событиям 15 июля. Этот день официально объявлен Днем демократии и народного единства. Босфорский мост был переименован в «Мост мучеников 15 июля», а многие улицы — в честь жертв путча¹⁰⁶.

Эрдоган воспользовался послепутчевым шоком при проведении агитации в поддержку конституционного референдума в апреле 2017 г., который привел к созданию президентской системы, к которой он давно стремился. Примечательно, что при этом явные признаки авторитаризации государственного устройства демонстративно позиционировались как демократизационные, о чем свидетельствует и известный послепутчевый лозунг «Демократия победила!»¹⁰⁷

Конституционный референдум 16 апреля 2017 г. и поправки в Конституцию

16 апреля 2017 г. миллионы турецких граждан¹⁰⁸ направились на избирательные участки, чтобы проголосовать по очередным

---

¹⁰⁴ A&G'nin araştırma sonucu: Terörün arkasında ABD var // *Aydınlık*, 08.01.2017.

¹⁰⁵ Taş H. Op. cit. P. 11.

¹⁰⁶ Özyürek E. Commemorating the failed coup in Turkey // *Jadaliyya*, 18. 08.2016.

¹⁰⁷ Karadağ R. Das Ende der Türkischen Demokratie // *Südosteuropa Mitteilungen*, 56, No. 4, 2016.

¹⁰⁸ Более 58 млн избирателей было зарегистрировано на выборы, включая 2,9 млн живущих за границей.

18 поправкам в Конституцию 1982 г. — включая поправку, предполагающую упразднение парламентской системы — традиции, существовавшей в Турции с позднеосманского периода.

Первоочередная задача поправок предполагала переход к президентской системе, в которой всенародно избранный президент являлся бы наиболее влиятельным актором в сфере законодательной, исполнительной и судебной власти. При этом широкие полномочия возлагались на исполнительную власть. Такая система должна была опираться на единение сил, а не на их разделение.

До референдума, согласно Конституции 1982 г., Турция представляла собой парламентскую республику, где исполнительная власть принадлежала совету министров во главе с премьер-министром. Законодательная власть была возложена на однопалатный парламент, в который входили 550 народных избранников, и в котором после ноябрьских выборов 2015 г. были представлены 4 партии. Президент считался главой государства и до референдума имел ограниченные полномочия.

Пакет конституционных реформ состоял из 18 поправок, которые среди прочих предлагали переход от парламентской к президентской системе, упразднение должности премьер-министра, передачу некоторых надзорных функций парламента исполнительной власти, увеличение мест в парламенте до 600 и наделение президента полномочиями делать назначения в судебной власти. Европейская комиссия за демократию через право (Венецианская комиссия) заключила, что предложенные поправки приведут к системе, в которой разделение властей и независимость судебной власти не гарантированы, а президентский режим, которому недостает механизма сдержек и противовесов, необходимо защищать от риска превратиться в авторитарный режим¹⁰⁹.

18 поправок касались 72 статей Конституции и были предложены единым пакетом. Избиратели должны были выбрать «Да» или «Нет». ПСР рассматривала референдум как вопрос лояльности власти. Агитационная кампания была омрачена заявлениями некоторых высокопоставленных лиц, утверждавших, что

---

¹⁰⁹ European Commission for Democracy through Law (Venice Commission) // *Turkey: Opinion on the Amendments to the Constitution*, Opinion No. 875/2017, CDL_AD (2017) 005.

выбор «Нет» сближает избирателей с пособниками террористов и врагами демократии.

Агитация за выбор «Да» велась намного более активно. Правящая ПСР и в некоторой степени ПНД, при поддержке ряда официальных лиц, включая премьер-министра и президента, который в соответствии с Конституцией 1982 г. должен не состоять в партии и исполнять свои обязанности непредвзято и беспристрастно. Президент стал лицом кампании в поддержку «Да» и активно путешествовал по стране, почти ежедневно участвуя в мероприятиях в поддержку принятия поправок в Конституцию. Такая практика размывала линию между партией и государством и нарушала международные стандарты¹¹⁰.

Кампания в поддержку «Нет» в основном велась ведущими оппозиционными партиями НРП и ДПН. Сторонники кампании подвергались различным ограничениям в вопросе ее проведения. Многие были задержаны в основном по обвинению в организации несанкционированных собраний и оскорблении президента. С попытки государственного переворота в июле 2016 г., 158 средств массовой информации были закрыты, в том числе 60 телеканалов и радиостанций, 19 газет, 29 издательств, 5 пресс агентств. Венецианская комиссия охарактеризовала эти действия как «уничтожение СМИ». Многие журналисты были задержаны и находятся в местах лишения свободы по обвинению в причастности к террористическим организациям¹¹¹.

Как было отмечено ранее, основная поправка в Конституцию¹¹² касается перехода к президентской системе. Она отражена в 104 статье, в которой содержится описание властей и обязанности президента республики. Главенствующая позиция президента при этом заключена в следующей формулировке:

«Президент Республики — глава государства. Исполнительная власть принадлежит Президенту Республики. Президент Республики, в качестве главы государства, представляет

---

¹¹⁰ OSCE/ODIHR. Limited Referendum Observation Mission Final Report // Republic of Turkey Constitutional Referendum 16 April 2017. P. 11–12.

¹¹¹ Ibid. P. 13–15.

¹¹² Полный текст Конституции с поправками 2017 г. можно найти здесь: <http://www.mevzuat.gov.tr/MevzuatMetin/1.5.2709.pdf>

Турецкую Республику и единство турецкой нации; он гарантирует имплементацию Конституции и надлежащее функционирование органов государственной власти». Основным отличием от предшествующей формулировки статьи является предложение «Исполнительная власть принадлежит Президенту Республики».

Еще одна важная поправка касается 89 статьи Конституции, которая наделяет Президента полномочиями издавать законы. Президент может вернуть закон в Парламент на повторное рассмотрение. Согласно предыдущей формулировке статьи, простого большинства было достаточно, чтобы принять закон, который был возвращен президентом для повторного рассмотрения. Поправка 2017 г. подняла кворум для повторного принятия до абсолютного большинства. Таким образом, право вернуть закон на повторное рассмотрение превратилось в право вето. Это значительно ослабило парламент и усилило позиции президента.

Поправки 2017 г. также коснулись законодательной сферы. Так, количество парламентариев было увеличено с 550 до 600 человек (статья 75), возраст, когда гражданин мог представлять свою кандидатуру на должность народного избранника был снижен с 25 до 18 лет (статья 76). Статья 77, которая определяла срок работы парламента, была изменена вместе с названием. С поправками она звучит так: «Выборы в Великое Национальное Собрание Турции и выборы Президента проводятся одновременно один раз в пять лет». Таким образом, срок работы парламента был увеличен с 4 до 5 лет.

Окончательные детализированные результаты референдума были объявлены 27 апреля 2017 г. Кампания в поддержку «Да» получила 51,41% голосов избирателей, в то время как «Нет» набрала 48,59%¹¹³. Можно заключить, что конституционный референдум апреля 2017 г. не представлял собой широкомаштабные обсуждения различных вопросов, но явился эффективной попыткой правящей власти узаконить «волю народа», предопределенную популистским нарративом существующей власти.

---

¹¹³ Ibid. P. 21.

Президентские и парламентские выборы 2018 г.

Граждане Турции голосовали шесть раз за последние четыре года. Президентские и парламентские выборы, которые состоялись 24 июня 2018 г., ознаменовали серьезное смещение во внутренней политике страны. После референдума 2017 г. выбор президента в 2018 г. ознаменовал окончательный переход к президентской системе, и поправки в Конституцию вступили в силу. В первый раз Турция выбирала своего президента и парламент в один день.

Эрдоган в середине апреля 2018 г. объявил о своем решении провести досрочные выборы 24 июня 2018 г. Таким образом он рассчитывал воспрепятствовать оппозиции, оставляя им всего лишь два месяца на предвыборную кампанию. Проведение выборов в условиях чрезвычайного положения создало неравную среду для участников кампании. Полиции разрешалось осуществлять аресты без судебного распоряжения, а органы государственной власти обладали полномочиями сдерживать свободу слова, прессы и собраний. Самый крупный медиахолдинг Doğan, который ранее считался наименее зависимым от государства, всего за несколько недель до выборов был продан проправительственному конгломерату. Контроль государства над СМИ привел к неравному освещению предвыборных кампаний Эрдогана и его оппонентов.

Вместе с тем, за последние 16-лет правления ПСР оппозиция никогда не испытывала таких надежд на исход выборов, как на этот раз. И весьма обоснованно: во время президентских выборов 2014 г. Эрдоган набрал 52% голосов и с большим трудом (51%) добился положительного для себя результата референдума. Однако главная оппозиционная партия НРП еще в конце апреля не определилась со своей кандидатурой на пост президента. С другой стороны ДПН обсуждала, стоит ли выдвигать кандидатуру С. Демирташа — лидера партии, который находился в тюрьме. На политической арене Турции появилась Хорошая Партия (İyi Parti), во главе которой встала Мерал Акшнер, в прошлом член ПНД. Ранние выборы могли дисквалифицировать партию от участия в них. Согласно турецкому законодательству, партия могла участвовать в выборах в случае если последний конгресс был проведен не менее чем за 6 месяцев

до даты выборов. Тогда НРП делегировала 15 депутатов в партию Акшенер, это было сделано в соответствии с законом, принятым за месяц до выборов, согласно которому партии могли объединяться.

Помимо кандидатуры Эрдогана на пост президента баллотировались Мухаррем Индже (НРП), Мерал Акшенер (ХП), Селаттин Демирташ (ДПН), Темель Карамоллаоглу (Партия счастья). Однако надеждам оппозиции не суждено было сбыться. Эрдоган выиграл в первом туре президентских выборов, получив 52,6% голосов, а ПСР обеспечила себе 295 из 600 мест в парламенте. Главный оппозиционный кандидат на пост президента Мухаррем Индже получил 30,6% голосов, а НРП удалось занять 146 мест в меджлисе. ДПН и ХП получили 67 и 49 мест в парламенте¹¹⁴.

Победа Эрдогана на выборах 2018 г. и переход к президентской системе правления наделили его возможностью легализовать и институционализировать уже существующий единоличный режим правления. Им были предприняты эффективные попытки применить формулу *партия = правительство = государство*, в которой будущее государственных чиновников полностью определялось степенью лояльности режиму¹¹⁵.

Новая система направлена на ослабление принципа разделения властей, предлагая президенту широкие полномочия в сфере исполнительной власти. Президент уполномочен назначать вице-президентов, министров и государственных чиновников высшего уровня. Он же контролирует бюджет. Новая система предполагает меньше простора для институциональной политики и медиации.

Оценивая период правления ПСР в Турции, его можно разделить, в свою очередь, на несколько этапов: 2002–2007 — годы демократического развития, 2007–2011 — годы стагнации демократии, с 2011 по 2016 — годы ее выраженной рецессии (бифуркационно закончившейся путчем 15.06.2016 г.). В настоящее время тенденция упадка демократии сохраняется.

---

¹¹⁴ 24 Haziran 2018 Seçim Sonuçları // *Sabah*.

¹¹⁵ Taş H. Contained Uncertainty: Turkey's June 2018 Elections and Their Consequences // *Giga Focus, Middle East*, No. 4, 2018. P. 8.

Турецкая государственная эволюция наглядно демонстрирует пример того, как некоторые политические режимы, развиваясь вначале вполне демократически, вступают затем в фазу демократического дефицита, и в особенности того, как популизм может подорвать демократическое развитие общества.

Вызовы и перспективы демократии в Турции: *quo vadis?*

Результаты ретроспективного анализа сложной динамики турецких демократизационных процессов позволили предложить их естественную временную шкалу, включающую шесть последовательных, разнокачественных этапов — от позднеосманского до современного, отсчитываемого от попытки государственного переворота июня 2016 г.

- Основы демократического режима в Турции были заложены еще в период Танзимата и с тех пор непрерывно развивались.
- Важнейшим событием на пути к демократии, несомненно, стало создание Турецкой Республики в 1923 г. и осуществление широкого круга секуляристских реформ.
- Однако кемалистский режим не являлся демократическим, при этом кемалистские реформы заложили важные основы для построения демократии. Проект модернизации «сверху вниз», инициированный кемалистами, впоследствии сдерживал развитие подлинной демократии путем ограничения религиозных свобод и прав меньшинств.
- Модернизация «сверху вниз» вместо культурной трансформации всего общества, привела к культурной бифуркации общества, существованию двух «лагерей» с различными, а иногда даже непримиримыми понятиями о хорошем и плохом.
- Последствия культурной бифуркации являются постоянной особенностью турецкой политики и одним из основных факторов, порождающих патологии,

которые наблюдаются в функционировании турецкой демократии.

- Реальная политическая либерализация была начата в 1946 г. В период с 1946 по 1952 год в Турции произошел переход от однопартийного автократического режима к конкурентной политике.
- На решение турецкого правительства открыть политическую систему для конкуренции в значительной степени повлияли итоги Второй мировой войны и желание Турции стать частью формирующегося западного блока, наряду с подлинным требованием демократии в обществе. Таким образом, Турция стала одной из первых стран, подписавших Всеобщую Декларацию прав человека от 10 декабря 1948 г. Вскоре после этого, 9 августа 1949 г., она вступила в Совет Европы, а в 1954 г. ратифицировала Европейскую конвенцию о правах человека. В 1952 г. Турция стала членом НАТО.
- Период между 1960 и 1980 г. с тремя переворотами в 1960, 1971 и 1980 г. был негативным в плане демократического развития. Однако политика после 1960 г. была более демократичной, чем в 1950-х г., с более широкими свободами слова, прессы и ассоциаций. Нарастающая в 60-х г. социальная и политическая поляризация, завершились непрямым военным вмешательством в марте 1971 г. Правительства в период с 1973 по 1980 г. не обеспечили значительного расширения демократических институтов и процессов.
- Военные вмешательства способствовали дальнейшей политической фрагментации. Недостатки внутрипартийной демократии и авторитарного руководства партий являются еще одним постоянным препятствием на пути развития демократии в Турции.
- Социально-экономические изменения, сопровождавшиеся массовой миграцией населения из сельских районов и интенсивной урбанизацией, индустриализацией и развитием сферы услуг, привели к углублению дифференциации и фрагментации общества, в результате чего в конце 80-х г. сформировалось явление, известное как

- турецко-исламский синтез, служившее одним из проявлений культурной бифуркации.
- Вместе с тем ряд коалиционных правительств в 1990-х демонстрировал устойчивую тенденцию к большей демократии.
  - С другой стороны, это раздвоенное в культурном отношении общество также породило явление, известное как *зеркальное отражение поведения*¹¹⁶, означающее, что победа на выборах несет за собой непреодолимую тенденцию со стороны победителя повторить авторитарное поведение своего предшественника.
  - Партия справедливости и развития пришла к власти в 2002 г. В начале она сделала сильный акцент на вступление в ЕС. Это стремление обеспечило мощный и устойчивый внешний стимул для демократизации Турции.
  - ПСР с ее происламскими и антизападными корнями, по иронии судьбы, сыграла исторически важную роль в укреплении демократии в Турции и в интеграции Турции в ЕС. Первые два правительства ПСР характеризовались развитием демократических свобод, прежде всего в области борьбы с пытками, укреплении гражданского контроля над военными, укреплении прав человека, защиты меньшинств и обеспечения свободы слова, собраний и ассоциаций.
  - Политика ПСР оказалась стратегически полезной в краткосрочной перспективе, однако не представляется возможным говорить о долгосрочном вкладе в демократию Турции ввиду авторитарных тенденций, которые стали более явными с тех пор, как партия начала свой третий срок полномочий (2011).
  - Правление ПСР можно разделить на несколько условных периодов: 2002–2007 — годы демократического развития, 2007–2011 — годы стагнации демократии, с 2011 г. по настоящее время — годы упадка демократии.

---

¹¹⁶ Термин, используемый И. Тураном в книге «Turkey's Difficult Journey to Democracy. Two Steps Forward, One Step Back». Р. 196–197.

- Политическая идентичность ПСР сместилась от консервативной демократии к популистской мусульманской квазидемократии.
- *Секьюритизация* политических вопросов путем рассмотрения проблем в основном или исключительно с точки зрения безопасности и *мажоритарность*, означающая, что тот, кто получает большинство, может осуществлять неограниченную власть — две ключевые тенденции в правлении ПСР.
- Попытка государственного переворота 15 июля 2016 г. является важным моментом в истории современной Турции. Реакция на нее подчеркнула желание народа и глубокую потребность общества в поддержании демократических ценностей и свобод. Совместные действия представителей различных слоев общества, а также заявления представителей всех политических партий, единогласно осудивших путчистов, служат тому явным подтверждением.
- Травма, полученная после попытки переворота, была эффективно использована правящей элитой в ее популистской риторике и служила инструментом в агитационной кампании в преддверии конституционного референдума 2017 г.
- Конституционный референдум 2017 г. не только обеспечил переход к президентской системе, но ослабил позиции парламента как визави исполнительной власти.
- После президентских и парламентских выборов 2018 г. поправки в Конституцию вступили в силу, тем самым выборы ознаменовали окончательный переход к новой системе.
- Пример Турции демонстрирует, как популизм может подорвать демократическое развитие общества. При этом популистский нарратив ПСР — не отдельный пример демократического упадка, а скорее часть глобального тренда демократической рецессии.

Демократизация в Турции, как и в других странах, является длительным процессом с его взлетами и падениями. Турецкая демократия характеризуется значительными недостатками,

которые коренятся, прежде всего, в культурной бифуркации общества, а также авторитарных тенденциях существующего режима. Демократия в Турции не может улучшить своего качества без успешного решения проблемы культурного разделения (светское население и религиозное население, турки и курды, сунниты и алевиты и т. д.) и решения вопроса о делении власти. Сможет ли Турция избежать дальнейших злоупотреблений властью со стороны правящей элиты и продолжить свое демократическое развитие — пока остается неясным.

Глава XIII

САУДОВСКАЯ АРАВИЯ: ЭВОЛЮЦИЯ ГОСУДАРСТВА И ОБЩЕСТВА

В сентябре 1932 г. указом Абдель Азиза бен Абдель Рахмана Аль-Фейсала Аль Сауда (Ибн Сауда) политический конгломерат «Королевство Хиджаз, Султанат Неджд и присоединенные территории» (завоеванные ранее и аннексированные Эль-Хаса — ныне Восточная провинция — и Асир) был трансформирован в «Королевство Саудовская Аравия». Титул «король Хиджаза и султан Неджда» отменялся — Ибн Сауд стал *саудовским* королем¹. Эпоха пространственного расширения сферы власти основателя современной Саудовской Аравии, начавшаяся в январе 1902 г. захватом Эр-Рияда, завершилась.

Саудовское государство: союз династии и религии

Оправдывая курс территориальной экспансии, Ибн Сауд заявлял: «Я — араб из лучших арабских семей. Я властвую потому, что мои отцы и деды с древности известны как правители. Я властвую потому, что так предопределил Господь»². Слова короля-основателя лишь подтверждали то, что саудовское государство неотделимо от династии — семьи Аль Сауд (Ибн Сауда и его сыновей, сменявших на троне отца). Разрыв между династией

Автор главы — *Косач Григорий Григорьевич*

¹ Ст. 1 приютого 23 сентября 1932 г. указа о переименовании государства гласила: «Название государства “Королевство Хиджаз, Султанат Неджд и присоединенные территории” меняется на “Королевство Саудовская Аравия”. Отныне наш (Ибн Сауда. — Г. К.) титул звучит как “король Королевства Саудовская Аравия”». См.: Амр малякий ракм 2716 (Королевский указ № 2716) // *Умм Аль-Кура*, № 406, 23 сентября 1932. С. 1.

² Цит. по: Аль-Мухтар С.-Д. Тарих Аль-Мамляка Аль-Арабийя Ас-Саудийя фи мадыха ва хадыриха (История Королевства Саудовская Аравия в ее прошлом и настоящем). Бейрут, б/г. С. 10.

и государством привел бы его к потере легитимности и в итоге — к крушению. Провозглашая незыблемость этой связи, принятый в 1992 г. конституционный акт — Основной закон правления подчеркивал: «Власть принадлежит сыновьям короля-основателя Абдель Азиза ибн Абдель Рахмана Аль Сауда и сыновьям их сыновей»³. Саудовский политолог замечал: «Государство и воплощающие его символы — флаг, герб и гимн связывали народ с правящей семьей, давшей народу название, а не с территорией, населенной человеческим сообществом»⁴.

Это сообщество определялось как *арабское* в значении совокупности проживающих в пределах Саудовской Аравии родоплеменных образований. Официальная публикация подчеркивала: «Правители и граждане Королевства — арабы, принадлежащие к ста древним племенам, образующим саудовский народ»⁵. На вершине социальной пирамиды этого сообщества — семья Аль Сауд, — ей приносилась клятва *верности*, оформлявшаяся как *соглашение (аль-бай'а)* с правителем. Определяющий *аль-бай'а* Основной закон правления гласил: «Граждане приносят королю клятву верности на Книге Всевышнего Господа и Сунне Его Пророка, обещая повиновение и покорность в трудностях и радостях, в богатстве и в несчастьи»⁶. Описывая восхождение на трон нынешнего монарха, саудовское издание сообщало: «23 января 2015 г. Сальману бен Абдель Азизу была принесена присяга принцев, верховного муфтия, улемов, министров, высших гражданских и военных руководителей, а также многочисленных граждан. Они поклялись на Книге Господа и Сунне Его Пророка быть верными правителю Королевства Саудовская Аравия»⁷. Саудовская монархия, замечал наследный принц Мухаммад бен Сальман, «не похожа на ее европейские аналоги»,

---

³ Цит. по: Бен Баз А.А. Ан-Низам аль-асасий ли аль-хукм. Ст. V. С. 265.

⁴ Ар-Рашид Х. Халь хунак хуввийя ватанийя саудийя (Существует ли саудовская национальная идентичность)? // *Шуун саудийя*, № 3, апрель 2003. С. 26.

⁵ Ламахат ан савабит ас-сияса ас-саудийя (Очерки о константах саудовской политики). Эр-Рияд: Дар аль-Харриджи, 1995. С. 114.

⁶ Ан-Низам аль-асасий ли аль-хукм (Основной закон правления). Ст. VI. — Бен Баз А.А. Ан-Низам ас-сиясий ва ад-дустурий ли Аль-Мамляка Аль-Арабийя Ас-Саудийя (Политико-конституционная система Королевства Саудовская Аравия). Эр-Рияд, Дар Аль-Харриджи, 2000. С. 265.

⁷ Аль-Малик Сальман ва аль-амир Мукран ва вали вали аль-ахд яталяккун аль-бай'а (Король Сальман, принц Мукран и заместитель наследника

эта «монархия — племенной институт, связывающий племена и региональные сообщества с вершиной власти»⁸.

Процесс формирования крупнейшей державы Аравийского полуострова обладал собственной спецификой. Ею был пространственный контекст: Ибн Сауд действовал не только в пределах исторической колыбели королевства — Неджда (где возникали и два предшествовавшие саудовские государства⁹), но и за его пределами. Если в Неджде его задача состояла в воссоздании структуры подчинения местных родоплеменных образований его семье, то вне его границ — в достижении «соглашений» с кочевыми племенами и жителями оазисов¹⁰. Король-основатель нуждался в легитимации своих действий, и источником этой легитимации стала созданная шейхом Мухаммадом ибн Абдель Ваххабом версия ханбалитского мазхаба.

Описывая события первой трети XX столетия и квалифицируя их как *таухид ад-дауля* — объединение государства, саудовский историк А.С. Аль-Усейман видел в «восстановлении саудовской власти» и «объединении страны» — синонимы¹¹. Но термин *таухид ад-дауля* религиозно окрашен, его первая часть обозначает и единобожие — основной столп мусульманской веры. «Объединение государства» не только «восстанавливало» власть Аль Сауд, но и придавало новый импульс деятельности ханбалитских улемов (в первую очередь, потомков ибн Абдель Ваххаба — семьи Аль аш-Шейх), обескровленных междоусобной борьбой предшествовавшего времени. Ведя завоевания,

---

престола принимают присягу) // *Аль-Хайят*, 23.01.2015. URL: <http://alhayat.com/Articles/6991041>.

⁸ Аль-Амир Мухаммад бен Сальман: таршид аль-ида аль-хукумиль вахид мин тахаддиятина ар-райсийя (Принц Мухаммад бен Сальман: решение вопроса государственного управления — один из стоящих перед нами основных вызовов) // *Аш-Шарк Аль-Аусат*, 29 ноября 2015. URL: <http://aawsat.com/node/508011>.

⁹ Первое саудовское государство (1745–1811 гг.) было разрушено в итоге экспедиции на Аравийский полуостров армии египетского правителя Мухаммада Али. Второе (1843–1865 гг.) пало из-за разногласий в семье Аль Сауд и усиления эмирата Джебель-Шаммар.

¹⁰ См. подробнее: Васильев А.М. История Саудовской Аравии. М.: Наука, 1982. С. 281–297.

¹¹ Аль-Усейман А.С. Тарих Аль-Мамляка Аль-Арабийя Ас-Саудийя. Аль-Джуз ас-сани. Ахд аль-малик Абдель Азиз (История Королевства Саудовская Аравия. Ч. II. Эпоха короля Абдель Азиза). Эр-Рияд, Мактаба аль-малик Фахд аль-ватанийя, 1999. С. 53–54.

по словам саудовско-британской исследовательницы М. ар-Рашид, Ибн Сауд «превращал военную экспансию в джихад против противников и конкурентов, обращаясь к племенам центра Аравийского полуострова от имени Бога»¹². Он «возвращал» своих подданных к исповеданию веры *благородных предков*, ведя войну против *многобожников и джахилийи* (религиозного невежества). Ханбалитская элита видела в новом правителе избавителя: «Господь, — провозглашал в своей *фетве* современник Ибн Сауда, — благодетельствовал мусульман справедливым правлением эмира Абдель Азиза. С его помощью Господь восстановил шариат и положил предел неодобряемым и преступным делам»¹³.

Союз правителя с ханбалитскими улемами (превращавший Аль Сауд и Аль аш-Шейх в ведущих акторов недждийской/саудовской политической сцены) религиозно освящал государство: со времени проведения в Мекке Всемирного мусульманского конгресса в 1926 г., Ибн Сауд носил титул «Служителя Двух Благородных Святынь». *Аль-бай'а* обретала черты присяги, принесенной мусульманской общиной халифу Абу Бакру после кончины Пророка¹⁴. Дань, выплачиваемая подданными, провозглашалась *закят*ом. Походы короля-основателя переставали быть набегами — *газв*, став войной во имя веры — *джихад*ом.

Саудовское общество: линии внутренних разломов

Пространство политической гегемонии правившего до 1953 г. Ибн Сауда, а затем его наследников «не однородно, — утверждал саудовский автор Х. Аль-Хасан, — оно поликультурно

---

¹² Ар-Рашид М. Ас-сияса фи ваха арабийя: имара Аль Ар-Рашид (Политика в аравийском оазисе: эмират Аль Ар-Рашид). Бейрут: Дар ас-Саки, 2003. С. 239.

¹³ Цит. по: Мулин М. Уляма аль-ислям. Тарих ва бунья аль-муассаса ад-динийя фи Ас-Саудийя байн аль-карнейн ас-самин ашар ва аль-хади ва аль-ишрин (Улемы ислама. История и структура религиозных институтов Саудовской Аравии между XVIII и XXI веками). Бейрут: Аш-Ширка аль-арабийя ли аль-абхас, 2011. С. 154.

¹⁴ Аль-Малик Абдалла: ва'идакум аля ихкак аль-хакк ва ирса аль-адль (Король Абдалла: я обещаю вам следовать путем права и созидания справедливости) // *Аш-Шарк Аль-Аусат*, 4.04.2005. URL: <http://aawsat.com/details.asp?section=1&issueno=9746&article=315859>.

и многоконфессионально». Его характеризуют «регионализм, многообразие наречий, несхожесть политической истории составляющих это пространство провинций»¹⁵. Развивая свою мысль, тот же автор сообщал, что «территориальная протяженность и ландшафт образуют замкнутые пространства» (Неджд, Хиджаз, Эль-Хаса, Асир и Неджран), населенные «сообществами с их специфическими чертами». Это племена и созданные ими союзы — «субэтносы» с собственными наречиями, фольклором, кухней и костюмами.

Саудовская статистика игнорирует конфессиональные особенности социума, ограничиваясь указанием на то, что граждане страны — мусульмане. Провозглашаемое единство вероисповедания предполагает повсеместную приверженность ваххабитской версии ханбализма. Но в этом социуме присутствуют вкрапления последователей суфийских *тарикатов* (прежде всего, в Хиджазе¹⁶) и неханбалитских мазхабов; немногочисленность сторонников *ханафитской* доктрины компенсируется широким распространением *шафитской* и *маликитской* правовых школ. Осуществленная зимой 2009 г. предшественником нынешнего монарха Абдаллой бен Абдель Азизом реформа Совета высших улемов ввела в его состав представителей всех трех неханбалитских мазхабов.

Шииты — часть саудовского конфессионального пейзажа. Оценки их веса в демографической структуре условны: в 2010 г. саудовский шиитский клирик Хасан Ас-Саффар определял численность шиитов-двунадесятников в пределах от 1,5 до 1,8 млн¹⁷. В граничащей с Йеменом провинции Неджран, по оценке Х. Ас-Саффара, проживает около 500 тыс. *исмаилитов*, близость к Йемену предопределила распространение *зейдизма* в Асире.

---

¹⁵ Аль-Хасан Х. Аль-харита аль-мазхабийя фи Ас-Саудийя (Конфессиональная карта Саудовской Аравии) // *Аль-Джазира*, 3.10.2004. URL: <http://www.aljazeera.net/home/787157c4-0c60-402b-b997-1784ea612f0c/c5d7b>.

¹⁶ См.: Железнов А.А. Ситуация с суннитскими меньшинствами в Саудовской Аравии: реалии и перспективы // *Ближний Восток и современность*, Вып. 47, М.: ИБВ, 2013. С. 33–34.

¹⁷ Хивар барнамадж Аль-Минасса ли симаха аш-шейх Ас-Саффар аля канат Аль-Кут аль-фадаийя (Беседа программы «Трибуна» с шейхом Ас-Саффаром на спутниковом канале Аль-Кут). 13.-1.2014. URL: <http://www.saffar.org/index.php?act=artc&id=3272&hl=>

Шииты-двунадесятники Восточной провинции — меньшинство в суннитском окружении. Вплоть до конца 1940-х гг. их основным занятием оставалось сельское хозяйство. Особенностью их положения был не только «статус презираемых [недждийскими завоевателями] земледельцев», но и «незнание родовых генеалогий», что исключило их «вхождение в систему племенной иерархии»¹⁸. Диссонирующая на фоне суннитского господства традиция подверглась преследованию. Шиитское богословие объявлялось «еретическим», разрушение культовых зданий оправдывалось «изживанием порока многобожия», проведение церемонии *ашура* запрещалось. Слова ханбалитского богослова о том, что «шиизм опаснее коммунизма и сионизма»¹⁹, доказывали, что шииты отброшены к состоянию «политико-конфессиональной маргинальности»²⁰. Тому были причины, имевшие отношение к политике, экономике и безопасности: в Восточной провинции добывается 98% саудовской нефти, обеспечивая 90% внешних доходов государства²¹. В условиях противостояния Ирану власть видела в шиитах «пятую колонну».

Саудовское социокультурное многообразие не может рассматриваться лишь как производное от многоконфессиональности либо фольклора. Оно определялось и исторической памятью с ее образами прошлого, далекого от саудовского государства. В течение 1916–1925 гг. Хиджаз был суверенным королевством под *хашимитским* управлением. В равной мере это относилось и к *идрисидскому* Асиру, сохранявшему политическую самостоятельность до 1923 г. Итогом саудовско-йеменской войны 1934 г. стало поглощение части территории Йемена — Недждрана. Неджд не был в этом отношении

---

¹⁸ Ар-Рашид М. Тарих Аль-Арабийя Ас-Саудийя байн аль-кадим ва аль-хадис. Бейрут: Дар ас-Саки, 2009. С. 61–62.

¹⁹ Цит. по: Ayad C. Chiites — Sunnites, guerres ouvertes // *Le Monde*, 22.05.2013. URL: http://www.lemonde.fr/a-la-une/article/2013/05/22/chiites-sunnites-guerres-ouvertes_3414637_3208.html.

²⁰ Шаххата М.Н. Сияса ан-нузум аль-хакима фи Аль-Бахрейн ва Аль-Кувейт ва Ас-Саудийя фи ат-таъамуль маа маталиб аш-шиъа (Политика правящих режимов Бахрейна, Кувейта и Саудовской Аравии в отношении требований шиитов). Бейрут, Марказ дирасат аль-вахда аль-арабийя, 2011. С. 114.

²¹ Eastern Province of Saudi Arabia. Facts and Figures / Dammam, Asharqiya Chamber, 2013. P. 8. URL: https://www.chamber.org.sa/sites/English/InformationCenter/Studies_documents/Eastern_Province.PDF

исключением. До 1921 г. на большей части его территории господствовал эмират Джебель-Шаммар, созданный семьей Аль ар-Рашид из племени шаммар.

Территориальное единство государства с его многочисленными линиями хозяйственных, социальных и этнокультурных разломов опиралось на силу — эта традиция коренилась в истории Аравийского полуострова. Комментируя «специфику» саудовского общества, возглавлявший внешнеполитическое ведомство принц Сауд аль-Фейсал подчеркивал: «Неограниченную свободу перемещавшегося по аравийской пустыне кочевника следовало ограничить, чтобы он, опирающийся на насилие и разжигавший межплеменные войны, не покушался на свободу других»²². Однако сила не выступала как единственный фактор сохранения статус-кво.

Религиозное и социокультурное единство общества достигалось при опоре «на факторы ваххабизма и Неджда»²³. Ваххабитская трактовка ханбалитского мазхаба, «объединяя государство», предлагала инструмент обеспечения единообразия общества. Ибн Сауд распространил этот мазхаб на всю подчиненную ему территорию (его сыновья-наследники поддерживали незыблемость этого положения). Опора на него позволяла устранять линии разлома, искореняя региональную и этноконфессиональную память. Этому содействовала созданная в 1925 г. и финансируемая правителем Лига поощрения добродетели и осуждения греха, возглавляемая богословами Аль аш-Шейх. Обнародованный в октябре 1926 г. указ Ибн Сауда ликвидировал в мекканской Запретной мечети кафедры законоучителей трех правовых школ суннизма (при сохранении ханбалитской). Объединению страны «придавалась необходимая форма» — «правовые нормы более не разделяли подданных короля»²⁴.

Культурная гегемония Неджда — итог политического господства Аль Сауд. «Фактор Неджда» также содействовал

---

²² Аль-Фейсал С. Аль-Ислях байн ас-сабит ва аль-мутагайир (Реформа в контексте постоянства и перемен) // *Ад-Дипломасий* (Эр-Рияд), № 23, апрель 2005. С. 1.

²³ Аль-Хасан Х. Аль-харита...

²⁴ Таухид аль-джамаа хальф имам вахид фи Аль-Харам аль-маккий уля бавадир вахда Ас-Саудийя (Объединение общины за одним имамом

устранению региональной памяти. Недждийский танец *арда* обрел черты «национального» танца: ежегодный фольклорный фестиваль в Эль-Джанадарийе (неподалеку от Эр-Рияда) открывается его исполнением при участии коллективов из всех саудовских регионов. Недждийский мужской костюм (определяемая сезоном года белая полотняная либо серая шерстяная длинная рубаха, а также головной убор — поддерживаемый шнуром платок), стал, по распоряжению Ибн Сауда, обязательным для ношения во всех государственных учреждениях. Это относилось и к женскому платью — *абайе*, дополняемому *хиджабом*.

Саудовский социум: неискорененное многообразие

Политика государства не уничтожила многообразие саудовского социума. Но его проявления зависели от факторов, определявших положение того или иного региона или этноконфессионального сегмента в системе общественных отношений.

Достигнутый Хиджазом к моменту его аннексии уровень развития позволил этому региону занять особое положение в государстве. С опорой на структуры османского и хашимитского времени там создавались первые правительственные учреждения — прообразы министерств, совета министров и парламента. Мекка, а не остававшийся местом пребывания недждийской знати и религиозных сановников Эр-Рияд, до конца 1950-х гг. играла роль саудовской столицы. Хиджаз был и центром культурной жизни: в османское время там появились пресса и соответствовавшие уровню эпохи школы (в том числе и для девочек), зарождалось современное литературное движение. В Джидде возникли первые банковско-финансовые организации и объединения купеческих семей, ставшие основой современных торгово-промышленных палат.

Модернизационный процесс (с 1960-х гг. — необратимая тенденция) опирался на хиджазцев — основу образованного класса. Выходцы из Хиджаза составили, в частности,

---

мекканской Святыни — первый шаг к единству Саудовской Аравии) // *Аш-Шарк Аль-Аусат*, 25.09.2013. URL: <http://www.aawsat.com/details.asp?section=43&article=744606&issueno=12720>.

почти 74% членов дипломатического корпуса (недждийцы — не более 15%)²⁵, в то время как в рядах богословов доля хиджазцев незначительна: с момента образования Совета высших улемов в 1971 г. и вплоть до начала 2000-х гг. в нем было представлено 7% уроженцев Хиджаза и 73% — Неджда²⁶. Процесс «вписывания» выходцев из этого региона в структуры власти придавал местному патриотизму особые свойства.

Этот «патриотизм» обрел черты ностальгических воспоминаний. Описывая Мекку 40–60-х гг. XX в., родившийся в ней журналист и диссидент Аднан А. ас-Сиджин сообщал: «В культурном и социальном отношении Мекка была многолика, ее населяло множество [мусульманских] конфессиональных и этнических групп с многообразием характеров и обычаев. Центр Мекки, ее “жемчужина” — Запретная мечеть, ограниченная территорией еще османского времени, была не столько местом молитвы, сколько местом встреч, учебы, общественных контактов, культурных и религиозных дискуссий, в которых участвовали и мужчины, и женщины»²⁷. Опираясь на мнение своих хиджазских собеседников, английский автор Р. Лиси писал, что вплоть до конца 70-х годов в Джидде (где еще в 80-е годы располагались иностранные дипломатические представительства) проходили «благотворительные базары, театральные вечера и показы мод», «праздновался [христианский] Новый год, День святого Валентина и Хэллоуин»²⁸.

Хиджазский «патриотизм» мог приобретать и иные оттенки. Во-первых, это гордость за существующее культурное наследие, доказываемая публикациями хиджазских авторов об архитектурной ценности исторической части Джидды, включенной в список Всемирного наследия ЮНЕСКО²⁹. Во-вторых,

²⁵ См. об этом: Косач Г.Г. Саудовский дипломатический корпус: этапы эволюции и источники формирования. М.: ИБВ, 2008. С. 103–120.

²⁶ Мулин М. Уляма аль-ислям... С. 278–288.

²⁷ Аднан А. Ас-Сиджин 32. (Заключенный № 32). Бейрут, Аль-Марказ ас-сакафий аль-арабий, 2011. С. 24.

²⁸ Лиси Р. Аль-Мамляка мин ад-дахиль (Королевство изнутри). Дубай, Марказ Аль-Мисбар, 2011. С. 80–81.

²⁹ Аш-Шбейли А.Р. Арьяф Аль-Мамляка: сияха аля катф аль-джибаль (Провинции Королевства: туризм на склонах гор) // *Аш-Шарк Аль-Аусат*, 17.06.2014. URL: <http://www.aawsat.com/leader.asp?section=3&issueno=12985&article=775923>.

утверждение культурного превосходства над Недждом: Хиджаз представляется как регион, определивший развитие саудовского образования и культуры и создавший предпосылки для модернизации³⁰. Идея хиджазской «идентичности», выдвигавшаяся местными интеллигентами и понимавшаяся как «возрождение культурно-исторического наследия» и «хиджазских традиций религиозного плюрализма и терпимости», сочеталась с обращением к суфизму³¹.

На этом фоне локальный «патриотизм» районов Неджда эпизодичен и принимает формы историко-антропологических исследований, посвященных, в частности, городам Бурайда и Анайза (провинция Эль-Касым). Оба этих города — центры небольших эмиратов — возникли в зоне оазисного земледелия и в досаудовскую эпоху процветали на торговых и паломнических путях из Ирана и южного Ирака в Мекку. Опровергая официальный нарратив, М. ар-Рашид писала, что «процесс образования местных государств на несколько веков опередил свой саудовский аналог, когда основополагающую роль играли не завоевания, а купечество и городские агломерации»³².

Начавшееся во второй половине 1940-х гг. ускоренное развитие нефтедобывающей промышленности изменило саудовское общество, включая и шиитов. Прежние земледельцы устремлялись в возникавшие «нефтяные города», составив в конце 70-х гг. более половины рабочей силы на предприятиях ARAMCO (с 1988 г. Saudi ARAMCO). Компания создавала школы для рабочих, поощряла местных уроженцев к заключению контрактов на предоставление услуг, содействовала поступлению талантливых работников в саудовские и зарубежные учебные заведения. В 80-е гг. более половины студентов созданного компанией Колледжа нефти и природных ресурсов (ныне Университет нефти и природных ресурсов им. короля Фахда) в Дахране было представлено шиитами, как и большинство студентов открытого в 1975 г. и специализирующегося

---

³⁰ Аль-Абъяд С. Аль-Фалых: хикайя мадраса расамат харита ат-таалим фи Ас-Саудийя (Аль-Фалых: история школы, создавшей абрис саудовского образования) // *Аш-Шарк Аль-Аусам*, 13.09.2013. URL: <http://www.aawsat.com/details.asp?section=54&issueno=12708&article=743286>.

³¹ Цит. по: Железнов А.А. Ситуация... С. 43.

³² Ар-Рашид М. Тарих... С. 271.

на преподавании агрикультуры, медицины и ветеринарии Университета им. короля Фейсала в Даммаме и Хуфуфе³³. Шиитское сообщество обрело современную социальную структуру.

Трансформация шиитского сообщества не сопровождалась повышением его роли в жизни государства. Шиитское предпринимательство ограничивалось низшими ступенями бизнеса, в школах и высших учебных заведениях отсутствовали преподаватели-шииты, их религиозные обряды оставались запрещенными, перед молодежью были закрыты двери службы в армии, полиции и службах госбезопасности. Политические веяния 60-х гг. подталкивали эту молодежь к вступлению в подпольные организации насеристского или баасистского толка: Восточную провинцию охватила волна рабочих волнений, развивавшихся под лозунгами левого панарабизма³⁴. После революции в Иране место панарабских идей заняла политизированная религия.

Менялось и само шиитское сообщество: в 1970-е гг. возникла группа собственных духовных лидеров во главе с шейхом ас-Саффаром, вдохновивших в ноябре 1979 г. в районах расселения шиитов-двунадесятников волнения, участники которых требовали создать «Исламскую республику Эль-Хаса». Противодействие им было затруднено, поскольку формирования службы госбезопасности были заняты подавлением выступлений ваххабитских экстремистов, захвативших Запретную мечеть в Мекке. Только после завершения операции в «святом городе» удалось «умиротворить» Восточную провинцию.

В первой половине 1980-х гг. началась «новая эра» в отношениях между государством и шиитским сообществом. Место прежних администраторов (выходцев из Неджда) в Восточной провинции заняли технократы-шииты, выпускники высших учебных заведений региона. Шииты кооптировались в руководство строившихся промышленных комплексов. Процессии в день *ашуры* стали частью повседневности. Встретившись в 1993 г. с прибывшими в Саудовскую Аравию единомышленниками шейха Ас-Саффара (в дальнейшем в страну вернулся

---

³³ Ayad C. Chiïtes — Sunnites, guerres ouvertes // *Le Monde*, 22.05.2013. URL: http://www.lemonde.fr/a-la-une/article/2013/05/22/chiïtes-sunnites-guerres-ouvertes_3414637_3208.html.

³⁴ Цит. по: Васильев А.М. История... С. 424–425.

и он сам), король Фахд ибн Абдель Азиз объявил об амнистии всех участников волнений 1979 г. и отказе от практики дискриминации.

Новая ситуация меняла риторику шейха ас-Саффара: он считал, что «где бы ни находились шииты, они — неотъемлемый элемент их родины и их народа»³⁵. Шиитский лидер подчеркивал, что «политический и религиозный деспотизм порождает ущербность общины, заставляя ее спланиваться ради защиты своих интересов», в то время как «не существует противоречия между лояльностью родине и преданностью религии». Ас-Саффар видел свою задачу в том, чтобы требовать от власти «выработать дискурс единения, диалога, взаимодействия, сотрудничества и гражданского равенства». Указывая на причины нетерпимости, он обвинял «религиозное [ваххабитское] руководство, мобилизующее своих единомыслителей на сохранение своего доминирования»³⁶.

В октябре 2011 г. (последствия этих событий ощущались вплоть до 2013 г.) власть столкнулась с волнениями шиитской молодежи, начавшимися в городе Эль-Авамийя после ареста радикального противника ас-Саффара шейха Нимра ан-Нимра. Участники выступлений не имели программы действий, нанося удар по «оплотам несправедливой власти и ее пособникам» — полицейским участкам, государственным учреждениям и по «собственности частных лиц». Сами же волнения развивались как спонтанное выступление, сопровождавшееся погромами и расхищением государственного имущества. Это были самые серьезные после 1979 г. выступления шиитов Восточной провинции, для подавления которых была привлечена Национальная гвардия.

Курс «осторожной открытости», проведение которого стало очевидной тенденцией в эпоху правления Абдаллы бен Абдель Азиза, содействовал повышению уровня интеграции шиитов в саудовское общество: шиитская интеллигенция была включена в реализацию программ «национального диалога»,

---

³⁵ Хивар мандуб Муассаса аль-фикр аль-ислямий аль-муасыр маа аш-шейх Хасан Ас-Саффар (Диалог представителя Фонда современной исламской мысли с шейхом Хасаном Ас-Саффаром). 24.07.2012. URL: <http://www.saffar.org/?act=artc&id=3016>.

³⁶ Там же.

сопровождающегося контактами богословов обоих направлений ислама. На шиитских религиозных лидеров распространилась система *аль-бай'а*. Представители шиитского сообщества были введены в состав назначаемого Консультативного совета, господствуя в муниципальных советах шиитских населенных пунктов, депутатами которых они стали в ходе избирательных кампаний 2005, 2012 и 2015 гг.

Связанные с общиной изменения не могут считаться полноценными: армия, полиция, служба госбезопасности и внешне-политическое ведомство лишь частично открыты для шиитов, сопротивление богословов, исключившее назначение шиитского правоведа в Совет высших улемов, оказалось непреодолимо, а государство продолжает видеть в Иране своего стратегического противника. По словам саудовского шиитского автора Б. Ибрагима, власть продолжает проводить «ваххабитскую политику, что исключает возможность создания всеобъемлющей саудовской идентичности, шииты же испытывают воздействие активистских движений, политизирующих общину» — «движение сторон навстречу друг другу хаотично»³⁷.

События последнего времени, связанные с появлением «Исламского государства» и (если следовать официальной саудовской версии) проникновением его сторонников на саудовскую территорию (итогом которого стали нападения на шиитские мечети в декабре 2014 г. и в мае 2015 г.), позволили власти организовать «общенациональную кампанию суннитско-шиитской солидарности». Элементом этой кампании стало публичное осуждение верховным муфтием и членами Совета высших улемов трагических событий в Восточной провинции, а также участие суннитских богословов в похоронах погибших.

23 апреля 2000 г. в городе Неджран (центре одноименной провинции) произошли выступления исмаилитов, поводом для которых стало закрытие исмаилитских мечетей и аресты духовных лидеров общины³⁸. Столкновения с силами

---

³⁷ Ибрагим Б. Аль-хирак аш-ши'ий фи Ас-Саудийя: тастьис аль-мазхаб ва мазхаба ас-сияса (Шиитское движение в Саудовской Аравии: политизация конфессии и конфессионализация политики). Бейрут: Аш-шабака аль-арабийя ли-ль-абхас, 2013. С. 318.

³⁸ О событиях в Неджране см.: The Ismailis of Najran. Second-class Saudi Citizens. Human Rights Watch, September 2008. P. 2–4.

госбезопасности закончились кровопролитием, последовала волна арестов, поддержанных фетвой Совета высших улемов, объявившей исмаилитов неверными.

Преодолевая сопротивление улемов (и фактически проигнорировав их фетву), Абдалла бен Абдель Азиз распространил курс «осторожной открытости» и на исмаилитов, что подчеркнула состоявшаяся в начале ноября 2006 г. его поездка в Неджран (где стали появляться новые исмаилитские мечети). Увеличение инвестиций в этот регион сопровождалось (как и в случае с шиитами) распространением системы *аль-бай'а* на духовных руководителей исмаилитской общины и расширением ее представительства в Консультативном совете. В конце июня 2014 г. был сделан беспрецедентный шаг: в составе Совета министров появился уроженец Неджрана, занявший пост министра по делам Консультативного совета³⁹.

Процесс модернизации: старые и новые проблемы

Саудовское государство не выглядело как «застывший цивилизационный феномен»⁴⁰, ведь уже во время правления Ибн Сауда была налицо его способность к последовательной (хотя и медленной) трансформации. Действующие в стране коммерческие банки даже в эпоху короля-основателя прибегали к использованию *лихвы*. Игнорируя мнение улемов, Ибн Сауд вводил осуждавшиеся ими «новшества». Появление кино, радио и телевидение, обретение флага, герба и гимна проводило грань между государством и расплывчатым «миром ислама»; в государственных учреждениях и на улицах (вопреки ваххабитской традиции) вывешивались портреты монархов. Сужая сферу влияния богословов, власть, как писал саудовский публицист Ю. Куйляйт, заявляла, что в стране должна существовать

---

³⁹ Ас-Сира аз-затийя ли вазир ад-дауля ли шуун Аш-Шура Мухаммад Абу Сак (Биография государственного министра по делам Консультативного совета Мухаммада Абу Сака) // *Аль-Джазира*, 28.06.2014. URL: <http://www.al-jazirahonline.com/news/2014/20140628/22610>.

⁴⁰ Аль-Мутава А. Ат-Танвирийун ас-саудийун (Саудовские просветители) // *Аль-Арабийя*, 3.06.2010. URL: <http://www.alarabiya.net/views/2010/07/03/112881.html>.

«государственная религия — дин ад-дауля», но не «религиозное государство — даулят ад-дин». Действуя в этом направлении, добавлял он, она противостояла «экстремистскому политическому действию, требующему построить государственную систему, законодательство, внешние связи и внутреннюю политику на основе религии»⁴¹. Развитие международных связей после начала «нефтяной эпохи», потребности становления современной экономики и перемен в общественной жизни создавали почву для включения в процесс принятия политических решений представителей новых социальных страт, порожденных процессом модернизации.

В 1992 г. Саудовская Аравия обрела свои первые конституционные акты — не только Основной закон правления, но и Закон о Консультативном совете, создававший основу для становления формальной системы представительства — *протопарламента*, а также Закон об управлении провинциями, в значительной мере расширивший полномочия региональной власти. Это было началом консервативно-охранительного движения к созданию механизмов реагирования на внутренние, порожденные фрагментированностью социума вызовы и адаптации к воздействию внешних угроз. Если первоначально это движение выглядело медленным и непоследовательным, то в начале XXI столетия оно обрело характер необратимой тенденции.

В 2002 г. женское образование было изъято из юрисдикции богословов и подчинено министерству образования (в аппарате которого появилась женщина в ранге заместителя министра), в феврале 2013 г. в Консультативном совете нового созыва стали работать депутаты-женщины, на которых распространялась система *аль-бай'а*. Женщины были допущены к участию в муниципальных выборах 2015 г., а с июня 2018 г. они получили право водить автомобиль. В феврале 2019 г. послом Саудовской Аравии в Вашингтоне была назначена женщина. Движение в этом направлении оправдывалось ссылками на исламскую историю: в сентябрьской тронной речи 2011 г., касавшейся введения женщин в состав Совета, Абдалла бен Абдель Азиз ссылался

---

⁴¹ Куйляйт Ю. Дауля ад-дин ам дин ад-дауля? (Религиозное государство или государственная религия?) // *Ар-Рияд*, 27.09.2013. URL: <http://www.alriyadh.com/2013/09/27/article870909.html>.

на пример одной из жен Пророка — Хинд бинт Сухейль, ставшей его «политическим советником»⁴².

В саудовском дискурсе появились новые термины: родина — *ватан* и производное от этого термина *муваты-нун* — граждане. Интерпретируемый как аналог *patria* термин *ватан* лежит и в основе определения *национальный* — *ватаний*. В 2005 г. король Абдалла ибн Абдель Азиз ввел отмечаемый 23 сентября *национальный* праздник — День объединения. Комментируя инициативу короля, столичная «Ар-Рияд» писала: «Мы — саудовские граждане, мы патриоты, и мы защитим нашу родину и руководство под знаменем, на котором начертано “Нет бога, кроме Аллаха, и Мухаммад Его Пророк”. Мы будем идти по пути наших благородных предков, пути перемен на благо родины»⁴³.

Оформлявшее *национальное* государство провозглашалось «перекрестком цивилизаций»⁴⁴. В 2008 г. появилась Инициатива цивилизационной ретроспективы, представлявшая это государство «продолжением цивилизаций, увенчанных исламом». Преодоление культурного многообразия приобретало новый аспект. Созданный в 2000 г. в Эр-Рияде Национальный музей имени короля Абдель Азиза открывался залами доисторической эпохи, ранних аравийских государств и *джахилийского* язычества, затем экспозиция переходила в залы «Пророческой миссии», первого и второго саудовских государств, «объединения»

---

⁴² Би карарейн тарихийейн аль-малик яхджуз макъад аль-маръа би Аш-Шура ва юдхилоуха мунафиса аля аль-маджалис аль-баладийя (Двумя историческими указами король резервирует женщинам места в Консультативный совет и вводит их в круг конкурентов на муниципальных выборах) // *Аш-Шарк Аль-Аусат*, 26.09.2011. URL: <http://www.aawsat.com/details.asp?section=4&article=642138&issue=11990>.

Имелись в виду события 628 г., связанные с неудачной попыткой еще пребывавшего в Медине Мухаммада осуществить малый хадж в Мекку, закончившиеся, тем не менее, подписанием соглашения (о необходимости которого говорила Хинд бинт Сухейль) с мекканцами, впервые признавшими Пророка равноправной стороной.

⁴³ Яум ватаний джаид ва таджавуз аль-азмат (Новый национальный день и преодоление кризисов) // *Ар-Рияд*, 25.09.2005. URL: <http://www.alriyadh.com/945037>.

⁴⁴ Мубадара аль-буад аль-хадарий. Ас-Саудийя мультака аль-хадарат (Инициатива цивилизационной ретроспективы. Саудовская Аравия — перекресток цивилизаций) // Сайт Генерального департамента туризма и древностей. URL: http://www.scta.gov.sa/AboutSCTA/Pages/SCTA_Initiatives.aspx.

и паломничества в Мекку. Охватывая все регионы, экспозиция объединяла их в «единое Королевство Саудовская Аравия»⁴⁵.

Модернизационный процесс трансформировал саудовское общество. Если в «донефтяную эпоху», писал саудовский социолог С.А. Аз-Захрани, оно состояло из «правлящего класса» — семейства Аль Сауд и Аль аш-Шейх, «классов вождей племен, ихванов⁴⁶, торговцев, земледельцев, кочевников и скотоводов, рыбаков, ремесленников и рабов», то последующая эволюция изменила его структуру. «Класс торговцев» обретал черты «предпринимательского класса», различные страты которого идентифицировали себя в зависимости от размеров собственности. «Класс вождей племен» стал орудием государства в зонах их расселения. В начале 60-х гг. было запрещено рабство. Исчезли «классы» ихванов и ремесленников: первый был растворен в отрядах Национальной гвардии, второй пополнил страту рабочих. Большую роль стали играть «классы интеллигенции и нового предпринимательства»⁴⁷.

«Нефтяная эпоха» усложнила и структурно дифференцировала политическую систему. Она требовала новых профессий и стиля жизни, функционально ограничивая роль традиционных общественных страт. Выходцы из семей Аль Сауд и Аль аш-Шейх становились предпринимателями, менеджерами-технократами, государственными служащими, устремляясь в сферу дипломатии, образования, медицины, технических специальностей, делая карьеру в армии либо на поприще госбезопасности и разведки. Их «движение наверх» было бы немисливо без высшего образования, полученного в саудовских или в американских и британских университетах.

Саудовский социум стал урбанизированным. Согласно переписи 2010 г., 81% саудовского населения — составляли жители городов (при этом почти 60% граждан страны сконцентрировано

---

⁴⁵ Далиль Аль-матхаф аль-ватаний (Путеводитель по Национальному музею). Эр-Рияд: Аль-хай'а аль-'амма ли ас-сияха ва аль-'асар, 1432 Х. С. 8–105.

⁴⁶ Участники созданного из числа переходивших к оседлости бедуинов неждийского религиозно-политического движения, сыгравшие ведущую роль в завоевательных походах Ибн Сауда.

⁴⁷ Аз-Захрани С.Х. Мушкилят ат-танмийя аль-иджтима'ийя фи Аль-Мамляка Аль-Арабийя Ас-Саудийя (Проблемы социального развития Королевства Саудовская Аравия). М.: Прогресс, 2000. С. 129–147.

в трех мегаполисах — Эр-Рияде, Мекке и Медине)⁴⁸. В 1990–2000-е гг. модернизационный процесс получил более широкую социальную основу — ею стал выпестованный властью разночинный «образованный класс». По оценкам Саудовского департамента статистики, более 96% работающих саудовцев получили образование: 26,8% обладают дипломами об окончании средней школы, 34,4% — дипломами бакалавров. Образованны как работающие мужчины (96,1%), так и работающие женщины (98,5%). 18,4% работающих мужчин и 55,8% работающих женщин заняты в сфере науки, техники и гуманитарных дисциплин⁴⁹. Ежегодно не менее 90 тыс. молодых саудовцев и саудовок направляются в зарубежные университеты. В Саудовской Аравии действуют 25 высших учебных заведений и 52 региональных технических колледжа⁵⁰. Сохраняя приверженность религии, этот «класс» считает необходимым исключить из сферы вероисповедной практики религиозное рвение.

Меняясь, саудовское общество сталкивалось с новыми трудностями. Речь шла об углублении диспропорций в развитии провинций. Государственная политика была ориентирована на то, чтобы направлять основную долю инвестиций в Хиджаз и Восточную провинцию. Этот курс породил официально признаваемую бедность (что относилось к Неджду и Асиру). Все более ощущался разрыв между системой образования, где господствует религиозная догма, и требованиями времени, заключающимися в переходе к «информационному обществу знания»⁵¹. В 2010 г. доля специалистов по «исламским

---

⁴⁸ Саляс мудун тахтадын 60 % мин адад суккан Ас-Саудийя (Население трех городов составляет 60 % от его численности в Саудовской Аравии) // *Аш-Шарк Аль-Аусат*, 17.09.2017. URL: <https://aawsat.com/home/article/1026611>.

⁴⁹ Аль-Мамляка: 8,6 мильон насама джумля аль-кувва аль-амиля (Королевство: общая численность рабочей силы 8,6 млн чел.) // *Аль-Хайям*, 1.03.2010 URL: <http://ksa.daralhayat.com/ksaarticle/114181>.

⁵⁰ Хадим Аль-Харамейн: аль-хукума ас-саудийя таамаль аля нашр сакафа хукук аль-инсан (Служитель Двух Святынь: саудовское правительство расширяет культуру прав человека) // *Аш-Шарк Аль-Аусат*, 29.05.2010. URL: <http://www.aawsat.com/details.asp?section=4&article=571619&issueno=11505>.

⁵¹ Академий саудий янтакид муариди ислях ат-таалим (Саудовский ученый критикует противников системы образования) // *Аш-Шарк Аль-Аусат*, 29.05.2010. URL: <http://aawsat.com/details.asp?section=4&article=280468&issueno=9562#.U7G6h1yGjIU>.

наукам» среди безработных выпускников университетов составила более 70% (эта специализация выбиралась выходцами из депрессивных районов Неджда, а также юга и юго-запада).

Если «новый образованный класс», превращавшийся благодаря Закону о Консультативном совете в третьего игрока на внутрисаудовской сцене (два первых были представлены Аль Сауд и Аль аш-Шейх), видел во власти инициатора реформ, то его антагонисты — выходцы из стагнирующих регионов — начинали борьбу за «возрождение ценностей веры». Политика окрашивалась в тона регионализма: костяк «нового образованного класса» был представлен хиджазцами, их противники — в своем большинстве уроженцы Неджда и Асира.

22 января 2003 г. в Эр-Рияде произошло первое столкновение сил госбезопасности с теми, кого власть назвала *заблудшей сектой*⁵². Страна вступила в «годы террора», предвестником которых были события 1979 г. в Запретной мечети⁵³. *Джихадистский салафизм* — это итог «раскола корпуса богословов» и «жесткой критики королевской семьи представителями его второго и третьего эшелонов, утверждавших, что ее политика противоречит вере, на которой основано государство»⁵⁴.

Молодые «активисты-законоучители» (прошедшие школу войны в Афганистане, на постсоветском и пост-югославском пространстве) осуществляли акции террора и объявляли *такфир* (обвинение в неверии) государственным и религиозным сановникам⁵⁵. Связь между Аль Сауд и государством ими отвергалась, а социум призывался к сплочению, чтобы искоренить «новшества» и вернуться на путь *благородных предков*, инакомыслие исключалось. Но *заблудшая секта*, представленная в дискурсе властей как аравийское ответвление Аль-Каиды, несла в себе региональные разломы: джихад 2004 г. в городах Бурайда и Анайза развивался под лозунгами

---

⁵² Термин связан с заключительными аятами первой суры Корана — «Открывающая».

⁵³ Ар-Рашид М. Тарих... С. 222.

⁵⁴ Ибрагим Ф. Ас-саляфия аль-джихадий фи Ас-Саудийя (Джихадистский салафизм в Саудовской Аравии). Бейрут, Дар Ас-Саки, 2009. С. 72–75.

⁵⁵ Об этом: Аль-мураджаат ли аль-машаих Али Аль-Худейр, Насер Аль-Фахд ва Ахмед Аль-Халиди (Раскаяния шейхов Али Аль-Худейра, Насера Аль-Фахда и Ахмеда Аль-Халиди). Эр-Рияд: Визара аш-шуун аль-ислямийя, 2004. С. 3–104.

«самодостаточности» провинции Эль-Касым; участие выходцев из асирских племенных союзов в антиправительственных выступлениях 2005 г. вытекало из «несоблюдения» Аль Сауд условий заключенной с ними *аль-бай'а*. Только в июле 2011 г. король Абдалла ибн Абдель Азиз заявил об «успехе в отражении гадины террора и разрушении ее организационных структур»⁵⁶.

Подавляя вооруженную оппозицию, государство не считало возможным идти на сближение с избравшими мирное сотрудничество с властью оппозиционерами, которые в середине 2000-х гг. назвали себя *просветительским движением* (и ответвлением движения «Братья-мусульмане»). Идеолог этой группы Ю. ад-Дейни отмечал: «Просветитель стремится преодолеть взгляд на мир как на поле религиозной войны. Для нас важно установление контактов с западными гуманитарными науками. Мы стремимся войти в современный мир»⁵⁷. Его единомышленница А. аль-Мутавва писала: «Просветители, провозглашая свободу мнения и веры, не противоречат шариату»⁵⁸. Точка зрения власти была иной: объявлялось, что создается «партия», стремящаяся к «недопустимой для общества вестернизации»⁵⁹.

В феврале 2011 г. движение институционализировалось: в Эр-Рияде было обнародовано сообщение о формировании Исламской партии уммы — *Хизб аль-умма аль-ислямий*. Ее создатели сообщали, что являются «людьми науки и знания (метафора, связанная с богословами. — Г. К.), университетскими

---

⁵⁶ Хадим Аль-Харамейн Аш-Шарифейн: Аль-Мамляка наджахат фи тасадди ли афа аль-ирхаб (Служитель Двух Благородных Святынь: Королевство добилось успеха в отражении гадины террора) // *Аш-Шарк Аль-Аусат*, 24.07.2011. URL: <http://www.aawsat.com/detail.asp?section=4&article=632544&issueno=11926>.

⁵⁷ Ад-Дейни Ю. Ат-Танвир аль-ислямий фи Ас-Саудийя: суджаль ас-сукуф аль-мунхафида (Исламское просветительство в Саудовской Аравии: жизнь под низкой крышей) // Кадая аль-ислямийин фи Аль-Халидж. Ат-танвир, ад-димукратыйя, аль-иалям (Проблемы исламистов Залива. Просветительство, демократия, информационные ресурсы). Дубай: Марказ Аль-мисбар, 2011. С. 12–15.

⁵⁸ Аль-Мутавва А. Ат-Танвирийун ас-саудийун: инджаз вакиъий ва джадалх назарий (Саудовские просветители: реальные достижения и теоретическая дискуссия) // *Аль-Арабия*, 17.10.2010. URL: <http://www.alarabiya.net/views/2010/07/03/112881.html>.

⁵⁹ Цит. по: Ад-Дейни Ю. С. 22.

преподавателями, адвокатами, бизнесменами, писателями и юристами»⁶⁰. Говоря о себе как о «мирной народной партии», они настаивали на том, что только «шариат может быть основой законодательства», а «источником власти — умма». Основатели партии объявили «гарантируемые шариатом права и свободы, включая свободу мнения, достоинством всех граждан», заявляя о приверженности принципам «свободных выборов, опоры на мнение большинства и ротации власти», о «вере в политический плюрализм и право нации формировать правительство». Целью партии провозглашались «социальная справедливость, равноправие и равные возможности для всех», «реализация прав женщин и укрепление их роли в обществе», «направляемое мечетью» человеческое развитие.

В начале марта 2011 г. связанное с этой партией Объединение свободной молодежи призвало «сторонников [опирающейся на шариат] справедливости» выйти на улицы городов и «совершить великий джихад на пути Господа, сказав свое слово несправедному правителю». Это было время «арабской весны» — в стране должна была начаться *саура ханин* — «желанная революция». В обращении ее инициаторов говорилось, что «язык демонстраций и массовых собраний — единственный способ заставить осуществить требования граждан»⁶¹. «Желанная революция» не произошла: против ее организаторов были мобилизованы службы госбезопасности и аппарат пропаганды — от имамов мечетей до авторов лицензированных печатных и электронных изданий.

Пропитанная «демократизмом» риторика Исламской партии уммы не скрывала устремленности к конструированию общества под руководством богословов и к ослаблению (если не к ликвидации) лояльности дому Аль Сауд. Власть, обвинившая создателей партии в «расколе единства народа», подвергла их репрессиям. Выраженная в этой связи точка зрения правившего тогда монарха была недвусмысленна: «Наш народ — единая

---

⁶⁰ Аль-Байян ат-таасисий ли Хизб аль-умма аль-ислямий (Учредительное заявление Партии исламской уммы). Февраль 2011. URL: <http://www.islam-commaparty.com/?info=T1RJMUpstjFZbEJoWjJvBU1TWmhjbUk9K3U>.

⁶¹ Саура ханин. 11 март, 6 раба аль-ахар (Желанная революция. 11 марта, 6 раба аль-ахар). Б/м, б/д. С. 1-5. (Личный архив автора).

партия⁶², а желание создать отдельную партию вызывает гнев Господа»⁶³.

В день, когда в Эр-Рияде произошли первые столкновения с «заблудшей сектой», Абдалла ибн Абдель Азиз принял группу интеллигентов и предпринимателей, вручивших ему петицию «Видение настоящего и будущего родины». Лейтмотивом этого документа было намерение его составителей трансформировать страну в «государство институтов, действуя в союзе с монархом»⁶⁴. Абдалла ибн Абдель Азиз осуществил это начинание, провозгласив наступление «этапа реформ». Начало 2000-х гг. ввело в саудовский дискурс термин *либералы*, относившийся к поборникам «обновления, плюрализма, общественных и личных свобод», но «остававшихся почвенниками»⁶⁵, имея в виду лояльность королю и приверженность лишенной религиозного рвения ваххабитской доктрине.

«Годы террора», ставшие фоном саудовского «этапа реформ», предопределили союз власти и «образованного класса», придав ему форму, отвечавшую интересам государства: осуществлявшиеся реформы могла инициировать только власть (вводившая их в «русло шариата»), расширение числа участников принятия политического решения обуславливалось лояльностью Аль Сауд. Иная постановка вопроса решительно пресекалась: в 2010 г. число политических заключенных в Саудовской

---

⁶² Используемый сегодня для обозначения понятия «партия» коранический термин «хизб» несет в себе как позитивные, так и негативные смыслы. Если, с одной стороны, «хизб Алла — партия Аллаха» — синоним термина «умма» — община мусульман, то, с другой — это определение раскалывающих единую общину религиозно-политических группировок, толков и сект. Наконец, все тот же «хизб» мог применяться и для определения язычников либо создававшихся ими вооруженных отрядов, сражавшихся с мусульманами. Говоря о саудовцах как о «единой партии», предшественник нынешнего монарха имел в виду «партию Аллаха» в значении «умма». Говоря же об «отдельной партии», он апеллировал к значению «хизб» как секты.

⁶³ Хадим Аль-Харамейн юнаввих би такатуф аль-муватынин ва вахда саффихим (Служитель Двух Святынь призывает граждан к сплочению и единству рядов) // *Аль-Хайят*, 24.04.2013. URL: <http://alhayat.com/home/ksa506441>.

⁶⁴ Руайя ли хадыр аль-ватан ва мустакбилихи (Видение настоящего и будущего родины). Б/м, б/д. С. 1–5. (Личный архив автора).

⁶⁵ Аль-Хабиб А. Р. Ман хувва аль-либералий ас-саудий (Кто такой саудовский либерал)? // *Аль-Джазира*, .01.2011. URL: <http://www.al-jazirah.com/2011/20110110/ar1.htm>.

Аравии (включая писателей, университетских преподавателей, гражданских активистов, блогеров, лиц свободных профессий) составило более 3 тыс.⁶⁶

Казалось бы, «арабская весна» создала условия для переосмотра основ взаимодействия «либералов» и власти. 23 февраля 2011 г. группа Молодежь Фейсбук обратилась к монарху с Заявлением⁶⁷, которое начиналось словами: «Мы обращаемся к вам, король-реформатор и Служитель Двух Благородных Святынь! Революции в Тунисе, Египте и Ливии, доказывают, что правители не прислушивались к голосу молодежи, оставаясь далеки от ее чаяний. Но эти события несут анархию, кровопролитие, попрание основ правопорядка»⁶⁸. Нельзя допустить, продолжали авторы Заявления, «чтобы негативные последствия революций затронули Королевство», а потому «молодежь призывает Служителя Двух Благородных Святынь провести назревшие реформы»⁶⁹. В стране должен был возникнуть «избираемый парламент», обеспечена «свобода функционирования общественных организаций и партий», отменена цензура, предоставлены политические права женщинам и осуществлена трансформация «монархии в конституционную».

К концу лета 2011 г. власть урегулировала отношения с либералами. Для этого понадобились финансовые инициативы монарха, повышавшие заработные платы работников сферы государственного управления, высшего и среднего образования и учреждений культуры, преследования активистов и частичные уступки — расширение состава Консультативного совета и создание в нем «женской фракции». Отвечавший

---

⁶⁶ Такрир кадая хукук аль-инсан фи Аль-Мамляка Аль-Арабийя Ас-Саудийя (Отчет о проблемах прав человека в Королевстве Саудовская Аравия) // Генеральное консульство Соединенных Штатов в Джидде. 2010. URL: <http://arabic.jeddah.usconsulate.gov/human-rights-report-2010.html>.

⁶⁷ Имтидад башарий би туль 36 километран (Человеческая цепь длиной в 36 км) // *Аш-Шарк Аль-Аусат*, 24.02.2011. URL: <http://www.aawsat.com/details.asp?section=4&article=609728&issueno=11776>.

⁶⁸ Тасаъуд маталиб аль-ислях фи Ас-Саудийя (Рост требований реформ в Саудовской Аравии) // *Аль-Джазира*, 24.02.2011. URL: <http://www.aljazeera.net/NR/exeres/7429F239-FAD6-45CF-969C-3547A3C9C78C.htm>.

⁶⁹ Саудийюн юталибун аль-малик би исляхат (Саудовцы требуют от короля проведения реформ) // *Аль-Джазира*, 23.02.2011. URL: <http://www.aljazeera.net:80/NR/exeres/8492EE30-D3FF-4820-937B-E67286517286.htm?GoogleStatID=20>.

интересам государства союз власти и «либералов» был сохранен, но на условиях власти. Выступая 26 сентября 2011 г. с тронной речью в Консультативном совете, король Абдалла ибн Абдель Азиз предупредил сторонников «революционного нетерпения»: «Вы можете высказывать ваше мнение, давая советы, как того требует шариат. Тот же, кто выйдет за этот предел, станет нарушителем закона и понесет ответственность»⁷⁰.

Вместо заключения: будущее саудовского общества и государства

В 2003 г. оппозиционный публицист Х. ар-Рашид, говоря о будущем своей страны, был пессимистичен: «Лояльность политическому режиму, включенность в единую систему судопроизводства и образования содействуют распространению чувства принадлежности к государству», но, — добавлял он, — «правлящая семья, не уважающая специфику регионов и человеческих групп, скованная неждийским происхождением и ваххабизмом, претендует на то, чтобы быть единственным выразителем идеи саудовской идентичности», что пробуждает «чувство регионализма», а не «принадлежности к государству»⁷¹.

В 2012 г. местные ученые-социологи давали иначе окрашенный ответ на тот же вопрос: «Происходящие в государстве реформы, — писали Р. Ас-Сануси и И. Бухари, — слишком непродолжительны, а их успех во многом зависит от того, как мы определяем нашу сущность... В течение многих лет идентичность опиралась на религию и лояльность правящей семье. Сегодня же предпринимаются пока еще слабые попытки создать третью основу — власть закона, равенство, ради созидания государства институтов». Еще, добавляли они, «неясно, как будет выглядеть эта основа»⁷².

---

⁷⁰ Би карарейн тарихийейн...

⁷¹ Цит. по: Ар-Рашид Х. С. 28.

⁷² Ас-Сануси Р., Бухари И. Аль-Хувийя ас-саудийя аля муфтарак ат-турук // Джаваз дипломасий, 3.07.2012. URL: <http://jawazdiblomasy.wordpress.com/2012/07/03>.

Годы, разделившие оба суждения, многое изменили: власть предоставила Консультативному совету право законодательной инициативы, в 2005 г. был создан Центр национального диалога, на обсуждение которого выносятся серьезные проблемы развития: отношения с последователями неханбалитских мазхабов, положение женщин, ситуация в среде молодежи. В 2008 г. по инициативе правящего монарха возник Центр диалога религий и цивилизаций, создание которого меняло политический дискурс. Выступая в октябре 2010 г., король Абдалла ибн Абдель Азиз говорил: «Саудовская Аравия открыта миру. Мы черпаем вдохновение в Торе, Евангелиях и Коране — Книгах, ниспосланных Господом, поскольку все человечество верит в справедливость, благополучие и мир»⁷³. Прошло несколько муниципальных избирательных кампаний, была повышена общественно-политическая роль предпринимательства, представленного Советом торгово-промышленных палат, появились профессиональные организации и «общественный» Комитет прав человека.

Как бы присваивая себе инициативы «либералов», власть создавала «государство институтов». Возникали предпосылки общенационального единства, но в процессе его конструирования роль власти оставалась ведущей. Очевидность этого обстоятельства в полной мере проявилась после начала правления Сальмана бен Абдель Азиза: начинания внука короля-основателя, наследного принца Мухаммада бен Сальмана доказывали стремление политического истеблишмента в большей мере, чем ранее, удовлетворить требования либерального «образованного класса».

Презентуя 25 апреля 2016 г. проект социально-экономической перестройки «Видение Королевства Саудовская Аравия: 2030», Мухаммад бен Сальман говорил о начале «национального поворота» ради «преобразования благословенной родины», избавленной от «нефтяной зависимости». Саудовская риторика менялась: заявлялось, что по территории «родины» — «центра трех континентов» — проходили торговые

---

⁷³ Хадим Аль-Харамейн: наахуз мин Ат-Таура ва Аль-Инджилъ ва Аль-Куръан (Служитель Двух Святынь: мы черпаем из Торы, Евангелий и Корана) // Ар-Рияд, 25.10.2010. URL: <http://www.alriyadh.com/2010/10/25/article570998.html>.

пути, «объединявшие цивилизации мира». Саудовскую идентичность определяли теперь не только ислам и «арабизм», но и «многогранные связи с миром». «Видение 2030» делало акцент на «исламе созидания» — «основе жизни, воплощающемся в законах, делах, решениях и устремлениях»⁷⁴. Принц апеллировал к «образованному классу», считая себя «частью страты молодежи» и провозглашая ее идеалы: «Саудовская Аравия, которую хочу создать я и 70% саудовцев — это Саудовская Аравия, не опирающаяся на нефть, это страна с растущей экономикой, с прозрачными законами, способная осуществить мечту каждого гражданина, предоставив ему мотивирующие стимулы. Это страна с хорошей экологией, обеспечивающая участие всех в принятии решений, часть мира, участвующая в его развитии, противостоящая тем же вызовам, что и остальной мир»⁷⁵.

Выражая устремления «образованного класса», «Видение 2030» ставило вопрос о придании «единому государству» содержания, отвечающего современности. Документ, обретший силу законодательного акта, провозглашал отказ от государственного дирижизма, поощрение национальных и иностранных инвестиций, «создание атмосферы прозрачности, ответственности и открытости всем точкам зрения», «удвоение возможностей» страны. Частный сектор должен был стать «партнером» государства и «основным инструментом создания рабочих мест»: долю его участия в ВВП предполагалось повысить с 20 до 35%. Страна должна была подняться с 80 на 20 место в мировом индексе эффективности управления и занять 5 место (ныне 36-е) в индексе электронного правительства, покончив с «коррупцией и бюрократией»⁷⁶. Речь шла о создании цифровой инфраструктуры, развитой ритейлерской сети и логистики. Строительство новых (и модернизация существующих) железных дорог, морских и воздушных портов, охватывающих все регионы, провозглашалось приоритетом:

---

⁷⁴ Руайя Аль-Мамляка Аль-Арабийя Ас-Саудийя: 2030 (Видение Королевства Саудовская Аравия). С. 6–17. URL: <http://vision2030.gov.sa/ar/media-center>.

⁷⁵ Interview with Muhammad bin Salman // *The Economist*, 6.01.2016. URL: <https://www.economist.com/middle-east-and-africa/2016/01/06/transcript-interview-with-muhammad-bin-salman>.

⁷⁶ Руайя Аль-Мамляка Аль-Арабийя Ас-Саудийя: 2030. С. 5–77.

к 2030 г. Саудовская Аравия должна была подняться с 49 на 25 место в мире и на первое место в регионе по логистической обеспеченности. «Многообещающими» секторами диверсифицируемой экономики «Видение 2030» называло возобновляемую энергетику, туризм, горнодобывающую промышленность, металлургию. Роль женщин в реализации положений «Видения 2030» специально оговаривалась; они составляют «более 50% выпускников университетов», к 2030 г. уровень их экономической занятости предполагалось повысить с 22 до 30%.

«Новая эра» саудовского развития обрела черты реальности. В начале 2018 г. были открыты кинотеатры, и в мае 2018 г. Саудовская Аравия впервые участвовала в Каннском кинофестивале. Проведенное 27 сентября 2018 г. празднование «национального дня» сопровождалось фейерверками и концертами (на которые допускались и женщины) — прежде табуированные публичные выступления певцов и музыкантов стали достоянием общества. Частью повседневности стали театральные постановки, музыкальные вечера (в 2018 г. в Дахране выступал симфонический оркестр петербургского Мариинского театра) и выставки живописи. По инициативе наследного принца в Эр-Рияде должен появиться «квартал искусств — Riyadh Art». В саудовском правительстве появился пост министра культуры. Определяя задачи своего ведомства, принц Бадр бен Фархан подчеркивал: «Министерство станет эффективно действующим органом, поощряющим развитие художественных традиций всех региональных сообществ и объединяющим эти традиции в единое целое»⁷⁷.

Перестройка обрела символ. Им стала создаваемая на побережье Акабского залива и Красного моря особая экономическая зона площадью 25 тыс. км² — город науки (специализирующийся на генной инженерии и нано-технологиях) NEOM⁷⁸, призванный стать и центром культуры, образования и туризма. Не менее значимым символом устремленности

---

⁷⁷ Бадр бен Фархан: натмах ли муассаса сакафийя хадиса таттаси' ли аль-джами' (Бадр бен Фархан: мы стремимся создать современную культурную институцию, открытую для всех) // *Аш-Шарк Аль-Аусат*, 28.03.2019. URL: <https://aawsat.com/home/article/1653971>.

⁷⁸ Название образовано от греческого *neo* — новый и первой буквы арабского *мадина* — город.

страны в будущее стал и осуществленный в декабре 2018 г. запуск созданных в Саудовской Аравии двух искусственных спутников. Развивая союз с «образованным классом», власть обещала ему, как говорил в октябре 2017 г. на Инвестиционном форуме в Эр-Рияде наследный принц, что, «следуя устремлениям молодого общества», страна «покончит с религиозным экстремизмом», вернувшись «к умеренному исламу, открытому миру, всем религиям, всем традициям, всем народам»⁷⁹. В октябре же 2018 г. на втором Инвестиционном форуме в столице принц предлагал в качестве модели саудовского будущего эмират Дубай, обещая, кроме того, «через пять лет коренным образом изменить Саудовскую Аравию» и сделать «Ближний Восток новой Европой»⁸⁰.

Обращаясь к «молодежи» и стремясь получить ее поддержку для себя, Мухаммад бен Сальман преодолевал сопротивление членов правящей семьи. Время после 2015 г. демонстрировало беспрецедентное развитие этого процесса. Став наследником престола, оставаясь куратором «Видения 2030» и занимая пост министра обороны, сын правящего монарха возглавил Совет по экономике и развитию, курирующий экономические и социальные министерства и ведомства, а после ноября 2017 г. и Совет по политике и безопасности (внешнеполитическое и внутривластное ведомство, Министерство чрезвычайных ситуаций и Управление государственной безопасности).

Антикоррупционная кампания, санкционированная созданной в июне 2017 г. Генеральной прокуратурой, расширила возможности Мухаммада бен Сальмана: в ноябре 2017 г. монаршим указом был сформирован руководимый им Национальный антикоррупционный комитет. Одним из итогов его деятельности стал арест принца Мутаба бен Абдаллы, командующего Национальной гвардией, руководство которой перешло к доверенному лицу наследного принца. Признание же смерти журналиста Джамала Хашогги (вина за которую была возложена

---

⁷⁹ Мухаммад бен Сальман: санажды аля ат-татарруф (Мухаммад бен Сальман: мы покончим с экстремизмом) // *Аш-Шарк Аль-Аусат*, 25.10.2017. URL: <https://aawsat.com/home/article/1062851>.

⁸⁰ Мухаммад бен Сальман: Аш-Шарк Аль-Аусат хувва Ауробба джадида (Мухаммад бен Сальман: Ближний Восток станет новой Европой) // *Аш-Шарк Аль-Аусат*, 25.10.2018. URL: <https://aawsat.com/home/article/1437181>.

на сотрудников Службы внешней разведки) вызвало к жизни указ о формировании возглавленной Мухаммадом бен Сальманом правительственной комиссии, задача которой состоит в «перестройке» этой Службы, перешедшей под контроль наследника престола⁸¹.

Антикоррупционная кампания (как и последствия связанного с делом Хашогги международного скандала) выглядела как «чистка» политического поля, консолидировавшая властные полномочия Мухаммада бен Сальмана, и как условие трансформации саудовской экономики. Принц выступал в роли «автократа и реформатора», наносящего «coup de grâce по старой системе сдержек и противовесов внутри правящей семьи»⁸². Второе лицо саудовского государства (а фактически этот молодой наследный принц воспринимается как его реальный правитель) инициировал ускоренные модернизационные преобразования, опираясь на методы, кажущиеся единственно приемлемыми в государстве, отягощенном традицией застывшей власти и однобокой экономики. Существовал, однако, и дополнительный аспект этой проблемы.

Множественность внутрисемейных фракций требовала консенсуса в отношении наиболее принципиальных для династии вопросов. Наследование трона — один из них. Действующая с октября 2006 г. процедура определялась Законом о Комитете принесения клятвы — коллективном органе, состоящем из «сыновей короля-основателя» либо «их сыновей», и предполагала «избрание наследника престола королем во взаимодействии с Комитетом принесения клятвы»⁸³. Хотя назначение Мухаммада бен Сальмана и было поддержано «подавляющим большинством» членов этого Комитета, саудовский истеблишмент не кажется готовым к появлению системы наследственного правления потомков короля Сальмана. Тем не менее

---

⁸¹ Ас-Саудийя ту'альян вифат Хашогги (Саудовская Аравия объявляет о смерти Хашогги) // *Аш-Шарк Аль-Аусат*, 25.10.2018. URL: <https://aawsat.com/home/article/1432421/18>.

⁸² Kirkpatrick D. Saudi Crown Prince's Mass Purge Upends a Longstanding System // *The New York Times*, 5.11.2017. URL: <https://www.nytimes.com/2017/11/05/world/middleeast/saudi-crown-prince-purge.html>.

⁸³ Итальян Низам Хейъа аль-бей'а (Закон о Комитете принесения клятвы) // *Аш-Шарк Аль-Аусат*, 20.11.2006. URL: <http://www.aawsat.com/details.asp?issueno=9896&article=388223>.

достигнутый компромисс нашел свое отражение в корректировке Основного закона правления: второй раздел его пятой статьи в июне 2017 г. был дополнен положением: «После [завершения правления] сыновей короля-основателя король и наследник престола не могут быть представителями одной фракции»⁸⁴.

В свою очередь, «образованный класс» приветствовал «Видение 2030», поддерживая наследного принца в ходе осуществлявшейся им антикоррупционной кампании и в «деле Джамалы Хашогги», когда в нем видели «жертву необоснованных обвинений». Надежда либералов на «реформатора во власти» не исчезла даже тогда, когда Мухаммад бен Сальман, осуществляя «чистку» политического поля и создавая ориентированную на него вертикаль власти, продолжил курс своих предшественников, возобновив государственную монополию на осуществление дозированных модернизационных изменений. Этот курс сужал процесс создания базовых основ гражданского общества и жестко подавлял «революционное нетерпение» наиболее активных сторонников коренных перемен, игнорируя протесты международного сообщества и требуя от либералов безусловной лояльности правителю.

---

⁸⁴ Таадиль Низам аль-хукм (Корректировка Основного закона правления) // *Аль-Хайят*, 21.06.2017. URL: <http://www.alhayat.com/m/story/22502218#st-hash.s38G6rVC.9KHуFoQS.dpbs>.

Глава XIV

ОПЫТ СОЦИАЛЬНО–ЭКОНОМИЧЕСКИХ РЕФОРМ ИРАНА В УСЛОВИЯХ ИСЛАМСКОГО ПРАВЛЕНИЯ

Исламское правление как реакция на вестернизацию

Исламская революция 1979 г. прервала ускоренный экономический рост, явившийся результатом реформ, получивших название Белой революции. Она стала в определенной мере ответом на наглядно проявившийся с 70-х годов процесс модернизации иранского общества.

Еще до реформ Белой революции, в 1950 г. подушевой ВВП в Иране оценивался в 85 долл.,¹ а ко времени завершения реформ, т. е. к концу 70-х годов, Иран вошел в группу стран со средним уровнем дохода 2 тыс. долл.² Была проведена радикальная аграрная реформа, ликвидировавшая крупное полуфеодалное землевладение и вакфную собственность на землю. В основе проведения индустриализации лежал импорт новых технологий и закупка в развитых странах предприятий «под ключ».

Одним из новых инструментов экономической политики стало широкое использование иностранного капитала. В 1955 г. был принят первый закон о защите иностранных инвестиций, обеспечивший правовые условия для их привлечения и деятельности, а также была создана Организация для

Автор главы – Мамедова Нина Михайловна

¹ Рассчитано по: Bharier J. Economic Development in Iran. 1900–1970. L., 1971. P. 42.

² См.: World Bank. 2000 World Development Indicators CD-ROM (Iran).

инвестирования и оказания экономико-технического содействия. С 1956 по 1978 г. приток прямых иностранных инвестиций увеличился в 72 раза, а в 1978 г. достиг 100 млн долл.³, что по покупательной способности доллара в настоящее время составляет сумму порядка 50 млрд долл. В 1971/72 г. доля западных инвестиций составляла 78%, в т. ч. американских — 24,2%⁴. В результате принятых правительством мер среднегодовой прирост ВВП увеличивался: за период 1960/61–1966/67 гг. он составил 6,7%, за 1967/68–1976/77 гг. — 10,8%⁵.

Хотя шах Ирана утверждал, что он выстраивает новую модель, отличную и от западной, и от советской — по сути, был сформирован государственно-бюрократический капитализм. При всех видимых успехах экономическая модернизация затронула главным образом государственный сектор и тот узкий круг предпринимателей, который был тесно связан с государственным сектором, шахским двором и иностранным капиталом. Именно этот социально-экономический сектор фактически перекрыл возможности развития для широких слоев населения. Ускоренное внедрение западных форм бизнеса вызвало столь же ускоренное «вымывание» традиционных форм, которые обеспечивали основную долю занятости, что в дальнейшем привело к диспропорциям в экономике и резкому замедлению темпов роста ВВП.

Политические инструменты для выражения интересов широких слоев населения практически отсутствовали из-за диктаторского характера власти и крайней ограниченности политического участия. Даже политика по созданию в деревнях различных революционных «корпусов» — просвещения, здравоохранения, домов справедливости и корпусов веры — была направлена не столько на улучшение условий жизни сельского населения, сколько на то, чтобы не дать вовлечь крестьянство в политическое противостояние режиму.

---

³ Tavakoli A., Khataei M. The Host Iranian Economy and Foreign Direct Investment: A Comparative Analysis // *Money and Economy*, Vol. 5, No.1, 2009. URL: <http://jme.mbri.ac.ir/article-1-33-en.pdf> (accessed 25.01.2019).

⁴ Мамедова Н.М. Экономические связи Ирана с Западом: состояние и проблемы // *Азия и Африка сегодня*, № 3 (716), 2017. С. 18–20.

⁵ Мамедова Н.М. Иран в XX веке. Роль государства в экономическом развитии. М., 1997. С. 51.

Вплоть до конца шахского правления крестьянство составляло большую часть населения страны: в 1956 г., т. е. до начала реформ, — 71,4%, в 1966 г., т. е. на пике аграрных реформ, — 62%, а в 1976 г. — 53,2%⁶. Именно сельское население продолжало оставаться наиболее традиционной частью общества, в котором было очень сильным влияние духовенства. Пожалуй, только «базари», т. е. торговцев городских базаров, также можно отнести к социальному слою с сильным влиянием традиционного уклада жизни.

Значительные изменения произошли в общественной жизни. Были приняты законы, направленные на улучшение условий жизни населения. Законом о труде вводился 8-часовой рабочий день. Пенсионным законодательством предусматривалось пенсионное обеспечение в размере до 80% от оклада. По закону об участии рабочих в прибылях по окончании года работникам выплачивалось до 20% прибыли, полученной в результате повышения производительности труда. Была фактически создана система социального страхования, расширены права женщин (в том числе в семье: был запрещен институт временного брака — сиге), впервые в истории Ирана женщины были наделены одинаковыми с мужчинами избирательными правами.

Несмотря на все эти социальные улучшения и высокие показатели темпов роста, с конца 1977 г. стали нарастать антиправительственные выступления, которые поддерживали как духовенство, так и представители интеллигенции. Хотя критика шла по разным направлениям, общим в ней стала прозападная политика шаха. Еще в 1962 г. в Тегеране была издана работа Джелала Але Ахмада «Гарбзадеги» (Западничество), в которой причины отсталости Ирана автор объяснял масштабом «западничества» в жизни иранского общества. Формированию общественной мысли способствовали также работы светского идеолога Али Шариати, испытавшего огромное влияние мусульманских мыслителей и считавшего важнейшей задачей иранского общества возвращение к исламу. Причем ислам, защищавший интересы богатых, он называл «ширком», а ислам для народа — «тоухидным исламом» (т. е. истинным, единобожным)

---

⁶ Мамедова Н.М. Городское предпринимательство в Иране. М.: Наука, 1988. С. 42.

или «тоухидом»⁷. Современные иранские авторы признают, что идеология политического ислама стала формироваться в качестве альтернативы шахской идеологии — именно из-за того, что в последней усиливался крен в сторону западничества⁸.

Но антизападнические идеи использовал, в свою очередь, и шах, пытавшийся противопоставить культурной экспансии Запада доктрину культурного величия Ирана. Отражением этой идеологии были работы Сеида Хосейна Насра, особенно его «Идейная основа столкновения культуры Ирана и Запада»⁹.

Шах, пытаясь снизить накал оппозиционной борьбы духовенства, согласился на создание, согласно Конституции, контрольного органа из представителей высшего духовенства. Но аятолла М. Шариатмадари, который в период отсутствия в Иране аятоллы Хомейни, был наиболее влиятельным богословом, от предложения возглавить этот орган отказался.

Духовенство в своей антишахской борьбе использовало самые различные способы — от новейших в то время (например, аудио- и видеокассеты) до традиционных. Одной из действенных форм стало проведение траурных шествий по погибшим в демонстрациях. Результатом организованных оппозицией массовых действий стало то, что правительство впервые за 25 лет объявило о свободе деятельности партий (кроме марксистских), отмене цензуры и возврате к мусульманскому летоисчислению.

В ноябре 1978 г. шах обратился к народу, пообещав проведение свободных выборов в меджлис и создание «народного» правительства. Но 25 ноября аятолла Хомейни также обратился к иранскому народу с призывом начать компанию массового неповиновения. 31 декабря 1978 г. шах был вынужден предложить пост главы правительства одному из лидеров Национального фронта, представителю буржуазно-демократической партии Шапуру Бахтияру. Фактически это означало признание

---

⁷ Лукоянов А.К. Али Шариати // Иранская революция 1978–1979. Причины и уроки. М.: Наука, 1989. С. 87.

⁸ Например: Джаханбахш, Форух. Эслам, демократи ва ноугераии дини дар Иран (1953–2000): аз Базарган та Соруш (Ислам, демократия и религиозный модернизм в Иране(1953–2000): от Базаргана до Соруша). Тегеран, 2004.

⁹ Кляшторина В.Б. Некоторые черты эволюции общественной мысли в 70-е годы (культурологический аспект) // Иранская революция... С. 90–93.

необходимости смены социально-экономической и политической модели развития.

Уже 16 января 1979 г. шах навсегда покинул Иран, оставив в наследство представителям буржуазных партий, вошедших в правительство, тяжелый кризис и в политике, и в экономике. Темпы роста ВВП в 1977–1978 гг. резко упали¹⁰. Вся так долго создаваемая иранская модернизированная промышленность, оставшись на тот момент без импортных поставок, фактически остановилась, обнаружив полную зависимость от иностранных компаний. Большинство предприятий к концу 1978 г. не работало, и доля безработных достигла трети активного населения. На грани коллапса находилась банковская система.

Борьбу за изменение социально-экономической модели развития возглавило духовенство, поскольку оставалось наиболее независимой от государственной власти и шахского режима социальной силой. Модель модернизации стала вызывать у широких слоев населения отторжение, и не в последнюю очередь из-за чрезмерно быстрого привнесения в жизнь нации элементов западной культуры — не только технологической, но и бытовой.

Духовенство Ирана и раньше в истории страны вставало во главе массовых движений, особенно в тех случаях, когда протесты касались западного засилья¹¹. Примерами тому могут служить и движение против Табачной монополии (английской компании «Тальбот»), и движение за национализацию нефти. Эти движения, как и исламская революция 1979 г., показывали, как иранское духовенство способно объединяться и выступать единым корпоративным сословием, несмотря на то, что шииты не имели до 1979 г. упорядоченной иерархии, и между разными духовными авторитетами (марджа ат-таклид) могли существовать серьезные противоречия¹².

---

¹⁰ См.: National Accounts of Iran. 1338–1379 (1959/60–2000/01). Tehran, 2003. P. 2.

¹¹ Дружилковский С. Б. Иран // Ислам в государственной и общественно-политических системах стран Востока. М.: МГИМО, 2018. С. 203.

¹² Институт марджаата, или религиозного наставничества окончательно формируется в XIX в. Тогда же появляется правовое обоснование деятельности марджа ат-таклида как самого сведущего моджтахеда. См. подробнее: Раванди-Фадаи Л. М., Филин Н. А. Прошлое и настоящее религиозного наставничества в шиитском исламе / РГГУ, ИВ РАН; отв. ред. А. В. Сарабьев. М., 2017. 196 с.

Еще в 60-е годы в Куме начало формироваться течение сторонников активного вмешательства духовенства в политический процесс. Идеологическим обоснованием участия духовенства в политической власти стали лекции аятоллы Рухоллы Хомейни, включенные в его книгу «Хокумате эслами» (Исламское правление), в которой он осудил институт монархии и, развивая концепцию шиитского имамата, обосновал необходимость применения принципа «веляйте факих», т. е. максимальной центральной власти исламского богослова-факиха. Образование лояльного к режиму Корпуса веры как альтернативы влиянию духовенства явилось катализатором политической активности духовенства — как в рамках политических партий и группировок, так, в особенности, через традиционные для шиитов религиозные семинары и ассоциации.

Практически в каждом городском квартале действовали «хоузе-йе ольмие», так называемые научные ячейки или семинары, в которых проводились диспуты на самые разные темы. И именно через них распространялись тексты обращений Хомейни, кассеты с его речами. Общество медресе Февзийе в Куме, которое было образовано еще во время преподавания там Хомейни, фактически сыграло роль политического центра формирования антишахской коалиции. Студенты выезжали летом в сельские районы, распространяя идеи Хомейни, и привозили руководству медресе финансовые пожертвования.

Под контролем духовенства находилась также разветвленная сеть медресе. Духовенство, помимо готовых организационных структур, имело достаточно прочную финансовую базу, основу которой составляли доходы от оставшихся вакфов и религиозные налоги — *закят* и особенно *хумс*. Хумс, составляющий пятую часть дохода, уплачивается верующим своему моджахеду, который представляет высший слой иранского духовенства. Эти средства расходуются на организацию семинаров, стипендии, издательские нужды религиозных центров и т. п. По некоторым данным, в распоряжение Хомейни в отдельные годы до революции поступали суммы до 25 млн долл. Хомейни

вернулся в Иран 1 февраля 1979 г. после 14 лет изгнания. Возвращение было триумфальным, на встречу с ним собралось от 4 до 6 миллионов человек. И уже 5 февраля Хомейни объявил о создании альтернативного правительству Шапура Бахтияра Временного революционного правительства во главе с лидером партии «Движение за свободу Ирана» Мехди Базарганом. В результате вооруженного восстания в Тегеране 10–11 февраля 1979 г., начавшегося на авиабазе «Хамафаран», шахский режим и правительство Бахтияра были низложены.

После падения шахской монархии 11 февраля 1979 г. шиитское духовенство, используя политические, идеологические и экономические рычаги воздействия, менее чем за год смогло установить в стране теократический режим. Именно та авторитарная политическая и социально-экономическая модель, которая была создана шахом, облегчила замену одного главенствующего элемента государственного управления — в лице единоличной власти шаха — на другой, теократического характера¹³.

Стала формироваться новая, исламская модель развития, в которой преобладали идеи противостояния Западу во всем — в культуре, государственном строительстве, экономике. Революция имела ярко выраженную антиимпериалистическую направленность и ставила своей целью построить государство, независимое от иностранного влияния. В экономической концепции исламской власти отчетливо просматривалось стремление максимально использовать исламские принципы, в частности политику автаркии как способ избежать влияния развитых стран и мирового рынка. В 1979 — начале 1980-х годов на этой основе была создана жестко централизованная экономическая система, в которой преобладал государственный сектор и связи которой с мировым хозяйством ограничивались экспортом нефти и контролируемым государством импортом необходимых товаров. Однако эта модель в условиях глобализации выявила свою неэффективность. Валовой национальный

---

¹³ Мамедова Н.М. Иран в XX веке. Роль государства в экономическом развитии. М., 1997. С. 32.

доход на душу населения в 1989/90 г. оказался ниже уровня 1976/77 г. в 2,6 раза¹⁴.

Отказавшись от применения западного опыта, исламская модель преследовала самую благую цель — построить экономику, независимую от иностранного капитала, от внешнего мира, и проводить независимую внешнюю политику. В первые годы после революции приоритетными признавались только связи с мусульманскими странами, банковская система была переведена на беспроцентную основу, были созданы исламские фонды в качестве образцов исламской экономики.

Сам опыт развития Ирана в рамках исламской государственности дает уникальную возможность рассмотреть вероятные варианты изменений, которые произошли или произойдут в обозримом будущем. Но прежде чем перейти к сдвигам в политической и социально-экономической системах, следует остановиться на тех изменениях, которые произошли в отношениях со странами Запада, а также в восприятии самого понятия «вестернизация», ведь именно эти моменты были в центре внимания протестующих и лидеров исламской революции.

Впрочем, наряду с негативным отношением к Западной Европе и США, столь же критическим было отношение вновь образованного в Иране государства к Советскому Союзу. Две конкурирующие политико-экономические системы определяли в то время содержание мировых процессов, и Иран одинаково отрицательно относился к этим двум составляющим миропорядка. Недаром лозунгами исламской революции и периода формирования структуры власти нового государства являлись «Марг бе Америка» («смерть Америке») и «Марг бе шоурави» («смерть Советскому Союзу»). Но лозунги против Америки звучали чаще.

Кроме того, одним из наиболее используемых духовенством лозунгов и в период антишахского движения, и после свержения шахской власти был антиизраильский. Этот пафос продолжает использоваться исламским режимом до сих пор. Однако его использование на протяжении более десяти лет формирования антишахского движения (с 1960-х годов) и четырех

---

¹⁴ Расчет по: National Accounts of Iran. 1338–1379 (1959/60–2000/01). Tehran, 2003. P. 3.

десятилетий существования ИРИ имело в своей основе разную направленность. В настоящее время во враждебных отношениях Ирана и Израиля преобладает, помимо религиозного, геополитический фактор, связанный с борьбой Ирана за лидерство в регионе, претерпевающим трансформацию. Сейчас очевидна тесная связь Израиля и США. А в 60-е годы прошлого века эта связь для иранского духовенства являлась наиболее рельефной причиной антишахской борьбы, наряду с невыполнением шахами статьи Конституции о создании Совета улемов как органа по соблюдению норм ислама. Призывы духовенства против реформ не имели успеха, и наиболее действенными для привлечения населения оказались лозунги против засилья иностранцев и поддержки Израиля. Особенно усилилось использование антиизраильской риторики после арабо-израильской войны 1967 г., когда Иран стал практически единственным исламским государством, выразившим поддержку Израилю как суверенной стране¹⁵. Шиитское духовенство получило уникальный шанс заявить о своей солидарности с арабскими странами и в случае прихода к власти снизить до минимума уровень шиитско-суннитских противоречий¹⁶.

В принятой в декабре 1979 г. Конституции отчетливо отразилось отношение новой власти к иностранному влиянию: в ст. 3 п. 5 одна из главных целей государства формулируется как «полное отрицание колониализма и предотвращение иностранного влияния»¹⁷. Поэтому в текст Конституции были внесены статьи, вводившие ряд ограничений на внешнеполитическую и внешнеэкономическую деятельность. Например, в ст. 43 п. 8 говорилось о «предотвращении иностранного экономического господства»¹⁸ и «запрещении размещения каких-либо

---

¹⁵ Карасова Т.А. Отношения Израиля и Ирана на современном этапе // Иран в мировой политике. М.: ИВ РАН, 2017. С. 234.

¹⁶ Накал антиизраильской риторики иранского режима в настоящее время в значительной мере коррелирует с позицией США, а точнее влиянием Израиля на позицию США в отношении Ирана. Наиболее ярко это проявилось после прихода в Белый дом Д. Трампа и выхода США из СВПД, что расценивается Ираном как влияние Израиля. В таком контексте в утверждение Ираном необходимости противостояния вестернизации логично входит и антиизраильский тренд.

¹⁷ Конституция Исламской республики Иран (неофициальный перевод). 1989. Весна свободы. С. 71.

¹⁸ Там же. С. 77.

иностранных военных баз на территории страны, даже в мирных целях»¹⁹. Как справедливо отметил В.И. Юртаев, Конституция разрабатывалась и была принята в период, когда был «очень высок антиамериканско-антиколониальный и религиозно-националистический накал»²⁰. Но, хотя некоторые из конституционных положений претерпевают эволюцию и в разные периоды толкуются государственными деятелями по-разному, тем не менее, изменения в эти статьи официально не внесены и используются разными политическими кругами для обоснования своих позиций. Это касается, например, такого важнейшего принципа внешней политики иранского режима, как «экспорт исламской революции». Этот принцип оценивается экспертами многих стран как призыв к экспорту революции в другие страны. И хотя в самой Конституции нет такого концепта, в разделе «Способ правления в исламе» говорится, что «Конституция создает условия для продолжения революции в стране и за ее пределами и пытается путем развития отношений с другими исламскими и народными движениями найти путь образования единой мировой исламской уммы»²¹. Эти слова вполне вписываются в трактовку понятия экспорта революции даже мусульманскими странами, которые не ставят своей целью объединение с шиитами и не согласными с принципами построения власти, подобными иранским²². Идея экспорта революции активно использовалась только в первые годы после революции под влиянием выступлений имама Хомейни²³, а с течением времени иранские государственные деятели стали говорить только об экспорте идейных целей, которая ставила революция, а также о распространении влияния культуры Ирана, в т. ч. и доисламского периода. Тем самым,

---

¹⁹ Там же. С. 94. Именно эта статья создала сложности при использовании иранских аэродромов для полета в Сирию российских самолетов.

²⁰ Юртаев В.Ю. Особенности и реализация внешней политики Исламской Республики Иран (1979–2010 гг.). М.: РУДН, 2012. С. 104.

²¹ Конституция Исламской республики Иран. С. 66–67.

²² В этом отношении интересно мнение профессора Тегеранского университета М.А. Азаршаба, который считает, что иранская революция была восстанием против отделения Ирана от исламской цивилизации, особенно от арабского мира и его проблем, важнейшей из которых он считает палестинскую проблему. — *прим. автора*. См: Иран и исламские страны. М., 2009. С. 9.

²³ Юртаев В.Ю. Особенности и реализация внешней политики... С. 107.

произошла замена агрессивного лозунга на культурный проект, а в период правления М. Хатами — на такой привлекательный глобальный проект, как диалог цивилизаций.

Эволюция подходов во многом зависела от экономической ситуации в стране, которая, в свою очередь, выдвигала на главные роли в руководящих органах власти различные политические силы. Одни из них отходили от идеологических установок первых лет после революции, другие следовали им, получив в ответ от мировых держав жесткий санкционный режим. Избрание президентами представителей реформаторских сил — М. Хатами и особенно Х. Роухани — стало во многом показателем готовности большинства населения страны восстанавливать отношения с Западом.

Тем не менее, и идеи экспорта революции в разных ее формах, и идеи противостояния вестернизации остаются в арсенале политики Ирана как форма противодействия внешнему давлению. В период переговоров относительно подписания СВПД и после его ратификации рахбар страны, Али Хаменеи, неоднократно заявлял о своем недоверии в отношении западных стран и предупреждал, что ими может быть найдена новая причина, кроме ядерной программы, для санкционного давления на Иран. Радикальные консервативные круги, опасаясь усиления влияния Запада, не прекращали критиковать правительство Х. Роухани за его ориентацию на налаживание связей с Западом, что они рассматривают как отход от заповедей Хомейни и идеалов революции²⁴. Позиция США в отношении Ирана в 2018–2019 гг. и введение с мая 2018 г. новых санкций стали подтверждением подобных позиций, что вновь вызвало подъем антизападничества среди значительной части иранского населения.

В ответ на санкционную политику США 9 января 2019 г. Али Хаменеи, обращаясь к населению Кума (религиозного центра Ирана) вновь заявил, что «враждебность, проявляемая США против иранского народа, является типичной для отношения высокомерной системы Запада и США к такому явлению, как

---

²⁴ Дунаева Е.В. Проблемы отношений ИРИ и Запада во внутривнутриполитическом дискурсе в период президентства Х. Роухани // Иран в мировой политике. XXI век. М.: ИВ РАН, 2017. С. 48.

исламская революция»²⁵. И поэтому, по мнению рахбара, «единственным путем для Ирана является сопротивление враждебным позициям США и других крупных держав. Иранский народ сопротивляется уже сорок лет. Угрозы США и сионистского режима были побеждены до сих пор и будут побеждены в будущем, санкции также будут преодолены»²⁶. Прогнозы американского президента о вероятности того, что Ирану не удастся отметить 40-летие исламской революции (11 февраля 2019 г.), стали для высшего духовенства удачным поводом для пропаганды прочности режима.

Исламская демократия в иранском варианте

Сформированная после революции «гибридная» система власти, сочетающая республиканские, теократические, авторитарные и демократические элементы, действует, несмотря на пережитую страной восьмилетнюю войну с Ираком, периодически возникающие социальные протестные движения, всплески национальных сепаратистских волнений и жесткий санкционный режим. Именно эта система противовесов позволяет иранскому духовенству уже четыре десятка лет сохранять в своих руках основные рычаги власти. При этом режим периодически идет на корректировку элементов этой системы с тем, чтобы сохранить эту власть в целом как исламскую²⁷. Все изменения, вплоть до конституционных, объяснялись исламскими принципами. В отличие от суннизма, в шиизме никогда не прерывалась традиция иджтихада, то есть толкования первичных норм ислама, содержащихся в Коране и Сунне. И происходившие перемены, с точки зрения иджтихада, увязывались

---

²⁵ U.S. officials aren't mad, they're first-rate idiots: Ayatollah Khamenei. URL: <http://khamenei.ir/news/6232/U-S-officials-aren-t-mad-they-re-first-rate-idiots-Ayatollah> (дата обращения 10.01.2019).

²⁶ We advise rulers of Islamic countries to return to the rule of Islam, US's rule won't serve them: Imam Khamenei. URL: <http://english.khamenei.ir/news/6145/We-advise-rulers-of-Islamic-countries-to-return-to-the-rule-of> (дата обращения 25.11.2018).

²⁷ Мамедова Н.М. Политическая система Исламской республики Иран: особенности и возможности трансформации // *Контуры глобальных трансформаций*, Том 11, № 3, 2018. С. 154.

с интересами мусульманской общины на новом витке развития. Еще имам Хомейни, давая согласие на выделение самостоятельной группировки из Общества борющегося духовенства, в которое были объединены сторонники исламской власти, обратился к населению с Братской хартией, в которой указывал, что иджтихад открыт, и изменения возможны и даже полезны, если они делаются в интересах исламского государства.

Этот принцип целесообразности (*маслахат*) создает возможности для модернизации исламской политической системы. Но он же и обеспечивает рахбару право на верховенство во власти, как отвечающей интересам всей уммы. Согласно разработанной Хомейни еще до революции концепции «веляйте факих» во главе шиитского государства в период скрытого имама Махди должен находиться наиболее авторитетный богослов, что обеспечивает легитимность власти. Конституционное претворение принципа «веляйте факих» в институт главы государства во многом было обязано авторитету Хомейни как лидера революции. Но даже на этапе обсуждения среди высшего духовенства было достаточно много несогласных с таким толкованием принципа верховной власти, и в первоначальном тексте Конституции, принятом на референдуме 1979 г., допускалась возможность создания Руководящего совета из трех или пяти высших богословов (ст. 107). После смерти Хомейни в эту статью были внесены поправки, которые юридически закрепили право лишь одного факиха на лидерство в стране, правда, на основе выбора его Советом экспертов, который первоначально был создан только для выработки текста конституции.

Тем не менее, до сих пор проблема нахождения во главе страны одного главного факиха или совета факихов, как более демократичной формы религиозного правления, периодически поднимается²⁸, особенно в связи с возрастом и болезнью Али Хаменеи. Причем до сих пор подвергается сомнению как сама идея «веляйте факих», так и ее воплощение, будь то в лице одного факиха или нескольких. Так, аятолла Хоссейн Боруджерди, сын аятоллы Мохаммада Али Каземейни Боруджерди, является активным противником этой концепции, что видно из его работы «Рисале Азади» («Трактат свободы»), а также

---

²⁸ Там же. С. 155.

выступает за религиозный плюрализм. В период президентства М. Ахмадинежада в 2006 г. за свои взгляды он был приговорен к смертной казни, которая впоследствии была заменена на 11 лет тюрьмы²⁹. Нельзя не сказать и о том, что ряд ведущих религиозных идеологов, стоявших во главе революционного движения, столкнувшись с реалиями жизни ИРИ, стали заявлять о необходимости повышения демократичности правления. К таким деятелям, в первую очередь, следует отнести великого аятоллу Х.А. Монтазери, оказавшего несомненное влияние на развитие реформаторского движения в Иране³⁰.

Наибольшую легитимность и своеобразный демократизм иранской власти придает ее выборность. Парадоксально, что шиизм, не признав легитимность выборных халифов после смерти пророка, кроме Али как его брата и зятя, и установив исламское правление в XX в., в качестве главного принципа формирования власти, утвердил ее выборность. Выбирается рахбар — Советом экспертов, который, в свою очередь, также избирается посредством всеобщего голосования. На основе прямых и всеобщих выборов избираются: президент, как глава исполнительной власти, парламент, местные советы — городские и сельские. Однако говорить о демократичности выборов в Иране в европейском понимании нельзя. Жесткий контроль над выборами всех уровней, кроме местных советов, осуществляет Наблюдательный совет, состоящий из 12 богословов, шесть из которых непосредственно назначаются рахбаром. И голоса этих шести — наиболее значимы при отборе кандидатов, проверяемых на соответствие их знаний и жизни нормам ислама. Наиболее строгий отбор проводится при отборе кандидатов в Совет экспертов. До сих пор попытки выдвинуть в качестве кандидатов женщин и светских лиц пресекаются Наблюдательным советом. Используя различные предлоги, как например, необходимость сдачи экзамена по богословию, Наблюдательный совет отсеивает нежелательных кандидатов

---

²⁹ Был выпущен из-за болезни только в 2017 г. при Х. Роухани, но до сих пор находится под домашним арестом. См.: BamAzadi (Information Base of Mr. Hosein Boroujerdi), 13.01.2019. URL: <http://www.bamazadi.org>.

³⁰ Дунаева Е.В. Шиитское духовенство в политической жизни современного Ирана // *Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право*, Т. 11, № 4, 2018. С. 169–189.

(например, внука Хомейни при последних выборах в Совет экспертов).

Для завоевания власти иранское духовенство, не отказываясь от традиционного объединения в различные общества, использовало и вполне европейский способ политической борьбы — создание партий. В свое время Хомейни инициировал создание партии духовенства — Партии Исламской республики, к которой должны были присоединиться все остальные партии, разделявшие взгляды Хомейни, и которой удалось закрепить тот текст конституции, который был вынесен на всеобщий референдум. Но в 1987 г. партия с согласия Хомейни была распущена, что означало кризис однопартийной системы, а главное, рост противоречий между взглядами самого духовенства на внутреннюю и внешнюю политику режима. На политическую арену начали выходить различные партии и группировки, что наиболее заметно проявилось в период президентства М. Хатами (1997–2005 гг.), ставившего своей целью создание гражданского общества в Исламской республике. Стал активно действовать закон о партиях, появился закон об общественных организациях. Была сделана попытка ограничить вмешательство Наблюдательного совета в выборную систему: впервые были проведены выборы в местные исламские советы, на которые его контроль не распространялся.

Процесс снижения влияния религиозных институтов на политическую и социально-экономическую жизнь Ирана стал проявляться все более отчетливо, что свидетельствует о медленном, но все-таки движении иранского общества к демократизации.

Сорокалетний опыт развития Ирана в рамках исламской государственности показал, что хотя к радикальным изменениям режима общество не готово, тем не менее, оно пытается уменьшить религиозное содержание в существующей структуре власти. Но менять содержание без изменения формы сложно, поэтому этот процесс не прямолинеен и сопровождается то подъемами, то откатами демократического движения.

Показательно, что происходящие разломы в обществе затрагивают непосредственно и само духовенство. Так, поражение сторонников М. Хатами, т. е. сторонников политической демократизации страны, вызвало мощный подъем «зеленого

движения», а его лидерами стали представители высшего духовенства — М. Хатами и М. Карруби. Сторонником этого движения и идеологической опорой стал великий аятолла Хосейн Али Монтазери, с 1989 г. из-за разногласий с Хомейни находившийся в опале. Одним из главных пунктов этих разногласий было воплощение принципа «велаяте факих» на практике и требование демократизации режима³¹. Похороны Монтазери, которые вылились в крупнейшую манифестацию, явились своеобразным отражением взглядов сторонников преобразования исламского строя. Но и само поражение «зеленого движения» стало свидетельством неготовности общества к кардинальным переменам.

Несмотря на разгром «зеленого движения», объединившего реформаторские силы, духовенство осознало, что для поддержания баланса политических сил необходимо внести изменения в действующую структуру власти. Уже то, что новым президентом был избран не имевший духовного звания М. Ахмадинежад³², было расценено как согласие духовенства на сокращение своего представительства в высших органах власти. М. Ахмадинежаду удалось повысить роль исполнительной власти. Но в своей внешней политике он отражал позиции наиболее радикального крыла консервативных сил, сделал одной из своих главных опор Корпус стражей исламской революции (КСИР), а усиление регионального потенциала связывал не только с развитием ядерной программы, но и с агрессивными антиизраильскими заявлениями. Результатом стало формирование и постепенное ужесточение санкционного режима, что сделало наиболее актуальным для страны решение экономических проблем и отодвинуло на второй план проблемы демократизации политической жизни. Возможно, именно поэтому духовенство так долго поддерживало политику М. Ахмадинежада.

---

³¹ Опубликование его сыном Ахмадом Монтазери видеозаписей речей аятоллы даже при реформаторском правительстве Х. Роухани привело к его аресту. И только благодаря ручательству одного из представителей высшего шиитского духовенства и согласия рахбара, он был освобожден, но под письменное обещание не предпринимать действий, создающих угрозу национальной безопасности.

³² Прецедентом этому можно считать избрание А. Банисадра, первого президента ИРИ (1980–1981), но оно было кратковременным и закончилось прекращением его полномочий и бегством за границу.

Из-за резкого ухудшения экономической ситуации, вызванного как санкциями, так и падением цен на нефть, режим вновь оказался под угрозой, и духовенство прибегло к ротации политических сил. Рахбар и высшее духовенство на президентских выборах в 2013 г. сделали ставку на представителя центристских сил, или точнее прагматиков, более близких к реформаторам — ходжат-оль-эслама Хасана Роухани. Его сторонники были готовы пожертвовать ядерной программой, которой правительство Ахмадинежада старалось придать характер общенациональной идеи, чтобы вывести Иран из кризиса и активизировать общественно-политическую жизнь в стране. Правительством Х. Роухани, который вторично одержал победу на президентских выборах, неоднократно поднимается вопрос о сокращении вмешательства Наблюдательного совета в систему выборов, расширении прав женщин при выборах в высшие органы власти, внесении радикальных поправок в закон о партиях, о возможной замене рахбара советом факихов.

Столкновение сторонников и противников политики Х. Роухани вылилось в конце 2017 — начале 2018 г. в ряд демонстраций. Правительство смогло прервать процесс перерастания их в массовое оппозиционное движение. После майских санкций США, осложнивших экономическую ситуацию, периодически стали проходить отдельные выступления. Помимо экономических требований, во время этих выступлений открыто заявлялось о необходимости изменения режима, осуждалась диктатура духовенства. При этом, согласно соцопросам, только 9% опрошенных винят в ухудшении положения духовенство. Показательно, что треть опрошенных не видит перспектив для реформирования существующей политической системы³³. Тем не менее, социальная напряженность растет, особенно среди молодежи и женщин, которые требуют расширения политических, социальных и личных свобод, что наглядно проявляется в социальных сетях.

Ранее происходившие массовые оппозиционные движения (в 1999, 2009 и отчасти в 2017 г.), подавлялись силами КСИР и ополчения (басиджа). В настоящее время власть также готовится к отражению не столько внешних врагов, сколько

---

³³ Дунаева Е.В. Шиитское духовенство... С. 187.

к внутреннему накалу антиправительственного недовольства. В согласованном с меджлисом плане бюджета на 2019/20 г. в военных расходах увеличена доля полиции, сил внутреннего порядка, подразделений Министерства разведки. Многими экспертами это расценивается как осознание правительством необходимости борьбы, прежде всего, с противниками режима внутри страны³⁴. И с этим трудно не согласиться.

В целом режим сохраняет достаточную прочность, и его кардинальная смена наименее вероятна. Но из-за роста социального недовольства в условиях нового витка санкционного режима вновь возрастает вероятность прихода к власти радикальных консервативных сил, даже, возможно, представителей КСИРа. Такой ответ на санкции США, которые рахбар назвал экономической войной Запада против иранского народа, будет зависеть также и от позиции других сторон (в том числе бывших участников СВПД), заинтересованных в сокращении противостояния Ирана и Запада. Новое переформатирование политических сил в Иране во многом будет зависеть от состояния экономики, от социально-экономической политики и способности режима противостоять санкционной политике США.

Модернизация социально-экономической модели

Изменения, которые претерпела социально-экономическая модель Исламской республики, отличались большей радикальностью, чем внутриполитические сдвиги. Сформированная в первый год после революции жестко-централизованная модель, в которой государство занимало ведущие позиции не только как главный собственник, но и в торговле, ценообразовании, капиталовложениях, занятости, в области образования, здравоохранения и др., получила условное название «тоухидной». Проведение национализации и высокий уровень вмешательства государства в экономику помогли стране выдержать последствия послереволюционной разрухи, восьмилетней

---

³⁴ Behravesht, Maysam. Besieged Iran crafts a defence budget for dark times // Middle East Eye, 17.01.2019. URL: <https://www.middleeasteye.net/columns/regime-change-and-sanctions-irans-defense-budget-reflects-escalating-tensions-1850958360>.

войны с Ираком, а также американские санкции, введенные после захвата в Тегеране работников американской дипломатической миссии в ноябре 1979 г.

Кроме расширения государственного сектора, в экономике нового государства огромную роль стали играть исламские фонды — *боньяды*, созданные после революции, которым была передана значительная часть национализированной собственности. Эти фонды должны были стать образцом функционирования исламской экономики. Наиболее крупными из них являются Фонд обездоленных (*Боньяде мостазефин*), Фонд павших (*Боньяде шахид*), Комитет имама Хомейни (*Эмдаде имам*). Через Фонд павших осуществляется помощь участникам и членам семей, погибшим в революции и войне с Ираком. Фонд *Эмдаде имам* активно действует за рубежом, оказывая гуманитарную и медицинскую помощь. Его представители работают в Пакистане, Афганистане, Палестине, Ираке, Таджикистане, Азербайджане (Нахичевани), Сирии и Ливане. Эффективно действует он и в самом Иране: около 1,6 млн семей Ирана находятся под патронажем этого фонда³⁵. Его доходы складываются не только от деятельности переданных фонду компаний, но и от различного рода пожертвований, включая уплату исламского налога — *хумс*. Полных данных о деятельности боньядов фактически нет. Долгое время фонды имели налоговый иммунитет; М. Хатами удалось добиться от меджлиса согласия на уплату налогов, правда всего лишь в размере 1%. Включение фондов в программы приватизации, предпринимаемые в свое время и Хашеми Рафсанджани, и М. Хатами, а в настоящее время правительством Х. Роухани, заметных результатов не дали, хотя в конце 2017 г. Фонд согласился продать более 20 принадлежащих ему гостиниц³⁶.

Все эти фонды находятся под патронажем рахбара страны. Таким образом, создав их, духовенство значительно укрепило свой экономический потенциал, поэтому все попытки приватизации противоречат его интересам. Официальной целью

---

³⁵ Мамедова Н.М. Иран в канун 40-летия Исламской революции // *Мировая экономика и международные отношения*, Т. 62, № 7, 2018. С. 63–71.

³⁶ IRGC Told to Lay Off Economic Activities. URL: <https://financialtribune.com/articles/economy-domestic-economy/80544/irgc-told-to-lay-off-economic-activities>.

создания исламских фондов являлась организация их деятельности в интересах уммы, оказание помощи обездоленным слоям населения. Хотя это делает их похожими на такой исламский институт как вакфы, считать их таковыми с правовой точки зрения мы не можем, так как они не были созданы за счет добровольной передачи личной собственности³⁷. Крупнейший из исламских фондов — Фонд обездоленных — был создан на базе Фонда Пехлеви, который традиционно возглавляется одним из высших чинов КСИР, поэтому нельзя исключать того, что часть его средств расходуется на действующие за пределами страны организации. По размерам активов Фонд обездоленных уступает лишь Иранской национальной нефтяной компании. В составе Фонда — 11 различных холдингов и 160 аффилированных компаний³⁸. Доля Фонда в ВВП Ирана составляет около 1%.

После революции свой потенциал стали восстанавливать вакфы, чья деятельность ограничивалась в период шахского режима. Крупнейший вакф страны — «Астане Кодс Разави», чьим религиозным центром является гробница имам Резы в Мешхеде. Основанный в XVI веке, он включает в себя сотни тысяч гектар земель, пожертвованных в течение нескольких столетий. По размерам собственности, движимого и недвижимого имущества этот вакф является одним из крупнейших в мире, имея более 60 предприятий, фирм, различных центров, аэропорт, медресе, университеты. Попечитель вакфа Ибрахим Раиси являлся основным соперником Х. Роухани на последних президентских выборах, входит в состав Совета по целесообразности, и не исключено, что будет одним из главных претендентов на пост рахбара.

Парадоксально, но после исламской революции не была введена система исламских налогов. Можно предположить, что сложившаяся еще при шахе налоговая система позволяла власти духовенства контролировать все доходы, идущие в бюджет, но при этом развивать и параллельную систему на базе сборов

---

³⁷ Мамедова. Н.М. Исламская экономика в Турции и Иране // *Россия и Мир. Вестник Дипломатической академии МИД России*, № 3(5), 2015. С. 62.

³⁸ Bonyad Mostazafan Investments Companies. URL: <https://i2.wp.com/www.ifmat.org/archiver/2018/04/ifmat-Bonyad-mostazafan-Foundation-Companies-and-Institutes.jpg?ssl=1>.

исламских налогов. Помимо главного шиитского налога, хумса, собираются и другие: в частности, по всей стране установлены специальные ящики для сбора пожертвований³⁹. Уплата таких налогов является добровольной. Хотя в последние годы число плательщиков сокращается, тем не менее, в руках духовенства концентрируются значительные средства, превышающие десятки миллиардов долларов, которыми распоряжается организация при рахбаре, крупные моджахеды страны. Эта система не подотчетна исполнительной власти.

После революции все банки страны были переведены на исламские принципы работы и переданы в собственность государства. Главным препятствием развития финансово-банковской сферы стало не столько введение исламских принципов в работу страховых компаний и банков, сколько ограничение их деятельности государственным сектором.

Оказавшись в начале 2010-х годов из-за санкционного режима в исключительно тяжелом экономическом положении, Иран принял на вооружение концепцию «экономики сопротивления», опирающуюся, прежде всего на использование внутренних ресурсов. Но для раскрытия этих резервов правительство М. Ахмадинежада, поддержанное рахбаром, как ни парадоксально, прибегло к таким инструментам рыночной экономики, как проведение широкой приватизации (включая банки), сокращение субсидирования важнейших товаров. Правовой основой этих кардинальных изменений экономической политики стали и фетвы рахбара, и пятилетние планы развития, фактически расширившие толкование статей Конституции. В результате доля частного сектора в ВВП Ирана в 2015/16 г. составила 67%⁴⁰, особенно показательным стало увеличение доли частного бизнеса в общих валовых накоплениях до 73%⁴¹.

---

³⁹ Public Donations to IKRC // *Financial Tribune*, 28.01.2018. URL: <https://financialtribune.com/articles/economy-domestic-economy/80929/public-donations-to-ikrc> (accessed 11.06.2019).

⁴⁰ За последующие годы Центральный банк Ирана приводит оценочные данные.

⁴¹ Расчет по: Central Bank of Islamic Republic of Iran. *Economic Trends*.1397 (2018/19). Q1. P. 5.

Экономическая программа Х. Роухани, сделавшего ставку на расширение связей с Западом и на привлечение прямых иностранных инвестиций, предусматривала расширение участия частного сектора в экономике. Но это участие должно было сопровождаться созданием одинаковых прав для всех сегментов экономики, включая исламские формы предпринимательства и коммерческие компании полугосударственных структур. При этом социальная программа правительства Роухани, предусматривала лишь урезание компенсационных выплат за счет сокращения субсидирования товаров, что соответствовало принципам рыночной экономики. Программы по поддержке малоимущих слоев, молодых семей, по повышению оплаты труда, поддержке малого и среднего бизнеса, поддержке национальных регионов не только не сокращались, но и увеличивались. Уже в 2016/17 г. рост ВВП превысил 12%, что обеспечило повторную победу Х. Роухани на президентских выборах в мае 2017 г.

Главный упор в реформировании экономической структуры был перенесен на борьбу с коррупцией и большую прозрачность деятельности религиозно-экономических кланов, занявших к этому времени решающие позиции в экономике. Стало очевидно, что экономический потенциал Ирана и его позиции в регионе стали быстро расти. Об этом свидетельствовали не только темпы восстановления и роста ВВП, но и формирование достаточно оптимальной его структуры, которая в 2016/17 г. характеризовалась следующими параметрами:

- сельское хозяйство — 6,5%
- нефтяная отрасль — 21,8%
- промышленность — 23,5% (в т. ч. 11,7% — обрабатывающая отрасль)
- сфера услуг — 58,2%.

Более трети иранского экспорта составляли ненефтяные товары, экспорт которых в 2015/16 г. практически сравнялся с экспортом сырой нефти⁴².

Однако вмешательство нового витка санкционного режима, связанного с выходом США из СВПД в мае 2018 г. и поэтапным

---

⁴² Central Bank of The Islamic Republic of Iran. Annual Review 1395(2016/17). P. 47, 74.

наложением новых санкций, возможно, вновь внесет изменения в социально-экономическую модель Ирана.

Темпы экономического роста стали падать. Темп роста ВВП в 2017 г. сократился до 3,8%, затормозилось заключение контрактов с компаниями, вернувшимися в Иран после подписания СВПД. После того, как Трамп заявил 8 мая 2018 г., что в течение последующих трех-шести месяцев против Ирана будет установлен «наивысший уровень» санкций, которым подвергнутся все банки и компании, работающие во всех без исключения секторах экономики Ирана, ситуация стала ухудшаться. Только за апрель-июнь 2018 г. темпы роста опустились до 1,8%. Так, в обрабатывающей промышленности, которая только в 2017 г. выбралась из кризиса, они стали отрицательными (-1,1%)⁴³. В целом ВВП в 2018 г. упал до отрицательных показателей: до -1,5% (в основном за последний квартал), хотя за год до этого прогнозы и Ирана и международных организаций были выше 4%. На 2019 г. прогнозировалось еще более сильное падение ВВП до -3,6%⁴⁴.

21 марта 2019 г. Министерство экономики и финансов опубликовало данные, согласно которым инфляция (по потребительским ценам) в 2018/19 г. составила 27,8%, а на 2019 г. прогнозировалась свыше 34%. Эти показатели совпадают с данными МВФ⁴⁵. Еще более сложная ситуация сложилась с инфляцией на товары первой необходимости. Исследовательский центр меджлиса опубликовал 22 февраля 2019 г. свои подсчеты, согласно которым цена на товары первой необходимости, которые субсидируются правительством, выросла на 42% только с мая по декабрь 2018 г.⁴⁶

В результате ухудшения экономической ситуации периодически возникают протестные движения среди самых разных социальных слоев.

---

⁴³ CBI. Economic Trends, 1397, Q1, P. 3.

⁴⁴ МВФ. Перспективы развития мировой экономики: препятствия на пути устойчивого роста. Октябрь 2018. С. 171, 176.

⁴⁵ World Economic Outlook Reports. April 2019.

⁴⁶ Motamedi, Maziar. Iran Government Mulls New Currency Policy // Bourse & Bazaar, 12.03.2019. URL: <https://www.bourseandbazaar.com/articles/2019/3/12/confronting-failure-iran-government-mulls-new-currency-policy>.

В правящих кругах усилилась критика политики Х. Роухани, сделавшего ставку на сохранение СВПД. В ситуации ужесточения санкций и затягивания Европой принятия механизма противодействия им, правящие круги страны стали заявлять о выходе Ирана из договора. Но 31 января 2019 г. представители Франции, Германии и Великобритании заявили о создании «special purpose vehicle», т. е. особого финансового механизма для торговли с Ираном под названием INSTEX (Instrument in Support of Trade Exchanges – Инструмент поддержки торговых расчетов).

Свои осторожные комментарии давал председатель Меджлиса Ирана Али Лариджани, говоря, что только время покажет эффективность этого механизма⁴⁷. После долгих дебатов⁴⁸ Меджлис 19 марта 2019 г. согласился с этим проектом и зарегистрировал иранского партнера INSTEX – Special Trade and Finance Institute (STFI). На первоначальном этапе этот новый механизм расчетов был призван обслуживать только торговлю медикаментами и продовольствием. Для Ирана главным же остается экспорт нефти, для чего создаются двусторонние механизмы расчетов со странами-импортерами. Затруднена работа созданного европейцами механизма из-за разного валютного курса иранского риала. Экономическая эффективность проекта, разработанного Францией, Германией и Великобританией, невелика, но здесь показательна готовность Европы сохранить заключенный с таким трудом в 2015 г. международный договор. Это может сохранить позиции сторонников Х. Роухани и создать возможности для дальнейшей либерализации экономики.

* * *

---

⁴⁷ Iranian Lawmakers Adopt Wait-and-See Approach Toward INSTEX // Financial Tribune, 2.02.2019. URL: <https://financialtribune.com/articles/national/96520/iranian-lawmakers-adopt-wait-and-see-approach-toward-instex>.

⁴⁸ Лидер страны назвал в марте 2019 г. этот финансовый канал «горькой шуткой». См: Iran Supreme Leader Calls European Trade Mechanism “Bitter Joke” // Bourse & Bazaar, 21.03.2019. URL: <https://www.bourseandbazaar.com/news-1/2019/3/21/iran-supreme-leader-calls-european-trade-mechanism-bitter-joke>.

Опыт реформирования социально-экономической модели Ирана за 40 лет показал, что в условиях жестко сконструированной системы исламского правления трансформация этой модели в значительной мере носит характер, более приближенный к китайской модели и не сопровождается аналогичной трансформацией политической системы. Режим, несмотря на экономические трудности, сохраняет свою прочность — и с точки зрения уровня развития экономического потенциала, и с точки зрения социальной поддержки населения. Протестные движения не носят характера организованного массового движения и не выходят за рамки эпизодических требований. Сохраняющуюся поддержку населения можно объяснить и за счет религиозного фактора. Если ранее антизападный настрой населения включал США и Израиль, и это противостояние носило скорее геополитический характер, то после присоединения к ним Саудовской Аравии противостояние начинает приобретать черты религиозных, в том числе суннитско-шиитских противоречий. Пока внешние угрозы сплачивают нацию, хотя экономические риски для сохранения режима остаются высокими.

АВТОРЫ

БАРАНОВСКИЙ Владимир Георгиевич, академик РАН, д. и. н., профессор, член дирекции и научный руководитель Центра ситуационного анализа ИМЭМО им. Е. М. Примакова РАН.

НАУМКИН Виталий Вячеславович, академик РАН, д. и. н., профессор, научный руководитель Института востоковедения РАН.

ДЕМЧЕНКО Александр Владимирович, к. и. н., ученый секретарь ИВ РАН, доцент Факультета мировой политики МГУ им. М. В. Ломоносова.

ЖИГУЛЬСКАЯ Дарья Владимировна, к. и. н., старший научный сотрудник Отдела истории Востока ИВ РАН.

ЗВЯГЕЛЬСКАЯ Ирина Доновна, д. и. н., профессор, руководитель Центра ближневосточных исследований ИМЭМО им. Е. М. Примакова РАН, главный научный сотрудник ИВ РАН.

КОСАЧ Григорий Григорьевич, д. и. н., профессор, Факультет мировой политики МГУ им. М. В. Ломоносова.

КУЗНЕЦОВ Василий Александрович, к. и. н., руководитель Центра арабских и исламских исследований ИВ РАН.

МАМЕДОВА Нина Михайловна, к.э.н., ведущий научный сотрудник, руководитель Сектора Ирана Центра изучения стран Ближнего и Среднего Востока ИВ РАН, доцент кафедры мировой экономики МГИМО(У) МИД РФ.

МАРЬЯСИС Дмитрий Александрович, к.э.н., руководитель Отдела изучения Израиля и еврейских общин ИВ РАН.

САМАРСКАЯ Людмила Максимовна, младший научный сотрудник Центра ближневосточных исследований ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН, аспирантка Института стран Азии и Африки МГУ им. М.В. Ломоносова.

САРАБЬЕВ Алексей Викторович, к.и.н., ведущий научный сотрудник Центра арабских и исламских исследований ИВ РАН.

СЕРЕБРОВ Сергей Николаевич, к.э.н., старший научный сотрудник Центра арабских и исламских исследований ИВ РАН.

ШЛЫКОВ Павел Вячеславович, к.и.н., доцент Института стран Азии и Африки МГУ им. М.В. Ломоносова.

Научное издание

**БЛИЖНИЙ ВОСТОК
В ПОИСКАХ
ПОЛИТИЧЕСКОГО БУДУЩЕГО**
коллективная монография

*Утверждено к печати
Институтом востоковедения РАН*

Редактор Д. А. Сарабьева
Верстка И. В. Федулов

Подписано 08.10.2019
Формат 60х90/16. Бумага офсетная.
Усл. печ. л. 30,25. Уч.-изд. л. 23,1
Тираж 500 экз. Зак. № 394.

Федеральное государственное
бюджетное учреждение науки
Институт востоковедения РАН
107031 Москва, ул. Рождественка, 12
Научно-издательский отдел
Зав. отделом И. В. Федулов
E-mail: izd@ivran.ru

Отпечатано в ПАО «Т8 Издательские Технологии»
г. Москва, Волгоградский проспект, дом 42, корп. 5